

84(2-411.2)
Д-318.

А. ДЕМЧЕНКО

ЗА НЕЗРИМОЙ ЧЕРТОЙ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Кален. пред. выдан _____

Вос. тит. Т. 1 1944. 4. 284—14

А. ДЕМЧЕНКО

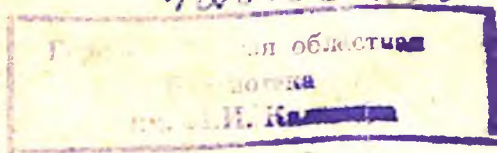
ЗА НЕЗРИМОЙ ЧЕРТОЙ

**РОМАН-ХРОНИКА,
РАССКАЗ**

**БАРНАУЛ
АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984**

84(2=441.2/5-4
P2
Д318

0
428099 ✓✓

Демченко А. М.

Д31 За незримой чертой: Роман-хроника, рассказ. —
Барнаул: Алт. кн. изд., 1984. — 296 с.

В книгу вошли ранее издававшийся роман-хроника «За незримой чертой» — о жизни и работе чекистов в 20—30-е годы, а также рассказ «Апельсины к елке» — о человеке, нашедшем в себе и разум и волю, чтобы преодолеть обиду и вернуться в родной совхоз, к честной трудовой жизни.

Д $\frac{4702010200-46}{M138(03)-84}$ без объявл.

P2

© Алтайское книжное издательство, 1984

За незримой чертой

РОМАН-ХРОНИКА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В одном из номеров журнала «Советская милиция» за 1969 год была опубликована глава из мемуаров генерал-майора М. В ней автор вспоминал о взятии в начале тридцатых годов Улунги, укрепленного пункта белобандитов на Дальнем Востоке. Находчивость, смелость и решительные действия Алексея Соколова предопределили тогда исход схватки: бандиты сдались, Улунга пала.

«Жаль, — писал генерал, — что Соколов не дожил до победы в Великой Отечественной войне: погиб смертью храбрых в тылу врага, выполняя ответственное задание органов госбезопасности в борьбе с украинскими националистами — бандами Бандеры и Мельника».

...В Горно-Алтайске, где жил подполковник в отставке Алексей Иванович Соколов, этот номер журнала ходил по рукам.

В управлении внутренних дел все поздравляли Алексея Ивановича с воскрешением из мертвых.

— Значит, жить тебе да жить еще, товарищ Соколов, — говорили ему.

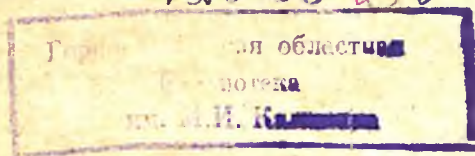
На имя генерала из управления отправили письмо, а через несколько дней он был гостем Соколова. И об этой интересной встрече писали в журнале «Советская милиция».

Не успели улечься разговоры, как из Москвы поступил запрос: не тот ли это Соколов, который в двадцатые и в начале тридцатых годов жил и работал в Воронеже?

...Вечерами мы часто встречались на садовых тропах. Он рассказывал мне об участии в операциях против националистов в фашистском тылу. С небольшим отрядом чекистов он был заброшен в Станиславскую область под видом нового «курения» бандеровцев. Это была очень смелая и дерзкая операция.

84(2=441.2/5-4
P2
Д31 8

0
428099 ✓✓

Демченко А. М.

Д31 За незримой чертой: Роман-хроника, рассказ. —
Барнаул: Алт. кн. изд., 1984. — 296 с.

В книгу вошли ранее издававшийся роман-хроника «За незримой чертой» — о жизни и работе чекистов в 20—30-е годы, а также рассказ «Апельсины к елке» — о человеке, нашедшем в себе и разум и волю, чтобы преодолеть обиду и вернуться в родной совхоз, к честной трудовой жизни.

Д $\frac{4702010200-46}{M138(03)-84}$ без объявл.

P2

© Алтайское книжное издательство, 1984

За незримой чертой

РОМАН-ХРОНИКА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В одном из номеров журнала «Советская милиция» за 1969 год была опубликована глава из мемуаров генерал-майора М. В ней автор вспоминал о взятии в начале тридцатых годов Улунги, укрепленного пункта белобандитов на Дальнем Востоке. Находчивость, смелость и решительные действия Алексея Соколова предопределили тогда исход схватки: бандиты сдались, Улунга пала.

«Жаль, — писал генерал, — что Соколов не дожил до победы в Великой Отечественной войне: погиб смертью храбрых в тылу врага, выполняя ответственное задание органов госбезопасности в борьбе с украинскими националистами — бандами Бандеры и Мельника».

...В Горно-Алтайске, где жил подполковник в отставке Алексей Иванович Соколов, этот номер журнала ходил по рукам.

В управлении внутренних дел все поздравляли Алексея Ивановича с воскрешением из мертвых.

— Значит, жить тебе да жить еще, товарищ Соколов, — говорили ему.

На имя генерала из управления отправили письмо, а через несколько дней он был гостем Соколова. И об этой интересной встрече писали в журнале «Советская милиция».

Не успели улечься разговоры, как из Москвы поступил запрос: не тот ли это Соколов, который в двадцатые и в начале тридцатых годов жил и работал в Воронеже?

...Вечерами мы часто встречались на садовых тропах. Он рассказывал мне об участии в операциях против националистов в фашистском тылу. С небольшим отрядом чекистов он был заброшен в Станиславскую область под видом нового «курения» бандеровцев. Это была очень смелая и дерзкая операция.

Со склона горы открывается вид на живописную долину, на город, расползавшийся по ущельям, на могучий Чаптыган в белоснежной папахе. До него далеко, а кажется он совсем близким. В июне Чаптыган переходит «на летнюю форму одежды» и становится едва различимым. Только по сероватым облачкам, которые часто крутятся над его вершиной, можно определить его место.

Мы любовались маневрами этих подвижных облачных эскадр, которые формировались в причудливые соединения.

Вдруг на тропе появился Петр, единственный сын Алексея Ивановича. Еще издали, заметив нас, он потряс какой-то бумажкой.

— Новость, отец!

— Ну-ка, ну-ка, какие еще новости ты принес? — шагнул навстречу сыну Алексей Иванович, вытаскивая из верхнего кармана гимнастерки футляр с очками.

Это и был тот самый запрос из Москвы. Алексей Иванович прочитал его раз, другой и, будто не веря своим глазам, протянул бумажку мне.

— Посмотри на подпись, — проговорил он изменившимся голосом. — Вслух читай!

«...военный журналист, — прочитал, — полковник Калинин. Правление Союза журналистов СССР».

— Граф! — вырвалось у меня.

— Кто же еще другой, если спрашивает, — скороговоркой проговорил Алексей Иванович. — Добился-таки, стал писателем! Полковник Калинин! Вот ты и возьми его за рупь двадцать.

...В то лето Алексей Иванович после переписки с Калининным — полковник был тяжело болен — вместе с сыном побывал в Москве и привез оттуда кучу новостей. Да, конечно, это был тот самый Гранька.

Вскоре я узнал, что Алексея Ивановича положили в больницу, откуда он уже не вернулся.

Но я по-прежнему ходил в сад по самой короткой тропе. И встречи наши словно продолжались. Они не могли не продолжаться, потому что этот сад, мимо которого я прохожу и раскланиваюсь с ним, произведение его рук, продолжение его жизни, которая не кончилась с его смертью. Она и повела меня по многотрудной боевой дороге его земных дел.

Часть первая

«КАМО ГРЯДЕШИ, ЛЕШКА?»

Глава I

Поздним вечером в щелястый товарный вагон, гремя тяжелой дверью, поднимались трое.

Лешка, закутавшись в лохмотья, дремал у дышавшей теплом круглой печки. Он испуганно качнулся вперед и больно стукнулся лбом о чугунный рубец заслонки.

— Эй, хозяева! Чего плохо встречаете? — добродушным баском проговорил один из вошедших.

В призрачном ночном свете Лешка разглядел Степана Ивановича Чугуева, слесаря из депо, молодого столяра Коновалова и помощника машиниста Зарубина. Они подтянули за собой мешок, набитый под завязку.

Степан Иванович был высокого роста, говорил басом, чем и выделялся среди деповских. А для Лешки он был после смерти отца еще и благодетелем — масленщиком в депо пристроил.

— Походи пока с масленкой. Небось не в тягость. А потом в свой цех возьму слесарить, — пообещал дядя Степа.

Гости осторожно ходили по отчаянно скрипевшим половицам и восхищенно переговаривались.

— Да это ж светлица!

— Ну как ее еще назовешь? Краше девичьей! — оглядевшись, пропел Зарубин.

Лешка уже знал, что за черноту лица машинисты звали Зарубина Турком.

Дядя Степа имел привычку потирать ладонь о ладонь. Прошуршав ими над печуркой, он сквозь смех прогудел:

— Гарно, хлопцы. Гарно! И буржуйку уже сгондобили.

Лешка, смущенно улыбаясь, незаметно ткнул в бок спавшего на лежанке Граньку.

— А? — вскочил тот, ошалело тараща глаза на гостей.

Был Гранька тех же лет, что и Лешка. Вместе последнее время кусочничали, пробиваясь случайными заработками, пока не пристроились к рабочему классу. Гранька был начитанным парнем и впечатлительным. Он, оказываясь, пас в своей деревне поповских гусей, и попадья снабжала его разными книгами из своей библиотеки. И теперь Гранька просвещал Лешку: «Ты графа Салиаса не читал? О, слушай... Есть у него «Москва-самокрутка» или «Француз» — пальчики оближешь! Хочешь расскажу?» И рассказывал. И про Робин Гуда какого-то. И про Робинзона Крузо...

И вот он сидит сейчас на топчане и таращит глаза на неожиданных гостей.

— Эх, бедолаги, — сказал дядя Степа, присаживаясь осторожно на топчан. — И когда это все направится-то, а? Чего ты так скребешься? На коже, поди, живого места нет?

— Не-е, еще дюжит, — выдавил Гранька.

Мужики весело расхохотались.

— Ну вот что, хлопцы, — ударил по коленке широкой своей ладонью дядя Степа. — Не положено так вот, со всякой вшивотой якшаться революционному пролетариату. Мы вот тут кое-что принесли вам из одежды, из обуви. Зима ить наступает. А завтра попробуем заштопать вашу светелку. — Он еще раз критически осмотрел вагончик. Потом сунул руку в карман, вытащил какие-то бумажки и протянул их Лешке. — А это на баню... Бери, бери. А ну, Демьяныч, — кивнул дядя Степа Зарубину, — вытряхивай гостинцы!

Парни переоделись в залатанные, но чистые рубахи, такие же штаны. Правда, рубахи были широковаты, сразу видно — с чужого плеча.

— Ничего, ничего, братцы. Будем жить. Еще как!

Помолчал. Подумал и, собираясь уходить, притянул к себе Лешку.

— Вы тут, ребята, приглядывайтесь к людям, которые шастают по путям.

— А что? — насторожился Лешка.

— Паровозы какая-то сволочь курочит. Будем, наверное, свою охрану ставить.

Лешка взглянул на черные силуэты паровозов. Сцепленные друг с другом, они походили на отдыхавшее стадо каких-то сказочных животных. Стоят, дремлют, ожидая своей очереди попасть в депо. Не раз с радостью провожал Лешка из депо ожившую машину. Он вскакивал на железные ступеньки тендера и отчаянно кричал чумазому машинисту:

— Давай, нажваривай!

— Ду-ду-у! — откликнется тот густым красивым баском сигнала и, высунувшись из окна, бросит в его сторону пучок промасленной пакли.

— Эх, на паровоз бы!

Когда мужики ушли, сияющий Гранька прошелся по вагону, оттянул пальцами и без того широкие галифе и пустился в пляс.

Решили сходить в депо, посмотреть.

Храбрился Лешка, а у самого мурашки ползали по спине, когда, хоронясь в тени вагонов, они крались к паровозному парку. Непривычно тихо вокруг. Справа темнел, отсвечивая при луне бельмами огромных окон, вокзал — Воронеж-1. Оттуда доносился неясный людской гомон. «Ждут поезда, — подумал Лешка. — И куда это все едут? Целыми деревнями подались на другие земли. А где они, эти счастливые земли? Говорят, в Сибири белые калачи даже в самом бедняцком доме едят. Да где она, эта самая Сибирь? Небось тыщи да тыщи верст... А поездов-то тютю... Один-два за сутки — и нету. Пока туда доберешься, семь раз околеть можно».

— Леш, — прошептал Гранька, — долго мы тут будем?

— Не выписься, что ли? — недовольно буркнул Лешка.

— Никого же нету... А пока сыты — уснуть бы...

— Обойдем уж кругом... Просил же дядя Степа.

Не глядя на товарища, Лешка решительно шагнул из тени.

— И чего мы прячемся? — вдруг громко произнес он. — Мы охрана. И пусть все ворюги знают, что мы не боимся их. — И он запел:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов...

Он стучал железкой по буферам, по ржавым лесенкам паровозов и всем своим видом показывал, как презирует опасность. Осмелел и Гранька. Нервно посмеиваясь, он стал подтягивать Лешке:

И как один умрем
В борьбе за это...

Ничего подозрительного не обнаружив, ребята возвращались в вагон.

Вдруг у насыпи послышался какой-то осторожный хруст, будто шел кто-то, крадучись по шлаковым осыпям... А их за выходной стрелкой — целые горы. Деповские проторили через них дорожки, чтобы сократить путь к дому.

— Тсс! — присел Лешка и полез под вагон. В блеклом лунном свете он сразу же увидел согнувшегося под тяжестью мешка человека.

— Эй! — не растерялся Лешка. — Ты кто такой? Чего тут ходишь?

Человек выпрямился. Мешок скользнул к ноге.

— Это ты, Лешка? — раздался спокойный голос. Гранька сразу признал его.

— Турок...

— Мы это... мы, — отозвался Лешка. — Вот обходим...

— Молодцы, ребята... А я у тещи был. Да решил напрямиком топать. Там у депо в стене дыра есть... Так ближе. Ну как обновки? Уже примерили?

— Примерили, — сказал Лешка. — Спасибо.

— Не за что... По-божески делиться надо...

«Но ты-то, говорят, не бедствуешь, — подумал Лешка. — Опять вон от тещи поживу прешь...»

Когда Зарубин, прощаясь, поднял мешок, Лешке показалось, будто в нем что-то звякнуло. Мало ли что? Может, и самогоном разжился человек. Сунул в мешок банку-две и прет.

«Этот Турок — мужик себе на уме».

Придя в вагон, Лешка пошуровал в печурке и с сознанием исполненного долга скомандовал:

— А теперь — спать!

Гранька долго ворочался.

А на Лешку нахлынули воспоминания.

Деревня Болтиновка. Вся в розовато-белой пене от цветущих яблонь. Лешка бежит босоногий по лугу. В руках удочка с самодельным крючком. Табунок гусей важно

шествует к речке. Впереди огромный серый вожак. Он низко наклоняет голову и, разинув красный клюв, шипит и бесстрашно загораживает дорогу. Лешка оторопело пятится назад, замахивается удилищем. И тут слышится смех. С легкой хворостинкой в руке выходит из кустов в белом нарядном фартучке незнакомая девочка. Две светлые косички мечутся из стороны в сторону.

— Напугался, да? — сквозь смех кричит она.

Лешка смущенно смотрит на нее. Видать, городская. В Болтиновке таких нет. К кому-то в гости, наверно, приехала. Он посмотрел на гусей. У попа вроде все белые... У кабатчика Акулова... У того утки. Вот, пожалуй, у барина...

— Подумаешь, — фыркнул Лешка. И угрожающе замахнулся удилищем. — Хочешь, всех разгоню?

— Не надо, мальчик, — испуганно подняла руки девочка. — Ты же ведь не злой, правда?

Лешка посопел сердито, спросил примирительно:

— А ты к барину приехала?

— К барину? К какому? Ах да, — засмеялась она. — Аристарха Ивановича в вашей деревне все барином зовут. Да, он мой дядя. Адвокат... Тут его дача. Я буду гостить у него все лето! Мне у вас очень нравится.

Она подошла совсем близко.

— Хочешь, будем дружить? — И протянула руку. — Меня зовут Олей. А тебя как?

— Ленька, — пояснил он.

Потом на крутом берегу читали они про графа Монте-Кристо... Ничего, вроде отчаянный парень. Лешка прозвал Ольгу графиней. Да так и называл ее — не обижалась. Где-то она? Небось с буржуями драпанула. Сколько уж прошло-то? Лет пять, пожалуй...

Глава 2

Изрядно поношенный коричневый офицерский френч с многочисленными карманами Лешка перепоясал узеньким ремешком, трижды надставленным лоскутиками из разной кожи, сбил на светлые свои вихры замасленный картуз и весело рассмеялся:

— Теперь бы лаковые сапоги еще, а?

Гранька, работавший в столярке после обеда, собирался на рынок. В обеденный перерыв в слесарном цехе, куда определил в последнее время дядя Степа Лешку, появился высокий человек в кожаной куртке, форменной фураж-

ке, с ремнями вперекрест на груди и спине. Правую щеку его пересекал глубокий красный шрам. Черные, строгие глаза, быстро пробежав по станкам, остановились на дяде Степе. Дернув черной лохматой бровью, человек со шрамом толкнул дощатую дверь, залапанную мазутом, и скрылся в боковушке.

Дядя Степа, торопливо обтирая руки паклей, озабоченно пошел за ним.

— Из железнодорожной ЧК, — вполголоса заговорили рабочие, — Бобров...

Лохматобровый чекист вместе со Степаном Чугуевым снова появился в цехе. Дошел до середины помещения, остановился и помахал рукой, требуя внимания.

— Леша, — сказал Чугуев, — зови всех деповских. Митинг будем проводить.

— Сегодня, товарищи, ночью в вашем депо какая-то сволочь обезоружила сразу две «овечки». Сняли всю важнейшую арматуру. До каких же пор вы будете сторонними наблюдателями этих бандитских действий? До каких, спрашиваю я вас, товарищи рабочие?

У Лешки заняло сердце. Ему казалось, что все смотрят на него. Это они с Гранькой кружили тут ночью вокруг депо, воображая, что находятся в карауле.

А товарищ Бобров говорит о гидре контрреволюции, которая поднимает свою гадючью голову.

— В стране, товарищи, враги пролетарской революции плетут сети заговора, из-за угла убивают наших активистов. Антанта готовит новый поход, — резко бросал в толпу Бобров, стуча кулаком о железные прутья оградки, будто вколачивая гвозди. — В Москве показали свое истинное обличье левые эсеры. Десятки преданных товарищей из продотрядов уже сложили головы от бандитских пуль. Призываю вас усилить бдительность. Вчера органами ЧК арестован бывший денкинский офицер Неклюдов, который, маскируясь под мелкого спекулянта, продавал из-под полы соль.

— Соль? Это который в бабской кофте был? — воскликнул Лешка, пораженный словами чекиста.

Бобров отыскал глазами Лешку.

— Ты его знаешь? — спросил он.

— Сто раз видели с Гранькой... С моим другом, — краснея от всеобщего внимания, отозвался Лешка. — А знать... Кто ж его знает. Просто видели.

— И как солью торговал? — продолжал допытываться Бобров.

— Он же ее под видом картошки. Картошка самая настоящая, а разломи — там комок соли. Как раз облава была. Он мешок вскинул — и на выход, а одна картошка выпала. Гранька подобрал ее... Ну и там соль оказалась...

Потом выступил от имени партячейки Степан Чугуев. Он предложил создать для охраны отряд добровольцев.

— Государственное имущество — это наше кровное имущество, — сказал он. — И мы не позволим каким-то темным гадам растаскивать его.

Рабочие одобрительно загудели.

— Пиши, Степан, все пойдем!

«Неужели и среди деповских есть такие... ворюги?» — подумал Лешка. Но тут же эту мысль вытеснила другая, тревожная: возьмут ли в охрану? Доверят ли настоящее оружие?

...С последней высокой насыпи Лешка увидел свой вагон и радостно присвистнул: из железной трубы поднимался густой смоляной дым.

Добыча Граньки была сказочно богатой: ведра полтора картошки (она была в рубаше, воротник которой по-хозяйски стянул Гранька обрывком тонкой бечевки).

— Вот... на выбор... прямо с возу брал, — докладывал Гранька. — А это шмат сала.

Оно было желтым, будто покрыто ржавчиной.

— Жмот, видать, хозяин-то, — заметил Лешка, прикидывая в руке кусок. — Лет пять небось в кадке пролежало.

— А это, — развязывая узелок поменьше, продолжал торжественно Гранька, не слушая друга, — это... Видишь? Фунта два небось.

Гранька отстранился. На тряпке мелким золотым бисером рассыпалось пшено. Лешка запустил в него руку, пересыпая меж пальцев.

— Каша, — хмыкнул он. — Можно и в похлебку... Так на дольше хватит...

Лешка ткнул пальцем в следующей узел.

— А тут что?

— Тут целая булка аржанухи. Тяжелая. Еле дотащился! — суетился радостно Гранька. — И еще... еще пять огурцов малосольных. Знаешь, почти совсем выторговал еще крынку сметаны, так баба как завизжит: «Совсем разорил за свои дрянные ботинки... Да небось ворованные? Уходи. Ничего не получишь!» Ну я и на попятную... Ладно, говорю, пользуйтесь моей добротой. Берите, кури проклятые!

— Погоди... погоди... так ты... а! — Лешка отстранил друга и посмотрел на его ноги: Гранька был в перевязанных ремешком старых глубоких галошах.

— Ботинки?

Гранька поморщился. Махнул беззаботно рукой.

— Ну что? Варить будем полевку?

— Давай... Только вот соли-то ни крошки.

— А в сале-то, в сале! — воскликнул Гранька.

— И то, — обрадовался Лешка. — Давай!

За едой вспомнили о спекулянте в бабьей кофте. И тут Лешка выложил все, что слышал на митинге.

— Тю-ю! Вот зараза, а! — поразился Гранька и в свою очередь поделился базарными новостями. — Бандюков объявилось в каждой волости. Налетают, грабят. Коммунистов и совдепчиков — к стенке, а то головы рубают, как курам.

— Зашевелились, шоршни, — угрюмо проговорил Лешка. — На митинге Бобров рассказывал: где-то Шкуро шагает. Нам бы, Гранька, в отряд какой податься. В Красную Армию.

— Не примут, — покачал головой Гранька.

— А что?

— Да просто скажут: молокососы еще.

— Ну да... В охрану же записали.

— Так то охрана, а там сражаться придется, — вздохнул Гранька.

Деревянная ложка с облезлыми красными цветочками по бокам была одна. Ели поочередно, не торопясь, с трудом отводя глаза от порции, которую добывал в котле напарник. Старались подольше держать кашу во рту, что было нелегким делом. Она предательски ускользала и катилась самовольно дальше, вызывая спазмы в горле.

— Два паровоза снова обобрали, — сказал Лешка.

— Когда? — кинул на него полусонный взгляд Гранька, уже спокойно задержав у самого рта ложку с кашей.

— В наше дежурство.

— И ты говорил дяде Степе, что мы дежурили?

— Сказал.

— И про Турка?

— А что, по-твоему, Турок... мог? — насторожился Лешка.

— Да не-е... Я так. Просто встретили — и все.

На ветреной стенке вагона прыгали от печной дверки светлые зайчики. В теплом полумраке было уютно и домашнему хорошо.

— Леш, — раздался просящий голос Граньки, — ты не будешь ругаться?

Лешка, передернув плечами, взял ломик, подошел к двери и отбросил железную накидку.

— Что там еще?

— А я еще одну штуку купил...

— Какую?

— Генриха Сенкевича.

— Что? Что? — не понял Лешка.

Гранька запустил руку в изголовье и вытащил оттуда книгу.

— Вот что! Генрих Сенкевич. — Он наклонился к печке и прочитал: — «Камо грядеши?» называется.

— Библия, что ли? — усмехнулся Лешка и, с шумом приоткрыв дверь, опустил перед собой ломик. Опершись на него, прыгнул на землю. Он разыскал старую полусгнившую шпалу и расщепал ее ломиком на дрова. Вернулся, деловито заметил: — Зима скоро, а ты про какого-то грядеши... Промышлять надо насчет топлива. Может, угля дадут в депо?

Гранька передернул плечами, промолчал, устраниваясь с книгой у печурки.

...Ни лампы, ни свечей у ребят не было. Гранька, приоткрыв дверцу печурки, садился у огня и читал. А читал Гранька с упоением и каким-то восторгом, будто утоляя нестерпимую жажду. Только торопился очень, глотал отдельные слова, невнятно произносил предложения. Лешку книга тоже заинтересовала, и он сердито одергивал друга:

— Ну чего ты тараторишь? Кто за тобой гонится?

Гранька сбавлял пыл и начинал читать медленнее.

Удивительная штука эта книжка... Иной, совсем иной мир. Но где бы раздобыть свечей? О лампе и думать не приходится — нет керосина. В деревне, говорят, за четверть этого горючего можно было выменять целого кабана.

Но вот в жизни ребят все изменилось.

Как-то на работе к Лешке подошел дядя Степа.

— Тебя Бобров хочет видеть.

— Зачем я ему понадобился?

— Зовет — значит дело имеет.

— Дело так дело, — буркнул Лешка. — Да, Гранька хорошую книжку раздобыл. Каждый вечер читаем. «Камо грядеши?» называется.

Дядя Степа устало улыбнулся.

— Ну, ну. Куда идешь, значит...

— Во, во... Интересная, — подхватил Лешка.

С работы шли вместе. С тревогой в голосе дядя Степа говорил:

— В степи на Дону генерал Шкуро и Мамонтов свирепствуют. А наша Чижевка, говорят, с атаманшей Маруськой связь имеет. Красавчик будто тоже объявился какой-то. Бандюга. Говорят, из Одессы.

— А кто у Маруськи-то?

— Всякая сволочь: и кадеты, и анархисты... Наш охранный отряд будет выходить на дежурство и в город.

— Вот здорово! — воскликнул Лешка. — Тогда и оружие дадут?

— Наверно. Только на многое нечего рассчитывать. Под Богучаром красная добровольческая дивизия формируется. У нас тоже чекистский дивизион будет.

— Эх, туда бы... а?

— Что ж... Может, еще и придется, Леша... Маловаты, правда. Учиться бы вам с Гранькой надо. Да вишь, что творится.

— Успеем еще учиться, дядя Степа. Надо же кому-то гадов бить? И совсем я не мал. Нам с Гранькой уже по пятнадцать стукнуло.

— То-то и оно, что по пятнадцать, — сказал Чугуев и вдруг предложил создать в депо комсомольскую ячейку.

Лешка смутился. Он не представлял себе, как это можно сделать.

— Очень просто. Поговори с парнями. Так, мол и так, на всех предприятиях такие ячейки сколачиваются. Плестись в хвосте несознательных деповским ребятам не к лицу.

Лешка слышал о комсомольцах.

— Что делать-то будем? — спросил он.

— Как что? — удивился Чугуев. — Организуем политучебу, клуб отвоюем. Выступать там с представлениями будете. Партячейка поможет. Возможно, и на задания ходить придется. Контру всякую и бандитов вылавливать.

«Вот это да!» — восхищенно думал Лешка.

Он распрощался с дядей Степой и, перескакивая через рельсы, побежал к тупику.

Гранька сидел у печки, вытянув перед собой руки. Вид его был угрюмым. Катастрофически быстро кончались запасы продовольствия, и к тому же нечего стало читать.

Лешка рассказал о предложении дяди Степы. Гранька молча выслушал его и повеселел.

— Говорят, форма у комсомольцев будет, — соврал Лешка и тут же поверил сам. — А как же без формы...

— Конечно, — согласился Гранька. — А главное, знаешь, наверно, можно будет и у нас тут, при депо, библиотеку открыть. Верно?

— Если клуб отвоюем. Ясное дело, и библиотеку откроем... Заберем у буржуев все книги — и пожалуйста, — сказал Лешка и присел тоже у печки. — Что там у вас в токарном про бандюков говорят?

— Всяко. Красавчик, говорят, в городе шуровать начал.

— И я слышал. Дядя Степа сказывал.

— А ты знаешь, я этого Красавчика видел.

— Врешь! — поразился Лешка.

— С места не сойти! — поклялся Гранька. — Он с Одессы. Усики такие стрелками носит. На пальцах — кольца. Фрак. Тросточка с позолоченным набалдашником. С виду куда там. А при мне той тростью насмерть забил одного карманника.

— Вот гад. Ну и что? Тут же небось полно людей было? Схватили его?

— Ага, возьмешь его, — нахмурился Гранька. — Красавчик выхватил из заднего кармана браунинг. Пальнул вверх — все врассыпную. А он, насвистывая, спокойно в город подался.

— Если бы везде создать комсомольские ячейки, — сказал Лешка, — таких бы красавчиков совсем повывели. — Узнал бы того бандюгу сейчас?

Гранька задумался.

— Ты знаешь, я все думаю и думаю о хозяине Полубянки...

— Почему? — удивился Лешка.

— Чем-то смахивает.. Правда, видел-то я Красавчика издали. Да и то несколько минут,

«Сказать ему или нет, что в транспортное ЧК вызывают?» — подумал Лешка. И решил, что пока не скажет. Узнает в чем дело, а потом уж видно будет.

— Сварим похлебку? — предложил Лешка. — Жиденькую такую. Немножко картошки и чуть-чуть пшена... а?

— Давай, — повеселел Гранька и деятельно принялся за работу.

— Интересно, — сказал задумчиво Лешка, — что там на Полубянке сейчас?

— А что им не жить... Всего полно, — отозвался Гранька. — А книг там сколько! — вздохнул он и стал мешать похлебку.

— Ты веришь, что хозяин Полубянского хутора в Красной Армии?

— Ничуть, — качнул головой Гранька. — Просто он глаза отводит. — Скрывается, наверно.

— И я так думаю.

Глава 3

Когда Лешка подходил к приземистому зданию вокзала, вдруг почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд.

Он оглянулся и совсем рядом увидел Боброва. Тот едва заметно кивнул ему и пошел к вокзалу. Лешка последовал за ним.

В кабинете Бобров устало опустился в кресло, закурил. Молча придвинул стул и шлепнул по сиденью ладошкой.

— Садись, — сказал он.

Лешка, потоптавшись, сел.

Бобров снял фуражку и бросил ее на стол. На лоб упали две прядки мягких, тронутых изморозью, волос. Затаившись несколько раз подряд, Бобров с шумом выдохнул дым и попросил рассказать о себе.

Лешка стал рассказывать о своей деревне, о смерти отца, о мачехе, для которой, он с двумя младшими братьями и сестрой стал обузой, о своей чабанской работе («Пудовка жита за овцу в лето»), потом о своем решении уйти в город.

— Чижовку хорошо знаешь? — спросил Бобров.

Перед глазами Лешки встала знаменитая окраина Воронежца. Мазанки, грязные харчевни, притоны.

— Нам, наверное, повезло с Гранькой, — сказал Лешка. — Егерь Супрун, а попросту Егорыч, с Полубянки взял нас к себе на хутор, который отписал будто ему навовсе хозяин. А тот хозяин, когда революция совершилась, за границей жил. Егорыч сказывал — стрелок на всю Россию известный был.

— А кто он? Не говорил?

— Сыпухин какой-то... Вот Егорыч егерем и был у него.

— Ладно. Продолжай, — сказал Бобров и, подойдя к столу, чиркнул что-то на бумаге.

Лешка посмотрел в окно. Сучья тополя почернели почему-то. Откуда-то снизу ползла черно-сизая туча.

«А что продолжать-то?» — подумал Лешка и вспомнил, как они попали к Егорычу.

Они забрались на бахчу и на берегу Дона, в кустах, с аппетитом уписывали арбузы. «Эх, кусочек хлеба бы», — простонал Лешка. — «Ничего, Леш, — сказал

Гранька. — Я где-то читал: в арбузе много сахара и других полезных веществ... Так что хоть и жидковато, зато сладко и полезно». — «Ну да, — не поверил Лешка. — Откуда он, сахар-то? Небось не с арбузов добывают его». — «Конечно, — согласился Гранька, разбивая на коленке очередной арбуз. — Ух ты! Сам лопается! — Полосатая тонкая корка отстала, будто картонная коробка, а засахаренный красный мякиш с черными семенами влажно блеснул перед глазами ребят. Гранька разломил его и одну половинку протянул Лешке. — Сахар...»

Смеясь одними глазами, ребята уплетали добычу, бесечно сплевывая под яр семечки. Вдруг из кустов вышел старик. Он был высокого роста, с длинными и сильными руками, огромная русая борода оттеняла полные красные губы и мясистый нос. Лешка, увидев его первым, поперхнулся арбузом, вскочил.

— Лежите, лежите, ребятки, — сказал старик и, присев на корточки, вытащил из-под рубахи краюху белого хлеба. — С хлебом-то оно способней... Натее... Ешьте... Ну чего вы? Ешьте, говорю. — Он взял один из арбузов и, пощелкав его пальцем, покачал головой. — Поторопились... Зеленоват.

На ремне у старика болтались кожаные ножны. Быстрым движением правой руки он извлек из них нож и, полоснув по арбузу, развалил его на две половины. В розовом мякише торчали бурые семена.

— Вишь... Не дошел еще. Но есть можно, — сказал он весело и тут же порубил арбуз на ровные ломти. — Ешьте. Да не оглядывайтесь. Кто вы и откуда — расскажите. А бахча эта моя. Я тут хозяин. Приказываю — значит ешьте. — Он снова добродушно посмеялся.

Лешка опомнился раньше Граньки и рассказал о себе.

— Ну а я тутошний, — сказал Гранька. — Про хутор Лубинский слышали? Мать не помню. А отца убили на фронте. Тетка рассказывала, под Карпатами схоронен он в общей могиле.

— Так-так, — кивнул старик и ласково поглядел на ребят.

Он поинтересовался, дружат ли они с городской шпаной.

— Тут ведь ее, если в особенности взять нашу Чижовку, — проговорил он и махнул рукой, — как саранчи...

— Мы ни с кем не дружим, — сказал Лешка. — Ворюги ведь они все.

— Ворюги, — согласился старик. — А что прикажешь делать? Жизнь, братец, такая покамест.

— Такая-то такая, — сказал Гранька. — Да ведь и попросить можно... Мы это первый раз на бахчи пошли. Шибко жрать хотели. Думаем, хоть ботвы какой поедим или, может, картошки.

— Верно, верно... — старик вздохнул, сложил скорбно на животе пальцы и пробормотал в раздумье: — Что стало! Что стало, а! Ну ладно. Вижу, непорченные еще. Ко мне пойдете жить?

— А куда к вам? — спросил Лешка.

— Да вон хоромы, аль не видали? — Старик махнул рукой. — Один я тут... Когда-то был хозяин у меня. Сыпухин фамилия. Бани городские его были. А я у него тут на хуторке егерем. Теперь хозяин где-то сгинул, может, за границу ушел. Отец его — тот раньше убег. Дом на Никитинской оставил присматривать тоже. И тут вот... Кордон этот думаю мужикам отдать. Тут десятин под тридцать сад. Пашни есть. Ну как, хлопцы?

...Ребята прошмыгнули во двор, опасливо поглядывая на собаку, зашли в дом. В нем было четыре комнаты. Всюду чистые половички. Столы, а на них — клеенки. На кухне дубовый шкаф с посудой всякой. В комнатах на стенах висели ружья.

— Ух ты! — поразился Лешка. И поинтересовался: — Заряженные?

— Зачем же? Когда на охоту, тогда и заряжать положено, — сказал старик.

Со двора, вытирая о фартук руки, вошла молодая красивая девушка. Две дымчатые косы с распущенными концами лежали на ее груди. Стройная, с пунцовыми щеками и озорно блестящими огромными серыми глазами, она сковала Лешку. Он смотрел на нее как на диво-дивное и не мог отвести глаз. Босые ноги с открытыми загорелыми икрами, простенькое по-домашнему, ситцевое в крапинку платье облегло ее фигурку.

— Ну что, не видел такой ни разу? — хихикнула она и сделала страшные глаза. — Съем!

Лешка опомнился, опустил голову, отвернулся.

— Вот, Машенька, привел, — сказал старик. — Помощников привел тебе...

— Да уж вижу, — надула она губки. — Где ты их, Егорыч, подобрал? Не у соляных ли амбаров?

— Да туда не дошел еще... А тоже сироты, — будто оправдываясь, говорил виновато старик.

— Бедненькие, — сказала жалостливо Маша, а глаза весело поблескивали. — Небось голодные, а?

— Накорми их кашей. Молока дай. Я прилягу немножко, поясница опять отстаёт... Дождь будет, наверно. А потом определим их.

Маша оглядела ребят с головы до пят и приказала:

— На крыльце рукомойник. Вымойте руки. — И скрылась.

Потом она сидела у стола, подперев руками подбородок, и, улыбаясь, смотрела, как уплетали ребята пшеничную кашу с постным маслом.

— Небось сбежите и вы?

— А что, был уже кто? — спросил Лешка.

— Были... разные. И все сбежали. Отъедятся — и в город.

— А что делать-то? — спросил Гранька.

— Работы хватит. Те все на прополках были. Ну а вам придется корзины на базар волочить.

— Как волочить?

— Ну таскать. Не так сказала, что ли?

— С чем корзины-то? — допытывался Гранька.

— С разным... С картошкой, с арбузами, дынями. А потом яблоки пойдут и груши. Я буду торговать, а вы таскать. — Она движением головы назад перебросила кося на спину.

— А деньги пополам? — пошутил Лешка.

— Фу, — брезгливо поморщилась Маша. — Что ими делать, деньгами-то? Егорыч мой говорит: народ отошлал весь... Пусть едят люди да нас добром поминают. Он у меня добрый.

Ребята переглянулись.

— А ты тоже добрая? — неожиданно спросил Лешка.

— Я злая, — вздохнув, сказала спокойно Маша. — Хоть бы скорей все на место встало. В город пойду. На завод какой-нибудь устроюсь. Там ведь красиво... в городе-то. А тут что? Копайся и копайся в саду да в огороде. Ни к тебе никто, ни ты ни к кому.

— Книжки есть? — поинтересовался Гранька.

— Два шкафа пылятся. Господские еще остались. Грамотный? — с интересом посмотрела она на Граньку и, будто сейчас только заметив его худобу, всплеснула руками: — Господи, а худущий-то!

Гранька густо покраснел и уткнулся в чашку.

Лешка вышел из-за стола и стал разглядывать многочисленные фотографии в черных резных рамках, занимавшие полстены.

Какой-то молодой офицер с усиками сидит, развалившись в

кресле. У ног его лежит не то волк, не то собака — не поймешь. За его спиной высокий кряжистый мужик с бородкой. В нем Лешка по пухлому носу признал Егорыча.

— Это хозяин Егорыча, — сказала Маша. — Вся эта Полубянка его помещьем была. В городе большой каменный дом имел. В нем теперь какой-то наробраз, сказывал Егорыч.

— Удрал куда-нибудь? — спросил Лешка, небрежно кивнув на стенку.

— Он все по заграницам жил.

Потом Маша убрала со стола и стала критически рассматривать одежду на ребятах.

— Вот что... Пойдемте во двор. Покажу вам баню. — сказала она решительно. — К вечеру чтоб истопили ее и помылись. А жить будете в охотничьей.

Ребята натаскали воды в баню.

— Теперь берите корзины. Пойдем в огород, —скомандовала Маша и указала на две огромные плетеные корзины, висевшие на кольях.

Пока Егорыч отдыхал, они принесли одну корзину с дынями, а вторую — с картошкой...

Бобров внимательно слушал рассказ Лешки. Иногда что-то чиркал на бумаге.

— Ну и долго это продолжалось?

— До осени. Мы пасли коров. Кормили свиней. Караулили сад и огород. Утром возили на базар кавуны, картошку, лук, помидоры. Вечером с базара пустую тележку доставляли.

— Прижились?

— Спать все хотелось, — сознался Лешка.

Лешка вспоминал.

По воскресеньям Егорыч уходил в город и появлялся иногда в среду или четверг. Тогда на хуторе хозяйничали они втроем.

— За последнее время гости стали наведываться на хутор. А кто они такие, шут их знает.

— А как себя вела при гостях Маша?

Маша нравилась Лешке.

— Как? — задумался Лешка. — За ней ухаживали все. Однажды прилип к ней такой хлыщ в черном пиджаке с бабочкой. Мамзелью все называл. Мы лежали в охотничьей, слышу — взвизгнул кто-то, потом как закричит: «Валет!» А тот на цепи у будки. Я вскочил, она мне: «Отвяжи Валета!» Смотрю, тот с бабочкой обнять ее хочет. Она увертывается...

— Накорми их кашей. Молока дай. Я прилягу немножко, поясница опять отстает... Дождь будет, наверно. А потом определим их.

Маша оглядела ребят с головы до пят и приказала:

— На крыльце рукомойник. Вымойте руки. — И скрылась.

Потом она сидела у стола, подперев руками подбородок, и, улыбаясь, смотрела, как уплетали ребята пшенинную кашу с постным маслом.

— Небось сбежите и вы?

— А что, был уже кто? — спросил Лешка.

— Были... разные. И все сбежали. Отъедятся — и в город.

— А что делать-то? — спросил Гранька.

— Работы хватит. Те все на прополках были. Ну а вам придется корзины на базар волочить.

— Как волочить?

— Ну таскать. Не так сказала, что ли?

— С чем корзины-то? — допытывался Гранька.

— С разным... С картошкой, с арбузами, дынями. А потом яблоки пойдут и груши. Я буду торговать, а вы таскать. — Она движением головы назад перебросила ко-сы на спину.

— А деньги пополам? — пошутил Лешка.

— Фу, — брезгливо поморщилась Маша. — Что ими делать, деньгами-то? Егорыч мой говорит: народ отошаль весь... Пусть едят люди да нас добром поминают. Он у меня добрый.

Ребята переглянулись.

— А ты тоже добрая? — неожиданно спросил Лешка.

— Я злая, — вздохнув, сказала спокойно Маша. — Хоть бы скорей все на место встало. В город пойду. На завод какой-нибудь устроюсь. Там ведь красиво... в городе-то. А тут что? Копайся и копайся в саду да в огороде. Ни к тебе никто, ни ты ни к кому.

— Книжки есть? — поинтересовался Гранька.

— Два шкафа пылятся. Господские еще остались. Грамотный? — с интересом посмотрела она на Граньку и, будто сейчас только заметив его худобу, всплеснула руками: — Господи, а худущий-то!

Гранька густо покраснел и уткнулся в чашку.

Лешка вышел из-за стола и стал разглядывать многочисленные фотографии в черных резных рамках, занимавшие полстены.

Какой-то молодой офицер с усиками сидит, развалился в

кресле. У ног его лежит не то волк, не то собака — не поймешь. За его спиной высокий кряжистый мужик с бородкой. В нем Лешка по пухлому носу признал Егорыча.

— Это хозяин Егорыча, — сказала Маша. — Вся эта Полубянка его помещьем была. В городе большой каменный дом имел. В нем теперь какой-то наробраз, сказывал Егорыч.

— Удрал куда-нибудь? — спросил Лешка, небрежно кивнув на стенку.

— Он все по заграницам жил.

Потом Маша убрала со стола и стала критически рассматривать одежду на ребятах.

— Вот что... Пойдемте во двор. Покажу вам баню. — сказала она решительно. — К вечеру чтоб истопили ее и помылись. А жить будете в охотничьей.

Ребята натаскали воды в баню.

— Теперь берите корзины. Пойдем в огород, — скомандовала Маша и указала на две огромные плетеные корзины, висевшие на кольях.

Пока Егорыч отдыхал, они принесли одну корзину с дынями, а вторую — с картошкой...

Бобров внимательно слушал рассказ Лешки. Иногда что-то чиркал на бумаге.

— Ну и долго это продолжалось?

— До осени. Мы пасли коров. Кормили свиней. Караулили сад и огород. Утром возили на базар кавуны, картошку, лук, помидоры. Вечером с базара пустую тележку доставляли.

— Прижились?

— Спать все хотелось, — сознался Лешка.

Лешка вспоминал.

По воскресеньям Егорыч уходил в город и появлялся иногда в среду или четверг. Тогда на хуторе хозяйничали они втроем.

— За последнее время гости стали наведываться на хутор. А кто они такие, шут их знает.

— А как себя вела при гостях Маша?

Маша нравилась Лешке.

— Как? — задумался Лешка. — За ней ухаживали все. Однажды прилип к ней такой хлыщ в черном пиджаке с бабочкой. Мамзелью все называл. Мы лежали в охотничьей, слышу — взвизгнул кто-то, потом как закричит: «Валет!» А тот на цепи у будки. Я вскочил, она мне: «Отвяжи Валета!» Смотрю, тот с бабочкой обнять ее хочет. Она увертывается...

— Отвязал?

— Ага.

— Ну?

— Валет как бросится на него... Так штанину и располосовал.

— Кто он был?

— Маша его после называла глистой... Приказчик какой-то.

— Дальше...

— Дальше? А что дальше? Думали и зиму хоть в тепле прожить, да вдруг как-то вечером заявляется новый человек...

Он был в рваной, грязной шинели. Картуз помятый. А на картузе — звездочка. Заросший, сердитый, хозяином вошел во двор, и пес бросился к нему, повизгивая от радости. Маша вышла на крыльцо с подойником и вдруг замерла, попятилась назад, выронила из рук ведро. А гость сел на ступеньку крыльца и, обнимаясь с Валетом, бормотал ему что-то ласковое.

— Узнала, Машенька? Я, я... Вот завернул на день другой... Прямо с эшелона... Хоть от паразитов избавиться. — И тут же шинель сбросил на перильца. — Топи, голубушка, баньку... Да поскорее! Где Егорыч?

Мы заходим в калитку. Старик что-то замешкался с неводом. Я вперед-то и выскочил с кошелкой... Потом назад. «Кто-то к тебе, Егорыч», — говорю ему. Он прошел. Потом слышу: «Митрич! Дорогой мой... А я думал, совсем сгинул!» — «Тише, тише, старик... Кто это у тебя? — оборвал тот его. «Да тут... сироты. Одному-то разве под силу?» — «Ну-ну, пусть не путаются под ногами...» Потом в дом ушли. Я прошел в охотничью. Там при свече сидел Гранька и читал какую-то книжку. Следом вбежала Маша. Она задула свечу и зашипела:

— Быстрей, быстрей за водой! Баню будем топить.

Я спросил, что за гость.

— Тсс, — приложила палец к губам Маша. — Это Петр Дмитриевич... Хозяин. Возвернулся... Говорит, ненадолго. В Красной Армии будто служит. Командиром.

Прошла неделя. А хозяин и не думал уходить. В город отлучается в пальто, при галстуке. Потом вызывает нас с Гранькой и говорит:

— Ну, хлопцы, пожили — и хватит... Шагом марш!

Вот так мы и «перезимовали» с Гранькой.

Бобров прошелся по кабинету. Потом остановился у стола и крутнул ручку телефона.

— Тимофей Васильевич? Это я... Есть дело по тому самому кордону Полубянскому. Да, да... Приезжать? Хорошо.

Положив трубку, Бобров прошел к вешалке и, надев шинель, тихо произнес:

— Поедем в губчека.

Председатель губчека Тимофей Рындин, высокий, стройный, тридцати пяти лет мужчина, с худым, острым подбородком, быстро посмотрел на Лешку, показал на диван, уселся рядом.

Бобров придвинул к столу мягкий стул.

После Лешкиного рассказа Рындин некоторое время молчал, потом встrepенулcя и обнял паренька.

— Вот что, Сокол, — заговорил он, подбирая слова. — В городе скапливается всякая нечисть: переодетое офицерье, авантюристы, бандиты. Может статься, что есть уже хорошо законспирированный заговор. Проверим еще раз хозяина Полубянки. Значит, Маша не очень-то обрадовалась его приходу?

— Да. Не очень.

— Мы тебе доверяем, Сокол. Парень ты наш, пролетарский. Должен помочь. Твой друг Гранька любит книги. Сыграйте на этом. Понял?

Лешка некоторое время соображал.

— Понял, — твердо сказал он. — Мы будем ходить за книжками и наблюдать.

— Правильно. — Рындин улыбнулся и протянул Лешке руку.

— Гранька говорит, что хозяин на Красавчика какого-то здорово смахивает.

— Так, так, — заинтересовался Рындин. Поднялся, задумчиво посмотрел в окно.

По стеклу торопливо сбежали дождевые потеки. Лешка невольно поежился.

— Ну хорошо, — произнес Рындин. — Пусть твой Гранька тоже зайдет ко мне. — Порывшись в столе, протянул Лешке фотокарточку.

— Узнаешь?

На Лешку глянуло открытое веселое лицо молоденькой девушки.

— Это Маша, — сказал Лешка и вернул фотографию.

— Послушай, что я тебе расскажу.

Рындин, не торопясь, положил карточку в стол и закрыл на ключ...

...Маша Супрун действительно была родной племянни-

цей Егорыча. О судьбе своих родителей она почти ничего не знала. А судьба их была страшной. Сын крупного воронежского богача Сыпухина Владимир Дмитриевич, повеса и лихач, страстный охотник и отличный стрелок, встретил как-то в лесной охотничьей сторожке Анюту, молодую, очень красивую девушку, которая прислуживала господам на охоте. А любил Анюту родной брат Егорыча Петр Супрун. Молодой Сыпухин стал ухаживать за Анютой. Тогда Петр предложил ей немедленно обвенчаться. Брату всячески содействовал Егорыч, который был лет на двенадцать старше его. «Может, тогда отвяжется этот идол», — решили они. Свадьбу сыграли скромную, незаметную. Остались жить в лесу. Петр, как и его старший брат, тоже работал егерем. Владимир Сыпухин, узнав о их женитьбе, привез Анюте дорогой подарок: золотое кольцо и серьги. Как-то осенью Анюта осталась одна в доме. Качая в зыбке дочь (у нее родилась Маша), она с беспокойством поглядывала на окна: вчера еще уехал Петр за припасами в город и все не возвращался. Молодая мать терзалась в догадках. Что могло случиться? Почему его долго нет?

В это время в сенцах скрипнула дверь.

— Наконец-то! — обрадовалась Анюта и бросилась к двери, но угодила в руки молодого Сыпухина. Стала отбиваться от него. В это время подъехал Петр. Поняв, в чем дело, он бросился на помощь.

— Барин, богом прошу тебя — отступись! — просил по-хорошему Петр.

Тот выхватил револьвер и застрелил его. Потом трусливо сбежал в город. Вызвали Егорыча, повинились ему, одарили хутором Полубянским с садом и землей. И Егорыч не стал доводить дело до суда. Брата все равно не вернешь, а тягаться с самим Сыпухиным — опасно. Перевез он Анюту на хутор вместе с ее дочкой, как мог успокаивал и скрашивал ее житье. Сам Захар Егорыч жил извечным бобылем. От души полюбил он Машу. Анюта стала пить, часто отлучаться в город. Сошлась там с продажными девицами и погибла. Маше в это время шел пятый год.

Рындин свернул из газеты косушку. Закурил.

— Ты понял, о чем речь? — спросил он и вприщур посмотрел на Лешку.

— Так точно! — сказал Лешка, вскакивая с дивана.

— Да садись, садись... Вот ей-богу солдат какой! — засмеялся Рындин. — Ну что ты понял?

— Маше надо все это рассказать, — выпалил Лешка и

посмотрел на Боброва, который косил глаза то на Лешку, то на Рындина. В его взгляде Лешка прочел одобрение.

— Видал? — сказал Бобров.

— Да ты, братец, прирожденный разведчик, — подбодрил Лешку Рындин. — Верно. Сможешь так сделать?

— Смогу, — уверенно сказал Лешка, чувствуя, как горячая волна окатывает его.

— Хорошо, — согласился председатель губчека. — Надо подумать о ребятах, — кивнул он Боброву.

— Откровенно говоря, рассчитывал я на другое, Тимофей Васильевич, — сказал озабоченно Бобров. — Но тут вот такое дело с Полубянкой выплыло. Думаю, для губчека будет важно...

— Ну спасибо, — улыбнулся начальник. — Не местничаешь. Участочек-то у тебя тоже дай бог каждому. — И Лешке: — В проходной, товарищ Сокол, получишь пропуск. На себя и своего друга. Понял?

Лешка вытянулся:

— Так точно! Понял.

— Придете завтра. Часам к восьми вечера. Будем разбираться с этой самой Полубянкой.

Глава 4

После сытного ужина ребята накалили печурку и завалялись на широкий топчан, придвинутый к теплу, предались мечтаниям.

— Ты слышал? — ткнул Лешка в бок товарища. — Наши в Богучаре дивизию добровольцев сбивают. От рабочих слышал.

— Вот туда бы нам, а?

— Туда, туда... А кому тут с контрой бороться?

— Да возьмут ли еще нас?

— Хныкать будешь, так и не возьмут, — сердито заметил Лешка и добавил: — Может, нас в чекистский дивизион примут. Будет такой. Дядя Степа сказывал.

Гудела печурка, обдавая теплым воздухом лица ребят, поторапливая, подгоняя сон. За вагоном хозяйничала поздняя осень. Шуршали жухлыми листьями городские парки. Чудилось Лешке, как в закрытых на ставни домах слыла настороженность, как, запрятав в половицы, в печки и чуланы драгоценности, прислушивался, затаив дыхание, к шорохам темной ночи состоятельный горожанин. А где-то за семью болтами, в тиши богатых кабинетов, жила, поднимала голову контра... Враги рабоче-крестьянского госу-

дарства сколачивали свои ватажки, чтобы в подходящий момент ударить из-за угла по тем, кто представляет в городе новую власть.

* * *

В самый последний момент, когда поезд уже тронулся, Лешке удалось ухватиться одной рукой за поручни вагона и вскочить на нижнюю ступеньку. Усатый пожилой проводник, издерганный, злой, стукнул его по голове свернутыми флажками и матерно выругался:

— А ну падай, шпана проклятая, пока не разогнался поезд! Соскакивай, соскакивай, говорю!

— Куда ж я, дяденька? — захныкал Лешка. — Счас стрелка будет, а там мост... Разобьюсь ведь!

— И черт с тобой! Одним шаромыжником меньше будет!

— Да я не шаромыжник, дяденька... — Лешка все еще висел на подножке, ухватившись левой рукой за поручень. — Я совсем не шаромыга... Я пою. Разрешите, дяденька, а? Я только пропою и уйду в другой вагон. Может, кто и поможет мне. Я шантрапу и сам не люблю, дяденька. Я по-честному. Дома две маленьких сестренки, мать больная. Как же они без меня там будут?.. Замрут совсем.

Проводник крикнул, промывчал что-то под нос себе и отступил на площадку, намереваясь закрыть дверь. Но закрыть ее не было никакой возможности. Ее притиснули к стене ящиками, узлами стоявшие почти друг на друге пассажиры.

— А ну разбирай барахло, а то повыкидываю в поле. Разбирай, не положено тут! — рассвирепел проводник.

Высокий, заросший рыжеватой щетинкой, морячок положил свою огромную ладонь на плечо проводника и, сжимая ее, улыбаясь, проговорил:

— Батя... В чем соль? Тебе это барахлишко не по нутру? Так я тебе враз заматаю: гони шмат сала та четверть горилки — и ты богат по самые уши! По рукам? — Моряк, сверкнув золотыми буквами на бескозырке, из-под которой торчал мочалкой рыжий чуб, подмигнул Лешке. — Так що ж ты, батя?

Проводник выругался и стал протискиваться в вагон. Лешка бочком полез за ним. Его остановил моряк.

— Стой! Ты кто такой будешь?

— Я?.. Ну Лешка Сокол.

— Ишь ты... Сокол! — хохотнул моряк. — Ты горобец, а не сокол... А чего лезешь?

— Мне бы спеть, дяденька.
— Ну и пой тут, птаха. Откуда ты?
— Я-то?.. С-под Воронежа... С хутора одного.
— А чего драпанул оттуда?
— Замерли мы... Отца нету. Больная мать да две сестренки.

— Слышал. А ты спой. А туда нельзя, — он показал подбородком на дверь. — Про «Варяга» можешь?

— Могу.

— Катай, — приказал моряк и тряхнул чубом тем, кто стоял в тамбуре. — А вы, граждане, приготовьте хлопцу кто что может. Катай, катай, хлопец!

В тамбуре загудело. Притиснутая ко второй двери молодайка, с отчаянными, злыми глазами, с вызовом посмотрела на моряка.

— Обойдемся без представлений.

— Но-но, — грозно повел глазами моряк.

— Фи! — хмыкнула та. — Испужал... Господи, дайте аспирину, ой не могу! — она расхохоталась.

— Ты мне брось там, — смутился на миг моряк и строго Лешке: — Валяй!

Лешка звонким мальчишеским голосом затянул:

Наверх вы, товарищи,
Все по местам!
Последний парад наступает,
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пошады никто не желает!

Поет Лешка, а сам думает: почему этот моряк говорит, что в вагон нельзя? Он посмотрел на дверь, ведущую внутрь. Из вагона выглянуло опухшее, гладко выбритое лицо. Лешка заметил: в вагоне было свободнее. И еще не ускользнуло от его внимания, как настороженно посмотрел вдруг на это лицо моряк. Как вздернулись вопросительно его белесые брови, будто он ждал какой-то команды. И тут в памяти прорезались слова Боброва: «Ты приглядишься к публике. Конечно, офицеры и прочие благородия в погонах и мундирах не поедут... Все они будут под мирных селян скрыты. Может, кто раненого будет из себя строить. Эти могут и в шинелях, и в гимнастерках. Одним словом, смотри в оба. У нас есть сведения: валом валят разбитые декинцы и всякие там красновцы к Мамонтову и в разные банды».

И Лешка понял: тут едут организованно. Моряк — это вроде часовой... Видал, какой здоровяк, голову оторвать

может. В тамбур для отвода глаз запустил мешочников, спекулянтов, а дальше нет им хода.

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...

«А в вагон надо пройти, надо», — думает Лешка.

Он допел песню и жалобным голосом протянул:

— Граждане! Помогите обиженному судьбой сироте кто чем может!

— А ну, станичники, раскошеливайтесь! — сделал свирепое лицо моряк. — А где у тебя, браток, посудина?

Лешка отвернул полу рваной тужурки и похлопал ладошкой по холщовой сумке, висевшей сбоку.

— Граждане, имейте сознательность, — увещевал моряк. — Вот ты, гражданин... А ну покопайся в своем мешке. Может, помочь тебе?

Краснощекий пожилой дядька в сером дождевике, натянутом поверх пальто, недовольно бурча, полез в мешок и достал оттуда полкалача.

— И шо вам мой мешок — на поперек горла, чи шо? Бачишь, шо маю?

— Давай, давай, куркуль донской! — беззлобно, скорее даже весело, проговорил моряк. — А вы, барышня? Женское сердце мягким должно быть.

— А у меня не женско, а мужско... Я, может, сама круглая сирота, — отозвалась острозыкая молодка. — Чего пристал, как продкомиссар? На вот, парень, тыквенных семян! Жареные, масляные. Горстку сощелкаешь — и сыт до вечера! Сама ими весь день питаюсь.

— Оно и похоже, — не поверил моряк, добродушно оскалась.

Лешка ссыпал семечки, положил обломок калача и затыкнул еще громче:

Вот вспыхнуло утро,
И выстрел раздался,
И грохот безумных
Пошел канонад.
Над нашим окопом
Снаряд разорвался,
Послышались крики
И вопли солдат...

Лешка поет, а сам косит глазом на дверь.

Там прапорщик юный
С полвзводом пехоты
Пытается знамя полка отстоять.

Один он остался
От всей полуроты...

Ключнуло. Ручка пошла вниз. Дверь медленно отворилась. В проеме ее показался высокий, остроносый, с бледным лицом молодой еще мужчина. Он был в черном пиджаке, в темно-синих галифе.

...Но нет! Он не хочет
Назад отступить!

Лешка не смотрел больше на дверь. Со слезой в голове он пел, чувствуя на себе тяжелый, угрюмый взгляд любопытного пассажира.

— Зайди сюда, хлопчик, — вдруг услышал он и оборвал песню. Дверь за ним захлопнулась.

В вагоне действительно было свободнее. Человек пять пожилых селян с мешками сидели на нижних лавках. Одна женщина с корзиной на коленях. Видать, городская. У каждого столика — круг всклокоченных, с припухшими глазами мужчин. Они играли в карты. Резкий запах самогона ударил Лешке в нос.

— Садись, — приказал Лешке угрюмый пассажир в темно-синих галифе.

Лешка сел к окну.

— Откуда?

— С-под Воронежа...

— Ну как там у вас? — Глаза пассажира не мигая уставились на Лешку.

— Голодно.

— Родители?

— Мамка больная совсем... Младшие сестренки.

— Отец?

«Прямо вопрос, — подумал Лешка и обрадовался: — Офицер — не иначе».

— Отец на германской канул, — печальным вздохом обронил он. — У нас в Болтиновке три покалеченных только и вернулись с фронта. А отец так и сгинул...

Лицо Лешкиного собеседника вытянулось, глаза блеснули жизнью.

— Болтиновка? Так ты, стало быть, оттуда? — выдохнул он.

— Оттуда. Бывали там?

— Приходилось, — хмуро, сквозь зубы произнес тот и посмотрел в окошко, уже задернутое сумерками. — А ну, давай эту... самую... «Вот вспыхнуло утро...» Да, — встретился он. — Как там... Акуловы живут?

— Акуловы? Да ничего. Они-то получше нашего. — Он горько улыбнулся.

— Небось все... поразорили у них... комиссары? — с небрежной усмешкой — будто ему-то все равно — произнес он и настороженно посмотрел на Лешку.

— Да не... Живут! Никто их не разорил.

«Кто же он Акуловым? — силился вспомнить семью кабатчика Лешка. — Ромка у них и Настя... Так они еще моложе меня... Небось из сродственников...»

— Давай! — приказал пассажир повеселев.

— А можно? Спросить бы лучше у соседей...

— А черт с ними! Давай!

Лешка запел. Картежники в первом купе с недоумением посмотрели на него и тут же отвернулись, продолжая заниматься своим делом. С верхних полок показались любопытные лица. Небритые, заспанные. Один, с опухшим лицом и расплывшимися корявинами на бледном лице, подошел к Лешке и похлопал его по спине.

— Давай, Русь великая, лапотная... Навались, — пробормотал он, и в горле его забулькало. Левая щека забугрилась в морщинах, на них синела сыпь. «От пороха небось», — мелькнуло у Лешки.

Он отвернулся, вскинул глаза на своего «шефа». Тот грязно выругался и резко махнул рукой:

— Идите к черту!

— Но за тобой игра, — не отставал синюшный.

— К черту! К дьяволу!

Вот вспыхнуло утро,
И выстрел раздался...

У хозяина купе дергалась правая щека, ноздри вздрагивали. Глаза потемнели, но были отчужденно холодны и неприступны. Он не мигая смотрел на Лешку, и от этого взгляда Лешка чувствовал, как где-то под ложечкой нет-нет да хрустнет холодной льдинкой страх. Но он гнал его и делал вид, что весь отдается песне. Вот он закончил ее. Встал.

— Граждане, — сказал он. — Кто что может...

Грубая рука «шефа» усадила его на место.

— Сиди... Потом.

И Лешка вдруг понял, что тот смертельно пьян.

— Да что ж я, дяденька... Мне надо идти, — пролепетал он.

— Ну пшел, — прошипел вдруг «шеф», откинулся назад и тут же захрапел.

В нерабочем тамбуре, уткнувшись лбом в стекло двери, стоял проводник.

— Ну что? — спросил он безучастно, оглядев Лешку.

— Мне бы, дядь, в другой вагон...

— Ты скажи: много тут тебе надавали?

— Да нет, — вздохнул Лешка.

— То-то и оно, — загадочно проговорил старик, открывая дверь.

— Солдаты, что ли, по домам едут? — вздохнул Лешка. — Сами небось не жрамши...

— Солдаты, — криво усмехнулся проводник и, оглядываясь, тихо прошелестел губами у самого Лешкиного уха: — Бандиты это ряженные едут. Барахла у каждого, драгоценностей.

— Куда ж они?

— Похоже, сынок, к Воронежу или дальше, к тамбовским лесам пробираются.

Старик отодвинул в сторону дверь, и в тамбур ворвался вместе с холодным ветром грохот идущего поезда.

...Прав старик: поезд набит подозрительными пассажирами. Теперь действовать, действовать... Скорей бы эта Давыдовка. Тут, как Бобров наказывал, к телеграфисту обратиться надо. А уж он-то знает, что делать дальше.

На разъезде все произошло так, как говорил Бобров. Молодой в матросском бушлате телеграфист, выслушав Лешку, хлопнул его по плечу и весело выкрикнул, берясь за ключ:

— Полундра! Будем делать порядок!

Вошел еще один дядька, в черной шинели, с красной фуражкой на голове.

— Предположения оправдываются, Иван Сергеевич! Давай команду! — сказал телеграфист и подмигнул Лешке.

Иван Сергеевич заметно побледнел.

— Этот, что ли? — сказал он, облизывая сухие губы и с испугом глядя на Лешку.

— Точно, — кивнул Лешка.

— Тогда вот что, — оправился он от неожиданной вести. — Беги, сынок, к водокачке. Там набирает воду машинист Вдовенко. Забирайся к нему на паровоз и валяйте.

...Ух, как это интересно — разрывая тьму, шпарить во весь дух на паровозе! На крышах вагонов приходилось ездить Лешке, на сцепках, открытых всем ветрам тамбурах товарняка, а на паровозе — ни разу!

Вдруг паровоз стал подавать тревожные гудки. Коче-

гар, побросав дрова в топку и торопливо захлопнув чугунную дверку, посмотрел в левое окошко.

С тревожно бьющимся сердцем Лешка поднялся и из-под руки машиниста тоже высунулся в окно.

Впереди мигали какие-то огни.

— Станция? — спросил Лешка.

— Костры... Кажется, влипли. Станичники ждут пассажирского.

— Прямо в степи? — не понял Лешка.

— А где легче грабить — не в Ростове же или Воронеж?.. — Помолчав, добавил: — А может, банда? Эта сволочь и с насыпи может...

Вдовенко на минуту метнулся к каким-то приборам, покрутил там — паровоз будто споткнулся. Лешку качнуло вперед, и он отлетел в противоположный угол. «У, черт!» — охнул Лешка, хватаясь за голову, но тут же вскочил на ноги и прижался к стене.

Яростно шипя, паровоз шел меж костров. Пламя поочередно освещало, то вспыхивая, то затухая на миг, стены паровозной будки. Послышался разноголосый шум.

— Ну, все, — прошептал Лешка. — Сейчас залезут сюда и... конец. — Взгляд его упал на стенку тендера. «К дровам!» — пришло решение. Но он тут же отказался от него. «Откуда этим громилам знать, кто я и откуда?» Лешка поправил висевший под тужуркой мешок. Достал из него горсть тыквенных семян и стал грызть их.

Паровоз пронзительно загудел. Продвинулся еще несколько сажен и, отпыхиваясь, остановился.

«Вот они, сволочи, — зло мелькнуло в голове Лешки. — Подводы кругом... А что, если банда? Куда, скажут, прешь? Почему один? Где состав бросил?»

Настроение старого машиниста пугало Лешку. Возмет и выдаст, чтобы шкуру свою спасти. «Посадили вот, — скажет, — пассажира... Я тут ни при чем... Мне что власти прикажут...»

От этих мыслей Лешку бросало то в жар, то в холод. Хорошо хоть темно еще... Может, еще и скрыться удастся.

К паровозу, запыхавшись, подбежали несколько мужиков. Высморкавшись, один хрипло крикнул:

— Чего раскатываешься?

— Да вот на свидание к вам прислали, — насмешливо сказал Вдовенко. — Говорят, в станицах только паровозов не хватает, чтобы мужикам возить сено.

«Ух ты! — подивился Лешка. — Вот дает. Разозлит пуще. Полегче б с ними».

— Ну, ну, толкуй пошибче, — угрожающе загудело снизу. — А ну, что там у тебя? Может, комиссаришку с депешей мчишь? А?

Под руками мужиков заскрипели поручни.

— Милости прошу, дорогие гости, — в том же тоне бесстрашно отозвался машинист. — Комиссаришку я в топку упрятал... Кузька, открой станичникам топку!

— Ладно, не балуй, — оборвал его предводитель. — Ишь ты, какой безбоязный! А сам в ту топку не хочешь сыграть?

— Откровенно говоря, не хочу, — весело сказал машинист. — Да и какая вам прибыль?

«Вот это дядька!» — восхищенно думал Лешка.

— А ну, станишники, пошарьте-ка там в его кухне! — скомандовал предводитель. Лешка сжался. Пыхтя, станишники полезли в тендер.

— Дровишек мог бы предложить вам, да самому не хватает до станции, — спокойно сказал машинист.

Станичники покопались в дровах, разбросали поленья в одном месте, в другом.

— А ты кто? — заметил вдруг предводитель Лешку.

— Ради Христа прошу, — сказал он, — с пассажирского вытолкали...

— Вот что, мужики, — раздался голос Вдовенко. — Послали меня впереди большого эшелона. Путь проверять. Ясно? Вот моя и задача. Могу назад двинуться. Туда ведь дорога свободная.

— Что за шалон? — насторожился предводитель.

— Обыкновенный... Большой эшелон до Воронежа. Кажется, с товаром, с оружием. Вкружную идет через Ростов.

— Врешь?

— Ей-богу... Что мне врать, старику... Вон кочегара спросите. Скажи им, Кузьма.

— Слышал я, с Москвы самой кружным путем идет, — отозвался кочегар дрожащим голосом. — С мундировкой для Красной Армии.

— Охрана большая?

— Конечно, без охраны не пустят, — сказал Вдовенко. — Да какая там охрана... Может, с полвзвода голодных парней...

— Ну вот что, — скомандовал предводитель. — Слазьте все к чертовой бабушке! Пусть этот шалон такнется об твой паровоз!..

Станичники быстро скатились вниз.

— Шалон идет! Шалон, братцы! Готовьтесь! — раздались снизу возбужденные голоса.

Толпа загудела. Лешка прислушался. «Неужели правду говорит Вдовенко? — лихорадочно работал мозг. — Да где там, какой эшелон? На пушку взял... Молодец! А дальше как?.. Что он решит дальше?»

— Ну и голова ж у тебя, слушай, — укоризненно произнес Вдовенко предводителю станичников. — Светает ведь? Светает... За три километра увидит машинист эшелона паровоз. Сразу догадается, что неладно что-то... Остановится и задним ходом уйдет обратно!

— Не врн, тут уклон, — оборвал его не совсем уверенно тот.

— А костры? Ведь прямо на линии костер... Я его черт знает откуда увидел!

— Что ж не ушел назад?

— Да эшелон-то вот-вот покажется! Так я бы в лоб ему? — И совсем тихо: — А потом подумал: может, ремонтники трудятся на линии.

— Хватит. Поговорили. Слазьте, говорю!

— Ку-ум! — раздалось снизу. — Вроде шумит там по линии!

— Ну? — заторопился кум и приказал разбросать костры. — Вон тот, тот, впереди! — крикнул он, и тотчас затопали мужики по насыпи. — А вы собирайтесь. Ну! Или хотите, чтоб я вас из обреза продырявил здесь? А может, сигнал вздумаете подать?

— Да какой там сигнал? — покорно проговорил Вдовенко. — Спустить пары надо. Топку залить к чертовой бабушке. Увидят ведь с эшелона.

И вот со свистом зашипел пар, окутывая со всех сторон паровоз.

— Ключ большой, Кузьма, — протянул руку через голлову присевшего на корточки Лешки машинист.

Кузьма протянул огромный ключ, и тотчас послышался удар. Предводитель тут же сунулся в угол.

Паровоз вздрогнул всем телом, с отчаянным выдохом рванулось из его груди черное облако, потом еще, еще... И вот, разрывая предрассветную сумеречь, грозно гудя, он уже мчится легко и свободно по гладкому своему пути. Вот это да! Вот это здорово! Лешка вскочил и сияющими глазами уставился на машиниста. А тот хмуро обронул:

— Прикрой его рогожей, Кузьма. Да возьми обреза... Уж где-то позади раздались еле слышные хлопки, взвизгнули пули.

А паровоз набирал скорость.

Вдовенко по грудь торчал в смотровом окошке, а у самой топки, подвернув ноги, лежал бородатый станишник. Кузьма подмигнул Лешке. В руках его был обрез, нацеленный на пленника.

— Потапыч — он такой... С ним не пропадешь. А ведь страшновато было, а? — покровительственно произнес кочегар.

Лешка ничего не ответил, легонько ткнул ногой в бок мужика.

— Не насовсем, а? — посмотрел он на Кузьму.

— Черт его сразу захлестнет, такого борова.

...Уже рассветало, когда, легко отдуваясь, паровоз подкатил к какому-то разъезду. Из небольшого деревянного вокзальчика выскочили люди с винтовками и окружили паровоз. У Лешки заныло тревожно под ложечкой: «А ну как настоящая банда?» Но, разглядев на шапках красные звездочки, успокоился. Вдовенко потянул за висевшую на проволоке ручку и коротким гудком приветствовал их.

— Проскочили! — просиял Лешка.

— Привет, товарищ! — раздалось снизу. — Какне новости?

— А новостей — куча! — отозвался весело Вдовенко. — Еле унесли ноги от станичников. Трофею возьмем. Может, примете?

— Банда? — насторожился командир.

— Может, и банда.

— В каком месте?

— Верст двадцать отсюда.

Командир вытащил из-за пазухи карту и стал рассматривать ее. — А ну, давай трофею!

— Как раз в пору. Очухался! Давай, ребята!

...На небольшой площади бегали люди. Они выводили коней, строились в ряды. Вот на рыжем дончаке подскочил к строю командир. Лешка зачарованно смотрел на него. А тот поднял над головой сверкнувшую белым огнем шашку, круто развернул дончака и помчался в степь. За ним, вздымая пыль, рванулся с места полуэскадрон. «Может, в Давыдовку? — подумал Лешка, вздрагивая неожиданно от озноба. — А может, на банду какую...»

Сложив карту, командир приказал Вдовенко двигаться дальше.

— В Воронеже под эшелоны паровозов нехватка, — сказал он. — Вас там ждут... — И, приложив ладонь к виску, устало добавил: — Счастливого пути.

В это время к нему подбежал дежурный телеграфист. — Товарищ командир, — торопливо проговорил он, — на разъезде в Давыдовке белогaды избили коменданта, ранен телеграфист.

— Откуда там белогaды?

— С пассажирского, переодетые...

— Связь! Дайте связь со штабом дивизии, — резко приказал командир и, обращаясь к одному из сопровождающих его: — Поднимайте полк по тревоге!

— Есть поднять по тревоге полк! — вытянулся перед ним тот и, лихо козырнув, придерживая на левом боку шашку, побежал к площади. Командир, кивнув Вдовенко, пошел за телеграфистом.

Паровоз гугукнул торопливо, тревожно и плавно тронулся с места. «Значит, там белогaды. Значит, не ошибся», — забилась у Лешки напряженная мысль. И тут же голову его обнесло терпким жаром.

Глава 5

Сначала Лешка почувствовал какой-то резкий непонятный запах. Потом... Или он ослышался? Далекий, ноющий колокольный звон... Бу-у-ум. Бу-у-ум. Бу-у-ум... И снова этот запах. От него начало подташнивать. Лешка поморщился и открыл глаза, но тут же, слабо ойкнув, закрыл их. Что-то больно царапнуло под веками, словно кто-то только и ждал момента, когда он откроет их, чтобы сыпануть в них песку. Лешка с трудом поднял руку и закрыл глаза ладошкой. Под ней мокро стало от пота. Он отдышался. Над ним потолок. Степь, кусты, а эти прожилки — реки... А может, балки степные? Провода, провода... Их много. Особенно густо сплелись они в углу. Сплелись, перепутались, будто телеграфная линия после страшной бури. А это что там ползает по проводам? Не ползает, а катится, точь-в-точь как дрезина по рельсам... Лешка скользнул взглядом по рельсам. Стена. Она в каких-то темных полосах. Вон даже пятерня чья-то приклепнулась. А это что там, словно ручей, сверкает, струится откуда-то сбоку через всю обшарпанную стену. Да это же солнце!

Лешка с трудом повернул голову и сморщился от боли — хрустнуло что-то в шее. Под ресницами все еще въедался больно песок, царапало глазные яблоки, но теперь он разглядел большую комнату.

На всех койках лежали бритоголовые с сизыми лицами люди. «Больница... Как же я сюда попал?» — приполз-

ла откуда-то ленивая мысль. И от нее Лешка почувствовал слабость во всем теле. Он отогнал ее, а она давила, давила, и не было сил отбиться от нее. Как? Как ты попал сюда? Все шумы и звуки навалились на него. Но теперь ему почему-то хотелось слушать, слушать их, впитывать в себя. Он еле повернул во рту сухой дряблый язык и прошелестел: едва слышно:

— Пить...

— Слава тебе, господи! — раздался рядом озабоченный женский голос. — Сичас, милок, сичас...

Когда Лешка открыл глаза, то увидел спину низенькой женщины, поясok на белом халате и крылышки от косынки, закрывавшие шею. Женщина скоро вернулась и подала ему жестяную кружку с теплой водой.

— Пей, сынок, пей.

Он увидел ее лицо, сморщенное, будто сушеная сыро-ежка. А глаза добрые, лучистые.

— Ну, теперь считай, что на поправку пойдешь, — сказала она улыбаясь. — Почитай, три недели на краю могилы...

— Три недели? — прошептал Лешка, холодея.

— Сыпняк свалил тебя, — скорбно качнула головой старушка. — С паровоза прямо и сняли, говорят...

— Тиф?

— Тиф, — подтвердила она.

Лешке стало страшно. Он зябко поежился и накрылся с головой серым солдатским одеялом.

— Мается, сердешный, — услышал он потом и откинул одеяло.

Няня протягивала ему небольшую чашку с жидкой пшенной кашей.

— Подкрепись. Много нельзя, — сказала она.

Лешка взял трясущейся рукой ложку и не заметил, как в один миг проглотил всю порцию. Тепло разлилось по всему телу, но есть хотелось по-прежнему. Только сейчас ощутил он в левой руке зажатый ломтик черного хлеба, сунул его в рот и стал сосать, как конфетку.

Няня занялась соседом. Смочила тряпку, положила ему на лоб. Больной, вздрагивая, успокоился. Потом подошла к Лешке и, наклонясь, тихо проговорила:

— Защитник царя и отечества...

— Кто он?

— А тут все они, голубчик, мамонтовцы да шкуровцы... Были и нашенские которые, да приказал офицер ихний на улицу вышвырнуть... А одного, с депо, кажись... — Она по-

низил голос до шепота: — Его прямо беспамятного выволокли в ограду и пристрелили, как собаку.

— Дёповского? — похолодел Лешка. — Какой он? Высокий такой, усатый? Низкий... ох, а я подумал.

— Отдыхай, отдыхай. Набирайся сил, а я тебе молочка раздобыла... Сичас, милый, вскипачу его.

Теплое чувство благодарности к доброй старушке выдало у Лешки слезу. Он отвернулся к стене и тяжело задышал.

Вдруг откуда-то издалека донеслась музыка. Тяжело ухая басами, играл духовой оркестр. Лешка насторожился. Память вернула его к событиям в городе. Больно сжалось сердце. «Как же теперь? Где Рындин? Сумели ли уйти из города Бобров, дядя Степа? Что с Гранькой?»

Лешка заметался по койке. Пот выступил на всем его теле. Обессилев окончательно от тяжелых мыслей, он беспомощно раскинул руки и заплакал. И странно. Слезы принесли не только облегчение, но и надежду на то, что все обойдется как надо.

«Не такой Рындин, чтоб ворон ловить. Уйдет... Да и дядя Степа не из пугливых, — подумал он. — И этих белогаров вышвырнут отсюда. Вот соберутся с силой — и прогонят».

А музыка играла веселые бодрые марши. На улице был, кажется, ясный солнечный день.

«Радуются, — стиснул зубы Лешка. — А как же наши? Что с ними?»

Где-то в коридоре послышался шум. Потом вдруг в проеме двери показались люди в черных папахах. Лешка сжался в комок, зажмурился, потом приподнял ресницы.

Высокий офицер с желтыми ремнями на груди отвел няню рукой и прошел в палату. Он подходил к больным и пристально вглядывался в их лица.

Соседняя от Лешки койка тяжело скрипнула, тоненько запели железные пружины. Офицер шагнул ближе. Лешка разглядел его. Лицо одутловатое, с припухшими подглазниками, мутный стеклянный взгляд больших глаз. Что-то оборвалось в груди Лешки.

«Тот... тот... в вагоне, который подходил... Играть предлагал этому, родне Акуловых», — выбило где-то в мозгу Лешки.

Он смотрел во все глаза на офицера и не в силах был отвернуться. «Узнает?»

Офицер скользнул по нему непроницаемым свинцовым взглядом и уставился на Лешкиного соседа справа. Тот

сидел и со злой ухмылкой смотрел на офицера. Губы его, сухие, полопавшиеся, что-то беззвучно шептали.

— Бурда? — донесся сквозь шум голос офицера.

Больной, заглатывая воздух ртом, закивал головой.

— Ну вот и встретились, фельдфебель Бурда, — потер ладонь о ладонь офицер. — Доволен. Рад.

— Поздравляю вас, ротмистр, — отозвался Бурда. — С удачей поздравляю!

— С победой, фельдфебель, с победой! — торжественно произнес ротмистр.

«Нет, кажется, не тот. Тот чуть-чуть шепелявил вроде. А может, пьян был. Черт их скоро разберет в мундирах-то», — думал Лешка. В проеме двери он заметил молоденькую стройную девушку в легком гипюровом шарфе. Она поморщилась, вытащила платочек и прикрыла им нос.

— Пройдите, мадемуазель, — сказал офицер. — Запашок тут действительно не того. — Поморщился. — Но вы понимаете. Случайно встретил этого красного бандита. Извините, на деникинском вместе были... Разложил целую роту. Тогда он ускользнул от меня. И вот такая приятная встреча! — Он счастливо рассмеялся.

Девушка упрятала платочек и окинула презрительным взглядом Бурду.

— Он же чуть жив, Вадим.

— Но мы терпеливы, мадемуазель! Подождем, — сухо рассмеялся офицер. — Мы даже подкормим его, чтобы не дохлого тащить в петлю. Мы терпеливы.

— Я уверена в этом, — сказала девушка и посмотрела в сторону Лешкиной кровати.

«На кого же она похожа? — подумал Лешка. — На Графиню? Неужели?.. Что же будет? Что же будет? — с тоской думал он. — Может, пронесет? Может, не признает меня такого? Но разве она не наша? Неужели продажная шкура?»

Но не пронесло...

— Смотри, Вадим... А в этом углу совсем мальчик, — вскинула тонкие брови девушка и, выхватив из муфточки платочек и прикрыв им рот, стала пробираться к Лешке. Ее опередила няня.

— Благородных родителей сынок, — скороговоркой выпалила она, держа в руке большую кружку из белой жести. — Мамаша евонная молочка вот раздобыла... Так рада, так рада, что очухался мальчонок. Наверно, завтра доктор домой разрешит увезти... Все забито... Все переполнено. Друг на дружке лежали, — запричитала няня. — Да те-

перь, слава спасителю... — Она быстро перекрестилась и поднесла Лешке кружку. — Пей, сынок, пей!

Девушка наклонилась над койкой, и Лешке показалось, что он услышал ее шепот:

— Вечером ждите.

...Вечером в палату в сопровождении высокой полной женщины в белоснежном халате вошел могучего телосложения мужчина в хорошем дорогом пальто. Он двумя пальцами придерживал накиннутый на плечи халат. Кивнув небрежно казаку, он быстро оглядел палату и, подняв руки перед собой, пошел к Лешке:

— Вот он где, мой дорогой, — нежно пропел он.

Через минуту усач колот уже Лешку жесткой, пахнувшей табаком щетиной.

— Милый мальчик... Вот мы и приехали. Да такая напасть: нигде ни одного извозчика... С превеликим трудом раздобыли. Спасибо Сергею Петровичу Воронцову. Ты помнишь его? Дорогой ты мой... Забыл? А в шахматы с ним еще сражался. Забыл? Ай-ай-ай!

Пришла запыхавшаяся няня. С ней какой-то подросток. Они принесли белье. Усач, как перышко, подхватил Лешку на руки. Его быстро одели. Вынесли на руках в коридор. Там облачили в гимназическую шинель. Усач поцеловал руку докторши, и Лешку наконец вынесли в ограду.

Когда усаживались на извозчицью пролетку, усач строго приказал:

— Ну а теперь быстро... Через полчаса — комендантский час!

Они доехали до угла какого-то большого здания.

— Дальше мне нельзя, хлопцы... Подозрительно будет. Инженер-градостроитель, а болтается по окраине. Успехам! Встретимся.

Кто-то Гранькиным голосом ответил ему:

— Спасибо, товарищ Бобров. Теперь мы и сами управимся.

Глава 6

И снова это бу-ум, бу-ум. И Лешка, будто возвратясь из дальних трудных плаваний, тяжело вздыхает и открывает глаза. Темно, как в подвале на Соляном. А пахнет чем-то домашним. Кажется, пригорелой хлебной корочкой или розовой пленочкой топленного в глиняном горшке молока. Бу-ум... Та-та-та... Тррах, — раздается откуда-то. Нет, это не колокол.

«Стреляют!» — догадался Лешка и тревожно поднял

голову, прислушиваясь. В шее больно хрустнуло, и голова бессильно упала на подушку.

— Пи-ить, — пропищал Лешка и стал вспоминать, что с ним случилось. И вдруг вспомнил Боброва... Поздний вечер. Пролетка... Потом — провал. Где же он?

На улице раздался топот копыт. Что-то глухое, но могучее, как волна, накатывалось на улицы города.

— А-а-а! — И снова топот. И снова эта волна: — А-а-а!

Вот что-то стукнуло снаружи. Скрипнула дверь. Кто-то ворвался в домик. Не один. Сквозь шепот до Лешки долетели прорывавшиеся восклицания:

— Я его как рубанул из-за угла...

— Карабин! Настоящий. Вот он!

— Тсс! Можете потише? — девичий голос.

— Пи-ить! — подал слабый голос Лешка.

— Тсс! — раздалось на кухне. — Показалось мне, что ли?

— Пи-ить... черти... идите сюда... заговорщики!

Стукнула, разорвавшись пополам, филанчатая дверь, и в темную, закрытую на ставни комнату ворвался свет. Вошли удивленные и обрадованные, тараща глаза, Гранька, еще какой-то молодой парень в тужурке с глухим воротником. Бесцеременно расталкивая парней, вперед вывралась Маша.

— Пить? Сейчас, Лешенька... Сейчас! — Она метнулась обратно в кухню.

— Здорово! — ухмыляясь во весь рот, проговорил Гранька и схватил Лешкину руку. — И что с тобой случилось? Подвожу его сюда. Зову: «Лешка, Лешка!» А он без памяти... Ты знаешь, где мы? Это домик тети Капы. Няню помнишь в больнице? Она большевичка. Товарищ Бобров все устроил еще тогда, как ты свалился на станции. Прямо с паровоза тебя сняли. А теперь вот сюда. И я тут... И Маша перебралась с кордона.

Гранька, глотая слова, говорил, говорил. А событий было столько за эти дни, что и на неделю разговоров хватит. И хочется сразу ввести Лешку в круг событий.

— Тут, понимаешь, ворвался Мамонтов. Потом Шкуро... Дядя Степа и товарищ Бобров сколотили отряд из рабочих и весь день отбивались в депо и на станции. А потом прорвались...

— Ладно. Хватит. Пора. Выходите. — Это Машенька.

— Да, да... — заторопились парни. — В городе ведь бой идет... Буденовцы ворвались... А мы тут... У нас застава рабочая...

Маша, поблескивая глазами, то и дело хваталась руками за непокрытые свои волосы, спадавшие на лицо, с жаром стала рассказывать. Ах, как обокрал Лешку этот противный тиф!

— А знаешь, Егорыч-то на кордоне чуть-чуть тоже концы не отдал. Нет, не болезнь... Нагрянули тут чекисты, а хозяина он загодя и не предупредил... За хозяином пришли они... Я его, сатану, вот как возненавидела, когда Гранька все рассказал мне про отца, про мамку.

— Ну, ну... Что там Егорыч-то?

— Увернулся ведь из-под носа чекистов тот злодей, Митрич-то... Как в воду канул. Ну, те поискали и ушли, а он, бес, слышим, кричит из колодца... Вытащили его. Вместе с Егорычем крутили ворот-то колодезный... Мокрый он. Злой как черт. Тут же на старика набросился: «Ты предал, гад?» — кричит. Тот божится — слухом, мол, не слышал про чекистов. «Врешь», — визжит хозяин. И в дом. Оттуда выскочил с двустволкой и пальнул в деда. Тот и грохнулся у сарая, да больше от испугу. Заряд-то полупиджака вырвал... Ну и царапнуло немного. Ой, что было! Что было! — схватилась за голову Маша. — Потом, правда, все просил прощения у старика. «Одарю, — говорит, — тебя за верную службу. Скоро, — говорит, — тут все переменится...» Какого-то Воронцова, сказывал, встретил, сослуживца будто... Идет сюда большая армия. Конец большевикам приходит... Через недельку как нагрянули! Господи, что тут началось! В мундир принарядился наш-то. Офицеры оравой целой стали ходить. Пьют, охальничают. Шагу не дают шагнуть. Я и сбежала. Тетя Капа — святой человек. Она меня хозяйкой тут назначила. — И Маша улыбнулась.

В это время на улице снова затрещали выстрелы. Маша прислушалась. Хорошенькое лицо ее стало озабоченным.

— Неужели наших одолеют? — проговорила она.

— Они где? — с трудом выдавил Лешка.

— Цейхгауз какой-то охраняют... В эту сторону кинулись было казаки... Отбили. Ишь — опять! — Послушав некоторое время, она вдруг торопливо вскочила. — Ребята там ведь жарко там... Водички снесу! А ты лежи. Я сенцы закрою. Лежи, лежи.

— Маша! — раздалось снаружи. — На митинг, в город! — Это Гранька. Это его голос. Лешка встрепенулся.

Крик, возбужденные голоса донеслись из ограды.

...Они сидели за столом двое. Гранька уплетал за обе щеки затируху и, вскидывая глаза на Лешку, ухмылялся, качал головой.

— Ну мертвец и только!

— Ладно тебе, — сердился Лешка. — Заладил себе — мертвец да мертвец... Говори, как это тут получилось. Ну, воротились эти белогaды... А потом?

— Они куда-то в другом направлении двигались, а наши их даванули, они и скатились сюда. В одни сутки произошло.

— Маша на кордон ушла?

— Вчера говорила, что может снова остаться там. Деда жалко. Один он опять.

Гранька доел затируху, облизал ложку и, встав из-за стола, зачерпнул из ведра ковшик воды. Напившись, расправил на себе гимнастерку. Лешка с завистью смотрел на друга. Гранька здорово изменился. Он подрос за это время, раздался в плечах. Прямо не узнать парня.

— Рассказал бы, как ты задание выполнил на кордоне, — попросил Лешка.

— А тут и рассказывать нечего, — отмахнулся тот.

— Так уж и нечего, — не поверил Лешка. — Хозяин хоть дома?

— Был дома, да весь вышел.

— Ты, Гранька, как настоящий сыщик стал...

— Понимать надо, Леха, — со значением посмотрел на друга Гранька.

— Да-а, — протянул Лешка и обидчиво поджал губы.

— А ты знаешь, Боброва теперь в губотдел перевели. Рынди́на нет. Другой начальник. Бобров про тебя спрашивал.

— Не врешь? — обрадовался Лешка.

Гранька пожал плечами:

— Может и сюда прийти. Он такой. Один раз смотрю, в колушке — селянин да и только! На базаре в толкучке!

— Смелый, — потеплел в голосе Лешка. Вообще-то Бобров нравился Лешке. Он чем-то похож на дядю Степу.

— Так что, брат, поправляйся и дело получишь...

— Да я хоть сегодня... Честное слово. Сказал бы там, а?

Гранька усмехнулся про себя:

— Ладно уж.

И непонятно Лешке: то ли скажет, то ли нет.

От нечего делать приустремился Лешка к чтению. У тети Капы была своя небольшая библиотека.

Как-то Гранька прибежал раньше обычного.

— Слышь, Леха... На собрание пойдешь? — спросил он не раздеваясь.

— Какое такое собрание?

— Рабочие сами будут судить Турка.

— Турка?

— Да. Поймали его с каким-то типом... Курочил паровоз.

Лешка отложил в сторону «Капитанскую дочку» и, казалось, совсем не удивился этой новости. Только чуть-чуть расширились его глаза. В них мелькнула злая насмешка.

— А помнишь? — сказал он и стал торопливо одеваться.

— Помню, — с готовностью кивнул Гранька и, отвернувшись к порогу, где стояла деревянная лохань, шумно высморкался. — Он и тогда... Мы не ошиблись.

...Возвращались поздно вечером. Угрюмые, потрясенные тем, что видели и слышали на этом бурном собрании. Перед глазами Лешки стоял осунувшийся враз, с дикими от страха глазами и опущенной головой Зарубин — Турок. На столе горбилась кучка разной медной арматуры. Даже паровозный свисток был тут. Это добро нашли в доме у Турка. Шла медь на зажигалки, которыми бойко торговали на барахолке.

Ребята, спотыкаясь на каждом шагу и проваливаясь ежеминутно то в грязь, то в ямы, пробирались в темноте по окраинным вымершим улочкам.

— Как думаешь, что ему будет? — спросил Гранька, прислонясь к какому-то забору и счищая с сапог комья липкой глины.

— Жалко? — насмешливо хмыкнул Лешка, с трудом сдерживая дыхание — слабость еще давала о себе знать.

— Ребятишки, — неопределенно буркнул Гранька.

— Я знаю. Ты жалостливый у нас парень. И врага, наверно, можешь простить, если тот слезу пустит...

— То враг, Леша... А Турок-то все же наш брат — рабочий.

— Рабочий, а на свое государство руку поднял, — жестко бросил Лешка. — Сегодня паровоз раскурочил, а завтра может рельсу разворотить, чтобы состав пустить под откос... Пожиться, чем бог пошлет... Ты забыл, как о корке хлеба мечтал? То-то! А он в это время кролей, то да се разводил... Самогонку лакал у тещи и, может, через эту самую тещу не один пуд меди сплавил на толкучке... Жалко! — фыркнул презрительно Лешка. — Шибко ты жалостливый.

— Ну, знаешь, — крикнул вдруг Гранька. — Хватит... Ты не учи меня. У тебя свое мнение, у меня — свое. Почему я должен тебе верить, а не себе?

Лешка с удивлением посмотрел на товарища: таким он его еще не видел, не знал. Гранька решительно повернулся к нему спиной и зашагал вперед, не выбирая дороги.

Вдруг Гранька остановился. Стал поджидать Лешку. «Очухался... Отошел», — теплом ударило в сердце.

— Устал? — спокойно спросил Гранька.

— За тобой и гончие не угонятся, — буркнул Лешка. «Счас скажет: «Ты прав был, Лешка... Я немножко переборщил. Не сердись».

— Ты знаешь, о чем я думал?

Лешка промолчал. Они пошли рядом.

— Да брось ты дуться, — толкнул слегка в плечо Гранька.

— С чего ты взял? Просто... отдышаться не могу. Упрел. Будто из бани...

— А я распалился... Как паровоз... Ты не думай... Это все так... Наверно, еще рано тебе такую даль ходить.

— Да ладно уж... Чего там... Как-нибудь, — со свистом выдал Лешка. «Ну такой же он, такой, каким был — великодушный».

— А я тебе не сказал еще, о чем я размышлялся, Леша. Сейчас. Вот, пока шли сюда, — сказал Гранька. — Пока шли сюда... Вот и складывал... Хочешь?

Лешка привалился к плетню.

— Валяй, — махнул он рукой. — А я передохну малость.

— Я тебя увидел. Полюбил, — начал Гранька тоскливо, задрав голову.

Лешка фыркнул, но тут же почувствовал что-то тревожное на сердце. С удивлением и страхом он смотрел на друга. Какое-то новое, непонятное еще чувство овладело им. Оно-то вдруг и сдержало его. Заставило как-то обостренно насторожиться. Будто его давнюю боль или тайные мечты разворочал, нанизал обнаженно в эти слова Гранька.

Я тебя увидел. Полюбил.
И покоя мне теперь не стало.
Взгляд твой милый
Все во мне убил.
И душа затрепетала.

Лешка почувствовал, как жаром обдало его лицо. «Это он, конечно, о Маше... И складно ведь... Неужели прав-

да — полюбил? ...Неужели так можно сочинять? Маша... Значит, и он?..»

Лешка прислушался.

А Гранька глухо, печально продолжал:

Я уйду куда-нибудь один,
Только в мыслях унесу с собою
Глаз твоих сверкающий рубин
Вместе с русою косою.
За тебя я голову сложу —
Злобный враг
Еще всю гуляет.
Ничего тебе я не скажу,
Милая, любимая, родная...

Когда Гранька кончил читать, они, не глядя друг на друга, стыдливо потупясь, пошли дальше. Какую-то отчужденность почувствовал вдруг Лешка к другу. Словно надсмехался над ним Гранька, сказав вслух то, о чем он никогда не посмел бы сказать даже родной матери. Он еще не понимал, что с ним происходит. Откуда эта неприязнь, почему он своими складными стихами вдруг взъерошил его всего, поднял откуда-то из глубины души болезненное, ревнивое чувство непонятной обиды и горечи?

Гранька ни о чем не спрашивал, но и он почувствовал холодок, который появился между ним и Лешкой. Этот холодок неприязни пощипывал за сердце.

Вот наконец и три тополя. Гранька прокашлялся и, будто виняся перед Лешкой, сказал, что у него и про тополя есть стихи.

— Про все, что ли, можно? — удивился Лешка, и что-то вроде надежды шевельнулось в нем.

— Конечно же. И про речку, и про луг. Не читал разве?

— Читал, конечно... А девчонкам?

— Что девчонкам?

— Ну, в любое время, что ли, можно писать? Хоть кому?

— При настроении, — понял его Гранька. — А сложить можно про любую...

«Черт его знает... Может, и правда, — обрадовался чему-то своему Лешка. — Может, он и не про Машу совсем... Может, она и ни при чем вовсе?»

— А это ты... про Машу... да? — спросил он, преодолев робость.

— Не знаю... Может, и про нее, — сказал Гранька как-то безразлично.

— Да ты что? — поразился Лешка искренне.

— Я и сам не знаю, Леша, но так можно, оказывается. Поэты про все сочиняют.

— Фу ты, черт! — ткнул его в бок Лешка. — Поэт!

Гранька счастливо засмеялся, но тут же оборвал смех — они враз остановились, будто перед ними вдруг разверзлась глубокая яма. А причиной их изумления был... огонь. Он ярко, даже как-то нахально, будто назло этому темному городу, светился в обоих окнах кухоньки. Даже светлые шторы показались ребятам розовыми и необыкновенно чистыми.

— Вот здорово! Где-то раздобыла тетя Капа керосинчику, — проговорил обрадованно Гранька. — Почитать можно будет...

— А я знаю, откуда этот керосин, — сказал Лешка, заметив что-то своим цепким глазом.

— Откуда? — торопливо шагая к калитке, бросил через плечо Гранька.

— Маша принесла.

— Маша? А где ты ее заметил? — не поверил Гранька и забарабанил в дверь.

Тут же раздался недовольный голос Маши:

— Ну чего, чего колотишь? Открыто ведь все!

— Ишь ты, какая смелая. Кто же сейчас сидит ночью с открытой дверью? — деланно возмутился Гранька.

— Да я вас вон еще откуда слышу... С большой улицы. Спорят о чем-то... Потом молитву, что ли, читали? — закрывая за ними на деревянную задвижку дверь, проговорила сердитым полусшепотом Маша.

Ребята озабоченно переглянулись. Тон Маши насторожил их.

— Скажи, — решил проверить свою догадку Лешка, — керосин ты раздобыла?

— Ну я, я... Дед из старых запасов благословил, — неторопливо проговорила Маша. — А вы мойте руки да быстрее за стол. Картошки вот вам нажарила... Ждала... Ждала... Как провалились! — Она засуетилась у русской печи, на шестке которой еще тлели угли под чумазым таганком.

— Что-нибудь стряслось там... на кордоне? — спросил Лешка.

Маша расстелила на середине стола мокрую тряпку и поставила на нее сковородку, прикрытую жестяной тарелкой. Когда парни уселись за стол и жадно набросились на румяные картофельные поджарки, Маша, примостилась на табурете, облокотилась на угол стола и с ласковой улыб-

кой стала смотреть на ребят. Потом отошла к окошку и налила из крынки молока.

— Это тебе, Леша... Поправляйся, — сказала она.

— Все ему да ему, — вскинул озорные глаза Гранька и деланно тяжело вздохнул.

— А тебе, что ли? — возмутилась Маша. — Тебя и на привязь в пору, байбака такого...

Гранька фыркнул.

— За что?

— Ишь вымахал как... Ешь, Лешенька, не обращай на него внимания. Ему и водичка на пользу.

Лешку смущала забота Маши, но и сил не было протестовать. Все эти дни, как только поднялся на ноги, он постоянно ощущал голод. Казалось, не было сейчас такой силы, которая могла бы приглушить его. Похрустывая поджаренными картофельными дольками, он видел перед собой огромную буханку ржаного хлеба, с кислинкой, но такого сытного и необычайно вкусного. От одного воображения кружилась голова и где-то аж пощипывало на деснах. Но спасибо Маше. Такую картошку сейчас и по воскресеньям не в каждом доме на столе видят. Но о чем это она?

— ...Слышу, кто-то шарится в огороде, а Валетка не лает. Повизгивает, скулит. С цепи рвется. Так он только к своим ластится, — вполголоса рассказывала Маша.

— Неужели... он? — догадался Гранька.

— Он... Хозяин, — кивнула Маша, торопливо продолжая рассказ. — Забрал полушубок, припасы к ружью... Сало. Хлеб.

— Куда он? — спросил Лешка.

— Да разве скажет? — отозвалась Маша. — Только деда упредил. «Смотри, — говорит, — если метнешься... рядом буду... Молись заранее за упокой души своей». Ведь это зверюга! Ему порешить человека — раз плюнуть...

— А не боишься, что за тобой проследят? — сказал Гранька, облизывая ложку и спокойно вылезая из-за стола.

Маша опасливо посмотрела на окно, потом метнула сердитый взгляд на Граньку. Очень уж что-то спокоен парень!

— Проследил бы, так одну мог захватить тут... Не до меня, видать, ему...

— Не знаю. Не знаю, — задумчиво подал голос Лешка. И, встрепенувшись: — А ты, Граф, топай с утра к Боброву и доложи. Далеко не уйдет. Затаится где-нибудь у хуторян знакомых. Может банду сколотить. Да и в городе тут всякой шушеры хватает.

— Доложу, — отозвался Гранька и с беспокойством посмотрел на Машу.

— Ты что? Неужели на кордон пойдешь?

Маша как-то поежилась, беспомощно улыбнулась и развела руками:

— А как быть? Вдруг тот бес заявится? Узнает, что меня нет, — заподозрить может...

Она прошла по кухне, хрустя пальцами, заглянула в окна.

— Ты права, Маша, — согласился с ней Гранька. — Собирайся, провожу тебя...

Они еще ничего не знали о событиях в городе. Утром Граньку вызвали к Боброву в отдел по борьбе с бандитизмом, и вернулся он под вечер уставший, но радостно возбужденный. Торопливо глотая борщ, рассказал, что накрыли хозяина Полубянки. Дед помог чекистам. Засаду спрятал.

— А нас действительно прихлопнуть хотели. Вернулись, а тут засада.

— У хозяина-то банда, что ли, была?

— Офицерье окопалось. А знаешь, кто раскрыл их? — спросил он у Лешки и тут же ответил: — Твоя Графиня... Она ведь как была, так и осталась нашенской. С офицерами вроде погуливала. «Графиня... Берег Инютенки. Граф Монте-Кристо... Потом госпиталь. Вахмистр. Смелая, отчаянная. Молодец, — мелькнули короткие видения в мозгу Лешки. — А Гранька очень уж возбужден что-то. Неужели пойдет на задание?» — Он с откровенной завистью наблюдал за товарищем.

Так и есть. Ночью в постели прошептал: «Ухожу, Леша, по заданию. Помалкивай». — «Куда хоть?» — встрепнулся Лешка. «Про это не спрашивай».

И ушел на утро Гранька. И как в воду канул. Вот уже третий месяц.

Глава 7

...Отгремела война. Отряды Красной Армии возвращались с Польского фронта. Как-то после смены Лешка побежал на станцию, чтобы посмотреть на очередной эшелон. Кутаясь в свою гимназическую шинельку, он прошмыгнул под вагонами и вышел к перрону. Навстречу шел с котомкой за плечами в белом дубленом полушубке высокий человек. Борода и усы его заиндевели. «Наверно, демобилизованный», — подумал Лешка и уже отвернул в сторону,

вдруг что-то тяжелое легло ему на плечо. Над самым ухом раздался знакомый громкий голос:

— Ба-а! Леха! Ты что ж нос воротишь, а?

Огромные лапищи сгребли его.

— Степан Иванович! Дядя Степа? — задохнулся от радости Лешка.

— Он самый, Леха! Он самый! — прогудел Чугуев и отстранил Лешку от себя, не выпуская, однако, из рук. — Подрост! — Дядя Степа хохотнул в бороду. — Ну как тут у вас?

— Работаем!

— А Гранька?

— Он в другом месте...

— Ну, пошли до нас. Как они там? Выжили?

Лешка сознался, что ни разу в семье его не был. То болел, то все на работе...

— Нелзя, брат, забывать старых друзей, — выговаривал ему Чугуев. — Но я слышан — выжили, а теперь должны жить.

Дорогой Степан Иванович рассказывал, что попал в тот раз в Красную Армию по мобилизации коммунистов.

— Ну а с этими пилсудчиками разделались по-своему... Для дальнейшей службы староват, брат... Вот и вернули. Налаживай, говорят, жизнь. А ладить ее, Леха, смотрю я, трудновато будет. — И вдруг крикнул, похлопал рука об руку и уже совершенно по-домашнему и как самому близкому: — И давно тут у вас такой несусветный холод?

— Порядком... весь февраль, считай, жмет...

— Смотри ты! — подивился Чугуев.

Они подошли к завьюженному бараку. Степан с беспокойством оглядел дворик, покосившийся сарайчик, в который обычно складывают дрова и разную негодную рухлядь.

— Н-да, кажется, не богато запасов... Одна-две старых шпалы, — горько усмехнулся он. — А ничего — лишь бы сами живы были...

Они взбежали на невысокое крылечко, и Чугуев первым толкнул дверь. В комнате стоял полумрак. Сквозь окна едва пробивался свет. Степан сел на лавку и, молча погладив бороду, осмотрел жилье.

— Кто там? — раздался озабоченный женский голос из другой комнатухи.

На печи в это время приподнялись из-под какого-то рядна две детские головки. Ребятишки с испугом глядели на бородатого дядьку.

В комнатке пошущукались. Потом что-то стукнуло,

упруго подпрыгнуло на полу и упало на порог. Лешка разглядел гребенку. Женщина охнула и, прикрывая голые колени коротковатым платьем, показалась в дверном проеме. Худое бледное лицо. Глаза — огромные, испуганные. Потом лицо исказилось болью, радостью, страданием — все это высветилось на нем в одно мгновение.

— Степа! — вскрикнула она и бросилась к мужу.

— Ладно... Ладно, Шура, — растроганно повторял Степан, похлопывая по спине жену широкой своей ладошкой. — Жив ведь. Чего еще? — Он зажег плошку и поставил свою солдатскую сумку с ляжками. Быстро развязав ее, сунул руку, достал что-то и торопливо шагнул к печи.

Раздав гостинцы, Степан посадил ребятишек на печь.

— И ты снимай свою шинельку, гимназист... — смеясь, сказал Степан, обращаясь к Лешке. — Где это ты раздобыл такую?

— Это не я...

— Кто ж? — подивился Степан, накидывая на плечи полушубок. Наклонясь, он стал шарить рукой под лавкой. — Топор... Ага, на месте... Я сейчас... Пощипаю шпалу. Ты сиди, сиди, Алексей. Разведем прямо на шестке костер... Ты, мать, готовь сковородку. Ну, ну, я быстро.

...И вот все за столом. Вокруг такой вкусный запах поджаренного мяса.

— Консервой зовут, — пояснил Степан. — Они там эти консервы и лопают. Пользительная штука, а главное — не портятся. Хоть в жару, хоть в холод... Ешьте, ешьте, — угощал Степан, высыпая на стол целый ворох каких-то лепешек. — А это по-ихнему галеты... Ешьте!

«Ишь ведь как, — думал Лешка, неторопливо поддевая в ложку поджаренные на каком-то вовсе непонятном масле мясные кусочки. — А у нас вроде не видно, чтобы такое было. Заграница, известно...»

Лешка для убедительности икнул и отложил ложку.

— Что мало? — удивилась Шура. — Не нравится?

— Да нет. Я ведь сытый. Я так... попробовать.

Степан, тихо чему-то улыбаясь, стал скручивать самокрутку.

— Ну колбасы копченой отведай! — сказал он, сверкнув глазами. — Ишь, с чем воюют, гады. А наши, знаешь, с одним сухарем за пазухой. Ну ничего. Те сухарики долго теперь помнить будут. Обозик их трянули напоследок, — пояснил Степан, — ну и поднагрузились малость, кто чем мог... Садись на лавку. Да рассказывай новости. Что ты в госпитале был — это мы устроили тебе. Ты ничего не по-

мнишь, а тут, брат, заварушка была. Налетели эти царские генералы, едва мы концы спрятали с губпарткомом.

— Говорят, вы тогда на каком-то хуторе были...

— Обрядились, брат, вроде дезертиров... И сами в городе начали народ сбивать. Два эшелона беляков под откос спустили... Нашупали. Тогда меня Турок спас... К теще приспособил вроде немого братца! Ха! Ну и вреднющая ж у него теща. Того и гляди выдаст контрразведке. Да я пригрозил: говорю, если что будет со мной плохо, учти — пепел на этом месте люди оставят. Убоялась. Как за родным стала ухаживать...

Лешку это сообщение взволновало.

— А ты знаешь... Знаешь, дядя Степа... Турка ведь судили!

— За что? Кто судил? — изумленно вскинул тяжелые брови Степан.

Лешка сбивчиво стал рассказывать. В это время в сенях захрустели половицы, и в комнату, неся на себе холод, с шумом ввалились деповские. Их было четверо. Двух Лешка сразу узнал. Это были Коновалов и тот самый машинист, который председательствовал тогда на суде. Все его в депо называли Миронычем, или Батей, и редко кто Ишутиным.

— Ну что там, Степан, в большом мире-то?.. Надежно теперь иль еще какая собака оскалится? — спросил Ишутин.

— Собак-то — их не пересчитать... Зализывают раны да рычат, — сказал Степан, оглядывая мужиков.

— Ты как, Степан, в губпартком уйдешь иль в депо вернешься? — спросил Коновалов.

— А это уж как посмотрит партия, друзья мои... Теперь я собой не команду, — пощипывая бородку, сказал Степан.

— Оно конечно, — подтвердил Мироныч. — Ей виднее.

— Такое дело, братцы, — кивнул Степан и вдруг, буд-то спохватившись, обратился с вопросом: — Ты скажи, Мироныч, что тут с Турком приключилось?

— Слыхал, значит? — вздыбил бровь на Лешку Ишутин, как бы спрашивая его: «Это ты сказал?»

Лешка отозвался:

— Начал только рассказывать, да вы тут подоспели...

— Понятно, — повысил голос Ишутин и, хмурясь, развел руками: — Такое вот дело... разоблачили его во всем. Сам повинился.

— Ну и что с ним? — озабоченно спросил Степан.

— Передали в милицию. Сидит пока...

— Да-а, — задумчиво протянул Степан, дергая бороду. — Загнала все-таки в трубу мужика эта баба.

— Ты про тещу? — спросил Ишутин.

— Да там и жинка, вместе, — махнул рукой Степан.

— Так, так, — согласился старик. — Но ведь у него и своя голова на плечах... Или, может, кавун?

«Кто же он такой, этот самый Турок? — подумал Лешка в смятении. — Спасал дядю Степу, а сам... И кто бы вообще-то мог подумать о нем плохое раньше? Как теперь поступить дяде Степе?»

Лешка жалел в душе Турка. Все же свой брат — мастеровой. Сызмальства, говорят, приклеился к рабочей братии. А тут вот обженился на такой... И занесло мужика в другую сторону.

Тягостные раздумья Степана прервал незнакомый Лешке, прокопченный до глаз, угрюмый, неповоротливый на вид рабочий по имени Сафрон. Лешка, кажется, и не видел его ни разу. Сафрон спросил:

— А что ж там, Степан, рабочий класс-то думает?

— Где? — отозвался Степан.

— Да в той самой Польше... Чем насолили мы им? Может, не понравилось, что мы их от царской милости освободили?

— А что он, рабочий-то, — пожал плечами Степан. — Не рабочий против нас шел, а шляхта ихняя поднялась. Ну это один черт, это дворяне навроде бы.

— Значит, тонковата еще кишка-то, — заключил, хмуро улыбнувшись, рабочий.

— Придет срок и там силы наберутся.

Слова Степана как-то взбодрили Лешку. Он весело распрощался и почти бегом пустился по узкой улочке. Сапоги его, окостеневшие от холода, отчаянно скрипели, по минутно скользя по твердому, утоптанному насту тропки.

Его встретила тетя Капа. Она зажгла лампу и тут же захлопотала у самовара. Но Лешка решительно воспротивился.

— Отдыхайте, тетя Капа, — сказал он, раздеваясь. Потом присел на голбец и прижался спиной к горячей печке. Блаженно улыбаясь от тепла и домашнего уюта, пояснил: — Вот как наелся заграничных гостинцев.

— Кто ж это тебя угощал так? — усомнилась тетя Капа.

— Степан Иванович Чугуев вернулся с фронта. Зазвал к себе. Консервы ел у него. И еще эти... галеты, что ли?

— Вернулся? — обрадовалась тетя Капа. — Ну слава богу. Теперь наведут порядок мужики.

— А что? — удивился Лешка.

— Кутерьма, Леша, — махнула она рукой и потушила лампу. — Всякой дряни поналезло в учреждения. Бобров сутками не спит. Да, забыла: привет тебе пересылал. Спрашивал про твоё здоровье. Навестить обещал. Теперь ведь он в губчека. Вроде бы заместителем у нового начальника.

И уже из комнатки:

— Чугуев — это хорошо. Нашего полку прибыло.

Глава 8

Шел трудный год 1921-й.

Вот уже дней десять, как они, молодые парни из депо, находятся в боевом кавалерийском эскадроне.

Тогда, вскоре после собрания, объявлена была боевая тревога по всему городу. Коммунисты и комсомольцы по-полняли добровольческие красные отряды. Сколько было волнений в эти дни у Лешки! Его избрали секретарем ячейки. Что делать? С чего начать? Организовали несколько субботников. Убрали весь хлам около депо. Отработали бесплатно несколько смен в цехах. Потом пришла Наташа из горкома комсомола. Похвалила и позвала в горком на инструктаж. Ребятам нужен клуб. В горкоме согласились. Но где его взять? Лешка подал мысль:

— А если отремонтировать классный вагон?

— Дело! — похвалили его.

Начальник станции принял делегацию холодно, но, узнав, что Мироныч не просто машинист, а представляет собой партийную ячейку, а Лешка — комсомольскую, поморщился, протер белоснежным платочком пенсне.

— Чем могу служить, господа?.. Простите — товарищи. — Он усмехнулся. Слово «товарищи» он как-то протянул, мягко спотыкаясь на «р».

— Но-но! — вдруг сердито блеснул глазами Мироныч. — Вы меня, Аркадий Демидыч, тридцать лет знаете...

— Ах, Мироныч, Мироныч, — ласково проговорил начальник станции и тяжело вздохнул, — а какие годы-то были, а? Голубчик мой!.. Какие годы!..

— Были да сплыли, — бесцеремонно оборвал его Мироныч и рассказал о цели прихода.

— Классный вагон? — изумился старик. — Да вы в уме? Да как же я его сплещу на какой-то клуб? Это что — народное... э-э... собрание или... как это, присутствие, что ли?

— Народный дом вроде... Одним словом — клуб.
— Из классного вагона?
— Да какой же он классный, когда весь в дырах?
— А вот вы его приведете в порядок, он уже будет классным, и я его поставлю на линию...
— Но ведь он же... он...
— Ну да, ну да, — подхватил упрямый старик, — пока он — хлам. А как только вы его...
— Значит — на линию?
— А как же, голубчик?
— Категорически настаиваем.
— И не настаивайте, Мироныч... Это государственное имущество, — замахал маленькими руками старик. Шея его, испещренная морщинами, вздулась и покраснела. «Как у гусака, — весело подумал Лешка. — Однако старик...»
— Вы что же, против народа? — неожиданно спросил он, чувствуя, как закипело что-то в груди.
— Позвольте, — уставился на него начальник. — С кем имею честь?
— Лешка я, а не какая-то честь, — буркнул он.
— Ну вот, Лешка, — старик ядовито усмехнулся, — когда ты будешь начальником станции...
— Хватит! — стукнул ладонью о колено Мироныч и резко встал. Лешка тоже поднялся. — Пошли, Леша, в горком партии. Там разберутся с этой контрой... Эх, Аркадий Демидыч, — укоризненно покачал головой Мироныч, надевая шапку. — А я думал по-хорошему с вами... Видно, барская косточка у вас так и стоит в горле.
— Ну зачем же так, — спохватился старик и просеменил к Миронычу, взял его за рукав. — Не горячись... Что я, враг рабочему классу?
— Враг! — отрезал Лешка.
...Уломали старика в тот день. С победой возвращались в депо. А вечером приехали из горкома. В хромовой черной тужурке, перепоясанный ремнями, выступил на экстренном митинге комиссар.
— ...Армия «зеленых» расползлась по лесам и деревням. Банда Антонова терроризирует население Тамбовской и частью уже Воронежской губерний. Правительства срочно направило на борьбу с бандитами дивизию Котовского, — сказал комиссар. — Нам приказано сформировать добровольческие отряды. Приступаем к делу, товарищи.
Под вечер сыграли тревогу. Лешка с новым своим товарищем, горячим черноглазым татаринном Ахметкой, был в это время у лошадей.

— Ты, Леш, коню скажи всегда ласковый слово, — поучал Ахметка. — Он тебя сильней родной matka уважит. Кунак будет. Понимат надо, Леша.

Заслышав сигнал тревоги, Ахметка кошкой отскочил от своего жеребчика к седлу, снял его с деревянного гвоздя и вот уже, сверкая глазами, поторапливает Лешку:

— Ах, Леша, Леша... Быстра надо... Быстра... Вот так. Поехали!

...Очкастый худощавый Сафронов, в прошлом учитель, сейчас начальник разведки отряда, нескладно сидя в седле, вызывал по списку:

— Мухитдинов Ахмет!

— Есть!

— Выходи!

— Сокол Алексей!

— Есть!

— Выходи!

— Поликарпов Сергей!

— Я!

— Выходи!

Отобрал десять всадников.

— Остальные — разойдитесь! — скомандовал он спокойным тоном.

— Мы с вами, товарищи, разведка, — пояснил он. — Глаза и уши отряда. В районе села С. появилась банда Матроса. Это один из отрядов Антонова. Задача: установить место расположения банды, численность и вооружение. Такова наша скромная цель.

Сафронов снял очки, протер их пальцами, нацепил не торопясь на нос и распорядился взять с собой дополнительно по три обоймы к карабинам и по «лимонке».

Рассовывая по карманам патроны и гранаты, Ахметка весело подмигнул Лешке:

— Якши, Лешка... Уй как шибко якши! Бандит секир башка будыт! Нада!.. Нада!..

А Лешка волновался. Все проверял: надежна ли подпруга у коня, в порядке ли карабин. Даже шашку на палец попробовал.

— Нада, Леша... Нада, — долетели до него слова Ахметки, а мысли упорно стучались в висок: «Вот наконец-то и дело... Хорошо бы сразу: налететь, порубать, устроить ералаш у бандитов и скрыться... А потом снова в самый для них неожиданный час!»

— Аллюр — три креста! — донеслось до Лешки, и небольшой отряд разведчиков с места взял крупной рысью.

Вскоре он подлетел к окраине города и оказался в густом перелеске. Быстрая походка разогрела коней. Потемнели крупы. Обнажая красные горячие ноздри и кусая удила, с которых уже слетала розовая пена, Ворончик сердито фыркал и недовольно прядал ушами, когда Лешка натягивал повод, сдерживая его нетерпеливое желание вырваться вперед.

Справа от Лешки скакал Поликарпов, остроносый, с рыжими конопатинами на лице. Малоразговорчивый, в этот раз он не походил на себя. Все поворачивал свое лицо в Лешкину сторону и отрывисто, приглушенно восклицал:

— Нам бы, слышь... Уследить бы... гада... Не ушел бы...

— Не уйдет, — отозвался Лешка уверенно, чувствуя тоже боевую приподнятость и какую-то еле сдерживаемую лихость во всех своих движениях.

— У нас в деревне тогда... шкуровцы были... — долетело до Лешки от соседа. — Корову пристрелили... а потом... шашками. Мать к ним... Волосы на голове рвет... Нас пятеро у нее... короедов... Чем кормить?... А они ее... плетью...

«Накипело у парня», — подумал Лешка, с трудом уже отрываясь корпусом от седла. Ныла с непривычки спина...

Давно уже где-то позади остался город. Вокруг небольшие рощицы да балки, и ни одного встречного. Будто и не жилое это вовсе место. Впереди лес. В него втянулись шагком. Передали команду: «Карабины!»

Лешка, вспотевший от быстрой езды, с трудом снял карабин и положил стволом на луку седла. Дорога оказалась узкой. Растянулись гуськом. Лешка стал замыкающим.

Показалось какое-то строение. Сафронов послал вперед Ахметку. Тот, сбив на затылок шапку, лихо, ухарем помчался по узенькой улочке, заглядывая во дворы. Потом раздался пронзительный свист. Залаяли собаки. Сафронов махнул рукой. Проскочили на галопе и снова углубились в лес. Трое суток, не расседывая коней, шел от одной проселочной дороги к другой передовой сафроновский отряд. Устали бойцы. Все чаще стали спотыкаться кони, а этот сухонький очкастый командир будто железный: и виду не подает, что устал, как и все. Сидит, крутит одну «кошушку» за другой и думает, думает. Иногда отстегнет сумку полевую, по карте сверится — и опять дальше. На четвертые сутки уже совсем затемно остановились у поскутины большого села, разрезанного глубокой балкой.

Выделялся ярко освещенными окнами крестовый дом у

церкви. «Небось поповский», — подумал Лешка устало. В просторной ограде этого дома замечано несколько стожков. «Со скотиной живет батюшка. И в кормах нет нужды. Эх, теперь бы прямо у порога, только чтоб тепло было, часов бы десять-двенадцать без просыпа...»

Деревня уходила далеко влево и упиралась последними домами в лесную чащобу. В той стороне совсем уже ничего нельзя было разглядеть.

Назначив парные наряды на дороги, выходящие из деревни, Сафронов приказал никого не выпускать из нее, а приезжих задерживать и препровождать к крестовому дому у церкви.

— Покормим лошадей, передохнем, — коротко обронил командир и тронул коня.

— А как эта деревня называется, товарищ командир? — вырвалось у Лешки.

— Ветловка, — бросил Сафронов и скомандовал: — По коням!

...Во дворе крестового дома встретил с вилами в руках простоватый на вид парень в домотканом коричневом зипуне, перепоясанном яркой опояской.

— Ты кто? — спросил его Сафронов.

— Я-то, что ли? — осклабился парень.

— Да, да... Кто ты такой? — повторил вопрос Сафронов.

Разведчики, покинув седла, окружили их.

— Ай-яй... мулла, да? — хохотнул Ахмет, показывая на волосы, выбившиеся у парня из-под шапки. — Алла бисмелла... да?

— Ну да, — хмыкнул парень. — Какой алла? Работник я у батюшки.

— Ишь, мало-мало отгадал, а? — смеялся Ахмет.

— Прекратите, Мухитдинов, — устало сказал Сафронов и подал команду расседлать коней.

— Якши, — кивнул Ахмет. — Макытка ты? Батырак?

— Работник... батрак вроде.

— Ахметка, кунак будешь.

Под общий смех Микитка и Ахмет ударили по рукам и тут же полезли на стожок.

Сафронов ушел в дом, а через минуту оттуда вышла на крыльцо толстая, в два обхвата, женщина в накинутой на плечи дымчатой шали. Задыхаясь, она улыбнулась бойцам и стала звать в дом.

— Заходите, заходите, добрые люди... Микитушка! Ты тут побудь с конями. Батюшка приказал овса достать...

Держи ключи от амбара! — Она бросила связку ключей, которые ловко перехватил в воздухе Микитка.

Разведчики, осторожно ступая на половики, вошли в дом. В просторной кухне, устланной сплошь домотканými дорожками, встретил тощий с жиденькими бородкой и волосами, спадавшими на плечи, сам хозяин.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогие товарищи! — заворковал попик, потирая руки. — Озябли? Притомились? Раздевайтесь! Будьте как дома! Дочка! — обернулся он.

Из горенки выскочила девочка лет двенадцати, с огромной косой, в нарядном цветастом платье. Она, поджав губы, распахнула занавеску, которая прикрывала крашеную широкую лавку в кутье. На лавке стояли ведра с водой, под умывальником у двери — большая деревянная лохань. Рядом на полочке — обмылки. На гвоздике — вышитый крестом нарядный рукотер.

Обхаживая Сафронова, хозяин дома умильно морщил в улыбке лицо и поторапливал жену и дочку с угощением.

Все Лешке казалось в нем неестественным и наигранным. «Струсил поп... икру мечет», — вертелась в его голове злорадная мысль.

В жарко натопленной кухне вкусно пахло жирными щами, и Лешка, забыв обо всем на свете, почувствовал, как все начало вдруг содрогаться в его желудке.

Вошел работник. На скуластом добродушном лице его — любопытство и удивление. Он по-свойски хлопнул Ахмета по плечу и о чем-то зашептался с ним. Увидев это, попик озабоченно засуетился, стал торопливо подталкивать разведчиков в горенку.

— Проходите, угощайтесь!

Глаз своих он не спускал с Микитки, наконец не вытерпел:

— Никитка, задерживаешь товарища бойца.

— Сичас, — буркнул Микитка и, высыпав в горсть Ахметки рубленого табачку, взял у него клочок газеты.

— Товар обмен нада, — подмигнул весело попику Ахметка.

— А-а, зелье! — отмахнулся, морщась, хозяин и, стараясь не грубить работнику, по-братски потрепал его по плечу, выпроваживая в сенцы. — Давай, запрягай водовозку... Пора ведь уже...

— Да-к я уже привез давным-давно...

— Ах ты, господи! Ну смотри там на лошадок дорогих гостей. Не ровен час... Иди, иди, Никита...

«Не хочет поп, чтобы с нами побыл работник, — отме-

тил про себя Лешка. — Может, тайну какую бережет?» И стал приглядывать за хозяином.

...После сытного ужина все собрались на кухне. Задымили сигарками, да так, что даже у Лешки запершило в горле. Сидя на крашеном голбце, Сафронов вполголоса, глухо ставил задачу:

— Выходим в полночь... Банда Матроса, по слухам, расположена на хуторе Лебедском... До него версты четыре. Перекрываем выходы. А ты, товарищ Поликарпов, скачешь с донесением в отряд. Он, должно быть, на подходе сюда.

— Есть, товарищ командир! — отозвался парень и стал собираться в обратную дорогу.

Сафронов назначил часовых.

— Сменяетесь через каждый час, — приказал он и посмотрел на Лешку, которого почему-то слегка морозило. — Ну как, товарищ Сокол?

— Можно на печку? — неожиданно выпалил тот.

Все засмеялись, а Лешка покраснел. Надо же было врываться такому! Он только что, зевая и вздрагивая, поглядывал на широкую русскую печь.

— Пристраивайтесь где можно, — разрешил командир и, потягиваясь, встал.

— Господин командир... Тыфу ты, господи, — спохватился попик и деланно рассмеялся. — Проходите в горенку.

— Зачем же в горенку? — изумился Сафронов.

— Ну как же. Ну как же. Культурный человек и в кухне?

— Нет! Нет! — запротестовала попадья. — Проходите!

— А вы?

— О нас не беспокойтесь! Дочку мы к соседям отправим. Родственник матушкин... У него тоже дочурка. Подружки... А мы сами... Какая речь об нас? В ее комнатке скоротаем ночьку.

На пороге из горенки показалась поповская дочка, одетая в зимнее пальто с пушистым воротником. На голове — пуховая шаль, сделавшая вдруг ее полудетское лицо привлекательным, повзрослевшим и чем-то похожим на материнское.

— Ну я пойду, — сказала она коротко, кинув взгляд на мать.

— Иди, доченька, иди... — разрешила та. — Только вы там с Катюшей не шалите. А то как соберетесь вместе — все шепчетесь да хохочете.

— Ладно, мама, ладно, — поморщилась от табачного дыма молодая поповна и выскользнула за дверь.

Сафронов кивнул головой Лешке. Тот накинул полушубок, вышел следом за ней.

Девочка быстро пересекла двор и юркнула за ворота. Обогнув церковную изгородь, она свернула к ближайшему крестовичку, из окон которого слабо струился свет и, открыв калитку, исчезла в глубине крытого двора.

Лешка, ежась от холода, потоптался несколько минут у ворот, не спуская глаз с крестового дома. Но ничего подозрительного не заметил, прошел к своему коню, который, позванивая удилами, похрустывал поповское сено. Лешка похлопал его по крупу.

— Жри, жри. Да хорошенько.

Он огляделся. В теплом дворике, отдуваясь и громко отрывая жвачку, лежало несколько коров, за перегородкой — молодой. Тут же за изгородью постукивали копытами кони.

«Ничего себе попик, — подумал Лешка. — Настоящий куркуль».

Он обратил внимание на небольшой прируб. Оттуда струился, мигая, желтоватый свет. «Хомутовка небось, — мелькнуло в голове. — Но зачем свет?»

Он открыл дверь, и на него пахнуло кисловатым запахом овчин и дегтя. На огромных деревянных гвоздях, вбитых в стены, висела сбруя, на жердях корбились неотделанные овчины и кожа. У низкого столика при свете жирушки сидел, согнувшись, Микитка и левой рукой торопливо поддевал из котелка кашу. У правого простенка стояла деревянная кровать, на которой горбатились тулупы и шубы. Рядом небольшой камелек, порскавший в круглые отверстия чугуновой дверцы искрами и пламенем.

— Значит, это твоя квартира? — спросил Лешка, присаживаясь на чурку.

Микитка кивнул, не отрываясь от каши.

— Не богато.

— Будет всего, — ухмыльнулся работник.

— Ишь ты, — подивился уверенности батрака Лешка. — Где ж ты то богатство добудешь?

— Батюшка обещал к пасхе нетель отдать.

— Добрый он у тебя.

— Добрый, — добродушно кивнул Микитка. — Только, говорит, если не будет заварухи. Вас ругает.

— А что ему мы — дорогу перешли?

— Наверно. Раз батюшка говорит, то все правда.

Микитка отставил котелок, вытер губы и механически осенил себя крестом.

— Он говорит: «Женю тебя, Микита, и нетель отдам на обзаведение, только...» — Микита пожал плечами и вытащил кисет.

— Что только?

— Не порушат если большевики хозяйство. — Он глухо затынулся и, выпуская дым изо рта, спросил: — Вы большевики?

— Да. Только мы никаких хозяйств не рушим. Врет твой батюшка.

— Был тут в деревне один... Всех, говорит, кто помогает «зеленым», порушим насовсем.

— Так, значит, твой батюшка помогает «зеленым»?

— А как же! Им и другие помогают... Это же все деревенские мужики.

— И у вас они... есть?

— Фу! — усмехнулся Микитка. — В каждом небось доме. Кто справно живет. — Он вздохнул. — Вот и я хотел тоже справно жить.

Простоватый парень выдал важную весть. Лешка прикинулся тоже простаком. Засмеялся.

— Это ты правильно задумал, Микита, — сказал он, хлопнув парня по плечу.

— А как же!

— Много ли у вас справных мужиков?

— Есть...

— А вот у церкви угловатый дом — там кто живет?

— Там-то? — подумал Микита. — А-а, там Латкин. Ма-тушкин племянник. Хутор имеет. Богатый хозяин. Эх, мне бы так же!

Лешка нетерпеливо поерзал на чурбаке. Тревога охватила его, но он заставил себя весело рассмеяться.

— Ишь ты... Небось и ты завел бы работников, если б мог?

— А то как же?

Лешка шагнул к двери и уже с порога, будто между прочим, спросил как можно безразличнее:

— Ну а тот Латкин тоже «зеленый», что ли?

— Он-то нет. Стар стал... А Прощка и Микола вчера наезжали. У того Матроса будто гуляют.

— А власть-то у вас какая?

— А никакой. Порубали власть-то, — сказал Микитка и снова развернул кисет. — Приехали, значит, и того большака прямо из бани... Изрубили шашками. И сборню подо-

жгли. А тушить не велели. Миколка с Прошкой рубали его. С ними Гавря еще был... Этому Гавре Лапшину повезло. Как я же вот был в рабочих, а потом спортил хозяйскую дочку... Хи-хи... Ну хозяин и поженил их... Хи-хи... Чтобы, значит, сраму не было никакого. Вот и зажил себе Гавря. — Микитка вздохнул.

Лешка сжал в кармане «лимонку».

— Наговоришь... Ну ладно. Пошел я...

Перебежав в несколько прыжков двор, Лешка уже у самого крыльца вдруг услышал конский топот. Остановился.

— Слышь? — толкнул в плечо часового.

— Слышу, — передернул тот затвор карабина. — Не уходи, — попросил.

— Ладно, — кивнул Лешка.

Мельком глянул в окошко: парни спали вповалку прямо на полу. «Вот ведь... А что если...»

Но додумать не успел: к воротам подскочил какой-то всадник. Он осадил коня, плюхнулся наземь и рванул за кольцо щеколды, вбежал во двор. Был в полушубке, за плечами болтался обрез.

«Бандит! — мелькнуло в голове Лешки. — К попу прет. Видно, по знакомой дорожке».

— Стой! — выступил из тени и поднял карабин часовой.

— Кто такой? — Лешка шагнул вперед. В руке его тускло блеснула граната. — Руки в гору. Разорву на части! Говори: откуда?

Неизвестный вздрогнул. Замялся на секунду и вдруг расплылся в улыбке.

— Леш... ты?

Лешка отступил назад и вытаращил глаза.

— Грань... Неужели?..

— Вот именно! — рванулся к нему Гранька и стиснул его в своих руках.

— Это да... Ты как тут, Грань? — все еще не мог опомниться Лешка от такой неожиданной встречи.

Гранька стал вдруг серьезным.

— Потом, Леша, потом... Надо торопиться. — Он резко обернулся в глубину двора.

— Свой, значит? — успокоился постовой.

— Свой, — ответил Лешка возбужденно. — Вот встреча!

— Ну айда в дом. Командир там?

— Ага. Все там.

— Как же ты про нас-то, а? — спросил, все еще не веря глазам своим, Лешка.

— Молодую поповну перехватил... Матрос свадьбу справляет на краю деревни, а мы вроде наряд несли вокруг.

— Да ты что? А мы — как дома, — ахнул Лешка. — Ну, ну, говори, Грань... говори.

— Гляжу — бежит. Взял ее. К самому, говорит, надо... К нему, говорю, нельзя. Сказывай, с чем идешь, перескажу самому. Ну так, говорит, скажите ему, что в нашем доме красноштанники ночуют. Не поверил. Божится: проверьте. Там во дворе кони ихние, а сами небось уже спать улеглись... Да человек десять. «Вот это, — говорю, — здорово! Спасибо тебе... Счас мы их... А ты беги обратно». — «Я к дяде... Я домой боюсь...» — «Тогда беги, беги. А я мигом...» Подождал, пока скрылась, и сюда.

— Здорово, — восхищенно сказал Лешка. — А мы добровольческого отряда, Граня. Отряд позади где-то, а мы — разведка. Вот номер, а!

...Сафронов выслушал Граньку. Потом, стараясь быть спокойнее, протер очки, примачивая их на нос, спросил:

— Товарищ Сокол, вы можете поручиться?

— Да что вы, товарищ командир... Всю дорогу вместе... Надейтесь, как на меня, — горячо проговорил Лешка.

Бойцы, прислушиваясь к разговору в горенке, торопливо вскакивали и одевались.

Сафронов попросил Граньку остаться. Он отстегнул полевую сумку, извлек из нее потрепанную карту и разложил на столе. Потом вдруг, о чем-то вспомнив, быстро подошел к двери, ведущей в третью комнату, распахнул ее. Кто-то ойкнул и растянулся на полу.

— Нехорошо получается, батя, нехорошо. Минута на сборы. Значит, так... На краю села, говоришь? В какой стороне? — как ни в чем не бывало спокойно вернулся он к столу.

— На северо-восточной, товарищ командир, — наклонился над столом и Гранька. — Вот здесь... Тут дорога на Лебедской хутор. — Он ткнул пальцем в едва заметную черную прожилку. — Тут у Матроса' вроде базы.

— Сколько у него сабель?

— В строю человек восемьдесят. Но и на хуторе, и в этом селе под видом мирных жителей не меньше... А может, даже и побольше...

— Так. — Сафронов на минуту задумался. — Значит, если оседлать дорогу на хутор...

— Нельзя. Глубокие балки и слева и справа. Не обой-

ти, — запротестовал Гранька. — По слухам, к деревне Грязнуха подходит отряд Котовского... Сообщить бы ему.

Сафронов свернул карту, положил ее в сумку и надел тесноватый в плечах белый полушубок.

Поп стонал. Попадья плакала в голос.

— Пойдешь, поп, с нами...

— Понял вас... понял. Ну, матушка, прощай.

— Пошли.

Бойцы, держа коней под уздцы, ожидали команды.

— Товарищи, — обратился к ним командир. — Обстановка изменилась... Сокол с товарищем... — он указал на Граньку.

— Калинкин, — отозвался Гранька.

— ...поедут на встречу с отрядом Котовского. Мы будем вести наблюдение за этим селом с кромки бора. Ясна задача?

— Ясно! — тихо, но дружно отозвались разведчики.

Гранька с Лешкой выбрались из лабиринта улочек и переулков раньше других. Гранька уверенно правил конем.

Миновав домик, он пустил своего рослого гнедого жеребца вскачь. На Лешку полетели комья мерзлой земли.

— Догоняй! — крикнул Гранька.

— Догонишь твоего долговязого, — пробурчал Лешка, с откровенной завистью смотря на резвого статного коня Граньки. «Где он такого отхватил? — подумал он. — Не отобрал же у какого-нибудь крестьянина...»

— Отобрал, — смеясь, сказал Гранька, отвечая на вопрос Лешки, когда они поравнялись и ехали крупной рысью бок о бок по большаку.

— Ври ты, — не поверил Лешка.

— Как хочешь, так и понимай. А дело было так...

Глава 9

Гранькина легенда

...Гранька без особых происшествий добрался тогда до Ветловки. Ему первая встречная баба тут же ткнула пальцем в крестовый, крытый листовым железом дом, стоявший *на виду всей деревни*.

Гранька имел задание проникнуть в банду «зеленых» и нащупать связи бандитов с воронежским подпольем анархистов, которое, по некоторым данным, существовало и устойчиво налаживало контакты с бандитами как в городе, так и за его пределами.

Сестра Петра Карпухина Елена, малограмотная, но разбитная смышленная молодая бабенка, к тому же милостивая и смелая, овдовела в девятнадцать лет, прожив со своим мужем Григорием менее года, и вынуждена была уйти в экономки к одному из воронежских купцов, разбогатевшему на поставках фуража для армии во время войны с Германией.

Гранька узнал, что Григорий был начитанным человеком.

— Он состоял даже в каком-то тайном рабочем кружке, — рассказывала Елена.

— А откуда ты знаешь? — усомнился Гранька.

— Ну ты хватил, — поджав полные налитые губы, обиделась Елена и тут же отмахнулась от него. — Ох, да чего ты понимаешь-то еще!.. Какая ж такая жена, от которой мужик может что-то скрыть!

— Верил, значит, тебе?

— А то нет, что ли? — И вздыхала: — Видел бы ты его...

И после горестного раздумья, с легкой улыбкой, обращенной в этот миг только к нему, к своему Грише, которого давно уже нет в живых, продолжала:

— Как он мечтал-то... Заживем, говорит, Лена. Придет светлое время... Как люди заживем. Не как эти скоты лавочники да живоглоты всякие.

После такого откровенного разговора Елена тихо плакала. А потом снова говорила. На этот раз зло:

— Знал бы ты, Гранька, как я возненавидела того купчишку, — говорила Елена. — А он, гадючий выродок, еще стал приставать ко мне... Подпалить надумала все его склады, а тут революция свершилась. Упал духом хозяин, сник. Постарел сразу лет на десять. Стал имущество потихоньку разматывать. Вместо складов лавчонку захудалую всяких шорных изделий открыл. Уходить собралась в деревню — не пускает. Старуха у него на ладан уже дышала. Христом-богом просил переждать в их доме смутное время. А время и впрямь какое-то смутное было. Отец на сына, сын на отца пошли. А тут Петруха вернулся, как только переворот начался. Крестов — вся грудь. Кавалер Георгиевский, полный. Еще чин тоже какой-то, говорит, имел военный. Вот он и закавалерил в деревне-то. Никто ему не во власть. Обидели его сенокосом. Не тот достался, которого хотел. Вздвинулся и набросился на совдепчика, грозил ему. А когда очухался и понял, чем это пахнет, в лес ушел к «зеленым». Тут их развелось в ту пору чуть не

в каждом селе. Как-то тайком в город пробрался и — ко мне. Вроде соскучился. А сам норовит с хозяином уединиться. Слышу, об оружии хлопочет. Уговор сделали: придет он в другой раз на страстной неделе, в чистый четверг. Встретятся в церкви с самим архиереем и там все порешат. Батюшки, думаю себе... Сам архиерей готовит оружие, чтобы убивать им честных людей. Про Гришеньку своего вспомнила. Всю ночь проревела, а наутро пошла в чека и все там высказала.

— Молодец, Елена Гурьяновна. И схватили?

— Фу, да разве ты не с ним в одной камере сидел?

Посмотрели друг на друга и расхохотались.

Потом уже, успокоившись, поинтересовалась:

— А все ж, взаправду, живые они иль...

Откуда знать было про то Граньке. Он получил задание, а по заданию Петр Гурьяныч жив-здоров и приветы шлет всем своим домочадцам. Еще Петр Гурьяныч наказывал встретиться с его верными боевыми товарищами и потолковать о связи с городом. Погуливают еще в городе свои люди. Под видом аптекарей живут, бухгалтеров в советских учреждениях, землемеров, банковских служащих, а то и на большие должности пробрались, публично показавшись в своих заблуждениях и прокляв с трибуны мировой капитал.

Так и зажил Гранька надежно на явке. Многих вроде встретил из банды, которую водил Матрос. Приезжают бандюги на квартиру запросто. Четверть самогона, а закуски хозяйская. Гуляют без опаски, приглядываются попутно, видать, и к Граньке. Сообщает как-то Лена: «Ты держи ухо востро... Не проболтайся. Сам Матрос в стороне, будто и не интересуется ничем, но один из бандюков проболтался: хочет он тебя увидеть... Гляди, так и заявится гостем...»

Однажды появился действительно. Здоровый, как бугай, бушлат нараспашку, тельняшкой пестрит. Кулаком такого не свалишь. Выйдет и засветить может такого лежачего, что не очухаешься. Слышит Гранька из горенки: разговор о нем повел с Еленой.

— Что за тип? — спрашивает.

Та стала рассказывать ему о прошлом парня.

А прошлое в этот раз у Граньки действительно было далеко не пролетарским. За отца-карателя сидел. По молодости лет выпустили.

— Кого он в городе знает? — интересуется Матрос.

— Ну, знать-то он, должен многих, благородных се-

мейств, — говорит Елена. — Не наш брат деревенщина. В обществе бывал, когда в гимназии обучался.

Выпил Матрос, попросил позвать. Наказал:

— О нашем разговоре ни гугу.

— Не дура, знаю, — отрезала Елена.

И вот Гранька с глазу на глаз с бандитом...

— Ты вот что, салага, — хмурясь, начал Матрос. — Баланду не трави, выкладывай как на духу: кто ты и откуда есть... Мне про тебя кое-что сказывали. Есть данные.

— Ну, если есть, — говорит Гранька, — так чего ты хочешь от меня? — Понял — врет. — Передавай своему Матросу, что он никакого доверия Петра Гурьяныча не заслуживает...

Повертелся тот на стуле. Глянул так на Граньку грозно. Посопел. Потом опрокинул в глотку целый стакан самогонок.

Наливает, приказывает:

— Пей!

Собрался с духом Гранька и... выпил. Даже не поморщился.

— Ладно, — говорит. — Чего ты меня костеришь?

— А разве вы Матрос? Извините... Не знал...

— Ты по делу сказывай... За что?

— А за то, что сидите по лесам и только людей травите своим бездельем.

— Так Петруха говорил?

— Он...

— Не прав он! — шлепнул ладонью об стол. — Есть у меня задумка. Вылазку сочинить в город.

— Вот это дело! И Петр Гурьяныч сказал вам то же самое. Гаврилова называл...

Матрос поморщился.

— Списан... Сопливый эсерчик... Что он, не знает там, что ли?

— Наверно, не знает... Это аптекарь-то списан?

— Кто же еще? Может, другой есть?

— Нет. Другого не знаю. Мы с его сынком в гимназии учились...

— Знаю и рыжего... Не та монета! Ты вот что, парень... Доверяю почему-то тебе... Есть дело. Пойдешь. Только — смотри! — Матрос уставился свинцовыми глазками на Граньку и долго сверлил его ими.

— Если в моих силах — помогу, — пообещал Гранька, стараясь не выдать свою заинтересованность. — Только не тянет меня в город-то. Из уважения если к вам...

Помолчал Матрос, с хрустом съел огромный соленый огурец. Выпустил в лицо Граньке целое облако дыма.

— Полковник есть... один... нашей идеи человек.

— Ну и что?

— Видеть хотел бы его. Иль связь наладить.

— Адрес есть?

— В том-то и дело... — Матрос отрицательно качнул лохматой головой.

— Как же мне узнать его? У него ж не написано на лбу, что он полковник...

Главарь банды испытующе поглядывал на Граньку. От выпитой самогонки на широком в корявинах лице его образовались красные пятна, налилась розовыми медежами бычья шея. Он бросил на скамейку бушлат, повесил кольт на спинку стула и нетвердыми шагами, широко расставляя ноги, прошелся по горенке. Остановился неожиданно против Граньки, сбывшись, посмотрел прямо в глаза. У того зашлось от страха сердце. А вдруг Матросу все известно, и он просто играет в бирюльки с ним?

— Ну вот что, — выдохнул Матрос. — Скажу тебе один адресок. Но имей в виду: сто глаз за тобой наблюдать будут. Понял?

«Врешь! Если б столько у тебя глаз было в городе, зачем мучиться в сомнениях и посылать на такое рискованное дело совсем незнакомого парня!»

Гранька улыбнулся:

— Хоть двести... А что надо делать? — спросил он.

«Проклятая самогонка!.. Но ты держись, держись... Только не переборщи, Гранька...»

— Дуленский лес по Задонскому шоссе знаешь?

— Знаю.

— Цыган там никогда не видел?

— Как же!.. Хороший хор... Певица Ася...

Глаза Матроса вспыхнули. Он хлопнул Граньку по плечу, да так, что тот невольно ойкнул и пригнулся к столу.

— Да, — закатил глазки Матрос. — Было дело... Ася... Аза... Ух, черт! — Он поднял руки и, казалось, готов был пуститься в пляс, но только скрипнул зубами. — Ну, вижу — знаешь.

— Их весь город знает.

— Не в них соль... Барон цыганский есть там. Домбровский. Можешь сказать ему: «Морская душа тоскует в лесу». Он тебя свяжет с одной монашкой. Не простая это монашка — игуменья из монастыря. То же и ей скажешь. Спросишь Батю. Запомнил? А ну повтори!

Значит, не ошиблись чекисты: в городе существует черное подполье... Теперь бы не опростоволоситься.

— Ладно, — сказал Гранька. — Когда надо-то?

— Чем быстрее, тем лучше.

В это время из боковой комнатухи послышался сухой кашель и, преодолевая удушье, слабый голос позвал Граньку.

— Анфиса Семеновна, — бросил Гранька и торопливо встал из-за стола. Матрос вздохнул, почесал белые свои лохмы.

— Страдает баба... Эх, Петро, Петро... Судьба наша соленая. Позови там Ленку!

Когда Елена, распустив красивые свои каштановые волосы на плечи, улыбаясь, вошла в горенку, Гранька প্রশ্মыгнул к больной хозяйке.

В комнатухе у Анфисы стоял полумрак. В углу перед кнотом горела лампадка. Было душно. Пахло какими-то травами. Анфиса, бледная, лет сорока пяти женщина, с острым хищным носом, полулежала на горе пуховых подушек.

Она тоскливо посмотрела на Граньку.

— Присядь, голубь... Поболтай со старухой. Смертынька в изголовье стучится. Вот закрою глаза, а она когтями по подушкам: «Не спи, Анфиса... Успеешь отоспаться... Рядом я. Никуда уходить не собираюсь. По душу твою пришла. Пора. Пора!»

Гранька тревожно посмотрел на нее.

— Ну зачем же так? Может, все еще и обойдется? — участливо сказал он.

— Ой нет, милоч... Нет. Чую последний свой час...

Она еще причитала над собой, а Гранька почему-то думал: «Почему Елена распустила так свои волосы? Чтобы понравиться Матросу? Почему? Она и так его не очень-то боится».

— Как он там, Петр-то? — донесся до него слабый прерывающийся голос Анфисы. — Не знает ведь, что я слегла насовсем. О своих делах все небось печется. Покаялся бы... Может, и прощение этим схлопотал. Упорный... Упорный он... Под каким страхом-то тут жили... Не приведи господь-бог никому.

— Трудно ему тоже, тетка Анфиса. За такие дела чекисты тоже не шибко прощают.

Она горестно покачала головой.

— Говорила... В ногах валялась: отступись, Петро, отступись... Нет, гордыня задавила. — Глубоко запавшие

глаза хозяйки затуманились. Она помолчала. Потом, прислушавшись, спросила:

— Кто там у Олénки-то?

— А это оттуда... Из лесу... — растерянно пробормотал Гранька.

Анфиса вдруг набралась силы, поднялась с койки и, ухватившись за плечи Граньки, шагнула босыми ногами к двери. Распахнула ее и встала в проеме, раскосматившаяся, худая, как привидение.

— Ироды! Душегубцы! — закричала она с привизгом и шагнула в комнату, подняв сухую в синих прожилках руку: — Идет на вас кара небесная! Идет!

Елена подскочила к ней. Обхватила ее руками.

— Ну что ты! Ну что ты, Анфиса!

Матрос, торопливо надевая бушлат, растерянно смотрел на больную. Подскочил на помощь Елене и Гранька. Они унесли обмякшую, слабо отбивавшуюся от них женщину в спаленку.

Оставив с ней Елену, Гранька вышел проводить Матроса. Тот, нервно покусывая губы, молча шел через двор к коню. Серый в яблоках жеребец, узнав хозяина, тихо заржал из-под навеса. Матрос, блеснув глазами, сильно втянул морозный воздух.

— Узнал, подлец, — хохотнул он. И Граньке, подозрительно щурясь: — Что это хозяйка-то раскричалась?

— Гибну, говорит, через него... Через Петра... На ладан дышит баба... Все уже мутится в голове.

Матрос сердито глянул на Граньку, вывел коня, вскочил на него, едва коснувшись носком сапога стремени. Жеребец волчком заходил под ним. Ворота открыли два неизвестных человека, которых Гранька не заметил раньше. Кони их стояли тут же за домом.

Елена встретила в сенцах.

Выслушав Гранькин рассказ, Елена задумалась.

— Ты что? — спросил ее Гранька.

— На проверочку он тебя подсылает, — вздохнула Елена. — По этому адресочку чекисты уже не одного схватили. А Домбровский — это приманка.

— Как же быть? — задумался Гранька.

— Похоже, Матрос уже не доверяет Домбровскому... Работает он на нас или нет, я не знаю... Но ты будешь последней проверкой. Подумай, Гранька, хорошенько. За тобой наверняка пошлет кого-нибудь из самых преданных головорезов...

— Вот так все это, Леша, начиналось, — закончил свой

рассказ Гранька. — А конь этот «коробейника» одного, Коровина. Вот вражина, скажу тебе... Но о нем потом как-нибудь. Не время.

Они подъезжали к какой-то деревеньке. У крайней хаты остановились. Стали внимательно осматривать улочку, дворы.

— Если это Власьевка, — тихо произнес Гранька, — то, по слухам...

Но что по слухам — Лешка не расслышал. Глухой удар оглушил его. Падая с коня, он краем глаза заметил только, как вдруг откуда-то замельтешили тени, раздался приглушенный крик, ругань.

...Очнулся в избе, набитой вооруженными людьми.

— Ожил, — услышал он радостное восклицание над самым ухом и открыл глаза.

Молодое курносое лицо, на голове — буденовский шлем. «Маскировка или... свои действительно?» — мелькнуло в голове.

Он простонал.

— Жив, товарищ командир... Жив. Зашибся маленько парень!

— Зашибся, — укоризненно прогудело от стола, — у тебя, медведя, зашибешься...

— Так я ж совсем чуточку... Кто ж знал, что они нашенские? Ждали разведку Матроса, а оно вышло...

Лешка вдруг поднял голову.

— Наши? Да?

— Во! Видал ты его! — загудело вокруг.

К койке подошел Гранька.

— Наши, Леш... Наши... Из бригады Котовского.

Лешка метнулся с койки, но тут же схватился за голову: резкая боль отдалась в затылке.

— Ничего, это пройдет, — сказал он, морщась. — Надо выручать Сафронова. Их там совсем горстка.

В это время дверь хаты широко распахнулась, и в ее проеме Лешка увидел широкоплечего здорового дядьку. На нем был короткий полушубок, отделанный мехом. Глухой воротник. Ремни вперекрест. На голове — круглая кубанка. Круглолицый. Большие строгие глаза. Пригибаясь, он шагнул к столу и сел.

— Рассказывай, Петренко, — потребовал коротко, взглянув на командира подразделения.

— Тут, Григорий Иванович, хлопцы вот. — Он указал на Граньку и Лешку. — Схватили наши... Думали, бандюки... А они...

Лешку пропустили к столу. Он с детским любопытством стал разглядывать Котовского. Тот нахмурился.

— Ну чего разглядываешь? Барышня я тебе, что ли?

— Да нет, — смутился Лешка. — Я, Григорий Иванович, из красного добровольческого отряда. В разведке были... Наши люди в той деревне остались, а мы навстречу к вам. Вызволить надо... Да и этого бандюгу Матроса можно прихлопнуть.

Гранька что-то написал на клочке бумаги и подал Петренко. Тот — Котовскому.

Взглянув на бумажку, потом на Граньку, он кивнул головой:

— Отведите в особый отдел...

Петренко показал глазами Граньке, чтоб он шел за ним. Они ушли.

Котовский достал из планшета карту и стал изучать ее.

Вскоре вернулись Гранька с Петренко. Котовский попросил рассказать о банде поподробней.

Гранька стал рассказывать.

— Все, — хлопнул широкой ладонью по карте Григорий Иванович. — Забирай своих хлопцев, Петренко, и раздави эту гниду. Она может и нам напакостить.

— Есть, товарищ комбриг! — вытянулся Петренко.

— Ну а мы продолжаем выполнение своей главной задачи. Держи связь.

— Ясно, товарищ комбриг!

— Ну, удачи тебе! — он поднялся, расправил ремни и на минуту задержал свой взгляд на Лешке.

— Сколько тебе лет, хлопец?

Лешка покраснел. Опустил глаза. Сердце его гулко застучало.

— Мы с Гранькой... одногодки, — сказал он.

Котовский перевел взгляд на Граньку. Тот утвердительно кивнул головой.

— Это точно, товарищ комбриг... Только он в тифу долго провалялся.

— А-а, вот оно что, — улыбнулся комбриг.

— Он уже комсомолец, — присовокупил Гранька, с гордостью посмотрев на друга.

— А вот это похвально, — серьезно сказал Григорий Иванович и протянул Лешке руку. — Ничего, закаляйся, хлопец... Ты этого Граньку еще перещеголяешь в росте.

Все засмеялись.

— А на наших не обижайся... Тут, брат, тоже как на войне настоящей.

— Я и не обижаюсь, — сказал Лешка. — У меня уже и голова не болит... Как узнал, что свои трахнули...

— Вот это по-нашему! — бросил Котовский и под одобрительный шум вышел из хаты.

Глава 10

...И вот во главе полуэскадрона Лешка с Гранькой мчатся в обратный путь. Оставалось пройти последний лесок. Рассвет гнался по пятам. Скорее, скорее... Не доезжая опушки, услышали выстрелы. Лешке сначала показалось, что кто-то стучит молотком по железной крыше. Петренко остановил отряд.

— Это, наверное, Сафронова обнаружили бандюки, — высказал предположение Гранька.

— Кружная дорога есть на хутор? — спросил Петренко.

— Есть. Вот сюда, влево.

— Хорошо. Соловьев! Останешься здесь со взводом.

— Слушаю! — отозвалось где-то в рядах.

— Держите тут с разведчиками оборону. Сокол, проберись скрытно к Сафронову и доложи о подмоге!

— Есть! — крикнул Лешка и кубарем слетел с коня.

Все спешили. Отвели коней в лес. Петренко со своим маленьким отрядом помчался по кружной тропе.

Соловьев укрыл бойцов по обеим сторонам лесной дороги и подозвал к себе Лешку.

— Скажи там своим хлопцам, что мы в засаде. Ни один черт тут не пройдет. А если шибко прижмут — контратакуем.

— Ясно, — бросил Лешка и побежал вперед, петляя между деревьями, будто заяц. Он выскочил на опушку. Перед ним лежала деревня. Вот он, поповский домик... По улицам метались всадники. У поскотины за редкими деревьями лежали сафроновцы. Они вели огонь. А где же кони? Там вон справа от них глубокая балка... Наверное, там укрыли.

Чуть пригнувшись, Лешка побежал к поскотине. Что-то запело, зазвенело вокруг него. И тут он понял, что его обстреливают из ближних домов. Падая в снег, заметил группу всадников, накапливающихся за домами.

— Товарищ командир! — крикнул он. — Это я... Мы подошли. В лесу — котовцы.

— Леша, большой привет!

— Ахмет! — обрадовался Лешка.

— Давай, давай!

Лешка подполз к ребятам.

— Докладывайте, Сокол, — спокойно приказал Сафронов, не отрывая взгляда от деревни.

Лешка, тяжело дыша, стал рассказывать о том, как они ехали с Гранькой, как их сцапали котовцы вместо бандитов, как чуть не свернул шею, падая с коня.

— Короче, короче, — поморщился Сафронов, и тут Лешка увидел повязку на его голове. «Успели ткнуть», — подумал он и с беспокойством посмотрел на деревню.

— А короче так: часть котовцев в леске. В засаде. Часть на хутор пошла. Гранька повел прямо на штаб Матроса.

— Товарыщ командир! — успел крикнуть Ахметка, и тут все увидели группу конных бандитов, вылетевшую из деревни.

— Внимание! — приказал Сафронов. — Слушай мою команду! Стрелять залпами... Беречь патроны!

Лешка уткнулся за какой-то не то пень, не то камень и стал целиться из карабина.

Всадников было человек тридцать. Выхватив сабли с гиком и свистом они мчались прямо на редкую цепочку разведчиков. Вот они уже совсем близко.

— Огонь! — скомандовал Сафронов. — Огонь! Залп. Второй. Третий.

Глава II

По селу, испуганно поглядывая по сторонам, шли люди.

— На митинг, — сказал Гранька, придерживая порванный рукав. — Будут новую власть выбирать.

А в это время из леса на рысях подходил к селу большой конный отряд.

— Наши! — радостно воскликнул Лешка. — Вот так... А мы тут сами управились. А кто это в кошеве?

— Это, наверно, из волревкома, — высказал догадку Гранька.

И не ошибся. Выбежавшая на площадь Елена вскоре вернулась, расстроенная, бледная.

— Этот из волревкома выступал от новой власти... Знаешь кто?

Гранька насторожился.

— Коровин... тот... да, да.

— Ты что? Как это можно? — сел на лавку, будто от удара, Гранька. — Так его же...

— Я уж не знаю, как там... А точно — он. Рука на перевязке и голова тоже. «Меня, — говорит, — граждане товарищи, тут, в вашем селе, за правое дело смертным боем били... Да нас, — говорит, — большевиков, не скоро убьешь... Я призывал в листовках, по заданию комитета партии, к неповиновению бандитам Матроса, к искоренению его банды... А теперь, — говорит, — когда с ним покончено, мы установили настоящую народную власть. От волревкома имею полномочия». Бабы тут вой подняли, а одна прямо на меня указала: «Вот у кого притон ихний собирался. Каждый день гулянки справляла, бандюков спаивала. Может, и сейчас, — кричит, — у нее ховаются кто по клетухам». Тут командир выступил. Успокоил всех: «Мы, — говорит, — разбоя не потерпим... Обойдемся без вас. Всех, кто имел связи с бандитами, проверим». Ох, Грань, влипла я...

Лешка с удивлением слушал Елену. Вот как все повернулось! Что ж, этого надо было ожидать.

— Ты успокойся, — стал увещевать ее Гранька, но сам он терзался сомнениями. — Но этот иуда Коровин... Он-то действительно враг! Листовки же мы с тобой две ночи писали... Он же на связь с Матросом шел от анархистов.

— А теперь вот докажи, — горячо воскликнула Елена.

«Что ей бояться, чудная, — подумал Лешка, — выяснится все».

Но Отвалов-Коровин думал иначе. О его провале на связи с Матросом, которую осуществили, как он догадался, Гранька и Елена, знали только они. Больше никто не мог знать. При свидании с главарем банды присутствовал этот парень, батрак или подставное лицо чекистов у молодой хозяйки, да два первых помощника Матроса. Один из них, к великому удивлению Коровина, извлек из его мешка с десятком заготовленных листовок... Расправа последовала быстро. Его повели в овраг. Хорошо, что стемнело, и, к счастью, бандиты были вдрызг пьяные. Пальнули по нему, ранили. Он скатился в овраг. Жив остался. С трудом добрался до волостного села. Там он выдал себя по документу за большевика Отвалова Григория Степановича. Документ на гильзовой бумаге был зашит в воротник пиджака. А Отвалов Григорий Степанович, как выяснилось позднее, — это действительно личность. Питерский рабочий. Участник одного из продотрядов, который был зверски уничтожен кулачем в одной из волостей Воронежской губернии. Но обо всем этом узнали Гранька и Лешка значительно позднее.

В этот же день события разворачивались стремительно и совсем не в пользу ребят.

Елена наскоро чинила Гранькин полушубок, а ребята с жадностью уплетали пшеничную кашу с подсолнечным маслом, когда в сенях что-то загрохотало и в переднюю ввалилось человек десять бойцов во главе с начальником особого отдела Макаровым. Впереди, сияя улыбкой на обросшем желтоватой щетиной лице, плотный широкоплечий штатский в дубленой длинной борчатке. Правую руку его, согнутую в локте, поддерживала марлевая повязка, перекинутая через шею. Из-под мерлушковой шапки свисала на лоб и левую щеку белоснежная повязка.

— Вот так, товарищи, — сказал он. — Представляю вам хозяев этого бандитского убежища. — Отвалов повел левой рукой в сторону Граньки. — Один из помощников Матроса по кличке Сирота. Участвовал во всех диких оргиях. А это, — он подмигнул, хихикая, Елене, — глаза, уши и даже побольше... хи-хи!

Лешка смотрел на него и не верил ни одному его слову. Больше того — лицо Отвалова, припухшее, широкое, с мелкими рябинками, особенно какие-то бесчувственные, будто подернутые туманной пленкой, глаза были знакомы ему. «Где я его видел? — билась мучительная мысль. — Мешают усы, отвисшие вниз, как у Тараса Бульбы... И эта пепельная бородка».

— Какой же он Отвалов? Это же из городского анархистского подполья Коровин! — воскликнул Гранька.

Коровин хихикнул и подмигнул Макарову:

— Для кого Коровин, а для кого товарищ Отвалов. Так-то.

Макаров кивнул Граньке.

— Оружие...

Гранька указал на карабин, висевший у двери в простенке, снял с ремня наган.

— И ремень давайте, — приказал Макаров.

Вмешался Лешка.

— Товарищ командир! Как же так?.. Он... Он... А где котовцы?

— Отряд котовцев вышел на соединение со всей дивизией... А что?

— Так ведь он... Гранька-то с ними разгромил Матроса! Он вел... он...

— И убил главаря? — перебил его Макаров, недоверчиво усмехнувшись. Резко повернувшись к Граньке, он добавил: — Вас можно понять...

— Вот именно, товарищ командир, — вставил Отвалов. — Замести следы хотел... Липа!

Лешка с ужасом подумал: ведь это так похоже на правду! Вот как все обернулось!

— Сам ты липа, а не большевик, — не стерпела Елена. — Подосланный он.

Отвалов презрительно сморщился и снова, хватаясь за голову, простонал. Вдруг он встал и спокойно сказал:

— Вот именно подосланный... А кем? Хи-хи... Кем подосланный-то?

— Известно кем: на связь шел от таких же городских бандюг, — не совсем уверенно сказала Елена.

Отвалов покачал головой.

— Я волю партии исполнял. А сейчас, извиняйте, мне нужно быть с сельчанами.

— Да, да, конечно, — кивнул ему Макаров.

Отвалов, согнувшись, кряхтя и болезненно морщась, пошел к двери. Лешка с ненавистью посмотрел ему вслед. Тот, будто чувствуя его взгляд, обернулся и встретился с ним глазами. Какая-то искорка метнулась в его зрачках, он сощурился и будто между прочим заметил Макарову:

— А этого парня не припомню. Может, тоже ряженный? Вы уж разбирайтесь тут... Можно и жителей спрашивать...

— Разберемся, разберемся, товарищ Отвалов! — бодро отозвался Макаров и Лешке: — Ну-с?

— Не ну-с, а Сокол Алексей... Из разведки командира Сафронова, — буркнул сердито Лешка. «Где же я этого гада Отвалова видел?» Раздражаясь, он набросился на Граньку: — Ну чего ты молчишь?

Гранька пожал плечами.

Лешка подумал: «А о чем же он будет говорить? Он же не имеет права раскрыть себя и задание».

Макаров осмотрел все комнаты. Что-то прибростил в уме и решил:

— Штаб будет здесь. Иванов!

Один из красноармейцев шагнул вперед:

— Я, товарищ командир!

— Осмотри баню... Арестованных свести туда. Назначить пост.

Когда Иванов, козырнув, удалился, Гранька спросил:

— Что вы будете с нами делать?

Макаров усмехнулся, кольнул сердито глазами.

— То, что в таких случаях полагается. Следствие. Трибунал.

— Прошу сообщить о нас в губчека.

Макаров был молодой, но самоуверенный командир. Взглянув с пренебрежением на Граньку, он угрожающе протянул:

— А может, нам доверите свою тайну?

— Нет, не доверю, — отрезал Гранька.

— В таком разе, — Макаров развел руками, — на себя пеняйте.

— Я настаиваю, — потребовал Гранька.

— И я, — присоединилась к нему Елена.

Макаров поиграл глазами, деланно хохотнул. Потом вдруг свел белесые брови на переносице.

— Увести задержанных!

Граньку и Елену увели. Лешка бросился вслед за ними.

— Стойте! — услышал он сердитый окрик. — Оставайтесь здесь. Остальным выйти.

Лешка повиновался.

— Садись, кипяток, — уже мягче сказал Макаров. — Рассказывай.

— О чем?

— О друге своем... Как это он вдруг оказался в банде с этой кралей.

— Это не краля... она помогала нашим. Так Гранька сказывал, — буркнул Лешка. «Сказать или нет? Гранька почему-то помалкивает... Значит, есть причина. Значит, надо молчать».

Лешка подумал и добавил:

— Сообщите в губчека, и все станет ясным. Он же просит вас об этом.

— Какие у него основания не доверять мне? Есть у него документ, подтверждающий, что он не бандит?

— Не знаю.

— Отвалов обещает десятки свидетелей, изобличающих его связи с Матросом. Он представитель волисполкома. Его рекомендуют оставить здесь председателем Совета. Вы понимаете, что сулит это вашему другу?

— Пошлите меня нарочным в Воронеж, — выпалил Лешка. — Правда! Пошлите, а?!

Макаров вытащил из полевой сумки тетрадку, вырвал из нее листок бумаги и положил перед Лешкой, прихлопнув ладонью:

— Пиши. Где, когда и при каких обстоятельствах встретились вы со своим другом: Кто он. Откуда. Кто его родители.

— Что ж я напишу? — пожал плечами Лешка. —

Встретились на рынке. Потом дядя Степа в депо устроил. Вот и все. В охране участвовали. Меня тиф свалил, а Гранька — он в другом месте работал.

— В каком? — допытывался Макаров.

Лешка замялся:

— В каком, в каком. В другом!

Макаров ехидно усмехнулся:

— То-то и оно, что в другом.

— А вы ведь в особом отделе, да?

— Ну допустим.

— А это ведь все равно, что ЧК. Правда?

— Ну не совсем, а почти.

Лешка облегченно вздохнул и улыбнулся.

— Ты что? — сощурил подозрительно глаза Макаров.

— А то, что и писать нечего. — Он огляделся и вполголоса произнес: — Гранька от ЧК был тут посланный.

— Врешь, — не поверил Макаров.

Зашел Сафронов. Макаров встал, козырнул ему.

— Что ты тут отчудил опять, Макаров? — И Лешке: — Иди встречай арестованных. Я их приказал освободить.

— Товарищ комиссар отряда... Это... это... — вспыхнул Макаров. — Тут ведь и свидетели есть. Уполномоченный от волревкома товарищ Отвалов и другие. У меня все основания. Я буду жаловаться. Это не ваши функции...

Лешка шмыгнул в дверь. Вслед донесся спокойный голос Сафронова:

— Насчет функций, товарищ Макаров, это еще как сказать. Разберемся. Займись-ка лучше одним пленным. У папа в доме он. Лапшин по фамилии. Матерый бандит. Я к нему отдельную охрану выставил. Участвовал в расправе над председателем ревкома.

— Хорошо, — буркнул Макаров и ткнул дверь ногой.

Когда он вышел, Сафронов оглядел безучастным взглядом кухню, подумал и, решившись на что-то, шумно положил свою полевую сумку на стол. Тут он и дождался освобожденных. Елена влетела в дом веселая, насмешливая. Видно, встретивший их Лешка, все рассказал им.

— Ну вот и отбыли наказание за революцию пострадавшие, — воскликнула она, перешагивая порог. — Спасибо вам, товарищ комиссар...

— Извините... горячие у нас есть головы. Вот и этот Макаров... Но ведь тут действительно Отвалов шум поднял.

...Недалеко от окраинного домика их догнал Макаров.

— И что за привычка у командира, — сказал он, по-

— Прошу сообщить о нас в губчека.

Макаров был молодой, но самоуверенный командир. Взглянув с пренебрежением на Граньку, он угрожающе протянул:

— А может, нам доверите свою тайну?

— Нет, не доверю, — отрезал Гранька.

— В таком разе, — Макаров развел руками, — на себя пеняйте.

— Я настаиваю, — потребовал Гранька.

— И я, — присоединилась к нему Елена.

Макаров поиграл глазами, деланно хохотнул. Потом вдруг свел белесые брови на переносице.

— Увести задержанных!

Граньку и Елену увели. Лешка бросился вслед за ними.

— Стойте! — услышал он сердитый окрик. — Оставайтесь здесь. Остальным выйти.

Лешка повиновался.

— Садись, кипяток, — уже мягче сказал Макаров. — Рассказывай.

— О чем?

— О друге своем... Как это он вдруг оказался в банде с этой кралей.

— Это не краля... она помогала нашим. Так Гранька сказывал, — буркнул Лешка. «Сказать или нет? Гранька почему-то помалкивает... Значит, есть причина. Значит, надо молчать».

Лешка подумал и добавил:

— Сообщите в губчека, и все станет ясным. Он же просит вас об этом.

— Какие у него основания не доверять мне? Есть у него документ, подтверждающий, что он не бандит?

— Не знаю.

— Отвалов обещает десятки свидетелей, изобличающих его связи с Матросом. Он представитель волисполкома. Его рекомендуют оставить здесь председателем Совета. Вы понимаете, что сулит это вашему другу?

— Пошлите меня нарочным в Воронеж, — выпалил Лешка. — Правда! Пошлите, а?!

Макаров вытащил из полевой сумки тетрадку, вырвал из нее листок бумаги и положил перед Лешкой, прихлопнув ладонью:

— Пиши. Где, когда и при каких обстоятельствах встретились вы со своим другом: Кто он. Откуда. Кто его родители.

— Что ж я напишу? — пожал плечами Лешка. —

Встретились на рынке. Потом дядя Степа в депо устроил. Вот и все. В охране участвовали. Меня тиф свалил, а Гранька — он в другом месте работал.

— В каком? — допытывался Макаров.

Лешка замялся:

— В каком, в каком. В другом!

Макаров ехидно усмехнулся:

— То-то и оно, что в другом.

— А вы ведь в особом отделе, да?

— Ну допустим.

— А это ведь все равно, что ЧК. Правда?

— Ну не совсем, а почти.

Лешка облегченно вздохнул и улыбнулся.

— Ты что? — сощурил подозрительно глаза Макаров.

— А то, что и писать нечего. — Он огляделся и вполголоса произнес: — Гранька от ЧК был тут посланный.

— Врешь, — не поверил Макаров.

Зашел Сафронов. Макаров встал, козырнул ему.

— Что ты тут отчудил опять, Макаров? — И Лешке: — Иди встречай арестованных. Я их приказал освободить.

— Товарищ комиссар отряда... Это... это... — вспыхнул Макаров. — Тут ведь и свидетели есть. Уполномоченный от волревкома товарищ Отвалов и другие. У меня все основания. Я буду жаловаться. Это не ваши функции...

Лешка шмыгнул в дверь. Вслед донесся спокойный голос Сафронова:

— Насчет функций, товарищ Макаров, это еще как сказать. Разберемся. Займись-ка лучше одним пленным. У попа в доме он. Лапшин по фамилии. Матерый бандит. Я к нему отдельную охрану выставил. Участвовал в расправе над председателем ревкома.

— Хорошо, — буркнул Макаров и ткнул дверь ногой.

Когда он вышел, Сафронов оглядел безучастным взглядом кухню, подумал и, решившись на что-то, шумно положил свою полевую сумку на стол. Тут он и дождался освобожденных. Елена влетела в дом веселая, насмешливая. Видно, встретивший их Лешка, все рассказал им.

— Ну вот и отбыли наказание за революцию пострадавшие, — воскликнула она, перешагивая порог. — Спасибо вам, товарищ комиссар...

— Извините... горячие у нас есть головы. Вот и этот Макаров... Но ведь тут действительно Отвалов шум поднял. ...Недалеко от окраинного домика их догнал Макаров.

— И что за привычка у командира, — сказал он, по-

жимая плечами. — В деревне столько добротных домов, а он непременно выберет чуть ли не развалюху, да обязательно где-нибудь на задворках. В этих крестовичках небось погреба от разной солонины ломятся.

— Ты б с того и начал, Макаров, с погребов, — насмешливо сверкнул глазами Сафронов. — А командир, может, и духу их не выносит. Ну что там этот... Лапшин?

— Разберемся... Хотя Отвалов категорически... ни в какую...

— Что категорически? — не понял Сафронов.

— Говорит, что Гавря из незнательных. Он, кстати, и попа отпустить просит. Из стратегических, так сказать, соображений. Народ тут набожный и не поймет, не поверит, что батюшка банде помогал. Могут подумать, что Советская власть сразу же под корень религию подсекает. Знают же, что большевики ни в бога ни в черта не верят...

— А ты вот Сокола спроси. Он тебе расскажет про поповскую стратегическую линию, — строго сказал Сафронов и схватился за очки.

Лешка давно приметил: как только вспылит командир, сразу же срывает очки и начинает расправляться с ними.

— Спроси, спроси, Макаров... Он расскажет тебе, какую тот попик ловушку готовил нам.

— Опять же Гранька перехватил ту посыльную его, — нахмурился Лешка. — А я проследил, куда она ушла.

— Вот так-то, дорогой товарищ, — осуждающе бросил Сафронов. — Никак, Иван Степанович? — взглядываясь, воскликнул он.

С крылечка угловатого домика сошел невысокого роста плотный человек в серой папаше. Его окружало несколько военных. Это и был командир отряда Черненко. Бывший слесарь депо. Они остановились в проулке, о чем-то беседуя. С командиром стоял человек в штатском. Он был на голову выше Черненко. Что-то было очень близкое и знакомое в нем и особенно кожаная фуражка.

«Кто же это?» — думал Лешка, остро взглядываясь в знакомую фигуру. Как нарочно, тот стоял к нему спиной и что-то, изредка взмахивая руками, рассказывал командиру. Авлево от него... Это, конечно, Гранька... Что это у него в руках? Книга, что ли? «Книжник несчастный», — усмехнулся про себя Лешка. А эта в шубейке черной и легкой шали — Елена. Вот она подошла к командиру, сказала что-то и легкой, быстрой походкой направилась к своему дему. Поравнявшись с Лешкой, улыбнулась.

— Приходите вечером с Гранькой... Варениками уго-

шу, — сказала она вполголоса и вскинула на него веселые глаза.

Лешка остановился.

— А это кто?

— Все в порядке, Леша. Вон тот дядька длинный из города приехал. Власть налаживать будут. Вот он и привез депешу на Граньку, на тебя...

— А ты?

Елена беззаботно пожала плечами.

— А я что? Я должна здесь... Ведь еще и эта Анфиса жива. Как она там?

— Не слышно было.

— Небось богу душу отдала, — заторопилась Елена. — Значит, придете?

— Хорошо, — качнул головой Лешка и проводил взглядом молодую женщину. «Смелая... И какая-то... светлая вся. Отчего это? Однако ей здесь опасно жить будет. И этот тип... Отвалов. Ведь он порешит ее!»

Вдруг они ошиблись тогда с Гранькой? А что если он настоящий большевик — выполнял такое же задание, как и они? Но может ли такое?

Лешка не заметил, как подошел, забыв на минуту о странно знакомом человеке, к Граньке, но тот кивнул в сторону человека в штатском.

— Не узнаешь?

Лешка резко повернулся к приезжему, а тот уже шел к нему, раскрыв руки.

— Ай-яй... Зазнался? И старых знакомых не признает? Негоже это, Сокол, негоже!

— Дядя Степан! — вырвалось по-мальчишечьи у Лешки.

Он рванулся к Чугуеву и повис в его железных руках. Степан хлопал его по спине своей тяжелой лапищей и, кружась, гудел:

— А ты молодец... Да и вообще... и друг твой тоже... Так оно, браток, и положено рабочему человеку.

Потом Чугуев отстранил от себя Лешку и разглядывал его со стороны, на расстоянии вытянутых рук.

— А тебе к лицу, Леха, военная форма! Ей-богу! Бравый такой! Настоящий представитель молодой рабочей крестьянской армии.

Зашли в дом. После короткого перекура и шуток Чугуев попросил приступить к делу.

— Значит, так, — наставил он палец прямо в грудь Макарову. — Осторожненько. Так мол, и так, товарищ

Отвалов, пройдемте в штаб. Командир кличет, мол. Кое-какие вопросы хочет решить по организации местной власти. Вроде, мол, наказ хочет дать перед расставанием. Как подготавливать сход сельчан и прочее...

— Значит, с ним решено? — спросил тот.

— По всем данным... — начал было Чугуев, но замялся почему-то. — Одним словом, ваша обязанность доставить его сюда. Я думаю, чтобы не было подозрения, ведите его один...

— Ясно... Я б его, товарищ... — мрачно проговорил Макаров.

— Ладно, Макаров, без эксцессов! — резко бросил Черненко.

Лешка не знал этого слова, но из всего поведения начальника особого отдела понял, что какой-то он не такой, как другие. Что-то его не то гнетет, не то кружит ему голову, и он, сам по себе вроде бы простецкий парень, не может собраться. Бросается из одной крайности в другую. И догадку Лешки подтвердил Черненко, озабоченно сказавший после ухода Макарова:

— Как его выпрямить? Человек-то весь до доньшка свой. Шахтер. Пролетарий. А вот такое другой раз отмочит...

— Учить будем. Вот и выпрямится, — сказал Чугуев. — Сами-то мы с тобой, Иван, давно сознательными стали?

Черненко, блеснув глазами, пощипал короткими сильными пальцами плотные, цвета спелой ржи, усы, усмехнулся.

— Подпольная академия за нами, Степан. Много это или мало?

— Гм. Думаю, не мало, но и не очень-то густо. — Чугуев качнулся к командиру и дружески стукнул его кулаком по колену. — Вот кончится вся эта заваруха, Ваня, да отправим мы тебя в настоящую академию и накажем тебе: учись, чтоб до пролетарского красного генерала допер! Во как! А теперь тяни кисет. Закурим!

Черненко полез в карман, недоверчиво качая головой и улыбаясь.

— **Шибко высоко ты меня кидаешь, Степан!**

— И ничего высокого! Буденный кто такой? Казачий фельдфебель? Или урядник? А командует?

— Первой Конной армией. Да как командует! — подхватил Сафронов.

— Вот именно. А сам Клим Ворошилов? — закручивая «собачью ножку», воскликнул Чугуев, вскидывая живые с черным блеском глаза то на Черненко, то на присутствующих. — Народ уже назвал своих героев. И Пархоменко назвал, и Григория Ивановича Котовского. В каждом краю есть свои герои. Из кого, как не из них, нам делать своих пролетарских генералов? До мировой революции неизвестно еще сколь шагать придется. Может, наперед самим показать надо, как строить рабоче-крестьянское государство. А заграничные пролетарии посмотрят и смелей на штурм пойдут. А допрежь всего нам крепить придется свою армию да охранять бдительно границы.

— Дядя Степа, — спросил Лешка. — А нам можно будет учиться?

— Не можно, а в обязательном порядке, Леша. Весь комсомол и молодежь за парты посадим, — серьезно сказал Чугуев. — Вы наша смена. Вы должны быть грамотнее нас. Вам дальше строить и укреплять нашу жизнь.

— Гимназий не будет, а где же учиться? — спросил Гранька.

— Училища разные откроем, чтоб по всем специальностям училась молодежь, — ответил не спеша Степан. — Наверно, институты будут также. Ведь нужны же нам будут и врачи, и учителя, и свои, не привозные, инженеры тоже. А как же!

— Я б на библиотекаря пошел, — вздохнул Гранька. — Вот книг-то под руками!

Чугуев вприщур посмотрел на Граньку, фыркнул:

— Ничего себе, мадам библиотекарша!

Все рассмеялись. Гранька покраснел и тоже рассмеялся.

— А что, разве нельзя?

— Да пожалуйста, учись, — сквозь смех махнул рукой Степан.

— Только тебе бы, Евграф, надо что-то посерьезнее выбирать. Впрочем, у тебя уже тропочка в жизнь намечена. И неплохая. Почетная. А учиться сама жизнь заставит. Вот так, браток. — Степан прошел к порогу и бросил в лохань с водой окурков. — Отвлеклись, товарищи. Иди-ка ты в кухню да попроси хозяев по двору заняться. Проверь пост.

Гранька вышел.

— Так вот, товарищи, — начал Чугуев, усаживаясь за стол, накрытый вышитой холщовой скатертью. — За последнее время враги меняют свою тактику. Они врастают в наши советские учреждения под видом писарей, бухгалтеров, спецов разных, пользуясь тем, что пока нам без них не обойтись. Но нужен за ними партийный глаз. Поэтому во главе учреждений и предприятий выдвигаются проверенные большевики. Однако в уездные и волостные укомы зачастую под видом коммунистов пролазят вражьи элементы. Сейчас губисполком и губком занимаются личными делами руководителей власти на местах. И вот мы столкнулись с делом Отвалова. Он якобы по заданию прежнего руководства губкома и ЧК вел работу с населением в неблагополучных районах. Такой документ действительно есть в уездном комитете. Подписал его Рындин. Отпечатан он на машинке. Но, как хорошо известно многим сотрудникам ЧК, оставшимся в живых после налета белоказаков, Рындин имел странную привычку: все личные удостоверения своим особо доверенным товарищам он выписывал сам. Коряво, может быть, не совсем гладко, но сам. Не доверял машинке.

— А как партийные документы у этого Отвалова? — поинтересовался Черненко.

— Они, кажется, в порядке, но есть одно «но». В архивах губернской милиции сохранился документ — донесение начальника Калачеевского отдела о разгроме кулацкой бандой продотряда питерских рабочих. Двенадцать питерцев, в том числе их командир Отвалов, были зверски убиты топорами и железными вилами.

— Как же это? — воскликнул Лешка.

— Обыкновенно. Намаялись ребята. Сутками не спали. Дотащились с обозом до глухого хутора в балке. Остановились на ночлег и заснули... Может, и охрана тоже...

— А имя, отчество того Отвалова сходятся? — подал голос Сафронов.

— Беда в том, что в донесении указана только фамилия. По документам он питерский рабочий. В автобиографии пишет, что в голодный год ушел в деревню. Сначала к родным под Тулу, потом в наши края перебрался. Был взят в органы. Работал, по легенде, у Рындина. По документам мещанина Коровина...

— Щекотливое дело, — задумавшись, произнес Черненко.

— Гранька говорит, что он посланник от городских бандюков, — присовокупил Лешка. — И я где-то его видел...

— Вы понимаете, как это важно — не ошибиться? — предупредил Чугуев. — Где видел? В городе?

— Никак не могу вспомнить. Кажется мне, что усов тогда он не носил таких...

— А ну вот что, хлопче, — перебил его Степан, — кликну-ка сюда друга своего.

Граньку попросили рассказать, как им с Еленой удалось раскусить Коровина-Отвалова.

Он рассказал, что раскусила-то его прежде Елена.

Продолжение Гранькиной легенды

Гранька всякими правдами и неправдами входил в доверие Анфисы. Это ему удалось. Он целые вечера просиживал в ее спальне, рассказывая то про «ужасные» чекистские застенки, то по просьбе больной читал ей священные книги.

— Не нахвалится тобой, — смеялась Елена. — Это, говорит, господь бог послал мне утешение перед смертью. Набожный, уважительный парень.

Он чистил коровник, возил из лесу хворост. Ухаживал за скотом. Одним словом, превратился в безвозмездного батрака: «Кормите — и ладно. Куда мне в такое время?»

Как-то на масленке Анфиса, поманив его пальцем, указала на сундук.

— Открой-ка...

Гранька повернул огромный ключ. Внутри замка мелодично сыграли пластинки. Сундук был набит бельем. С правой стороны — аккуратная стопа мужского, слева — женского.

— Возьми брюки, Граня... Бери, бери, не стесняйся. Это офицерского сукна. Может, и не доведется Петру-то носить... Помогли ему Христос. — Она истово перекрестилась. — А ты носи. Хочу отблагодарить тебя по-божески.

Помялся парень, но брюки взял. В эти дни, на масленке, и появился в селе городской коробейник Коровин. Он приехал на заморенном коне, запряженном в старые крестьянские розвальни. Молодой тонконогий конь с длинной шеей и маленькой сухой головой, по всему было видно, тащил непривычную упряжку. Он еле перебирал ногами. Граньке показалось, что видел такого коня в городском цирке...

Коровин торговал мелочью, которой так не хватало в

деревне: иголками, пуговицами, нитками на настоящих шпульках, лентами, наперстками, бусами, маленькими круглыми зеркальцами. Торговал в обмен на яйца, масло, семечки. Было у него куска два цветастого ситчика, за который он просил только хлеб или пшено.

Его попеременно зазывали на ночевку. Торговец не отказывался. Как-то Елену у колодца встретила соседка.

— Слышь, — говорит она по секрету. — Торговец-то, видать, не простой.

— Что так? — насторожилась Елена.

— Про Петра, твоего братца, спрашивал. Друг, говорит, был на фронте. В одном окопе, говорит, вошей кормили.

— Ишь, купец нашелся, — рассердилась для виду Елена. — Разъезжает, а того и не видит, что Петро и сейчас тех вошей кормит.

Соседка сочувственно поддакнула ей.

Елена передала этот разговор Граньке. Тот сам догадался, что крутится этот Коровин со своими бусами да иголками неспроста. Не похож он на коробейника.

— И я так же думаю, — согласилась с ним Елена. — Ездить под носом у банды ни один спекулянт не рискнет.

— Подождем. Если «оттуда», от наших — даст сигнал. Должен дать!

Однажды «коробейник» встретил Елену, когда та вышла из дома.

— Тпру! — натянул он вожжи. — Ты что ж, красавица, товаром моим не интересуешься, а?

Соскочил с саней, к ней подошел.

— Ну здравствуй, Елена Гурьяновна. И ведь не привлекает городских людишек. Ай-яй-яй! Сама ведь столько годов в городе прожила!

«Ну кто же ты? Кто? — металась мысль... — Свой или враг?»

— Не встречала я вас в городе, — холодно сказала Елена.

— А у меня к тебе просьбица... Может, в дом позовешь? «Ну наконец-то».

Елена повернулась ко двору.

— Гранька!

— Кто это?

— А тут бедолага один... пострадавший от Советов человек. Петруху знает.

— Как же, слышал про Петра, — вздохнул Коровин. — Несчастье с человеком.

Вышел из-под навеса Гранька с вилами.

— Открой ворота-то... Человек просится заехать.

— Спасибо, Елена Гурьяновна. Благодарствую.

— Заезжайте, я счас, мигом... к соседке вот. — И подняла в руке крынку.

Обернувшись еще раз к Граньке, наказала:

— Коню-то брось на ночь.

— Ладно, — угрюмо отозвался Гранька и присовокупил недружелюбно: — Ездют тут... Своей скотине уже оденки заскреб.

— А ты, милый, не скаредничай... бог велел пополам делить.

— Мало ль что он велел, — огрызнулся Гранька.

...Вечером Гранька, как всегда, сидел в спальне Анфисы, читал ей жития святых, а Елена угощала топленым молоком нежданного гостя.

Хозяйка расслышала их разговор.

— Кого это там Ленка потчует? — спросила она, подозрительно вслушиваясь.

— Так, бродяга один напросился, — небрежно бросил Гранька.

— Оттуда?.. Из лесу?

— Нет... Из города будто. Промышляет тут. Бусы да зеркальца разные выменивает на что придется.

Анфиса встрепелась.

— А нет ли у него, милый, белого материала?

— Нету.

Анфиса тяжело вздохнула.

— Хорошо бы на посмертную рубаху достать.

— Такого материалу — весь город переверни — не сыщешь.

— И то... Времена-то, времена какие... Небось светопредставление начинается. Он не сказывал? Ох-хо. Ну читай, читай, голубь... Все мирские, все грешные дела лезут в голову, прости меня, господи... Читай!

Трое суток прожил у них «городской коробейник». Днем ездил по селу, торгуя своим немудрящим товаром, а вечером возвращался. За чашкой чая вел бесконечные разговоры о трудностях жизни, о тяжелых смутных временах. И нет-нет да заговаривал о «лесных братьях».

— Я не боюсь этого слова... Слышь, Елена? — настороженно щурясь, говорил он. — Что их загнало в лес? Несправедливость — вот что... Вон и твой брат, Петро... Страдалец за народное дело! Да, скажу от чистого сердца — истинный мужик.

Елена отмахивалась от таких разговоров.

— Страдалец! По своей глупости страдалец... — сердито говорила она. — Жил бы как все. А то загордился своими георгиями, затуманили они ему голову, вот и сломал шею. Не замахвайся на народную власть.

— И это говоришь ты, его родная кровь?

— При чем тут кровь? Мы не дети. Соображать надо, что к чему.

— Эх, Елена, Елена, — вздохнул постоялец. — Смелая ты, решительная. Да и собой привлекательная, а судишь обо всем, как совдеповский выкормыш. Но позволю не верить тебе, а? — Глаза Коровина делались масляными, он пытался обнять Елену.

— Отцепись, не веришь — не надо, — слабо отбивалась от настойчивого гостя Елена.

— Да, не верю. Мне ведь все известно. А пока извини — прилягу.

Он ложился тут же на деревянной широкой лавке, а Елена уходила в спальню Анфисы, вполне спокойная, дерзко насмешливая, но стоило ей перешагнуть порог спальни, как ее охватывала непонятная дрожь и волнение. «Кто он? Кажется, теперь ясно, что не от наших. Тогда чего он тут ищет? Кто ему нужен? С какой надобностью?»

Вскоре все разъяснилось. Коровин был в тот вечер зол, взвинчен. Гранька и Елена уже знали от сельчан, что «коробейник» ищет тропку в стан к Матросу. Вот в тот памятный вечер и решил он брать быка за рога.

— Вот что, Елена, — сказал он решительно. — Мне известно: ты хорошо знаешь путь к Матросу. Ты мне его покажешь. — Одутловатое лицо его исказила легкая судорога.

Но Елену трудно напугать. Она тихонько засмеялась и налила себе чаю, забелила молоком, лукаво блеснула в его сторону глазами.

— А что я буду иметь от этого? А?

— Честное благородное слово офицера. Я буду нем как рыба, и... штуку ситца, — выпалил гость, с надеждой глядя на Елену.

Елена вдруг стала суровой, непреклонной.

— Кто вы?

— Я... я уже сказал, — прошептал пораженный Коровин.

— Чекист! — крикнула Елена, вскочив. В руках ее блеснул вороненой сталью браунинг. — Встать! Руки!

Подчиняясь ей, Коровин поднял с готовностью руки.

— Милая... милая... Как это ловко! Узнаю, — бормотал он с трогательной нежностью в голосе. — Вот я весь твой, дорогая Елена! Как ты мила! Вот мое оружие, здесь, в левом кармане. Бери, бери, дорогая! Уф! Можно сесть?

— Садитесь, — все еще сурово хмурясь, кивнула Елена. — Откровенно: кто вы и зачем к Матросу?

Коровин вдруг растроганно произнес:

— Вот она, святая наша русская женщина... Вы простите меня, Елена Гурьяновна... Мне трудно... Я так рад... — Он выхватил из френча платок и поднес к глазам. — Извините меня... нервы... столько ведь усилий. Но теперь слава богу... Я все расскажу, все. Простите мою слабость...

И — рассказал.

Гранька вдруг замялся.

— Я не имею права говорить обо всем... От кого он и зачем был послан к Матросу... Одним словом, есть в городе одно поганое гнездо.

Советуясь с Гранькой, Елена спросила:

— Что делать? Ведь он — вражина. За спиной его целая организация таких же пауков... Нам известно, кто они. Не убрать ли его?

— Но как, Елена? Надо будет о чем-то докладывать Матросу.

И тогда они пошли на риск. Разыскали с грехом пополам оберточной бумаги, потом в бане написали печатными буквами несколько прокламаций. Елена принесла самогонки.

— Я верю вам, — сказала она «коробейнику», — только обещанное на стол.

Коровин от радости хватил полный стакан самогону, крикнул и поманил к себе пальцем Граньку.

— Не в службу, а в дружбу, принеси, дружок, мой чемодан... Все будет по-честному, Елена Гурьяновна. Слово офицера.

Гранька затащил тяжелый чемодан из кладовой. Коровин достал штуку ситца... Пока Елена рассматривала материал, Гранька сунул прокламации во второй кусок.

— Какие же прокламации? — поинтересовался Чугуев.

— А вот у меня есть одна. — Гранька открыл верхний карман гимнастерки и вытащил четвертушку грубой серой бумаги.

Чугуев прочел вслух:

«Граждане!

По всей великой России и Сибири уже установлена Советская власть. Люди приступили к мирному строительству

ву. И только наши леса кишат отступниками трудового народа, бандами и разными дезертирами. Ловите их и передавайте Советам! Помогайте органам Советской власти и ее славной Красной Армии громить бандитов! Да здравствует Советская власть!

Губернский комитет ВКП(б), ГубЧК».

Чугуев одобрительно кивнул Граньке.

— Потом мы несколько листовок расклеили по селу. На дома тех, кто связан с бандой. И в других местах. Пусть читает народ. Ну а потом — все известно. Елена шепнула Матросу, чтоб проверили его барахлишко. «Читал листовку-то?» — спросила она. «Читал». — «Есть подозрение...» — «Ясно. Давайте-ка я его прощупаю...»

Потом главарю банды принесли обнаруженные в штукеситца те же листовки... Матрос встретил его оплеухой и, не слушая никаких объяснений, приказал пристрелить. Бандиты же были пьяные, и Коровину удалось уйти.

— Вот он и стал товарищ Отвалов, — усмехнулся командир отряда.

— Это мы проверим, — пообещал Чугуев, покусывая ус. — Кажется, идут...

Елену ребята застали в спальенке Анфисы. Увидев Граньку, больная расплакалась.

— Бог тебя простит, хлопец, — сказала она, припав к его руке. — Смелого он бережет, сам не плошай. Я все знаю. Разорили вы воровское гнездо, тому и быть. Сколь Петру-то говорила и укоряла... не послушал. А орлы-то — народ. Замахнулся на него — быть битому. Это не притча. Это быть. Уезжаешь?

— Уезжаю.

— Ну спасибо тебе, добрый хлопец, за все. Спокойней мне как-то с тобой-то было.

— Ничего. Поправитесь еще... Вот утихомирится все. Люди за жизнь возьмутся. И вам полегчает.

Анфиса скорбно покачала головой...

— Куда уж мне? Зачем? Кому я нужна в этой новой-то жизни? Я уж за Петром, чую — нету его на белом свете. А зовет, зовет...

Весь вечер Елена суетилась, замесила квашню, поставила ее на печь.

— Напеку вам на дорогу лепешек, чтоб до города не побирались. Сала положу.

— Да зря ты, — пробовал не совсем уверенно отказываться Гранька.

— Ишь ты, рад не рад удрать из деревни. А я вот тут совсем одна остаюсь.

Она спрятала от ребят глаза, и Лешка понял ее: привыкла она к Граньке. И опасность, может, их как-то сближала. Жалко ей отпускать парня. И свое горе скрывала в хлопотах по отъезду.

К вечеру сделала вареники с творогом и все угощала парней. А потом вдруг приказала снять гимнастерки. Ребята сначала запротестовали, но куда там!

Сняли гимнастерки. Елена вытащила из печи ведерный чугунок с горячей водой и стала вычерпывать воду в деревянное корыто. Клубы пара поднялись к потолку.

— Вы вот что, хлопцы, — растягивая слова, певуче произнесла Лена, смахивая с лица испарину, — шубенки на плечи и тикайте к бане. Один хворост, другой воду — банька готова. Без бани я вас не выпущу со двора. Уяснили?

— Так точно! — весело, в один голос ответили ребята и стали торопливо одеваться.

— О це гарно, — похвалила Елена. — Яки ж вы у меня послушные та расторопные...

За чаем после жаркой бани распаренные и присмиревшие парни лениво цедили из блюдец горьковатый настой из душички и больше косились на Елену, которая, закончив дела, плюхнулась к столу рядом с Гранькой и, шумно вздохнув, стала подливать чай.

— Пейте, пейте, хлопцы. Тут у нас воды вдоволь и сахара есть. Вприкуску, заместо сахара.

Потом вдруг остро заинтересовалась судьбой Коровина-Отвалова. Гранька хотел отделаться общими словами, но она потребовала подробностей.

— Ну что тут... Привел его Макаров. Он так по-хозяйски, свободно держится. Сбросил на подоконник кубанку, повязку на голове и левой щеке поправляет. «Я с удовольствием слушаю вас, товарищи», — говорит, садится у стола и кисет из кармана тянет. «Что у вас со щекой?» — спрашивает Черненко. «Царапина, со скользом пуля прошла». Отогнул повязку, а Лешка как закричал: «Узнал! Это он! Смотрите, порох на щеке! Синюшный!» А Коровин-Отвалов вытаращил глаза, вскочил, потом со всего маху так и припечатался на табурет. Смотрит на Лешку и слова не может сказать.

С ребят слетел сон. Они весело рассмеялись.

— А почему припечатался на табурете? — заинтересовалась Елена.

— Я вспомнил его, — сказал Лешка. — В вагоне встречал. Тогда, правда, без усов он был и выпивши...

Лешке пришлось рассказать Елене, как он путешествовал по вагону, выполняя задание Боброва.

— Так это он был?

— Ну да, — закивал Лешка. — Я глянул и сразу вспомнил. Это он тогда моего дядьку, который звал меня из тамбура в вагон, сватал отыгаться. Видно, тот просадил немало в карты. Ну а этот еле языком ворочал. И злой как черт был. Цыкнул на него, тот и отцепился. Так вот все и произошло.

— Да, — кивнул Гранька. — Леша здорово помог. В самый раз припомнил, что надо. Теперь разберутся, не он ли держал связь с хозяином Полубянского кордона. Щека приметная. Маша сразу его узнает.

— А стрелял в кого-то из нас не он ли? — присовокупил догадку Леша.

— В вас? — удивилась Лена. — Когда? Где?

Пришлось ребятам и про этот случай рассказать Лене.

— Размотают, там все размотают, — пообещал Гранька, выходя из-за стола.

— Сколь ниточке не виться... — подтвердила Лена.

Лешка вдруг расхохотался.

— Ты что? — спросил Гранька.

— Вспомнил, как его тут царапнул по загривку этот самый... ваш крестный Макаров, — сквозь смех вырвалось у Лешки, напомнив Граньке и Лене неприятные минуты ареста.

— Псих ненормальный какой-то, — опустила глаза Лена. — А еще в особом отделе.

— Ему досталось от дяди Степы и командира отряда. Горячий больно, — сказал Гранька и отодвинул от себя порожний стакан. — Спасибо. Хватит. Ты к своим разведчикам не пойдешь? — обратился он к Лешке.

— Пойду, — поднимаясь из-за стола, кивнул Лешка.

— погоди, — вскочила Лена. — Я счас. Гимнастерка-то небось высохла. Рубелем ее покатаю.

Вечером того дня состоялся сельский митинг, на котором Чугуев огласил постановление Советского правительства об амнистии участникам банд, добровольно сдавшим оружие и вернувшимся с повинной в Советы. Тут же был избран сельревком, в который по рекомендации Чугуева

была введена и Елена. Многие из сельчан встретили это выдвижение с недоверием — а как же братец ее?

— Не волнуйтесь, — сказал Чугуев. — Разобрались в ЧК.

А утром горожан проводили до ближайшего железнодорожного разъезда сафроновские ребята.

Граньке Лешка посоветовал передать своего коня — Орлика — Ахмету:

— Никто так из нас не любит коней, как Ахмет, а его Воронко сломал копыто.

— Не конь — аргымак! — горящими глазами осматривая Орлика, причмокнул Ахмет. — Со мной не пропадет... Сам кушай — ему кушай. Сам пей — ему давай... Сам не кушай — ему кушай.

Гранька, подозрительно сморкаясь, все почему-то отворачивался и смотрел куда-то в степь. Услышав последние слова Ахметки, Гранька, не скрываясь уже, вытер рукавом полусшубка нос и припал лицом в гриву коня.

— Моя это понимает... Моя понимает... — растроганный, скороговоркой проговорил Ахмет. — Настоящий человек шибко коня любит. Большой человек будет... Не беспокойся: Ахметка погибай, коня выручай. Такой закон есть. Не беспокойся.

...Вот и полустанок позади. Товарные вагоны, толкая друг друга, шарахались из стороны в сторону, громко выстукивая свои позывные на рельсах: тра-та-та-трах-трах... тра-та-та...

Гранька угрюмо смотрел в степь. Там, то выныривая из-за кустов, то вдруг пропадая среди них, мелькала группа всадников. Вот их поглотил овраг.

Гранька тяжело вздохнул.

...Никто из ребят — ни Лешка, ни Гранька — и не предполагали, что эти последние часы, проведенные ими вместе, надолго разведут их пути в разные стороны. Гранька вернулся в Воронеж победителем. Он не только успешно выполнил боевое задание, но и привез добрый «трофей»: вместе с ним двое бойцов из отряда Черненко этапировали в ЧК Отвалова-Коровина, добивавшегося связи подпольного центра офицерского контрреволюционного заговора с бандой Матроса. А через месяц, в мае, Гранька включился в новую операцию с группой чекистов по обезвреживанию валютчиков и спекулянтов.

...Между тем Лешка вернется в город в том же мае месяце в составе кавалерийского дивизиона, но Граньку

уже не застанет, а через несколько дней их дивизион вольется в одну из чекистских частей, по тревоге будет погружен в эшелон и отправлен в далекую, неизвестную Фергану на ликвидацию басмаческих банд. И не раз и не два придется Лешке обагрить свою шашку кровью в жарких мимолетных схватках с бандитами Джунанд-хана и Ибрагим-бека под Хивой и Бухарой, сражаться под Ошей и Кокандом с бандитами Усмана Алиева. В последнем бою с басмачами Вахманкула снимет его с седла вражеская пуля, и будет отправлен он на излечение в Семиречье.

Почти четыре года не был Лешка в родных краях. Тосковал по светлым плесам тихого Дона и речке Инютенке. Виделся ему город, вымытый дождями, обласканный солнцем, уютный и красивый. Всего одну весточку и получил он от Граньки за все эти годы. Похоже, не было у парня времени, чтобы обстоятельно рассказать о своем житье-бытье. А видать, обрадовало его письмо Лешкино, которое он отправил из Семиречья. Столько упреков наговорил и от себя, и от тети Капы, и от Маши. А как было писать Лешке, когда он, будто перекасти-поле, сегодня здесь, а завтра — там. И есть ли у той пустыни обратный адрес?..

«Служу там же, — пишет Гранька. — Работа всего забирает без остатка. Нэп дает нам прикурить. Знал бы ты, сколько поганных грибов повылезло наружу. На днях «Черную биржу» прихлопнули. Шум был большой. Ты давай быстрее поправляйся, Леш. Я тоже, брат, истосковался по тебе. Тетя Капа прихварывать стала. Маша в больнице работает. Все мы тебя ждем не дождемся. Вижу часто Наташу Ишутину. Она в горьком комсомола орудует. Про тебя спрашивала. А старик Мироныч, батька ее, сильно сдал, но паровоза своего не бросает. Степана Чугуева в губком партии взяли. Встречаемся иногда. А позавчера, кажется, показал ему твое письмо. Обрадовался. «Объявился-таки, — говорит. — Ну, молодец... Такие парни зазря не пропадают. Тереби, — говорит, — его, тереби, чтоб до дому возвращался целехоньким».

Так что давай, Леха, кончай отлеживаться и приезжай домой».

Наизусть Лешка выучил то письмо, да разве в его желанин дело! Вот что-то не совсем уверенно левая рука себя чувствует. Забросишь ее за голову — тут же в лопатке заколет. И жаловаться вроде бы ему неудобно как-то врачу, а придется, потому что черт ее знает, как она поведет себя в гражданке. Рука-то и задержала его еще на целых полтора месяца.

— Ну как, Алексей Иванович? Доволен ремонтом? — смеется главный хирург на обходе.

— Еще бы; доктор, — смущенно улыбается Алексей.

А смутило скорей всего это самое «Алексей Иванович». Всем сердцем он уже летел из госпиталя. Но пустят ли еще?

— Отлично, — говорит доктор. — Завтра на комиссию, — кивнул он своему ассистенту.

А на комиссии решили «демобилизовать в запас».

— Счастливой дороги вам, товарищ Сокол... Постарайтесь не попадаться больше на пути вражеской пули!

— Постараюсь, — заверил хирурга.

А что еще скажешь? Получил он свою шинельку кавалерийскую, буденовку, сапоги с отчаянным скрипом, подхватил свой фанерный некрашенный чемодан — и на вокзал. И снова — Воронеж.

Часть вторая

НА ОСТРИЕ НЕЗРИМОГО ФРОНТА

Глава 1

Ганна Романовская росла красивой девушкой. Смуглая, огромные глаза с таинственной поволокой — она не зря была кумиром женской гимназии. Горда и резка в суждениях, честолюбива. Это слегка отпугивало от нее многочисленных поклонников и создавало вокруг ее имени таинственный ореол.

Ганна считала, что рождена для большого подвига, и все ждала своего звездного часа. Училась легко. Увлекалась музыкой и... политикой. В своей комнатке она повесила на самом видном месте портрет Софьи Перовской, написанный неизвестным художником.

— Уберите, милая... Чтоб и духу ее здесь не было, — увещевала перепуганная насмерть прыщеватая немка-гувернантка.

— Это мое дело! — упорствовала Ганна. — Я преклоняюсь перед ее смелостью.

— Преклоняться перед государственным преступником...

— Перед человеком.

— О боже!.. А ну как дойдет до директора? До папеньки вашего? Да вы убьете его!

— Мой папенька демократически мыслящий человек. Он на могилу Герцена цветы возлагал в присутствии полиции.

Спор с гувернанткой продолжался недолго. Ганну вызвали к директору и велели принести портрет.

— А теперь объясните: где вы раздобыли его?

Ганна была оскорблена. Не могла же она в самом деле выдать родного отца, обедневшего помещика, либерала и чудака.

Ее лишили вакаций*. Сообщили отцу и на этом скандал замяли. С гордо поднятой головой Ганна приняла наказание.

— Моя Голгофа только началась! — заявила она подружкам.

Так Ганна стала героем дня. Многие из впечатлительных гимназисток мечтали в ту пору о хождении в народ.

— Ганночка, — липли они к Романовской, — ты будешь великой. Мы все пойдем к забитому нуждой простому люду и станем просвещать его...

Это льстило Ганне. Она еще больше уверовала в свою исключительность.

— Мы совершим революцию, — говорила она. — Мы откроем глаза народу. Мы заставим его поверить в светлые идеалы. Но с чего начать?

Как-то одна из подружек по секрету сообщила ей:

— Тебя ждет приятный незнакомец...

— Кто он?

— Красавчик. Кадет.

— Что ему от меня надо?

— О, пустяки, Ганна... Он просто наслышан о тебе. Не бойся. Он серьезен, как бог.

— Он не сказал, где я его увижу?

— В соборе.

Ганна дала согласие. Может, этот кадет знает, что делать?

Кадет, худенький, с резко вздернутым подбородком и властными движениями, произвел на Ганну впечатление. Ей импонировали его смелость и простота в обращении.

— Меня зовут Сергеем, — сказал он как-то со значением, даже не улыбнувшись, посмотрел ей в лицо холодно-ватыми голубыми глазами. — Впрочем, это, может, вам и

* Вакация — каникулы.

ни к чему... Просто я князь Нечунаев... О вас наслышан много и давно. Хочу свести с моими друзьями...

Они вышли из собора и углубились в сквер.

— Надеюсь, эти ваши друзья не...

— О, что вы! Это порядочные люди. По секрету скажу: председателем у нас граф Б. Я рядовой каменщик...

— Уж не масоны ли ваши друзья? — вскинула она насмешливо брови. — А может быть, Заратустра и прочие?

— И Заратустра, — кивнул он серьезно, делая вид, что не замечает ее насмешливого тона.

— Ах, как это мило с вашей стороны! — воскликнула Ганна, откровенно, смеясь. — В наше время и вдруг эти наивные Пьеры Безуховы с беспочвенной философией.

— О! — удивился он. — Вы жаждете действий?

— Не я, а время...

— Против кого? — чуть заикаясь, спросил он.

«Да он же жандарм!» — ужаснулась Ганна, но какой-то непокорный чертик уже вскружил ей голову, она смело посмотрела на него и, краснея, выпалила:

— С деспотизмом!

— Ну, это другое дело, — как-то безразлично произнес он. — Мы тоже за всеобщее благоденствие и равноправие... Вроде оппозиционной партии. — Он понизил голос, огляделся. — Клятву даем торжественную.

— Против кого же готовитесь выступать?

— Мы за конституционную монархию.

— За царя, только с конституцией?

— Вот именно. Как, например, в Европе. Посидим? — он указал на беседку.

Ганна согласилась.

— Так вот. Я не боюсь посвятить вас в большую тайну.

— Люблю тайны.

Он помялся немного и, решившись, стал говорить о каком-то инициативном боевом ядре организации.

— Поймите, Ганна... вы ведь тоже дворянка... Нам всем надо действовать сообща, чтобы сохранить свои родовые привилегии... Да, царь туп и бездарен. Двор в трясине. Проходимцы и даже самые настоящие враги России под крылышком нашего самодержца... Мы ограничим его власть. Он будет для проформы подписывать указы и решения сильного правительства.

Он был, похоже, неплохим пропагандистом и оратором, этот кадет. И лицо его, кажется, незначительное, неброское с первого взгляда разгорелось. Нет, он право же, даже приятен.

— Большевики, меньшевики, эсеры — все они одним миром мазаны: им подай революционный переворот снизу... Они заигрывают с этой серой скотинкой — народом, а лезут к власти. Самые опасные из них — большевики.

— Но, говорят, за ними народ. Им верят. У них самая справедливая программа. Так я слышала, — вставила Ганна. — Как же вы помешаете?

— Мы будем проникать в их организации.

— И это дело боевого ядра?

— Да. Мы будем взрывать изнутри. Уничтожать их вожakov.

Нечунаев предложил Ганне вступить в организацию.

— В это ядро?

— Вам будет по духу... У вас есть все качества. Вы очаровательны. Никто не заподозрит в вас подрывника...

— Но ведь надо же сойтись с этими большевиками... Да и как еще они отнесутся ко мне. Мне надо знать их программу, платформу, что ли...

— Вы талантливы, Ганна... Вам ничего не стоит даже выдвинуться в их среде, — горячо убеждал Нечунаев. — Я вам честное благородное слово даю — будете вожаком. Посмотрите на их окружение: сошка трудовая, так называемый пролетариат... Я не говорю о профессиональных революционерах... С ними схватки, да еще публичные, опасны. А вам они поверят. Вы обаятельны, и в глазах ваших — сама честность.

Это было романтично. Идея быть провокатором Ганне понравилась. «Нужно быть гениальным актером, чтобы играть непринужденно эту игру», — думала Ганна. Рискованно? Да, очень. А это как раз и привлекало, отвечало ее честолюбивым наклонностям.

Нечунаев познакомил Ганну с руководителями «тайного общества». Они были в масках. По манерам говорить, держаться Ганна поняла, что ее окружают представители высшего аристократического круга. На нее смотрели с вождением, как на лакомый кусок, доступный не многим.

...Вскоре в одной из воскресных рабочих школ Саратова появилась молоденькая учительница. А через полгода самый сильный марксистский кружок этого рабочего района был провален. Руководители его арестованы. Вместе с ними была посажена в тюрьму и учительница. Но ей каким-то образом удалось «обмануть» бдительность стражи при поездке в суд. Девушка сбежала и как в воду канула.

Во время войны в 1916 году она оказалась в одной из

действующих частей под Карпатами. Это была уже не та наивная гордячка Ганна Романовская.

Офицеры наперебой домогались ее любви. Но она была разборчива, умна, решительна в действиях. У русской военной контрразведки были серьезные подозрения в отношении Ганны... На кого она работает? Но разоблачить ее было нелегко. В те дни, когда русские войска без оружия, без снарядов стали откатываться назад, Ганна исчезла и появилась в Петербурге в роли гувернантки у известного адвоката Жарикова.

Пало самодержавие. К власти пришло Временное правительство. Жариков был вхож на правах друга семьи к самому Александру Федоровичу. Удостоилась знакомства с премьером и Ганна Романовская. Керенский был в ударе. Он много говорил и, захмелев порядком, стал объясняться Ганне в любви.

Он был неприятен до тошноты, этот наполеончик, «спаситель» России. И все же...

А теперь? Воронеж... Обшарпанный бар. Мерзкие морды.

А что же было? Где ты могла бы выйти из игры и спокойно уйти в мирную гавань? Ну, скажем, примириться с насилием личности, уйти, например, в какую-нибудь захлавленную школу и наплевать на все и вся. Мало ли беспроблемных дур так и поступили! Может, это и есть подлинное служение народу? Разве твоему отцу не простили дворянское прошлое и не проработал он в сельце, которое его отцу подарил дед со всеми потрохами, с живыми и мертвыми душами. Сколько же? Сколько лет проработал он? Да лет семь-восемь. И кем? Учителем рисования и ботаники.

— Ну нет... Я не раба, — прошептала Ганна, воспаляясь и одним залпом опрокидывая в рот полбокала вина. — Я не инфузория. Не одноклеточное существо, чтоб все простить и забыть все, до чего было близко, чем, можно сказать, уже дышала, жила — большой свет! Благосклонное внимание дворянской элиты, государственных мужей, саванников. Ах, как это было все близко, это родное по духу, по крови! И обо всем этом забыть? Простить пощечину невежественного мужлана и пасть ему в ноги и вместе с ним вопить: «Мы наш, мы новый мир построим»? Ну нет, товарищи! Не-ет! — Лицо Ганны передернула легкая судорога. Она с ненавистью посмотрела на пьяную веселящуюся толпу и, судорожно смяв сухими нервными пальцами папиросу, отбросила ее и налила снова вина.

Как же все это было? Уже который раз вот в таком го-

рячечном нервном состоянии Ганну зовут к себе кошмары прошлого. Почему кошмары? А не боевой ли это по-настоящему путь борца за истинную свободу? Честолюбивая горячая струйка приятно коснулась сердца.

...Все, казалось, шло как по-писаному. В Петрограде «Национальный центр» входил уже почти во все советские учреждения и органы. Ждали сигнала, чтобы разрядить пистолеты, бросить бомбы, штурмом взять большевистский штаб в Смольном... Войска генерала Юденича — в Царском Селе. Это было осенью. Но удивительное дело, ничего этого она не замечала тогда, шагая по Василеостровской. В ушах звенели слова Нечунаева. Да, да, это он, уцелевший на фронте, теперь был воинственно настроен уже не против «развратных царедворцев», а против возомнивших себя строителями новой жизни большевиков и с ними всякой черни. «Мы снова сила, Ганна, — говорил Нечунаев. — В такие дни грешно отсиживаться и ждать манны небесной. Надо действовать, действовать, действовать. Мы безоговорочно примкнули к «Национальному центру». Мы — кадеты. К черту партийные разногласия! Нас объединяет ненависть к этим чумазым. Ненависть поведет нас и к совместным действиям. Будем спорить потом, когда возьмем власть. Ты в какой партии? Ни в какой? Это еще и лучше. Интеллектуалы с нами».

...На явке за ней настойчиво стал ухаживать Берг, высокий, стройный красавец, начальник воздушного дивизиона Балтийского флота.

— Вы же красный командир? — кокетливо шурилась Ганна.

Ах, как она нравилась тогда себе! Да и себе ли только! Вон и Берг, например. Он шутливо ответил:

— Тут и красные, и синие... вон видите того лысого старичка? Боротьбист... И черные есть. Ну и, конечно, белые орлы. Так вот я из тех, которые в нужный момент меняют перья.

Ганна пожала плечами, с недоверием вслушиваясь в то, о чем говорил очередной джентльмен. Довольно чисто произносятся русские слова, он говорил о том, что вот он социалист, англичанин, но глубоко понимает русское передовое общество и вместе с ним надеется на скорые перемены. Его правительство готово предоставить нужные средства, оружие, продукты патриотам России. «Правительство, — поморщилась Ганна, — говорил бы уже без обиняков — «Интеллидженс». Сколько их, рвущихся к богатствам России-матушки. И все готовы помочь, чтобы с лихвой урвать

потом от общего пирога». Ганна в душе ревновала всех доброжелательных иностранцев к ее многострадальной России. Но как без них?

Здесь, на этой явке, Берг познакомил Ганну с Полем Дюксом. Тот в свою очередь с Петровской, своей помощницей и деятельной участницей «Национального центра». Сухопарая, какая-то плоская, будто вобла, она небрежно кивнула Ганне. Та вспыхнула, но сдержалась. Про себя выругала заносчивую эсерку: «Туда же, заезженная кляча». Но Петровская оказалась крупной фигурой, заметной личностью в игре, которую вел и с «Национальным центром», и с другими заговорщиками Поль Дюкс. У нее скрещивались все нити, которые по линии шпионажа шли к Дюксу.

Об этом узнала Ганна позднее, уже после разгрома и «Национального центра» и всей этой компании. Правда, Дюксу удалось уйти на этот раз от расплаты, а Берга чекисты Петерса разоблачили, и он был расстрелян как изменник.

Эту ночь под 16 июня не забыть Ганне. Кажется, весь Питер, ошетинясь штыками, поднялся против них. Облава за облавой. Обыски шли из дома в дом до самого утра. Даже особняки посольств не пощадили. Сотни арестованных. Все прахом! В последнюю минуту Петровская дала Ганне московский адрес. К Марии Никифоровой. «Человек надежный, хоть и... анархист», — брезгливо поморщилась Петровская. Это развеселило Ганну: ты смотри, как разборчива еще!

На другой день Петровскую арестовали.

Никифорова была в центре подпольной организации «Всероссийского повстанческого комитета революционных партизан». Вот это по душе Ганне! Не те слюнтявые эсерчики. Волевые, смелые люди, знавшие, на что идут и что делают. Это, оказывается, их рук дело — взрыв в помещении Московского комитета РКП(б), что в Леонтьевском переулке.

«А в Питер донеслось уже другим эхом, — вспомнила, усмехнувшись, Ганна. — Берг, кажется, шептал тогда на явке: «Здание ЦК взорвали!» И каждый из заговорщиков, наверно, вырастал в тот миг в собственных глазах. Слизняки!» Ганна презрительно поморщилась. Никифорова показала как-то на одной из прогулок опаленное гарью здание МК.

— Двенадцать — насмерть, пятнадцать — ранено, — говорит она вполголоса, и Ганна чувствует, как горда эта

анархистка. — Разнесло на куски самого Загорского — секретаря МК. Ранен и известный пропагандист ЦК большевиков Емельян Ярославский, а также Покровский, Ольминский. Это была наша месть за расстрел в Харькове наших единоверцев.

— Единоверцев? — не поняла Ганна.

— Не так сказала? — усмехнулась Никифорова. — Ну единомышленников. Это были лучшие парни из руководящего круга Нестора Махно. — Она вздохнула печально. — Какие кадры погибли! — Озеров, Бурдыга, Олейник, Павленко, Михалев...

— Но Махно... — смутилась Ганна. — Ведь он же командиром в Красной Армии!

Никифорова сказала сухо:

— Вот я тебя познакомлю с полковником Розановым. Он тебе растолкует про батьку Махно. Розанов — атаман войска донского. Полный бант святого Георгия имеет...

Вечером они ездили в Красково, на дачу. Тут была штаб-квартира подпольщиков-анархистов. Оборудована типография. Лаборатория, где изготавливались бомбы. «Партизаны» делились на три группы: редакция, отвечающая за выпуск листовок и газеты «Анархист», группа, обслуживающая типографию, и боевики. Боевики являлись костяком организации. Они вели экс, добывали взрывчатку, изготавливали бомбы, производили террористические акты.

Ганна была поражена. Такая четкая слаженность и разделение обязанностей! И вот это — типография, лаборатория...

— Это же каких денег все стоило!

— Конечно, — согласилась с ней Никифорова. — И денег, и усилий. Но, девочка, кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот обретет. Не так ли? А насчет денег... вот послушай. — Она достала из сумочки миниатюрный блокнотик. На листке стояли цифры. Можно подумать — номера телефонов. — Так, 12 августа изъяты деньги в народном банке в Москве; 18 августа — в отделении банка на Большой Дмитриевке; 29 августа — экс в Туле, взяли кассу патронного завода — три миллиона четыреста восемьдесят рублей.

— Вот это размах!

...Розанов сковал волю Романовской. Невысокого роста, но плотно сбитый, черный, горбоносый, с немигающим тяжелым взглядом будто свинцом начиненных глаз, он просто парализовал инициативу Ганны. В нем чувствовалась огромная сила. Ганна сняла комнату через улицу от

квартиры Никифоровой. Домохозяйке отрекомендовалась музыкантшей. Оно так и было. Ганна отлично играла на пианино.

Как-то вечером, пренебрегая всякими там светскими условностями, Розанов, можно сказать, прямо ввалился со свертком в руках в ее комнату. Он довольно бесцеременно развернул сверток, извлек из него бутылку красного вина, поставил на стол и потребовал закуски.

— А если ничего нет — обойдется и так, — тут же присовокупил он. — Была бы в ходу рюмка. — И, наливая вино, кивнул ей: — Слышал я о вас. Из обиженных, как и я, грешный.

— Вы? — не поверила Ганна. — Не похожи вы на обиженного.

— Судьбу свою хочу выправить. Как и вы. Отгадал?

— Отгадали.

— Вот так-то.

Помолчал. Достал портсигар, серебряный, с монограммой. Не спросил, а предупредил:

— Буду дымить.

— Пожалуйста. Я тоже балуюсь иногда.

— Тогда прошу! За компанию.

Закурили. Он выпустил изо рта дым кверху сквозь усы. Они свистели. Это было забавно. Стал неторопливо рассказывать про своего кумира Махно.

— Прав батька. Какая ж это революционная свобода личности, когда на тебя давят со всех сторон: то штабу фронта подчиняться, то комиссары гнут свою линию. А там из Москвы директивы. Какой же это революционный порядок? Батька по-своему повернул... Никаких давлений сверху. В селе — выборная власть. Кто люб, того и выбирай. Неугоден стал — вали его к чертовой бабушке. Дай выход инициативе каждого гражданина. Это и есть настоящее народовластие. Никаких там партий. Никаких установок. Живи сам по себе, как душа просит. Вот и программа вся. У батьки более 20 тысяч войск. Туда подамся. Простора душа просит. Здесь ведь по острию тоже ходим. Особенно после того взрыва. Чекисты активизировались. Идут почти по следу. Того и гляди за шиворот возьмут. А тут еще эти барабаны.

— Какие барабаны? — не поняла Ганна.

— Листовки, газеты... Разве не барабаны? Кричат, гремят. Так и заывают на след...

Ушел поздно...

А потом он приходил каждый вечер. Нетерпеливый, ино-

гда молчаливый и угрюмый, но всегда ненасытный и падкий на нее. Она боялась и ждала его. Беспокоилась, когда он почему-либо опаздывал. Боевики в те дни обдумывали взрыв Кремля. Проговорился как-то Розанов в порыве откровения.

И вдруг — провал.

Ганна только что вышла в садовую беседку. Неожиданно, где-то в домике Никифоровой, раздались раз за разом несколько глухих выстрелов. Ганна замерла. Кто-то цапнул носками сапог забор и, перевалившись через него, плюхнулся на куст смородины и замер. А Ганна стояла у беседки, боялась пошевелиться. «Если он уходил, значит, он не мог быть чекистом. Значит, он свой человек и ему надо помочь».

— Кто вы? Вам помочь?

— Ты? — раздалось от куста. — Это ты, Ганна?

Она узнала его.

— Все! Убит Казимир. Схвачен Дямин. Надо уходить. Ты поедешь со мной в Винницу.

Уже потом узнала, что Казимир Ковалевич — это один из руководителей подполья.

А в Виннице они вдруг повстречались с Дяминым. Он уже работал в какой-то торговой организации. Был доволен службой. Они сидели в чайной. Дямин грыз соленый сухарик и смеялся, довольный, расслабившийся.

— А помнишь, Розанов, дурни какие были, а? Подумать ведь, на кого руку-то поднимали!

— Н-да, — тянул Розанов и старался не глядеть на собеседника.

— Ну не правда, что ли? Вот меня взяли тогда, и я подумал: дурень ведь. За какие идеи страдать буду? Взял и раскаялся. И про дачу им выложил, и про всю организацию. Простили! Отпустили с богом. Иди, трудись мирно на благо всего народа. Ну а вы как? Жена? Ай-яй, и не знакомить с такой очаровательной женщиной.

— Жена.

— Тут и живете?

— Да нет. Только, можно сказать, с поезда.

— И небось жить негде, а?

— Пока действительно так. На птичьих правах.

— Так пошли ко мне. И никаких разговоров. Никаких! У меня своя хата, сад. Жена рада будет. Поживете, а там видно будет... Ну?

— Пошли, Ганна? Все же старый товарищ... Ну спасибо тебе, брат, а то мы уж и пригорюнились.

— Старая хлеб-соль не забывается, — хлопнул портфелем по столу Дямин. — Так-то! Поехали. Тут недалеко. Прямо за вокзалом, у ручья... У нас как в деревне — благодать!..

Где-то у того ручья Розанов и стукнул его рукояткой нагана в висок. Выхватил у него портфель и сунул труп головой в воду.

— Мразь продажная! — глухо проговорил он, пряча под мышку оружие.

Они незаметно вернулись в чайную.

— И тебя это почти не волновало, Ганна. Правда? — спросил Розанов.

— С предателями в жалейки не играют, — жестко сказала Ганна и испугалась: не слишком ли громко она сказала? Осторожно огляделась: кажется, никто в этом пьяном гаме не обращает на нее внимания. Успокоилась. Напила снова вина. Изменилось ли что за эти годы? Боль за потерянное не утихла, не притупилась, а стала, казалось, еще острее. Ненависть усилилась. Со злорадством думала о том, что происходит с Россией. Нэп возродил пауков. По-вылазили из щелей Титы Титычи. Ухватились за свои пироги. Сытно, пьяно. Рысаки на улицах появились. Зашумели бары и пивнушки. Баранки — связками у лавчонок частников. Колбасы. Окорки. К довольству, сытости идет дело. Кажется, промахнулись большевики. Наступает прежняя Русь, кабацкая. Куражливая. Разве остановить частника, этого клеща? С кровью только отдерешь. Значит, на попятную? Ха, марксисты! Социализм, бесклассовое общество... А он вот он, как упырь, этот прежний класс, и прет, прет. Может, все это к лучшему? О каком социализме речь? Вот так от бара, ресторанчика, с колокольным звоном и придет старое, купеческое. Вернутся в свои поместья прежние хозяева, и все станет на место. Как было. Тогда зачем столько лет борьбы за истинную революционную свободу? А как же с этим новым классом быть — с чиновниками-большевиками? С этой новой элитой? Смириться? Голову под крыло? Нет, нет, господа-товарищи. Такое не прощается. Надо разоблачить громогласно их политику. А ты, Антон, против барабанов. Нужны они. Как бы в пору сейчас! В самый расцвет нэпа. А может, листовочку прямо от руки написанную; а? Нет, у тебя серьезней, Ганна, дело. Насторожить гепеушников?..

Вскоре Розанов уехал в Харьков. Нашел ли он там нужных людей? О связях сообщил условленным письмом. А ей задание: подготовить группу верных людей. Объекты

№ 1 для террора: секретарь губкома партии, председатель исполкома и верхушка из ГПУ.

Пока им с Антоном удивительно везло. И это, пожалуй, лучше, что они разъехались. Антон передал ей довольно крупную сумму денег. «Зря не базарь», — наказал коротко.

Она довольно быстро и без проволочек устроилась тапером в кинотеатре, скромная одинокая женщина, потерявшая во время войны всех родных и близких, живет незаметно, но прилично.

А вот с этим бывшим морячком Шуркой Юдиным пришлось рискнуть. Проболтался доверительно: участвовал в кронштадском мятеже. Удалось скрыться. Работает на пристани, азартный игрок в бильярд. Как раз то, что нужно.

— Не могу без содрогания смотреть на сильных, молодых еще людей, пострадавших за идею, — сказала Ганна. — Брат у меня вот такой же был.

И передала Юдину двести рублей.

— Будут — отдашь. Не тороплю, — сказала она. — Небольшие сбережения. Куда мне их, одинокой!..

И привязала незримыми нитями к себе Шурку.

Есть на примете у Ганны еще один человек. Этот, пожалуй, поценней будет, если не спился. Частый посетитель бара, угрюмый, скрытный, молчаливый. Где-то видела его. Но где? При каких обстоятельствах? Зрительная память Ганну никогда не подводила. Знала твердо: уж если зацепилась глазом за что-то виденное, найдет верные приметы и вспомнит.

Вот и сегодня Ганна видит этого знакомого незнакомца. Как всегда, один за столиком в самом углу зала. Ждет, когда пиво принесут. Ковыряется небрежно вилкой в тарелке. Ковырнет — и не ест. Похоже, во власти каких-то раздумий. И всегда один... Вот он отодвинул тарелку, встал, одернул на себе пиджак, выпрямился. Офицер! Муштра выдает! Так и кажется: сейчас стукнет каблуками и раскланяется. «Так это же Муратов! Поручик Муратов! Связной к Бергу от генерала Юденича!» — чуть не вскрикнула от радости Ганна.

Все же высветилось в памяти...

Это было в тревожные дни ноября 1919-го, когда генерал делал вторую отчаянную попытку прорваться в Петроград. Немалых усилий, сметки и отчаянной храбрости стоила поручику эта смелая вылазка через линию фронта. Он едва стоял на ногах от усталости. Передав какую-то бумагу, добавил:

— Его высокопревосходительство приказал сказать вам устно... Какого черта вы медлите?.. Контрразведке нужны списки комиссаров, активных большевиков...

«Поручик Муратов...» — взволнованно думала Романовская, провожая его до двери пристальным взглядом.

Ганна не заметила, как к ее столику подошла девушка, обслуживающая посетителей бара. В последний миг Ганна бросился в глаза красивый молодой парень с лихим чубом на лбу. Он играл в бильярд с Шуркой.

«Вроде бы новичок», — отметились где-то в голове.

— А вы все скучаете? — прервала ее раздумья девушка. — Что прикажете?

— Извините, милая... Тебя ведь Катей зовут?

— Да так вроде. А бывает по-иному. — Она вскинула кокетливо голову, засмеялась.

— Как же?

— Катькой Червонец.

— При чем тут этот самый червонец?

— Да так получилось.

— Прозвище?

— Да. По фамилии Карпова я.

— А не скажешь, Катя, кто это с Шуркой?

— А-а! Что — приглянулся?

— Ну уж так сразу, — сделала смущенный вид Ганна. — Ведь мальчик еще.

— Молодой, да из ранних. Из финотдела он. Наша хозяйшюшка, когда он здесь, покоя себе не знает.

— Отчего же? — наивно удивилась Ганна.

— А как же... От него ведь налоги-то. Может всяко повернуть дело. Вон булочника Рябова накрыл на чем-то да такое обложение состряпал — полгода царапался мужик. — Девушка весело рассмеялась. — Такой он, Павел Панов.

— Принципиальный, значит, — сделала вывод Ганна.

— Настырный.

— А там вон в углу сидел? Только что ушел. Хмурый такой... Не знаешь его?

— Шурка его тараканом запечным зовет.

— Почему же? — усмехнулась Ганна.

— Да верно таракан. Все один, один. И чем-то вроде разобижен. Ни с кем не якшается. Ни во что не ввязывается. Посидит, три кружки пива выпьет, иногда — рюмку коньяку. Посидит один на один с собой и уходит...

— Странный посетитель.

— И постоянный. Изю дня в день. Вот уже с год помню его. И все за тем же столиком.

— И всегда такой?

— Всегда.

— Что-то гнетет его.

— А чего гнетет, — развела руками Катька. — Деньги имеет, говорят, в охотничьем магазине бухгалтером работает. Вон Панов, похоже, знаком с ним. Да у того Панова родной дядя Яковлев в том магазине заведующим.

— Ну а как ты живешь, Катя? — перевела разговор на другое Ганна.

— Да так... живу и живу. — Лицо ее стало озабоченным.

— Я ведь кое-что заметила... Я, знаешь, как все бабы, любопытная...

— А что такое? С Шуркой, что ли?

— С Шуркой.

Девушка опустила глаза, в них Ганна успела прочесть досаду и горечь.

— Да что Шурка. Не тянет не везет. — Она невесело рассмеялась.

— А ты всерьез на него виды имеешь?

— Пора ведь. Не маленькая. Хотелось бы семью, ребеночка своего иметь, как у всех порядочных. А эти поглядки да шуры-муры... Сыта по горло.

— Любишь, значит?

Катю позвала хозяйка, рыхлая пожилая женщина, стоявшая за стойкой.

— Извините, — заторопилась девушка. — Скажу только, что очень уж затянули мы ее, любовь-то.

Слова Катьки Червонец чем-то тревожным отозвались в сердце Романовской. «Как все порядочные... ребеночка... семью, — звучали ее слова. — Порядочные...» Она обиженно поджала губы и через некоторое время покинула бар.

Ганна настойчиво искала случая поговорить с Муратовым. Она была убеждена, что не ошибется в нем. И вот случай представился. Они столкнулись с ним у двери при выходе из кинотеатра, в котором подрабатывала вечерами пианисткой. **Кончился последний сеанс**, и Ганна Романовская, порядочно уставшая, заторопилась домой. Обычно она выходила последней с контролершей, когда пустели и зал и коридор. А сегодня решила уйти пораньше и смешалась с публикой. В узком коридоре перед выходом, как всегда, давка. Прижав сумочку к груди, Ганна плыла вместе с живым потоком, почти не чувствуя под собой пола.

Кто-то сзади прерывисто дышал в затылок, откуда-то сбоку несло водочным перегаром.

— О господи, — взмолилась Ганна, закрывая глаза. — Да что же это такое!

— Простите, мадам, — раздалось за спиной. — Меня тоже несет стихия. Я без руля и без ветрил.

Она с трудом повернула голову и увидела его лицо совсем рядом. Он!

— Это ужасно! — пролепетала Ганна.

Сердце ее бурно заколотилось. На улице достала из сумки платок, отошла к деревцу и стала обмахивать им лицо.

Он вышел прямо на нее. Улыбнулся, покачал головой:

— Живы?

— Как видите, дышу, товарищ Муратов, — тихо, но твердо произнесла Романовская. — А я вас часто вижу, только не здесь. И думаю: неужели товарищ Муратов не вспомнит ту сцену у Берга...

Он быстро огляделся и, сердито сдвинув брови, прервал ее:

— Извините, вы путаете меня с кем-то, мадам. Но должен вам сознаться, что я не возражаю побыть в роли некоего Муратова, если это вам угодно.

— Мне угодно, чтоб вы меня проводили до ближайшего бара. Вам он знаком.

— С удовольствием, — кивнул ей Муратов.

Так состоялась эта встреча, положившая первый камень в создание подпольной анархистской организации в Воронеже.

Глава 2

Дело об убийстве Дямина, а что это было именно убийство, у медэксперта не возникало ни малейшего сомнения, застопорилось. Выяснив личность убитого, в городском отделе уголовного розыска столкнулись с определенными трудностями. Версия следовала за версией. Ограбление? Отпадает. Так как у Дямина наряду со служебными документами была обнаружена порядочная сумма денег. Разбился сам при переходе ручья? Берег, с которого он должен был спуститься на переход, был обрывист, крут, но, даже предположив, что он падал вниз головой, на дне ручья нужно было обнаружить какой-то твердый предмет, например, камень или кусок железа. Но ни того, ни другого не обнаружено. Ручей был чист. Дно мягкое. Вокруг — осыпи песка. Обратились к показаниям.

Из показаний жены Дямина

— Он должен был в тот день съездить в поселок Советский. Это на железнодорожном разъезде в восемнадцати верстах от города. Вам он известен, конечно. Там отделение заготовительной базы. Я пошла на рынок. Мы вместе до вокзала прошли. Обещал вернуться с вечерним пассажирским в семь пятнадцать.

Так оно и было. Он вернулся с вечерним. В кармане пиджака его обнаружен проездной билет. Побывал следователь и на разъезде. Все подтвердилось: был, проверкой занимался. Остался доволен.

Из показаний завбазой

— В хорошем настроении уезжал Иван Борисыч. Все наказывал не прозевать с заготовками картофеля для города. Овощехранилище проверил. При расставании, сознаюсь, распили бутылку вина в железнодорожном буфете.

Пошли от этой точки. Возвращение Дямина видел стрелочник станции Иванчук.

Из показаний Иванчука

Иванчук. Принял я вечерний пассажирский, собирался уходить, а сменщик где-то задержался. Гляжу, прыгнул из вагона Иван Борисович. Идет по шпалам навстречу. Мы в соседях с ним живем.

Следователь. А почему он назад возвращался?

Иванчук. Чтоб домой, значит, идти вместе. Ну он остановился. Подождал, когда я подойду. «Потопаем вместе?» — спрашивает. Нету, поясняю ему, сменщика. Пост бросать не имею права. А я, говорит, думал вместе с тобой пропустить стакашек портвейна, привезти, говорит, должны в чайную № 15. Это тут от нас недалеко. Наша чайная, как мы ее все зовем, потому как на всей окраине нет больше чайных. Так мы и расстались. Он вроде с досадой махнул рукой. Ну ладно, говорит, дело у тебя, конечно, служебное. Нельзя пост оставлять открытым. Вот сообщу тебе Варваре, что загулял тут и домой не тянет, всыпет она тебе на орехи. Так вот посмеялись и на том разошлись.

Следователь. Он что, любитель красного?

Иванчук. Да не сказал бы. Так, в охотку, когда ста-

кан выпьет, ну самое большое два. Пьяным никто его никогда не видел.

Следователь. А как он с людьми? Не было ль у него врагов, недоброжелателей? Среди соседей вашей окраины, по службе...

Иванчук. По службе не скажу. Главная база, на которой служит, в городе где-то. А чтоб соседи — что вы! Очень его все уважали. Добрый он, открытой души человек.

...Дальше следствие зашло в тупик. Следователь уже с неприязнью поглядывал на порядочно раздувшуюся папку в несгораемом шкафу, на корке которой укором значилась табличка: «Нераскрытые дела». И тут возник вопрос: кто такой Дямин вчерашнего дня? Кем он был в прошлом? Не было ли убийство его мстью? Жена толком прошлую жизнь мужа не знала. Они познакомились на Волге, он прибыл тогда на их станцию с продовольственным эшелонном для голодающих. Потом он вернулся в Москву и долго о нем ничего не было известно. У него, как он объяснил ей без всяких подробностей после, когда они снова встретились, были большие неприятности, и он рад, что покончил с ними раз и навсегда.

— Поедем на Украину, Настя... К моим родным местам. Вот в двадцать первом и переехали сюда. А родных он не застал. Умерли. Одна сестра где-то живет, не то в Харькове, не то в Херсоне. Никогда ее не видела и весточек от нее не получали. О ней как-то не любил вспоминать Иван. Не дружили, похоже.

«Так что это за неприятности были у Дямина в том 19-м году?» — задумались в угрозыске. Вот тогда-то и возникла новая версия. Решили запросить Центр, не очень-то надеясь на удачу. И вдруг Центр отозвался. Из Москвы сообщили: «Дямин в 1919 состоял в террористической подпольной организации анархистов «Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан». На следствии по делу террористов покаялся, выдал явки, помог ВЧК ликвидировать все подполье. ВЧК сочло возможным оставить Дямина на свободе. Убийство его может быть мстью ушедших от возмездия террористов-подпольщиков». В угрозыске облегченно вздохнули и передали дело чекистам.

Вскоре во все краевые и областные представительства ОГПУ были направлены ориентировки о розыске предполагаемых преступников. Правда, это были устные, опи-

сательные портреты их внешности, но обращалось внимание и на отдельные детали, в частности, на повышенный интерес женщины к музыкальным инструментам. Приводились в пример показания буфетчика из чайной № 15 пригорода Винницы, где Дямин и был с музыкантшей и ее партнером. «Она с заметным волнением и любовью открыла старый инструмент и на ходу, остановившись на миг, уверенно взяла несколько аккордов, но, будто чего-то испугавшись, тотчас же захлопнула крышку!» — записал в протоколе дознания следователь.

Получили такую ориентировку и в Воронежском ГПУ. Николай Николаевич Алексеев тут же вызвал к себе Боброва.

— Познакомься, Виктор Петрович, и дай ход, — сказал он, пытливо заглядывая в лицо одному из своих боевых помощников. Бобров молча уселся в кресло и внимательно прочел бумагу. Подумал, потер пальцем переносицу и, вставая, глухо обронил:

— Не густо.

— Вижу, — согласился с ним Алексеев. — Ни фамилии, ни профессий, ни особых примет...

В голосе его Бобров уловил скрытую иронию.

— Такого нам век не дожидаться. Преступник не оставляет своих автографов, — усмехнулся примиряюще Бобров и вдруг, оживившись, добавил: — Между прочим, соседский мальчишка Володька, друг мой, на днях докладывал: новую учительку в школу ихнюю прислали. Теперь говорит, отдохнем хоть от этой математики...

— Не понял, — с интересом посмотрел на Боброва Алексеев.

— У них, видишь ли, некому было вести уроки пения и музыки. Так эти уроки математикой подменяли.

Алексеев понимающе качнул головой, и тут же ожили, встрепенулись светлые пушинки на ней вместо волос. Бобров при встрече со своим начальником никак не мог отделаться от желания всякий раз сдуть эти пушинки с его головы. Уж очень, кажется, непрочно разместились они.

— В какой школе твой знакомый?

— В шестой.

— Что ж, тебе проще простого побывать на уроке пения. Но разве только школа?

— Я понимаю. Это я разговор припомнил. Музыкантов в городе развелось немало. Думаю, надо обратить особое внимание на недавно сколоченные квартеты, эстрадные группы.

Помолчал, уходя обронил:

— Будем работать, Николай Николаевич. Задача ясна.

Я вот что хочу еще сказать...

— Говори, Виктор Петрович.

— По словесному портрету, она человек заметный.

А вот он... — Бобров покачал головой.

— Ну, я думаю, если она всплывет у нас, до него будет рукой подать, — оптимистически заметил Алексеев.

Никто из них в этот миг не думал и не предполагал, сколько хлопот и треволнений доставит им эта особа.

Вскоре от сотрудника особого отдела Панова, который работал под кличкой Шмель, поступило донесение: «В кинотеатре «Луч света» работает пианисткой некто Романовская...» Словесный портрет сходиллся, можно сказать, по всем линиям. Приехала недавно. Живет одна на квартире у сродственницы Екатерины Карповой (по прозвищу Катька Червонец). Романовская — постоянная клиентка бара «Дон».

Алексеев вызвал Боброва.

— Организуйте, Виктор Петрович, фотографию этой дамочки, — приказал он. — Но, разумеется, так, чтобы она и не догадалась об этом.

Бобров обиженно поджал губы, сердито свел брови. Он не любил, когда ему напоминали о прописных истинах в практике чекистов. Алексеев, тонкий знаток человеческой психологии, постарался успокоить его:

— Не обижайся, Виктор Петрович. Нужно, очевидно, провести какую-то безобидную операцию.

— Вот я о ней и думаю, Николай Николаевич. Разрешите через часок вернуться к этому разговору?

— Согласен, — утвердительно качнул головой Алексеев и тут же уткнулся в бумаги.

Вечером того же дня на глазах Ганны Романовской в баре разыгралась безобразная сценка. Какой-то подвыпивший гражданин в поношенном армяке, стоптанных и казавшихся на одну ногу сапогах прошел через всю залу, задевая бесцеремонно в проходах столы, и, подойдя к бильярду, у которого, как всегда, упражнялся с кием в руках Панов, стал вмешиваться в игру. Его попросили не мешать. А тот вдруг сбросил с себя армяк и, рванув рубаху, истерично стал выкрикивать, апеллируя слезливо к публике:

— Это меня, да? Заслуженного человека, да? Ах вы, бандюги проклятые! Спекулянтские морды! Меня?

Тут он неожиданно прорвался к бильярду, схватил несколько шаров и стал их швырять в разные стороны. Один из них, к ужасу Романовской, с треском и звоном снес с ее столика фужер и тарелку с жареной ветчиной. Романовская вскочила.

— Боже мой! Что творит эта скотина! — простонала она с брезгливостью и отвращением. — Неужели тут нет мужчин? — повысила она негодующий голос.

— Ах, вам настоящих мужчин, да? А я вам не угоден, буржуйка проклятая! — закричал нежданный гость и бросился к ней. Тут Панов со своим партнером Шуркой Юдиным навалились на него, заломили руки за спину и поволокли под общее оживление к двери.

— Братцы! Фронтвики! — орал тот, цепляясь ногами за ножки столиков.

В это время врывается милицейский наряд. Свидетели происшествия — Панов, Юдин и Романовская — были тоже задержаны.

— Мы вас доставим обратно, гражданочка, — заверил Романовскую начальник наряда. — Нельзя же прощать всяким нахалам. Так вам скоро и пройти по улице не дадут...

Утром на оперативном совещании Алексеев поздравил Боброва с блестяще проведенной операцией.

— Только этот пластырь придется тебе поносить, Виктор Петрович, — улыбнулся Алексеев, а Бобров схватился за раненую щеку.

— Черт, — пробормотал он беззлобно. — Это аферист Юдин. Но я ему припомню, — пообещал он.

— А припоминать, возможно, придется, — продолжал Алексеев, посерьезнев. — Юдин, по сообщению Панова, похвастался ему: «Эту дамочку «доить» можно. Катька пожаловалась ей, что я продулся, а она отсчитала двести рублей и просила передать мне. Не могу, говорит, выносить, когда вот так страдают люди от своей страсти. У меня, говорит, братец был так же азартный. Но расписку попросила. Отдавать придется». Такой сигнал кое о чем говорит. И еще одно сообщение: дамочка усиленно обхаживает бухгалтера из охотничьего магазина... Авсенева. Он, кажется, офицер? — вскинул на Сосновского глаза Алексеев.

— Да, царский офицер. Подпоручик, — отозвался живо тот. — Компрометирующих материалов нет. Проверен. Из крестьян маломощных, из-под Рязани. Офицером стал на фронте. Два Георгиевских креста имеет.

— Обхаживание Романовской подозрительно. Может,

он не Авсенеv, а она не Романовская? Надо заняться перепроверкой. А в охотничий внедрить смелого, решительного своего человека. Кандидатура ведь есть? Так, Виктор Петрович?

— Сокол. Я уже имел беседу с заведующим магазином Яковлевым. Он коммунист с 18-го года. Человек преданный. Освободит внутреннего сторожа. Ненадежный человек, пьющий. Завтра в газете появится объявление.

— Значит, Сокол идет туда по объявлению?

— Да.

— Хорошо. И последнее: Вячеслав Рудольфович Менжинский советует не торопиться с арестом Романовской. В архиве по делу террористической организации анархистов сохранились показания хозяйки конспиративной квартиры Марии Никифоровой. Она упоминает о казачьем атамане Розанове, активном члене подполья, и некоей Романовской, скрывшейся от чекистов Петрограда в период разгрома «Национального центра». Правда, в делах подпольщиков-анархистов участия никакого не принимала. Возможно, просто не успела. Розанов — вероятный убийца Дямина. Вот так, товарищи, — заключил Алексеев. — Наблюдение за Романовской усилить. Нам нужно выйти на Розанова.

Отпустив работников, он кивнул Боброву:

— Задержиcь, Виктор Петрович, хочу знать о легенде Сокола.

— Продумали вместе с ним. Поступает он по своим документам, а в запасе документы отца коннозаводчика Савинова из-под Курска. Завещание. Шкатулка с царскими червонцами. Все это он надежно прячет. Молодой Савинов служил у Антонова. Был в его личной охране. Осталась страсть к лошадям. В его каморке — картинки с фотографиями лучших скакунов и рысаков России. Это для приманки. Панов, который становится все ближе к Романовской, как-нибудь в разговоре посмеется над парнем: мол, жаден, как куркуль, себе на уме. И вот тут, если Романовская проявит к нему интерес, «демаскирует» себя Сокол.

— Согласен, — кивнул Алексеев. — Пусть этот сынок коннозаводчика покажет огромную жадность к деньгам, к наживе... А связь?

— На связь выйдет Ольга.

— Продумали?

— Да, мы тут у рынка свою пивнушку открываем, — улыбнулся Бобров.

— Частную?

— Разумеется. Патент уже выправлен на Сурова.

— Это из дешифровального отдела?

— Так точно. По комплекции выбирали.

Алексеев улыбнулся:

— Похож. Не придерешься. Прямо пивная бочка. Может, он действительно пристрастие имеет к пиву? Это опасно.

— Исключено. Сердце у него барахлит.

— Жестокий вы человек, Виктор Петрович.

— Так и отдел-то ведь, Николай Николаевич, не рождественские подарки раздает, — вздыхает Бобров.

— Н-да. Это так, — суровоет Алексеев. — Не рождественские... Так, значит, это Ольга.

— Так точно. С Пономаревым.

— Хорошо. Ни пуха ни пера вам, нэпманы. Считайте операцию утвержденной.

— Есть!

Глава 3

Романовскую бесило запирательство Муратова, и все-таки какое-то время она не решалась раскрыть перед ним свои карты. И вот как-то в один из вечеров, когда они были вдвоем на ее квартире, она сделала первый шаг. Шаловливо перебирая пальцами его шевелюру, она невинно вздохнула:

— Удивляюсь вам, Виталий Ильич...

— Я тоже часто себе удивляюсь, — в тон ей отозвался тот, сладко смежив глаза. — Кто я и зачем?

— Глупый. Так нельзя. Надо вернуться к той черте жизненной, у которой оставил первый жар души. И тогда все встанет на свои места.

— Снова о том же? — поморщился он.

— О том же. Ведь я сообщила уже о нашей встрече, и там обрадовались.

Он вскочил как ужаленный.

— Куда? Кому?

— Да не бойся. Не в ГПУ же. — Она встала с дивана, закурила. Ее начинал раздражать Муратов.

— Так кому? — допытывался он.

— Моему шефу. И, пожалуйста, без этих панических сцен. Не стройте из себя, поручик, невинную институтку. Мне-то хорошо известно, какие бывали добропорядочные контрразведчики у белой гвардии. — В голосе Романов-

ской исчезли ласковые доброжелательные нотки. В нем звучали раздражение и горечь.

— У вас осталось что-нибудь... выпить? — упавшим голосом произнес Муратов, опустив голову.

Она достала из буфета бутылку вина.

— Ну вот так-то, милый мальчик. Это будет честней. Он выпил.

— Что вы хотели?

— Просто дружбы... как вас — Муратов или Авсенов?

— Авсенов. Подпоручик царской армии.

— А Юденич?

— Мобилизовали.

— Понимаю. Он не контрразведчик, этот Авсенов.

— Да.

— Так вот вы спрашиваете...

— Вот именно. Я не верю, что вам понадобилась дружба со мной ради... ради...

— Любовных утех — вы хотели сказать, не так ли? — хихикнула добродушно Ганна. — Откровенно, да.

— Что — да?

— Не только из-за этих утех...

— Тогда?

— О, все в свое время, дорогой подпоручик Авсенов.

— Я буду нужен как военный? Стрелять, взрывать?

— Вы давно не военный, Авсенов.

— Тогда что же?

— Пока... На подсобных работах, — усмехнулась Романовская, довольная тем, что наконец-то добилась своего.

— А эта подсобная работа связана с риском?

Романовская весело рассмеялась:

— Я же говорю, что в вас ничего не осталось от военного.

— Скажите, — хмурясь и не обращая на ее реплику внимания, продолжал свою линию Авсенов. — Что вы собой представляете? Вы оппозиция или... Или контрреволюционное подполье?

Романовская вспыхнула. Гордо подняв голову, отчеканила:

— Мы революционное, а не контрреволюционное подполье!

— И много вас, революционеров, если не секрет? — Он кольнул ее недоверчивым взглядом.

— Вполне достаточно, чтобы поднять народ на ликвидацию верхушки, — запальчиво произнесла она. И нервно прошлась по комнате, дымя папиросой. Остановилась у

стола, сбросила пальцем пепел. — Не бойтесь, офицер белой гвардии, мы вас не заставим стрелять и бросать бомбы.

— Бомбы? — вскинул глаза на Ганну Муратов.

— Да, мы наладим их производство, но с вашей помощью. Вот тут вы нам и нужны будете. Да зажгитесь, зажгитесь прежним огнем, Муратов! Ведь вы ж горели под Петроградом, я помню!

— Там была за спиной реальная сила. Там целые офицерские полки шли, артиллерия, кавалерия. Горели, говорите? Да! И сгорели. Сгорели без остатка.

— Вы никогда не были связаны с народом. Вот и дал он вам по мордасам. А мы... всегда с народом. Мы за народную демократию, за свободу личности. Мы за Советы без большевиков. Большевики перегнули палку. Сейчас о коммуне митингуют. Не нужна коммуния крестьянину. А горожанам этот нэп? Тоже обман. Дали инициативу частнику, а сейчас режут, дают налогом. Свою кооперативную торговлю налаживают, чтобы не дать развернуться коммерческим людям. Будет большой шум, и драка будет, Муратов! Бойтесь остаться в хвосте... Не примем, вычеркнем из списков борцов!

— Ну, я не считаю себя борцом. Я был верен военной присяге, вот и все, — вздохнул Муратов. — Чем могу быть полезен?

— Объектом. Пока объектом, Муратов. У вас под бомбом целый пороховой склад.

— Воровать не буду, — холодно, решительно произнес он.

— Да куда вам! — презрительно ухмыльнулась Ганна. — На такое могут пригодиться такие, как Шурка Юдин. А вы... вы нам поможете в отпуске нужных боеприпасов за деньги. Поняли, бухгалтер Авсенов? За де-неж-ки!

Прощаясь, Муратов не сказал ей ни да ни нет, и Ганна была довольна. Террорист из него уже не получится, а помогать будет. Вчера она видела Панова очень удрученным, расстроенным. Что с ним? И вот Катька все ей выложила. Пановым стоит заняться. Он человек этого нового бытия. Выдвиженец. Кажется, коммунист даже. Вспыльчив, горяч, обидчив... Что с ним?

— Уволили, — рассказывает Катька. — Под суд сдают.

— За что?

— А ведь у них так: взял в долг у лавочника фунт, скажем, икры или еще чего — взятка! Вот его будто за взятку. Да и растрата, сказывают, есть. Правда, небольшая. Сотни четыре, что ли...

— Ай-яй-яй. Такой парень.

— Верно, верно, — поддакнула Катька. — Девки за ним гужом. Вон за этого нэпмача Акулова Сонька готова все отдать. Я, слышь, Ганна Александровна... — понизила голос Катька. — Я через своего Шурку намеки Панову на ту Соньку сделала. Чего церемонишься? Она у тяти может грабануть и всю тыщу, что тебе стоит? Побудь с ней вечерок поласковой, вот и разговор весь! — Катька махнула рукой, засмеялась, ушла. А Романовская через Шурку попросила за свой столик Панова.

Из донесения Панова

«...Узнала как-то о моей «несчастной» судьбе. Сочувствовала. Удивилась: «Неужели до суда дойдет дело?» — «Оформляют, — говорю. — У нас так: виновен — отвечай». — «Ну какая уж тут вина?» — «Страшная. Против нашей этики пошел. Моральное и нравственное разложение», — говорю ей. Покачала головой, заключила, будто про себя: «Жестокая у коммунистов мораль. Ведь вы еще молод. В другое бы время на вашу шалость и внимания не обратили. Что у того нэпмана — мощна похудела от фунта икры или одной, скажем, штуки диагонали? Ну и как же?» — «Годика три, — говорю, — присмолить могут». — «В какой жестокий век живем мы, — говорит она сочувственно. — Вы, — говорит, — нравитесь мне, Панов. Чем-то вы мне моего братца напоминаете. И я часто про себя думаю: «Вот этот Панов со своей такой счастливой внешностью...» (Прошу извинить меня. Я подробно излагаю ход события и весь разговор с Романовской.) С такой внешностью вы могли бы головокружительную карьеру сделать... Я доверяю вам, поэтому буду откровенна. Не кажется ли вам, что коммунистическая мораль — это не народная мораль? Свободу, чистую свободу хотел видеть народ, а его то в одном месте, то в другом за жабры берут. Я всегда была революционеркой в душе. И мне неприятны жандармские ухватки большевиков. — Она вздохнула, подняла стакан с вином. — За то, чтобы у вас все хорошо обошлось, Панов. — И вдруг будто спохватилась: — А что следователи — твердокаменные?» — «Как сказать, — отвечаю. — Мой вроде парень податливый. Да ведь я его и знаю-то преотлично». — «А как он живет?» — интересуется. «Тянет, — говорю. — Зарплата у него не очень. А дома — жена и двое ребятишек». — «Может, клюнет, а?» Делаю удивленные глаза: «На что?» — «А так, взять да

потрясти, один на один когда будете, не сотняшкой, а, скажем, пачкой в тысячу рублей!» — «Да что вы! Где мне их взять... да и страшновато!» — шарахаюсь от нее. «Бояться нечего. Свидетелей у вас не будет, а попытка не пытка. Деньгами я вас ссужу. Под расписку, естественно. Комиссионных не надо. Будут — вернете». — «Не знаю, что и делать», — растерянно бормочу я. «Берите, берите. Глупо отказываться. Не возьмет — тут же вернете обратно. О судьбе ведь вашей хлопочу!» Взял. Каюсь, не хватило сил сопротивляться ее настойчивости. Панов».

«Операция» со следователем у Панова прошла благополучно. Ему дали «строгача» по профсоюзной линии и направили «работать» в плановый отдел городского Совета.

— Ну вот, а вы трусили, Панов! — обрадовалась Романовская, принимая его как-то на своей квартире. Тут были Авсенев, Шурка и Катька. Они играли весь вечер в преферанс, пили вино и остались довольны друг другом. Похоже, Романовская сближала своих будущих подручных.

Между тем сотрудники особого отдела перехватили письмо Романовской в Харьков некоему Тямину Ивану Борисовичу. Письмо было с шифром: «Рада доложить: твои любимые грибы, Иван Борисович, помаленьку собираю. Мало дождей, но думаю, сумею банок с десяток законсервировать. Кое-чего не хватит из компонентов для консервации, надеюсь на твою помощь. Тут небо чистое. Дышится легко и свободно. И грибницы богатые. Может, сумеешь оторваться от дел и приехать? Тщу себя надеждой на скорую встречу. Ганна».

— Тямин? — удивились в особом отделе. — Нет, вы посмотрите, как смело и нахально! Надеется, что мы ничего не знаем о Дямине.

— Срочно запросите Винницу — где документы Дямина! Были ли они при нем в момент его убийства, — приказал Алексеев.

В тот же день послали запрос. Ответ пришел скоро. Документы при Дямине не были обнаружены. Он был просто опознан гражданами пристанционного поселка, где его все хорошо знали. По свидетельству жены Дямина, он всегда в командировку брал с собой паспорт. Нигде его дома не оказалось.

— Дямин — Тямин? Невинная описка на конверте? Умышленная? Безусловно, — высказал догадку Сосновский. — Ведь письмо все равно вручат адресату. Еще и посмеются с почтарем вместе, и сказать при этом может хозяин: — «Вот что делает склероз с нашим братом —

стариками. Письмо-то, вижу, от закадычного друга... А он-то уж, конечно, знает, что я не Тямин, а Дямин».

На такую игру в склероз и надеялась Ганна. Но она не знала о том, что чекисты давно уже знают о трагической смерти Дямина.

После донесения Панова о сближении Романовской с Авсеневым в ГПУ были срочно запрошены данные о его военном прошлом. Нет ли его в списках контрразведчиков белых армий? Не скрыл ли он от органов главное?

Из Москвы сообщили, что таких списков нет, но из архива Петроградской ЧК известно, что у генерала Юденича, дважды наступавшего на город и оба раза неудачно, были надежные друзья даже в штабе Красной Армии. Например, царский полковник Медиократский, разработавший и переславший через линию фронта план наступления на Питер войск Юденича. В контрразведке Юденича особенно выделялся своей жестокостью поручик Муратов. Он помечен погибшим. О подпоручике Авсеневе известно, что он работал в штабе. Был в числе сдавшихся Красной Армии. Служил некоторое время в ней. Демобилизовался. То, что было сообщено из Москвы, знали из автобиографии Авсенева. На что надеялась Романовская? По всем данным, она сколачивает организацию. Какую главную цель будет ставить перед собой эта организация?

Панову было предложено добиться полного доверия Романовской. Постараться внедрить в ее окружение и Сокола.

Пока Алексей ничего не знал об этом. Он только что распрощался с дорогими его сердцу обитателями домика у трех тополей.

Стоял теплый весенний вечер. У зимы уже не хватало сил, чтобы вгрызаться в землю заморозками. На деревьях птичьи ярмарки. В вечерних сумерках таял торжественный неторопливый звон церковных колоколов; последняя страстная неделя перед пасхой.

На центральных улицах и площадях — толпы народа. Мирная вроде картина. Но Алексей-то знал, что за этой всеобщей умиротворенностью скрывается другая жизнь. Тут же — рядом. И эта другая жизнь на острие, на острие незримого фронта, солдатом которого доверено быть ему. Лешка подобран внутренне, насторожен. Будто на посту часовой. И это нравилось ему, прибавляло силы.

Сегодня днем были закончены все формальности. Яковлеву его представил Панов.

— Парень что надо, дядя... Будешь как за каменной стеной, — сказал он. — Молод, а уже успел повоевать.

Высокий, сухопарый, Яковлев, близоруко шурясь, посмотрел на Лешку. Пожевал губами, рассеянно прослушал Лешкину биографию. Спросил, был ли он в милиции.

— У нас ведь боеприпасы, оружие... Сами знаете, кого попало не имеем права зачислять в штат.

Алексей достал бумажку со штампом. В ней значилось, что он, Алексей Сокол, по состоянию здоровья уволенный из Красной Армии, проверен, надежен. К охране государственного имущества допускается. И неразборчивая подпись.

— Ну что ж, — кивнул равнодушно Яковлев и показал Лешкину квартиру. Она была тут же, в помещении у лестницы, ведущей на второй этаж в контору. — Ваша квартира. Ваш внутренний пост, — коротко сказал он. — Телефон... Звонить прямо туда — в милицию.

— Ясно.

— Ну и отлично.

Комнатка под лестницей была маленькой, но уютной. В ней помещались койка, стол, чугунная круглая печь, две табуретки. Единственное окно выходило во дворик, к складам. Лешка должен был охранять магазин изнутри. Наружного сторожа не было. Бобров выписал матрац, одеяло, подушку, пару простыней. Лешка на себе перетаскил это имущество в свою новую квартиру.

Глава 4

Прошло уже больше месяца, как работает Алексей на новой должности, и никто им не интересуется.

Днем он часто бывает в магазине, трется на глазах у покупателей, иногда исполняет мелкие поручения заведующего. Ничего подозрительного. Страшно соскучился по дому у трех тополей. Как они там? Как тетя Капа? Как Маша? Что слышно о Граньке?

Иногда Лешка ходил на базар. Деньги теперь у него водились. Он купил себе новые брюки и рубаху. Не отказывал в еде. На базаре надеялся встретить Машу. Тетя Капа беспокоила его — все чаще и чаще прибаливать стала.

Как-то возвращался с базара. Птицы щебетали, усевшись на деревья. По городу разносился перезвон церковных колоколов.

«Суббота, что ли? — подумал он. — А весна-то уж всю надвигается».

И защемило на сердце у парня. Потянуло вдруг на Инютинку, в родные места. Пашка небось уже отсаялся. Три десятины, что тут работы.

Может, лучше б остаться там? Элеватор на станции строят. Там бы и осесть. «Ясно! — раздраженно оборвал свои мысли. — Жениться. Ребятишек плодить... А кто тут со всякой контрой воевать будет? Неспроста меня сюда, в охотничий. Что-то затевается. И будь начеку, пожалуйста, не раскисай».

...Перед самым закрытием магазина позвонил Бобров.

— Вот что: сегодня вечером у тебя будут гости, — сказал Бобров.

— Гости?

— Да. Панов будет.

— А-а, племянник Яковлева.

— Он. Так учти: свой это человек.

— Ну? — заинтересовался Лешка.

— С ним кто-нибудь еще будет... Так надо. Ты их прими в своем кутке. Панов пьяного станет изображать. У него отлетит подошва у ботинка. Он пошлет тебя к сапожнику. Понял?

— Понял.

— Вот и все.

— Документы на Савинова у тебя где припрятаны?

Лешка сказал.

— Добре. Они поинтересуются ими.

— А... а... Этот Панов действительно наш? — засомневался Лешка.

— Ты, может, и мне не доверяешь? — сердито буркнул Бобров.

...Кто-то, ругаясь, спускался по лестнице со второго этажа. Алексей открыл дверь. Здоровенный парень с лошадиным лицом и крутой шеей, придерживая под руку Панова, спускался вниз. Увидя Лешку, крикнул:

— Эй, парень! Помоги...

— Тут не положено, — заикнулся было Алексей.

— Ладно, ладно... Знаем, где положено, где не положено, — огрызнулся тот. — Несчастье с корешем. Ты человек? А потом, разве ты его не знаешь?

— Что? Что? — вдруг пролепетал пьяный и с трудом поднял голову. — Але...ха! Друг или нет, а?.. Извини. Раскис. Дядя... загрыз... вытолкал. Это меня-то? Меня? Род-

ного племянничка! — Панов облокотился на перила и всхлипнул.

— Заходите, чего там, — отозвался недовольно Лешка.

— Вот и лады, — сказал парень, затаскивая Панова в Лешкину комнатушку.

«Племянничка» уложили на койку. Разуваться вдруг он вызвался сам. И тут обнаружилось, что у ботинка оторвалась подошва.

— Боже мой... Как же я... а? — взмолился Панов. — Леша... друг. Помогите... Сходи к сапожнику. Знаешь, за углом тут который? Попроси от моего имени. Скажи: так и так... Пашка Панов просил... а?

Лешка покуражился для отвода глаз, ссылаясь на то, что скоро заступать на службу, но его уговорили. Он взял ботинок и вышел.

Едва Лешка взял ботинок и хлопнул дверью, как с Панова тут же соскочил хмель, он поднялся с койки, придирчиво оглядел комнатушку и первым делом внимательно обследовал стол. Стол был конторский, двухтумбовый, с многочисленными ящиками. В них Лешка хранил продукты. Ничего подозрительного не обнаружив, Панов осторожно приподнял рамку стола и обследовал клеенку. Его партнер, нетерпеливо наблюдавший за всеми этими операциями, не выдержал, сплюнул и выругался.

— И чего ты стараешься? От него за версту деревней прет! Что у него может быть?

— Не скажи, — извернулся Панов. — А ты думаешь, эти коняшки так себе? — он ткнул рукой в стену. — Ишь развешал... Я кое-что слышал, Юдин. Он, кажется, совсем не тот, за кого выдает себя.

Юдин стал рассматривать вырезки из «Нивы» с фотографиями красавцев-призеров российских скачек.

— Ну и что? Деревня!.. Ничего лучшего не придумал повесить. Оглобля!

— Вот именно. А я слышал... Лучше помоги, Юдин. Нет, он определенно не тот, за кого выдает себя. Как-то в пивнушке брякнул о конном заводе. Оглобля...

Юдин несмело посмотрел на Панова, и глазки его забегали. Он проявил необычайную сообразительность в обыске. Сначала простучал все стены. Потом еще раз обследовал стол, вытаскивая ящики и исследуя днища. Затем переключился на пол. Проверил каждую половицу.

— Теперь ты понял? — подзадоривал его Панов. — Если он не тот, за кого себя выдал, и провел за нос начальство, значит...

— Понятно, — прогудел Юдин. — А ну, обрати внимание на печку.

— На печку? — разыграл удивление Панов. — Что ж тут спрячешь? Ведь он ее, наверно, топил...

— А ты под ней... под ней глянь...

Панов осторожно переставил печку и стал раздвигать кирпичи. Наткнулся на углубление и вытащил оттуда деревянную шкатулку, обернутую клеенкой. Панов бросил быстрый торжествующий взгляд на Юдина, развернул клеенку. Внутренний замочек... а, черт! Он потряс шкатулкой. Внутри звякнуло металлом.

— Видал... а? — ликовал Панов. — А как вскрыть?

Юдин достал из-за голенища финку.

— Давай сюда, — потянулся он, и через минуту они уже зачарованно пересыпали золотые монеты.

— Вот это да-а! А ты... Ну ладно. Клади обратно. Это не уйдет, — приказал Панов. — Нам документ нужен... Вот он... Савинов Владимир Петрович, владелец хутора и конного завода... Поставщик двора его императорского величества... Вот так... Понял?

— Фюйть! — присвистнул Юдин. — Его императорского величества...

— А ты — оглобля! — сплюнул Панов. — А вот смотри — подковка! Изящно сделана! — Он попробовал на зуб. — Не иначе серебряная!

— Сторож охотничьего магазина! — присовокупил, хохотнув, Юдин. — Ловко!

— Ну, господин коннозаводчик. Теперь ты от нас не откупишься и этими червонцами, — проговорил Панов.

— А что, пусть откупается, а?.. Дай-ка хоть пару...

— Убери руки. Ну! — приказал Панов. Он прихлопнул крышку шкатулки. Замок сработал. Панов удивился работе Юдина. — Мастак же ты, а? Открыл и замок не испортил.

Юдин злобно скривил губы.

— Жмот ты... Себе выгадываешь?

— Не ерунди. Надо все чисто делать. Нам нужна была его подлинная личина. А червонцы не уйдут от нас. Прижмем. Поделиться заставим.

— И то... голова ты, Пашка, — просиял Юдин.

...Лешка отчаянно загремел кольцом у калитки, входя во двор магазина. Долго обшаркивал ноги (прошли первые июньские дожди) и потом уже шагнул в коридор, покашливая и сморкаясь. Навстречу вышел Юдин. Он заискивающе глянул ему в лицо и взял починенный ботинок.

— Извиняемся... от души, — пролепетал он. — Кажется, приходит в себя... Я, извиняюсь, полведра воды израсходовал на него.

«Вот заливает», — усмехнулся про себя Лешка: воды-то у него, пожалуй, в чайнике не больше стакана оставалось и то с густой заваркой.

Юдин стал тормошить пьяного. После увесистых его тумачков тот ойкнул, поднял голову и ошалелыми глазами огляделся.

— Где я?

— У тещи в гостях, — съязвил Юдин. — Держи вот ботинок. Сгоняли парня черт те куда. Кланяйся ему в ноги.

Панов поиграл еще немного пьяного, сполз на пол и, сопя, стал обуваться.

— Прости, браток... Прости, — бормотал он. — Но за мной не пропадет. Это ты имей в виду.

— Да ладно вам, — махнул рукой Лешка. — Подумаешь... с кем не бывает.

Краем глаза заметил: под жестяной крышкой под печкой в спешке неплотно сдвинуты кирпичи. Успели.

* * *

Беспокойная предстояла ночь. Беспокойные думы. Выйти бы сейчас на улицу, пройтись по ней. И нельзя. Пора на дежурство. Сегодня он записался в библиотеку и принес книжку Гоголя «Тарас Бульба». Вроде Гранька рассказывал. Это как Тарас сына не пожалел за предательство. Интересно. Лешка разжег печурку и поставил на нее чайник. Прилег было и развернул книжку, но телефонный звонок сбросил его с койки. Он выскочил в коридор и бросился под лестницу. По голосу узнал Боброва.

— Ну как, не опух еще от безделья? — спросил он усталым голосом. И Лешка увидел его скупую улыбку, мрачноватое неподвижное лицо.

— Скоро начну опухать, Виктор Петрович, — сознался Сокол.

— Изучают.

— Что изучают? — не понял Лешка.

— Не что, а тебя. — Он помолчал. Алексей слышал его тяжелое дыхание.

— На днях будешь гостем у самой, будь внимателен и осторожен.

— Хорошо. Постараюсь, Виктор Петрович, — выдохнул Лешка.

— И еще, — продолжал спокойно Бобров. — Каждое утро с 10 до 12 посещай политзанятия. Это приказ.

— Слушаюсь, Виктор Петрович!

— Ну всего доброго тебе, коннозаводчик... Жди проверочки генеральной. Не исключено, что Романовская была в тех краях, но батюшку твоего покойного не знала. Это определено. Да и никакой он не «поставщик двора его императорского величества». Липа. Проверил. Ездил Ольга. Сегодня часа в два ночи у тебя будет Панов. Он кое-что расскажет тебе.

— Ясно, Виктор Петрович.

Лешка осторожно повесил телефонную трубку. «Значит, генеральная... Ну что ж... Про хутор Березовский и сонный могу рассказать... А когда «отец» помер, что я знаю? Война с Германией началась. Кто-то подпалил дом. Мать продала казне лошадей, и с ним и малой сестренкой Стешей переехали в Курск. Жили у дяди по Кривой, 102. Дядя Липат извоз держал, в 1918 году его убили неизвестные грабители. В тот же год умерла от тифа мать. Стешка и сейчас живет с теткой Валентиной. В гостинице работает прачкой... Ну а я... Помог племянш тетке Валентины Сокол Алексей. Он в красногвардейском отряде был. Молодчага, видать, парень. Беляки расстреляли. Когда я засыпался при ограблении церкви и удалось унести ноги, тетка достала метрики Сокола. Вот с ними и живу. И уже повоевал за Советскую власть. Теперь все законно. Не придерешься...»

Мысли Алексея прервал чайник. Он пустил из носка шипящую струю пара, а потом нетерпеливо забарабанил крышкой. Алексей бросился к нему.

Панов действительно пришел перед рассветом. Он попросил подогреть чай, сам сделал покрепче заварку и, подсев к столу, обжигаясь, торопливо стал отхлебывать его из каленого стакана. Алексей молча наблюдал за ним. «Красивый парень, — думал Алексей. — Этот черный чуб над глазом чего стоит... Как там ему? Видно, не мед... По канату ведь ходит».

— Ну, чего молчишь? Эта краля писаная хочет лицезреть тебя...

— И чего ты с ней нянчишься? Не пойму...

— Боишься?

— А что она мне? Ну пусть сунется со своими дружками...

— Тю, герой! Зачем ей на рожон переть. Сам будешь помогать.

— Да я б ее, гадину...

— Нельзя, Алексей, — нахмурился Панов. — Надо, чтоб крышка всех прихлопнула. Так что придется, брат, рисковать. Хотя тебе и рисковать-то нечем. У тебя все железно. Только золотишком придется поделиться малость.

— С кем? Небось с этим уткой?

— Покою не дает... Сколько всего-то?

— Пятьдесят монет. Да ты что? С кем делиться-то?

— Не горячись. Для дела же. Он может на все пойти. Виктору Петровичу я уже говорил. Он сказал так: «Пусть Юдин думает, что ловко поймали и разоблачили тебя. Он начнет шантажировать... Договоритесь мирно. Отдайте ему одну треть».

— Да он же прошмалывает их, гад, в картишки какому-нибудь нэпману!

— Зато у тебя рука своя в этом мире будет.

— На черта он мне сдался, этот мир.

Панов вздохнул.

— Служба наша такая. Вчера встречалась с кем-то... Катька говорит, на чужом языке балакали.

— Неужели оттуда, из-за кордона?

— Не знаю... Не знаю... И оттуда может, и ближе есть.

— А где? — воскликнул удивленно Лешка.

— Тут совсем недалеко есть Жербиловская летная школа. Немцы стажируются. В аренду отдали. Как-то по соглашению, что ли. Это под Борисоглебском.

— Немцам? Этим вражинам? — поразился Алексей. — Да как же?..

— Не знаю. Говорят, Троцкий настоял... Владимир Ильич болен тогда был. Вот что! — Панов вышел из-за стола. Стал одеваться.

— Ты вот небось, Леша, не раз думал: «Зачем дали расплодиться этим ядовитым грибам, частникам?» И многие так думают. А Ленин прав. Пусть все на рынок вышвырнут. Хоть голодуху притушим. Бабы в ситец оденутся. О кооперации не читал? Вот он и новый путь. Ленин уже больной диктовал свои мысли. Начнем строить свою индустрию, в деревне кооперативные организации. И прихлопнем частника как в мышеловке. Вот так, Леша.

— Прихлопнешь его, однако, — усомнился Алексей. — Смотри, как разворачивается. Еще пивнушка появилась.

— Пивная «Дяди Кости», — усмехнулся Панов.

— Не был.

— Ты зайди.

— Что я там не видел, — фыркнул презрительно Алексей.

- Это приказ.
- Что?
- Приказ, говорю, Боброва. Ходи и попивай пивцо.
- А если я не могу?
- С расстановочкой, Леша. Одну кружку — для здоровья польза. Понял? Жидкий хлеб. — Панов посмеялся. Алексей поморщился.
- Ну, если для дела.
- Для дела, Леша, для дела. Там твоя связь.
- Кто?
- Буфетчица.
- Хорошо.
- И еще. — Панов выскочил за дверь, прислушался, вернулся. — И еще... Имей в виду бухгалтера Авсенева.
- Он что?
- Дружок сердечный той самой... Нашего главного объекта.
- Алексей присвистнул.
- То-то. Рожа масла масленей. И этикие ужимочки.
- Под этим маслом, Леша, возможно, кровь невинных. Павел тряхнул своим смоляным чубом, налил себе стакан уже остывшего чая.
- Может, подогреть?
- Не надо. Горит все. Вот такие дела, Леша, — хлопнул он об стол ладонью. — Как по канату ходим. А надо! Не сорваться бы только. А ты как заправский грендер, брат. Усища-то прут!
- Алексей покраснел. Смутился.
- Чего там. Будто линиялые после дождя. Вот у тебя...
- Так то у меня, — подмигнул Павел. — Приманочка, брат. — Они посмеялись. Перед уходом Павел бросил:
- Тобой заинтересовались. Возможно, на днях попытаются тебя залучить на Садовую, 13. Не трусь. Будь как есть. Торгуйся. Понял?
- ...А это «на днях» оказалось совсем рядом. Он пошел через три дня к «Дяде Косте» на встречу с новой связной, его догнал Авсенов, вполголоса обронил:
- Вас, Савинов, ждут на Садовой, 13. В 14-00. Не перспрашивайте...
- Что? Вы ошиблись.
- Это ж я, Авсенов, не видите, что ли?
- А я не Савинов. Что с вами?
- Авсенов остановился. Мрачный, злой.
- Какого черта, Сокол, — прошипел он.
- А ты не чертыхайся! — повысил голос Алексей. —

Нализался. И людей не признаешь? Ишь, начальство мне вынescalся!

Авсенеv зло сплюнул и быстро удалился.

«Во, гад, провоцирует! Как я еще сообразил быстро, а? А то б так и потянулся за ним, как бычок на веревочке! Ха, нет тебе тут дурней!»

Взволнованный, возбужденный, но довольный собой, вернулся Алексей в свою каморку. Не стал заходить в заведение «Дяди Кости», где должен был познакомиться с буфетчицей, выходявшей на связь с ним.

Ночью пришел Панов, и Алексей рассказал ему о своем приключении.

— Говорил Авсенеv. Умора! — Павел махнул рукой. — Если б ты знал, Леха, как я устал!

— А чего — ложись вон, досыпай! Все погуливаешь?

— Приходится, слушай, — сокрушенно вздохнул Панов. — То коньячок, то портвейн. Прямо уж муторно стало, — признался.

— И станет. Обязательно глушить, что ли?

— Под хмельком-то наш брат сговорчивей... Я позвоню от тебя? Самый верный телефон.

— Звони. Виктору Петровичу?

— Ему.

Из доклада Панова Боброву

Докладываю... Дамочка очень энергична, да, — долетали до Алексея отдельные слова. — Определенно наметнула на заготовку бездымного пороха. Да, бухгалтеру, через подставных. А кто — не удалось выяснить. Соколик? Не сумела. Конфуз вышел. Бухгалтер назвал его псевдоним и пригласил по адресу. А тот, конечно, не раскрылся ему. Как? Продумаем, как залучить его к ней. Но вот что главное: у этой деятельной дамочки определенная связь с немецкими курсантами-летчиками. Доказательства? Во-первых, я ранее писал в донесении, по словам Катьки, что у нее гостил человек до поздней ночи и говорили они, как сообщила хозяйка квартиры, на каком-то нерусском языке. Скорей всего на немецком. Она запомнила, как он воскликнул сердито: «Доннер веттер!» А это, по-моему, немецкое выражение. Во-вторых, я видел у нее парабеллум. Да, да. Есть!

Алексей заметил, как осторожен Павел в разговоре с Бобровым. Он ни разу не назвал Боброва ни по имени-от-

честву, ни по фамилии. Даже его, Алексея, Соколиком окрестил.

Лешка учился у Панова конспирации.

Прошло две недели, и Боброву передали из особого отдела новое, уже письменное сообщение от Павла.

Из сообщения Павла Панова

«Мною замечено резкое изменение в поведении Шурки Юд. Он стал скрытен. Вот уже на трех вечерах-приемах у Ром-ой отсутствовал, и она о нем не спрашивала. Катя Червонец пожаловалась мне: «Образумь ты его ради бога! У нее днюет и ночует. Чем она его, селедка, приворожила?» — «А ты уверена, что он у нее?» — спросил ее. «Так где ж он, носа не кажет?» — «Может, отлучился куда из города?» — «Спрошу у тетки», — пообещала она. Оказалось, что у Ром-ой он эти дни не был. Спросил его. Отговорился: «В одно место мотался. С корешками. В деревню. На свадьбе гулял». Не верю. А потом, уж очень стала к нему внимательна Ром-ая. Авсенов по поручению моего «дядюшки» ездил по охотникам. Заключал с ними договор. Вернулся и пьянствовал в ресторане «Воронеж» с охотником-перекупщиком Коцубой».

Вечером перед закрытием магазина Панов спустился от «дяди» к Алексею.

— Угощай чаем! — потребовал от Лешки.

— Можно. Только даю тебе инициативу. Вон чайник. Пойду проверю на ставнях болты. Закрывать скоро, — отговорился Алексей.

— Валяй, — не обиделся гость и тут же принялся за дело. Когда вернулся Алексей, в печурке весело трещали дрова. Павел дремал, лежа на койке.

— Ну как, хозяин? — открыл он глаза, едва стукнул дверью Сокол.

— Все в порядке.

Потом пили чай с сахаром и кренделями. Панов тихо говорил:

— Уговоримся так. Ты идешь к портному заказать себе костюм. Я тебе даю адрес дешевого мастера. Известно, ты ведь прижимистый малый.

— А адрес этой самой... Да?

— Точно. Одним словом, ты попадешь в ее квартиру случайно.

- А потом?
- Там по обстановке. Должны тебя уговорить посидеть с нами.
- Ясно.
- Еще не все. Завтра к трем приходи в пивную «Дяди Кости».
- Что там?
- Познакомлю тебя с буфетчицей. Да приоденься. Галстук есть?
- На черта мне эта петля мещанская! — вспыхнул Алексей.
- Все же ты как-никак, а из деревенских буржуев.
- Ладно тебе. Рубаха есть новая, вышитая.
- Ну надевай ее, так, пожалуй, естественней, — не стал с ним спорить Павел и, вытащив из верхнего карманчика брюк часы с серебряной цепочкой, щелкнул крышкой. Заторопился. — Ну, отваливаю. Значит, завтра. К трем...
- Понятно, — отозвался глухо Алексей и, задвинув за гостем засов наружной двери, вернулся в комнату.

* * *

После сообщения Сосновского о донесении Панова Алексеев спросил о связи с харьковскими чекистами.

— За Тяминым-Дяминым ведется наблюдение. Мы сразу же сообщили им о письме Романовской. Его пока не тревожат.

— Запросите, не был ли у него в эти дни гость из Воронежа.

— Вы имеете в виду Юдина? — спросил начальник особого отдела.

— А вы?

— Предполагаю.

— Гость, конечно, был с начинкой. С заданием определенным и, возможно, важным. Не грибы же он возил ему! Без «компонентов некоторых». Помните?

— Помню: «Не хватает некоторых компонентов, чтобы законсервировать их как надо». Это в ее письме.

— Похоже, капсюлей-взрывателей, — раздумчиво и спокойно произнес Алексеев, привычно почесывая кончиком карандаша переносицу.

— Весьма возможно, Николай Николаевич, — согласился с ним Сосновский. — Солидно задумано.

— Значит, есть надежные специалисты?

— Надо думать.

— Кто же она? Особый отдел располагает данными? — Алексеев встал, нервно прошелся по кабинету. — Не располагает. Плохо, плохо... Эта дамочка, кажется, водит нас за нос. А кто этот «профессор»? Тямин? Едва ли. Очень вольное обращение. Поговорите посерьезней со своими людьми. Дело выходит за рамки обычного.

— Хорошо, Николай Николаевич.

Увидев в руках Сосновского какие-то новые бумаги, спросил:

— Что там еще?

— Активизируются бандиты сразу в двух районах.

Пробежав быстро документ, Алексеев надолго задумался. Потом отпустил своего помощника и стал звонить секретарю губкома.

...Утром на запрос воронежских чекистов из Харькова сообщили: «Гость был. Задержался три часа. Коренаст. Средний рост. Физически развит. Большое удлиненное лицо, под пиджаком костюма — тельняшка. Груз — небольшой красный чемодан, перетянутый багажными ремнями. Тямин-Дямин работает на водогрейке. Наблюдение надежное. Просим информировать о движении дела».

Панов понял, что большего он от Романовской едва ли добьется. «Значит, я ей нужен как подсобник. И Лешка — тоже. И, пожалуй, Авсенов. Кто же на главных ролях? — думал он. — Понятно, что порох, особенно бездымный, нужен для бомб. Но ведь их надо уметь делать! Кто же эти спецы-пиротехники? Юдин, кажется, в ее руках намертво. Чем купила?»

И он решил разыграть обиженного, обойденного ее доверием. Как-то на одном из вечеров за преферансом он вытащил пачку денег.

— Можете не считать, Ганна Александровна, должником, — сказал он. — Тут ровно столько, сколько вы мне давали. Я очень благодарен вам. Вы спасли меня в критический момент.

— И вам не стыдно, Павел? — укоризненно посмотрела она на него. — Никакого долга я не признаю, кроме долга перед своей совестью. Вы нуждались в помощи, и я вам ее оказала. Кроме того... знаете, — она развела руками. — У меня нет вашей расписки.

— Как нет? Я помню, вы ее в ридикюль положили.

— Да. Но потом переслала своему шефу.

— Что значит... шефу? Разве я у него деньги брал? — испуганно удивился Панов.

— У него, Павел. У «профессора». Я ведь бесребрени-

ца. Но он не просит возврата. И я не прошу. Вы в меру сил помогаете нам. И этого достаточно. Плата за молчание, только и всего.

— Но я... я не хочу... Я не желаю больше этой игры! Вы чем-то заняты, а я будто и замешан и в то же время ничего не знаю!

— И все это пройдет мимо вас, и никто этого не заметит. Вы только не волнуйтесь. У меня к вам еще одна маленькая просьба.

Павел, насупясь, молчал.

— Одна незначительная услуга...

— Я вас слушаю, — буркнул Панов.

— Вы человек местный. Нужна еще одна квартира.

— Для кого?

— Ко мне приедут два человека. Они мне очень нужны.

— Пианисты?

— В своем роде, — она загадочно улыбнулась. — Приедут на днях.

Он помолчал. Потом, разыгрывая обиженного, выпалил:

— Вот вы Юдина и попросите. Вы ему больше доверяете. Он у вас и по командировкам ездит, как дипкурьер...

Это был пробный шар. Что-то она на это скажет? Она неестественно громко рассмеялась. А потом, вдруг насторожившись, спросила:

— Пробо́лтался?

— Ну да... Как же. Вытянешь из него.

— И вытягивать нечего. Хорош дипкурьер!

Она снова рассмеялась. И Павел понял: ничего больше не скажет, а Юдин становится опасным. Хорошо бы скомпрометировать его в ее глазах и серьезно, чтоб она увидела в нем опасность.

— Ладно, — после раздумья сдался Павел. — У меня есть на примете одна тетечка... Она за хорошую плату пустит на квартиру со столом. Когда нужна?

— Я сообщу, Павел, — пообещала Ганна.

В это время зашла Катька со своей тетушкой.

— А к вам гость, Ганна Александровна... прямо, похоже, с дороги. Говорит, неотложное дело. Ждать не может, — затараторила Катька.

— Это тот дядька... Он был уже. Поэтому по-свойски... А вот и он, — подхватила хозяйка квартиры.

Не успела опомниться от неожиданного сообщения заметно переполошившаяся Романовская, как из хозяйской половины появился высокий, ладный в плечах, пожилой уже человек с копной седых волос на голове, с плащом че-

рез плечо. Панов наблюдал за Ганной. Она быстро подавила смущение и пошла навстречу гостю.

— Вот неожиданность! Проходите, пожалуйста. Я очень рада, Эдуард Эдуардович!

Старик отвесил поклоны, заметив Павла, быстро переглянулся с Ганной.

— Наш товарищ, — сказала та торопливо и несколько растерянно. — Давайте ваш плащ. Будем ужинать! Катя, помоги собрать на стол!

Женщины засуетились. Эдуард Эдуардович прошел к столу. Панов отрекомендовался.

— Вейсман, — коротко сказал гость. — Старый поклонник нашей очаровательной хозяйки.

— Да, — подтвердила Романовская. — Эдуард Эдуардович — друг моего отца, тоже инженер-мостовик.

— О да. Чудесный был инженер. Колоссаль... как это?

— В прошлый раз... Когда же это было? Недели две назад. Смотрю, навстречу из гостиницы «Центральная» выходит Эдуард Эдуардович. Помните?

— Да, — подхватил старик, — мы как-то вот носом к носом... да! — засмеялся. — Я — тут, она — здесь... вот. Как это? Случайно встречай.

Он снова рассмеялся, рывком поднялся с кресла и, прямой, неsgiбаемый, в начищенных до блеска сапогах с жесткими голенищами, стал расхаживать по комнате. «Это выправка заправского военного», — отметилось в мозгу Павла, с доброжелательной улыбкой слушавшего гостя.

— О, вы, молодой человек, должны знать, какой романтично специальность инженер... как это?.. мостостроит...

— Мостостроитель, — подсказала Ганна, иногда бросающая на Павла тревожные (он это отлично чувствовал!) взгляды. — Вы знаете, Эдуард Эдуардович из наших мест, с Поволжья. С отцом знакомы с юности.

— Да, да, — важно произнес Вейсман. — Я никак не мог думать, что больше нет моего друга. Да, печально. А как мы начинал служба! Колоссаль!..

...Что предпринимали по докладам, Павел не знал. Но когда как-то его вызвали в особый отдел, там, между прочим, ему сказали, что Вейсман совсем не из Поволжья, а из школы немецких летчиков на станции Жербилово, что под Борисоглебском. И не Вейсман он, а комендант школы, подполковник авиации Лееб.

В этот раз у Панова было свидание с самим Алексеевым. Того интересовали подробности, отдельные детали.

— Значит, после вашего ухода он остался?

— Так точно.

— Ну, а вы?

— Я его потом незаметно проводил до гостиницы.

— Насчет Юдина... Выдвигается, может быть, в одного из главных исполнителей Романовской. Запутала.

Потом Алексеев предупредил Павла, что ему подготовлен помощник. Он должен найти «приют» в окружении Романовской. И познакомил его с предстоящей операцией. «Помощник» Павлу был хорошо знаком. Сослуживец. Василий Сорокин.

— Ваша задача: склонить Романовскую «помочь» попавшему в беду человеку, — сказал Алексеев и, уже расставаясь, предупредил: — Угрозыск на днях — мы известим вас о точной дате — проведет широкую акцию по очищению города от социально чуждых элементов. Юдин должен быть арестован. Поможете вместе с Сорокиным «спассти» от облав новых «квартирантов» и предупредите Романовскую. Успокойте ее. Скажите, что Юдин задержан как бывший уголовник и что ему ничто не грозит. Разберутся — выпустят. Ведь он за последнее время не был замешан ни в одной афере. Акция эта имеет и большое политическое значение. Заметно активизировались банды анархистов и эсеров в некоторых районах Центральной Черноземной области. Возможны контакты с городскими антисоветскими элементами и в первую очередь — с уголовниками. Недаром ведь Романовская приблизила к себе Юдина.

Глава 5

В полуподвальном помещении былолюдно и душно. Где-то прямо у входа за сизым облаком дыма сидел слепой баянист. Печальные звуки старинного вальса то вплетались в многоголосицу, то исчезали в пучине пьяного смеха и шума. Панов, в черной «тройке», «при галстукe» под белоснежным воротником, сидел за небольшим столиком и что-то рассказывал молодой буфетчице. Та, скромно поджав накрашенные губы, отворачивалась от него, весело смеялась.

Алексей притиснулся к Панову, держа на отлете руку с фуражкой. Заметив его, Панов наклонился за стойку и вытащил оттуда стул.

— Садись, товарищек, садись. А я уж думал...

В это время из-за стойки буфета с двумя кружками пива вышла молодая хозяйка. Лешку опахнула волна тонких духов, и не успел он оглянуться, как над ухом услышал:

— Здравствуй, Леша, вот мы и снова на посту.

— Галя! — поднял руку Панов. — Парочку сыра! — Он прищелкнул в воздухе двумя пальцами и многозначительно глянул на Алексея. Тот понял его: значит, не Оля, а Галя...

— Здравствуй, Галя! — кивнул он. Однако не мог скрыть от нее восторженного своего взгляда. Как она может так преображаться неузнаваемо! В лице какое-то совсем другое выражение появилось: беззаботное, глуповатое. Так может, наверно, только настоящая разведчица.

— Удивлен? — тихо спросил Панов, цедя пиво.

— Еще бы...

— Вчера у нее был экзамен. Старуха одна затащилась. Княгиня какая-то...

— Княгиня?

— Тсс.

— Ну?

— Не признала.

— Ей тут трудно будет. Известная личность в городе. Больше доверия от тех, от бывших... Вот, мол, где приходится работать архиерейской дочке. Сочувствовать будут и даже завидовать. Место ее тепленькое, выгодное... — Панов достал из кармана газету. — Там на четвертой странице, — обронил он тихой скороговоркой и, встав, поднял кружку. — Что-то музыки, братцы, не слышно! — крикнул он в зал. — Не смочить ли нам ей колеса, а?

— Смочи, смочи! — загалдели вокруг.

Алексей развернул газету. В глаза бросился заголовок небольшой статьи, подчеркнутый красным карандашом: «Маска сорвана!»

«Органами губернской прокуратуры разоблачен враг трудового народа, бывший эсер, некто Грачев Илья Захарович, обманым путем по подложным документам пробравшийся в органы юстиции на должность главного следователя городской прокуратуры. Этот «юрист» за крупную взятку дал возможность уйти из-под стражи крупным рецидивистам Свиридову и Курносову, полностью реабилитировав их как случайно задержанных крестьян из деревни Огни Калачеевского уезда. Введенная в заблуждение прокуратура дала санкцию на освобождение упомянутых преступников. Но дополнительные данные угрозыска разоблачили полную картину преступных деяний Грачева. Маска была сорвана. Однако в самый последний момент перед арестом Грачев сумел бесследно скрыться от правосудия. Прокуратура и уголовный розыск обращаются к гражда-

нам города: будьте бдительны! Враг среди нас! Его приметы: рост ниже среднего, блондин, полный, на голове лысина, носит пенсне, левая бровь рассечена. Одежда гражданская, штиблеты, шляпа. Приобретенный хронический насморк...»

Все это Алексей быстро пробежал глазами и вдруг вздрогнул: за соседним столиком кто-то чихнул два-три раза подряд и, натужно дребезжа носом, стал сморкаться в платок. Алексей бросил на человека взгляд. Спиной к нему, в сером плаще, низкий, широкоплечий, на голове, даже с затылка, подернутая цыплячьим пушком, виднелась широкая лысина...

— О господи! — донеслось до Лешки прерывистое, со свистом, дыхание подозрительного субъекта. — Простыл и не знаю где, — простонал он, обтираясь платком.

— Перцовкой, Иван Кузьмич, перцовкой лечись, — посоветовал сосед по столу. — Кто же при простуде пиво глотает!

— Сердце, дорогой, сердце... Сдают клапаны. Даже пиво нельзя.

— Ну, поехали? — прогудел вдруг голос Панова. Алексей встал. — Пойдем разными дорогами, — сказал вполголоса Панов.

— Ты этого дядьку заметил? Справа от меня сидел? — остановил его Алексей. — Это же... Ну копия, как в газете описывают. Надо позвонить Боброву.

Панов усмехнулся, лихо подмигнул ему:

— Не выйдет, Леша... Не отвлекайся. Уходи. Я тебя встречаю случайно на Садовой. Ты разыскиваешь портного.

* * *

Большая просторная комната на третьем этаже. На окнах массивные от потолка до полу шторы из зеленоватого бархата, дающие полумрак. Посредине — на точеных фигурных ножках — длинный стол, покрытый тяжелой скатертью. Через всю комнату — ворсистая ковровая дорожка до самой двери.

Их встретила миловидная румянощекая девица с белокурыми волосами и озорными веселыми глазами. Она была в цветастом фартуке. Панов поднес ей букетик ярко-красных цветов.

— Приветствую, цыпка, — сказал он и быстро прошел в комнату.

— О! — воскликнула девица и сунула нос в цветы. — А вы проходите, молодой человек, — кивнула она просто Лешке. — Вас ждут! — сказала приветливо и повесила за его спиной дверную цепочку.

Алексей взглянул на ковровую дорожку, перевел взгляд машинально на сапоги и подосадовал на свою рассеянность: надо было в коридоре пыльцу эту смахнуть.

— Ничего... Не стесняйтесь, — подбодрила его девица. — Проходите.

Алексей шагнул на отливающий голубым огнем ворс дорожки. В дальнем углу комнаты дрогнула портьера, и навстречу ему вышла высокая женщина с худыми впалыми щеками. Он услышал грудной, чуть надтреснутый глуховатый голос:

— Не стесняйтесь, Савинов. Здесь люди свои...

Алексей сделал испуганное лицо, остановился и широко открытыми глазами посмотрел на нее, потом на Панова. Женщина была в длинном черном платье с широкими полками рукавами. Волосы коротко стрижены. («Как у наших комсомолок, — мелькнула у Лешки мысль. — Сама... Вот такая она. В глазах действительно то ли тоска смертельная, то ли ненасытная ненависть — будто пепел запошил их навечно».)

— Извиняюсь... Я не Савинов, — отступил он на шаг. — Зачем ты меня привел, Панов? Сказал, портной тут... Мне портного надо!

Романовская быстро взглянула на Панова. Тот усмехнулся.

— Гляжу, бродит около, — сказал он.

— Вот и отлично, — кивнула Романовская. — А вы не делайте ради бога испуганные глаза, — подошла она к Алексею вплотную и, бесцеремонно положив свои худые руки на его плечи, заглянула ему в глаза. — Вот так, братец мой, а вышитая косоворотка тебе к лицу... — Она сразу перешла на «ты». — Небось мамаша своими руками вышивала? — И, вздохнув, отвела глаза. — Родному сыну... столько любви вложила... сколько ночей не доспала...

— Да нет, — буркнул Алексей. — Купил... Правда, дороговато слупили... Но ничего... — Он потоптался и решительно потрянул своими белесыми лохмами. — Ну, я пойду. Уж вы извиняйте. Не туда я попал. И вы меня с кем-то спутали. Совсем я не Савинов... такое вот дело... — Лешка почувствовал, как жестко вцепились ее пальцы в плечи.

— Садись, — ледяным тоном приказала она. — Мы не ошибаемся.

В это время из того же угла вышел Юдин. Он быстро подошел к нему и протянул руку:

— Здорово, кореш. Не финти. Не советую.

— А чего мне финтить? Шел вот к портному, а попал в непонятную. И никакой я не Савинов, — встал он решительно. — Так что, дорогие граждане, ошибочка произошла. И тебя не знаю толком.

— А меня? — перегнулся через стол Панов.

— Тебя-то как не знать... Ты нашего хозяина племяш. — Он взглянул попристальней на Юдина. — Вроде ты приходил с ним... припоминаю.

— Ишь ты, — язвительно протянул Юдин. — Признал все же!

— Да что там не признать. В дым пьяные были. Помню! — Алексей попытался уйти, но его усадили на стул уже мужские руки.

— Ну что вы, — завозился было Алексей и вдруг закричал: — Позвать милицию, да? Так я это быстро. Меня там знают... Чего насильничаете? Что вам надо от честного человека? Кто вы такие?

Кто-то с силой ткнул его в шею. Больно завернули за спину руки. Он болезненно сморщился.

— Говори... Ну? Мы видели твои подлинные документы, — прошипел над ухом голос Павла.

— А золотишко... царские монетки от кого прячешь, сука? — прохрипел яростно Юдин.

— О-о-о! — простонал Алексей. — Отпусти, что ли! Сволочи! Вижу — банда!..

Все захохотали. А Лешка, бросая свирепые взгляды на окружавших его мужчин, сквозь зубы цедил проклятья в их адрес и вдруг, уставившись на Панова, выкрикнул злобно: — Ты адресок портняжки подсказал... Ты! Да, да, ты!

Панов весело хохотнул. Отвернулся. Пошел на кухню.

— Ну? — подсела к Алексею хозяйка.

— Что ну? И тебе, мадам, червонцев захотелось? — огрызнулся Алексей. — Идите и берите. Хоть все. Да скорей, а то я их в помойку выброшу.

— Бедный мальчик, — качнула головой хозяйка. — Да успокойся ты. Тут нет грабителей. Мы можем произвести экс, но зачем же еще наказывать человека, властью обиженного. Не бандиты мы, Савинов... Как звать-то?

— Алексей, — насупясь, проговорил «обиженный» и с надеждой посмотрел на хозяйку.

— А по настоящим метрикам?

Алексей мял в коленях кисти рук, молчал.

— Ну?

— Какая разница? — нелюдимо отозвался он.

— Пожалуй, — согласилась она.

...Вернулся он часа за два до закрытия магазина. Прилег на койку и стал выскивать в своей игре «прорехи». Тогда за столом по правую руку от него сел Авсенов, по левую — широкоплечий невысокий дядька, молчаливый и сосредоточенный. От водки Алексей категорически отказался.

— Еще этого зелья не хватало, — с презрением отодвинул он рюмку. Ее, улучив момент, когда Романовская вышла с Катькой на кухню, тут же опрокинул в рот Авсенов. Потом в конце встречи его всей компанией пришлось успокаивать и даже отливать водой. Он набросился на Лешкиного соседа слева с бранью и упреками:

— Болтуны, демагоги. С большевиками власть делить собрались, а мы вот этой рукой башки им рубали. Мы их на осиновые суки вешали... на телеграфные столбы... Мы их душили от Омска до Семипалатинска...

— Ну и дураки, — спокойно отозвался сосед слева, глотавший куриную ножку.

Лешка в это время старательно доедал плов. Он поглядывал то на одного, то на другого и внешне казался совершенно спокойным. Когда хлебной корочкой стал обтирать тарелку (уж очень вкусным показался), подошла Романовская и, добродушно смеясь, попросила Катьку дать ему добавку.

Она так и сказала:

— Мы просим добавочку, Катя. Вижу. — похлопывая по спине Алексея, добавила она, довольная, — вижу нашу добротную крестьянскую бережливость.

И тут же отчитала Авсенева. А тот все бушевал и ничего не хотел слушать. Тогда и поволокли его Павел с Юдиным к умывальнику, а он упирался и брызгал слюной.

— Местечки делить теплые стали... Ишь ты, эсер... А где твои убеждения политические, а? Ха-ха! В прокуратуру забрался! Но их не проведешь, все равно докопаются...

Алексей пригляделся внимательней к невозмутимому соседу слева. И тут только понял, кто был рядом с ним: его ищут по объявлению! Но приметы — «лысина во всю голову», а лысины не было. Реденькие седоватые волосы закрывали даже уши и ворот пиджака. А бровь... Какая же там — левая или правая? Но точно — углом вздыблена. Значит, рассечена. Вот это да-а! Его разыскивают всюду, а он спокойно погуливает в этой компании! А на голову парик натянул, это точно.

Алексей выразительно посмотрел на Павла. Тот вскинул брови. Лешка качнул головой в сторону соседа, тот понял, нахмурился и уткнулся в тарелку.

В эту же ночь Панов побывал снова у Алексея.

— Когда я рассказал Романовской, что знаю хорошо этого сбежавшего следователя, — рассказал он, — она очень обрадовалась и уговорила меня позвать его непременно. Что я и сделал.

— А Боброву сообщил?

— Боброву? Зачем?

— Вот здорово! — поразился Алексей. — Да он же улизнуть может!

Павел загадочно улыбнулся.

— Не улизнет. А сообщить успеет, Леша. Романовская приголубила его крепко. Такие люди ей нужны.

— И чего ждать — не понимаю, — возмутился Алексей. — А что это она все про порох, припасы. Эк задумали этот самый провести, да?

— Ну, нашел дуру!

— А я уж решил... Вот тут я их похлопал бы, паразитов, по одному.

— Пойми, дело наше тонкое. Похлопать мы их и на любой встрече могли бы. Надо нам как следует обосноваться в организации. А что о себе не спросишь?

— Да, правда, — спохватился Алексей. — Я тут все думал, думал...

— Порядок. Понравился. Боевика из тебя думает сделать. А пока будет к тебе первая просьба. Заметь себе: просьба! Так сама выразилась.

— Что там придумала эта селедка ржавая? — брезгливо передернуло Алексея.

— Авсеев тебе все разрисует. А мне поручено уговорить тебя.

— Ладно, а как он с тем беглым следователем, Авсеев-то? — поинтересовался Алексей.

— Помирились.

— Тоже ведь разногласия! А ягода-то с одного поля!

— Ну как же... Один жизнью все же рисковал. У Колчака-карателя служил, другой — к власти лез, приспособивался. Вот и вспыхивает обида. — Павел закурил. О чем-то задумался. Лешка на мгновение залюбовался молодым чекистом. Смуглолицый, черные брови вразлет, прямой аккуратный нос и подбородок раздвоенный и чуть-чуть выдающийся вперед. И усики узкие, короткие — к лицу.

— Сказал бы о себе, Павел. Я ничего не знаю о тебе, — попросил Алексей.

Тот восторженно, с удивлением посмотрел на Алексея, резко встал, прошелся по комнатке.

— Что говорить-то? Отец где-то в ссылке погиб... В кузнице жил, деготь гнал. Оказывается, и я целый год там жил с ним, и мать. Потом уехали оттуда. Говорит, пятнадцать месяцев добиралась со мной. Где по реке плыла, где на попутной подводе ехала. В работницы-поденщицы нанималась. Раньше отец сельским учителем работал и мать тоже. Ее батька в Курске магазин имел. С капиталом был. Состоятельный. Добрались мы до него — не принял. Тут и хватили мы горького до слез. Мать частные уроки давала, жили в какой-то каморке, в подвале дома. Э-э, да что там! — Павел махнул рукой. — С твоей жизнью, Леша, рядом где-то и моя тропка виляла до самой революции. Потом мать в ЧК работала. А я перед самыми октябрьскими событиями сдавал уже экстерном за семь классов гимназии. Ушел в Красную Армию. В Первой Конной был.

— Это верно, Павел, — согласно кивнул ему Алексей и посмотрел на ходики. — Значит, говоришь, Авсенов?

— Да. Я ему скажу, что уломал тебя, с трудом уломал. — Уже уходя вдруг вспомнил: — Этот черт, Юдин, насаждает. Дай-ка монет с десяток. Пусть будет его доля. Не отцепится ведь...

Пришлось Лешке поделиться червонцами.

Стояли легкие прозрачные осенние дни. Как быстро пролетело лето!

Где-то у Дона, за Полубянским кордоном, подолгу млели бледно-розовые закаты, редели пуши. Тянуло Лешку за город, а еще больше тревожили паровозные гудки. Как там ребята? Дядю Степу целую вечность не видел. Он в настоящей буче. Вон куда кинула его революция, на самый верх, в губком. Нелегко там, поди... А кругом развелось столько этих гадов. Все всплыло при нэпе, как грязная накипь... «Придет время, и мы эту накипь снимем, — вспомнились слова политбеседчика. — Это будет революционная операция. А прежде стране на ноги встать нужно». Скорей бы уж... Смотри, как развернулись некоторые. Вон булочной хозяин, Рыжков, такого каурого выкормил. И не сам правит-то, кучер сидит на облучке.

Часов в пять перед закрытием магазина Авсенов по внутренней лестнице спустился из конторы вниз и зашел к

Лешке. Он закрыл на крючок дверь и... вытащил из кармана френча пачку денег.

— Здесь полторы тысячи... Рядись, не передавай. Экономь.

— Не понимаю. С кем рядиться-то? За что?

— Пошли, — кивнул на дверь Авсенов.

Они вышли в ограду, затем на улицу и поднялись на крыльцо магазина.

— Сейчас ты увидишь их, — шепнул Авсенов и, толкнув перед собой дверь, хозяином вошел в помещение.

— Ну как, Васильевич, торгуем? — обратился он к продавцу в брезентовом фартуке.

— Спасибо. Хорошо. Порох вот не весь расфасован, — пожаловался продавец.

— Хорошо. Хорошо. Я сообщу шефу. Надо послать за тарой...

У прилавка стоял бородач. На заросшем смоляной порослью лице его хитровато поблескивали щелки глаз.

— Скупится, Васильевич, скупится, мил человек, — обратился он к Авсенову. — Управу бы на него... а?

— Ох, жаден до припасов, Ларион Кузьмич. Ох, жаден... Десять пачек пороху отхватил, патронов две пачки — и все мало.

— Дак ведь наше дело охотничье такое! Сегодня пых-пых, а назавтра глядь — и пусто! Как же договор-то с охотсоюзом выполнять, а? — обратился он к Авсенову.

— Набрось, набрось ему, Васильевич... Охотник-то знатный больно, — попросил Авсенов.

Продавец поворчал, но подбросил еще три пачки пороха.

— План у него действительно напряженный, — заметил бухгалтер и одобрительно кивнул продавцу.

Проходя мимо Лешки, Авсенов толкнул его локтем и вышел. Через минуту покинул магазин и Лешка.

— Его зовут Коцубой, — проговорил Авсенов не обращившись. — Встреть его и передай поклон от Ганны Александровны.

— Сейчас?

— Конечно.

— Понял. Значит, у него?

— У него. Да посмей дейстуй.

— А поверит?

— Поверит. Добавишь: «Нужда к вам большая, Ларион Кузьмич». И все. А припасы передашь Юдину. Он тебя встретит.

Лешка догнал бородача у рынка. Тот, перекинув холщовый мешок на спину, спокойно шагал в направлении пивнушки «Дяди Кости». У подвала двухэтажного каменного дома, изрисованного нарядными вывесками, он догнал его.

— Гражданин,— запыхавшись, пролепетал Лешка.

— Ну, чего тебе?

— Вам поклон от Ганны Александровны.

Бородач метнул настороженный взгляд по сторонам, потом пронизал им Лешку.

— Нужда до вас большая, Ларион Кузьмич...

«Охотник» потеревил бороду, скосил глаза на пивнушку.

— Айда, — коротко бросил он.

Они уселись за дальний столик. Мешок Ларион Кузьмич поставил в ноги, под стол.

— Тут тринадцать с порохом и одна с патронами, — сказал он приглушенно, подзывая буфетчицу.

— Знаю, — тихо сказал Лешка.

— Ишь ты, — подивился бородач и заказал кружку пива. — Употребляешь? — спросил он, сдувая пену и жадно припадая к кружке.

Лешка отрицательно покачал головой. Бородач одним духом выпил пиво и, отдуваясь, бросил:

— Похвально... А я вот, грешным делом, балуюсь.

— Сколько вам? — спросил Лешка.

— Полтораста.

— Да вы что? Сами и половины не отдали, — возмутился Лешка.

— То сам, а то купцам, — хихикнул в бороду старик.

Лешка заказал себе пирожное и стакан сладкого чая.

— Шестьдесят, — попробовал порядиться Лешка.

— Ты вот что, купец... Я не торгуюсь. Я один раз цену назначаю. Хошь — бери, не хошь, — в другое место снесу. А Ганне Александровне мое нижайшее почтеньице передашь...

— Ладно, — буркнул Лешка и передал ему пачку, завернутую в бумагу. Старик спрятал деньги за пазуху.

— Не обманул?

— Нет... Ну я, значит, Ларион Кузьмич, забираю мешок-то?

— Забирай. Я еще побалуюсь тут. И вот еще что: в субботу тут будет мой сын Спиридон. Ты его ни с кем не спус-

таешь. Вылитый я. И борода не удает моей. В вышитой косоворотке будет. Запомнил?

— Запомнил. Чего тут запоминать-то. Он тоже будет с припасами?

— Тоже. А ты не торгуйся. Не то время. На святое дело идет все. Чай, не глупые. Иль ты для себя приворываешь?

— Да что вы! Просто экономя на всем.

— Хм. Так я тебе и поверил. Ну ладно. Вот, значит, так. Ступай, а я погуляю малость! Эй, девка! Подливай!

Глава 6

Не успел Лешка пройти и сотни шагов, как его встретил Юдин.

— С покупкой удачливой тебя, Алексей, — облапил он Лешку. — Давай понесу. А ты, ваше степенство, домой, домой. Таков приказ.

Лешка возмутился.

— Не базарь, чего треплешься? — сердито вполголоса проговорил он.

— Ну кипятки! А что? — осклабился тот, забирая мешок.

— Брось эти свои «степенства» к чертовой бабушке.

— Фу, господи! Да кто слышал-то?

— Ладно. Хватит.

— Ну ша. Больше этого не будет. Вот тебе мое честное благородное слово. Я пошел, а ты своей дорогой.

— Не доверяете?

— Все культурненько. Все благородненько. Всему свое время, как говорит великий Спиноза. Адью!

Лешка пошел к магазину. Но за углом дома он остановился и проследил за Юдиным.

На барахолке уже было мало людей, и белый мешок на горбу Юдина долго еще маячил перед глазами Лешки. Вот Юдин вышел на площадь, пересек ее и свернул к соляным складам. Лешка смешался с толпой, зашел в проулок, проходным двором вынырнул к тем складам. Юдин исчез.

В полуразрушенном здании в одной из комнатух ютился жестянщик Гуцин. Об этом говорила коряво написанная вывеска. Кроме него, никто тут не жил. «Неужели к нему?» — думал Лешка, обходя склады и с опаской поглядывая на подвальные два окошка, едва достигавшие света.

Вернувшись домой, он позвонил Боброву. Но тот не от-

ветил ему. «Позвонить самому начальнику?» — мелькнуло в голове, но тут же прогнал мысль. Было, во-первых, страшно, а во-вторых, он и телефона его не знал. «Ладно, сообщу как-нибудь завтра», — решил он, готовясь к дежурству.

На другой день Бобров тоже не ответил. Лешка забеспокоился. Уехал куда-нибудь на операцию. Не иначе. Лешка надел вышитую крестиком рубашу с косым воротом, брюки, натянул штиблеты «Скороход», пошел в город в надежде на случайную встречу с Бобровым или хотя бы с Пановым. Он долго крутился по Никитинскому и Кольцовскому скверам, и вдруг кто-то хватает его сзади и закрывает ладошками глаза. Ладошки горячие, маленькие, но жесткие.

— Ой, ой! Убьюсь ведь! — воскликнул Лешка.

Раздался девичий смех, и перед Лешкой предстала смеющаяся девушка в нарядном украинском сарафане.

— Спужался?

— Маша! — обрадовался Лешка. — Ты что тут? Ну как вы там?

Она тянула его за руку и, смеясь, трясла головкой.

— Пошли, пошли, все скажу! — И у самого уха шепотом: — Я тут второй день кружусь... Все тебя выглядывала.

— Что-нибудь стряслось? — насторожился Лешка.

Маша весело смеялась и все приговаривала:

— Да, да, Лешенька. Отбился от нас. А у нас действительно случилось такое, что не приведи господи!

Лешка удивленно тарашил глаза на веселую, беззаботную девушку и, конечно, не мог поверить, что случилось что-то такое, «что не приведи господи».

— Ну что? Что? — допытывался он.

— А вот придем домой и увидишь, увидишь сам, — отмахивалась Маша. — Она была сияющая, счастливая. И уж, наверное, не была бы такой, если б дома было несчастье. Лешке захотелось чем-нибудь удивить и порадовать еще больше эту славную девушку.

— Стой, Маша. А ну зайдем в эту лавку, — сказал он, схватив ее за руку.

Он купил шелковую голубую ленту и два фунта конфет.

— А это тете Капе, — попросил взвесить сахарного пенья и селедку. — Она все о селедке тосковала.

Так, нагруженные покупками, запыхавшиеся от быстрой ходьбы, они подошли к маленькому домику у трех тополей.

Тетя Капа шелушила фасоль прямо на грядке. Обрадо-

валась. Вскочила, вытирая на ходу руки о полосатый фартучек, прослезилась, обняла Лешку.

— И где ж ты, голубь наш, пропадаешь, а? И как тебе не грех-то! Совсем ведь отбился от рук. Ну-ну, извини меня, старуху. Знаю, знаю — работа такая. Ну проходите, проходите в хату! — И захлопотала, забегала.

Лешка, растроганный встречей, с умилением рассматривал ограду, крынки, развешанные на колья, потрескавшиеся, черные от времени углы старенького уже домика.

« Ну вот... Ничего и не стряслось. Просто Маша обманула меня. Ну и пусть. И правда, ведь столько времени не был тут».

Все по-прежнему и на кухоньке, и в чистенькой горенке. Вот разве половичков стало больше и подушек.

— А Маша меня перепугала, — стал рассказывать о встрече Лешка, когда Маша выскочила с самоваром в сени.

— У нее, Лешенька, действительно радость. Да и у меня тоже, — понизив голос, сказала тетя Капа. — Письмо получили... От Грани... Он ей там в любви объясняется... Ты только ни-ни... Ей неудобно...

— От Граньки? — задохнулся Лешка. — Откуда? Где он? Разве он не на задании?

— Уж не знаю, Лешенька. Только из Москвы пишет. Из какой-то специальной школы. Учится. И еще целый год учиться. И тебе кланяется. Пишет, что не знает твоего нового адреса. Хотел Боброву написать.

Тетя Капа передохнула и откровенно созналась, что очень рада за Машу.

— Теперь она сюда переселилась. Дед-то с хутора совсем съехал. С кордона-то. В деревню переселился. А Маша не поехала. В больницу я ее пристроила.

За столом Машенька, краснея, спросила Лешку:

— Ты не обидишься, Леш? Не обидишься?

— На что?

— Ну, понимаешь... Мы письмо от Грани получили. И куда-то я его сунула, хоть убей — не помню.

Лешка переглянулся с тетей Капой. Ну хитруля!

— А-яй-яй... Да как же это ты? — припадая губами к блюдцу, покачал головой Лешка. — Письмо — и вдруг потеряла!

— Так вот, — вздохнула притворно Маша. — Он тебе приветы передает. Учится хорошо.

— Ага. Учусь, говорит, хорошо. Стараюсь вовсю, — подтвердила тетя Капа. — По Лешке только скучаю.

— Во-во, по Лешке соскучился, пишет, — вставила

Маша. — Вместе-то мы бы еще лучше учились. Так и пишет.

— Адрес не запомнила? — спросил Лешка.

— Запомнила, как же! — отозвалась живо Маша и, отодвинув чашку, стала загибать пальцы: — Значит, Москва, Главпочтамт, до востребования.

Лешка повторил за ней вслух, потом про себя.

— Запишешь? — спросила Маша.

— Нет. Запомнил.

— Ой ли? — не поверила Маша.

— Точно. Разбуди сонного — скажу, — усмехнулся Лешка.

— Ты не рад за него? — дрогнула в голосе Маша.

— Вот сказала! — фыркнул Лешка, избегая ее взгляда. — Конечно... Вместе бы... Но я все равно добьюсь, чтобы отправили и меня на учебу. Страсть как хочется учиться. Совсем ведь мы недоучками остались.

— Отправят, Леша. Отправят, — твердо сказала тетя Капа. — Сейчас в рабфак посылать станут из рабочего класса, в училища разные.

* * *

...У своих ворот столкнулся с порученцем от Боброва.

— Пошли. Проведу.

— Разве он не у себя?

Прошли несколько улиц к речке Воронеж. У какой-то скобяной лавчонки остановились.

— Проходи, — сказал порученец и, не останавливаясь, прошел дальше.

Лешка перешагнул через порог лавки и столкнулся с Бобровым. Тот был в куртке железнодорожника. В руках огромные щипцы. Хозяин лавки, пристально взглянув на Лешку, кивнул головой в сторону боковой двери. — Проходите, товарищи, — сказал он. В небольшой комнатке он оставил их вдвоем.

— Ну, докладывай, — потребовал Бобров, вытаскивая портсигар и закуривая.

Лешка рассказал о своей работе. О связях. О встрече с Романовской и, наконец, о подозрительной мастерской. Бобров позвал хозяина.

— Чья мастерская?

— Там жил жестянщик Гущин, — сказал тот. — Семьица шесть или семь человек. С куска на кусок перебивался. А сейчас вижу его частенько под хмельком. Будто человек клад обнаружил...

— Это интересно. Бери этого Гущина на себя, товарищ, — сказал Бобров.

Он тут же отпустил его и попросил рассказать Алексея о встрече с Графиней.

— Узнал?

— Наверно, сразу бы и не признал, да Панов предупредил. Здорово получается. У нее не разгуляешься. Две-три кружки и — шагом марш.

Бобров улыбнулся.

— Слушаются?

— Еще как!

— Хорошо. Передай ей: пусть найдет способ завязать знакомство с Гущиным.

— Ясно.

— Сколько взято припасов? Запомнил?

— Как же, помню. — И, немного подумав, Алексей обстоятельно подсчитал все «рейсы» с перекупленным порохом и другими припасами. — Так что теперь уже более трех пудов одного пороха набирается, пистонов более двух тыщ.

— Этих «охотников» на кордоне не приходилось видеть?

Нет, никогда раньше не встречался с ними Алексей.

— А эти отец с сыном, Виктор Петрович, — эти чистые волки, — добавил он. — Что-то готовят... И зачем ждать?

Бобров задумчиво покусал свои усы. И, не глядя на парня, будто с кем-то споря, сказал резко, твердо: — Нет-нет. Только с корнями! А мы еще не знаем ничего о «профессоре», о всех связях Романовской. А идут они, по некоторым данным, далеко. За рубеж. — И, словно очнувшись: — Вот так, а тебе надо проявить себя на чем-то. Подняться в глазах Романовской. Может, она приблизит тебя к себе. Это важно.

Он прошелся по комнатушке. Остановился у полочки с книгами, вытащил одну из них и вслух прочитал:

— Сологуб... Сологуб. — И Соколу: — И что у этого Юдина с Каткой?

— Да ходит к ней...

— Ну хорошо.

Алексей вспомнил про встречу с эсером, которого разыскивали повсюду.

— А он, знаете, только в парике... Спокойно живет в городе, — взволнованно доложил Алексей. — У этой самой Романовской чуть ли уж не правая рука!

Бобров весело посмотрел на него.

— Значит, пристроился, говоришь, и в ус не дует?

— Так точно!

— Н-да... Ловкач! Ну, мы подумаем, подумаем, товарищ Сокол. Пусть он не волнует тебя. Будь здоров!

Лешка недоуменно посмотрел на него. И Панов и сам Бобров совсем вроде и не интересуются этим типом. В чем же дело?

Алексей принес изрядно потрепанный томик стихов Сологуба. (Бобров для него выпросил у хозяина. Неплохо, если он что-нибудь прочтет там одной особе весьма просвещенной.) За чтением стихов и застал его как-то Авсенеv. Он взял, брезгливо морщась, книжку и удивился:

— Бог мой! Сологуб!

Лешка небрежно обронил:

— Потянуло к старому.

— Похвально, похвально, товарищ Сокол. Как это вам удалось раздобыть их?

— Какой-то из бывших целую библиотеку выволок на базар. Вот я и выбрал. Красивая на вид. Правда?

— Любопытно, — усмехнулся бухгалтер. — По переплету выбираем?

— А что, плохой разве? Да и стихи... Сами же говорите.

— Да нет. Ничего. Просвещайся, юноша. Хорошие стихи. Отменные. Изящные. — Он положил книжку, вздохнул. Покачал лысой головой, прищмыкивая и закатывая глаза, прочитал вполголоса какое-то стихотворение, повздыхал. — Божественная поэзия... А у нас, увы, проза. Будничная проза, увы!

— Что случилось?

— Я не могу службу покинуть. Понимаете? Работы до черта. А тут вот такое дело: пришел бездымный порох в бочонках. Наша общая с вами знакомая очень нуждается в нем. Давно просила сообщить, как только поступит. Так вот, если я записочку ей... а? Найдете время?

— А где я ее найду? — догадываясь, о ком говорит Авсенеv, спросил Лешка. — У Катькиной родни?

— Нет, дорогой. Сменила она местожительство. С хозяйкой не поладила... Она вот по этому адресочку. — Авсенеv подал Лешке узкую полоску бумаги. Тот прочитал: Певченская, 8.

— Пожалуйста, запомните, — попросил Авсенеv.

Лешка повторил про себя адрес и отдал бумажку Авсенеvu.

— Итак, жду ответа. Да, чуть не забыл. Вас спросят: «Столярное дело знаете?» Скажите: «Привычное дело». —

Авсенов повертел еще в руках Сологуба, притворно вздохнул и вышел.

У булочной Лешку кто-то окликнул. Он обернулся. Вытирая мучные руки о фартук, из открытого коридора подавала знаки Катька Червонец. Она была чем-то расстроена.

— Заходи, Лешенька. Заходи, будь ласковый, — умоляюще попросила Катька.

Они спустились по невысокой лесенке в подвальное помещение. Там из открытых дверей пекарни несло сильным запахом печеного хлеба, угаром.

Катька толкнула дощатую дверь вправо и первой вошла в небольшую комнатку, завешанную кренделями и сушками разных размеров. Тут Катька, закрыв лицо руками, плюхнулась на табурет и разревелась.

Лешка растерялся.

— Ты что? Да говори же, что стряслось? — затормошил он ее.

Та, проплакавшись, высморкалась в тот же фартук и подняла на него покрасневшие глаза.

— Туда небось идешь? — спросила она.

— Куда?

— Ну к этой... шлюхе.

— Не понимаю, — пожал плечами Лешка.

— Так уж не понимаешь, — скривила губы Катька. — А я вот возьму вас всех и продам. Вот ей-богу! — она быстро перекрестилась. — Если она не отдаст мне Шурку... Решусь, ей-богу решусь. Куда она посылала его, знаешь? Нет! А теперь ведь он совсем глаз не кажет.

— Какого Шурку?

— Ишь ты... не знаешь... Юдина, вот какого!

— Неужели ты думаешь, что Ганна будет с твоим...

Катька перебила.

— Да куда ей, старой кочерге, да такого парня! Но она сводит его с той потаскухой... С Глашкой Первушиной. Туда ведь бежишь? На Певченскую? Переехала к ней ваша красавица. Она ведь всех подпаивает. Деньгами швыряется. Кто она? Что она маракует? Может, она контра какая, а?

— Ну уж и контра. Просто скучно ей. А при чем тут Глашка?

— Как же, хозяйку и не знаешь... Вот змея подколотая. И что она за собой Шурку таскает?

— Шурка ж вроде адъютанта... А потом, он нужных людей знает, на кого положиться можно.

— Это на жуликов-то да на ловчил можно положить-ся? Тьфу! Нашла опору. А я Шурку хочу на путь направить. Как все жить. Осточертело все. Он ведь, Шурка-то, на все руки парень. Занесло его. Закрутила разгульная жизнь. А тут эта ведьма глазастая пристала.

— Ладно. Ты успокойся. Я поговорю с ним, — пообещал Лешка. — Только ты не смей про Ганну и ее людей болтать. Поняла? Это для тебя плохо кончится. Мне сказала — больше никому. Ни одной живой душе, иначе и Шурке твоему веревка.

— Ой, господи! Мука-то, мука какая! — простонала Катька. И, вытирая глаза, дала слово, что не будет болтать.

— А ты уж, миленький, посмотри, посмотри там: не липнет ли эта доходная Глашка к нему, а?

— Ну вот это другое дело. Посмотрю и, если надо, пристращаю, — пообещал Лешка.

— Прошу тебя, миленький.... Прошу, — бормотала Катька, провожая его, все еще всхлипывая.

...Дверь в небольшом двухэтажном доме открыла Лешке молоденькая густо накрашенная девица с высоко взбитой пышной прической.

— Вам кого? — спросила она. Тонкие брови ее взметнулись вверх. — Вы столярное дело знаете? — оживилась, внимательно посмотрев на Лешку.

— Привычное...

— Проходите.

Лешка одернул на себе пиджак, заглянул в овальное зеркало, висящее в коридорчике, поправил сбившийся набок галстук.

Этот галстук — целая история. Лешка ненавидел его, презирал свой, как он говорил, «приказчицкий вид» и носить не имел права как представитель передового авангарда молодежи, боевой комсомолки, пошедшей на штурм старых традиций и мод, но так было нужно.

Девушка («Глашка Первушина, — догадался Лешка, — певичка и содержательница небольшого кафе») пригласила в комнату. В полумраке (окна были зашторены) Лешка разглядел Панова и Романовскую. Они сидели на мягком диванчике и вполголоса о чем-то беседовали.

— О, мон шер! — произнесла, улыбаясь, Романовская и кивнула ему. — Проходи, Алеша.

— Здравствуйте, Ганна Александровна, — произнес Лешка сильным голосом и прокашлялся.

— Что с тобой, Алеша? — округлила глаза Романов-

ская. А он и сам не ожидал этой сипоты в голосе. Кашлянул еще раз. Рассердился на себя. «Неужели трусишь?»

— Просто... наглотался холодной воды. Першит что-то.

— Глашенька! Глаша! — всполошилась Романовская. — У тебя там, кажется, остался портвейн со вчерашнего.

— Немного... в графине, — отозвалась та из кухоньки.

— Налей, пожалуйста, гостю... Ему плохо.

«Вот дурень», — возмутился про себя Лешка и решительно запротестовал:

— Да не пью же я. Ничего не надо... Все будет в порядке.

— Ах уж мне эти скромницы. Ты чем-то встревожен? — настороженно следила за Лешкой Романовская. — Я вижу... Что случилось, Алеша? Тебя Авсенев направил?

Лешка поздоровался кивком головы с Пановым и сел к столу. «Смелей... смелей... Делай все так, будто ты, а не она хозяйин здесь. Тебе есть что сказать», — подбадривал себя Лешка.

— Он. Откуда б мне знать, где вы. Есть новости, — сказал он спокойно и серьезно и передал разговор с Авсенывым.

— Бездымный, — прошептала она. — Наконец-то смогу выполнить просьбу одного старого знакомого. Заядлый охотник.

Она встала, прошла по комнате, нервно барабанила пальцами по черному лаковому ремню, стянувшему ее в талии. Остановилась около Лешки. Положила руку на его плечо и доверительно произнесла:

— Я верю тебе, Алеша... Да, это хорошо, что ты пришел, за добрую весть спасибо. Ты мне pomoжешь?

— В чем? — не понял Сокол.

— Наверное, бездымный — дефицит и не каждому продадут его, а?

— Я не в курсе.

— Павел, поможешь?

— А сколько надо?

— Я и сама не знаю. Я запрошу его. Ладно?

Панов пожал плечами.

— А вы б, Павел, помогли забронировать часть. Ну, может, фунтов двадцать.

— Я думаю, это не сложно, — согласился Панов. — Договорюсь с продавцом.

— Вот и спасибо! — обрадовалась Ганна.

Панов играл на гитаре какой-то старинный романс. Дрожащими пальцами Романовская достала папироску.

Закурила, сделав две-три глубокие затяжки, отрывисто произнесла, обращаясь к Панову:

— Вы не забыли мою просьбу?

— Какую? Ах с квартирой?

— Можем с вами и встретить их.

— Хорошо. Спасибо.

Из кухни вышла Глашка с подносом в руке. На нем графин портвейна, рюмки. Горка моченых яблок.

— К черту! — вскочила Романовская. — Глашенька, дорогая, вот тебе. — Она открыла ридикюль и, выхватив оттуда червонец, выбросила его на стол. — Будем пьянствовать! Беги, Глашенька, за коньяком, а я тут что-нибудь приготовлю. У нас мужчины в гостях и добрая весть. Да! Познакомьтесь! — повела она рукой в сторону Лешки. Тот встал и назвал себя.

— Ой, ой, — кокетливо присела хозяйка. — Скромный какой! Ничего, мы еще с ним, Ганна Александровна, на брудершафт выпьем! — залилась она смехом, жадно обшарив Лешку нахальными глазами.

— Bravo! Bravo! — захлопал в ладоши Панов. — Обломай-ка его, Глашенька!

— Да уж будь спокоен... Попадет, не выпущу из рук, — самоуверенно хохотнула та и стала собираться.

Лешка стоял как оплеванный. Ему было и стыдно, и страшно.

— Ну, ну, — подтолкнул его в бок Панов. — Садись, потолкуем.

Надев нарядный передничек, Романовская вышла из кухоньки и закрыла за хозяйкой дверь.

— Ну что, друзья? Глаша, не забудь колбасы — больше никаких деликатесов. А я тут над яичницей со шкварками поколдую.

— Нормально, — отмахнулся Панов. — Какие там деликатесы!

— Я не смогу... мне скоро заступать, — поднялся Лешка.

Его усадили, уговорили побыть с часок. До закрытия магазина еще, правда, оставалось часа три, не меньше. Лешка согласился.

Романовская закрыла за Глашкой дверь и прошла на кухню. Павел стал тренькать на гитаре.

— Слыхал? — тихо спросил он. — Едут. А марку держит. Музыканты, друзья. Знаем, какие это музыканты.

— А кто?

— Те, что из бездымного будут бомбы делать!

— Ты что?

— А ничего... — И тихо пропел: — «Пара гнедых, запряженных с зарею...»

Алексей вполголоса стал рассказывать о своей встрече с Катькой:

— Зазвала в булочную, ревет.

— Да ну? — встрепенулся Панов и тут же, бросив гитару, схватил Лешкину руку, будто железными клещами, сжал ее.

— Здорово! Ты и не догадываешься, Лешка, как это в масть ложится нам!

Потом сорвался с места и побежал на кухню. Лешка не слышал их разговора. Только изредка доносились отдельные восклицания Романовской. Побледневшая, с недобро сверкающими глазами, она торопливо подошла к Лешке.

— Это правда?

Лешка пожал плечами.

— Что ж ты сразу не сказал?

— Разве это так важно? Мало ли что там не наболтает баба... Я не думал...

— Боже мой! — всплеснула руками Романовская. — Какая наивность. Повтори, повтори, о чем она говорила.

Лешка повиновался.

— Ревнивая дура! Нет, вы не знаете, как это дорого всегда мне обходится. Я-то знаю таких дур! — разволновавшись, снова забегала по комнате Романовская. — Делаешь вроде добро людям, а оборачивается злом. Она ведь что угодно наболтать может.

— Она еще сказала, что Юдин какие-то делишки затеял... Деньги мотает... Или, может, он, говорит, Глашку одаривает? — вставил невозмутимо Лешка.

— И вы спокойны! Вы, Панов! — вскипела Романовская.

— И вам не советую волноваться, — сказал тот сердито. — Надо поговорить с ней посерьезней — вот и прояснится все.

— Верно, верно, друзья мои... Нервы! Но кому это поручить, боже мой?!

— Положитесь на меня, — отозвался Панов.

— Спасибо вам... Вы самоотверженный человек, Павел Алексеевич!

— Да что там... Для дела же. А вы не расстраивайтесь. Эту Катьку можно и припугивать, а нет, так и... — Он многозначительно посмотрел на Лешку и Романовскую, — концы в воду.

Панов резко поднял руку и опустил ее.

Лешка с восхищением следил за Пановым.

«Вот дает! А как повернул ловко все это дело!»

— Надо успокоить бабенку, — сказал Панов. — Пусть она в каждой юбке не видит для себя врага. И потом, поменьше откровенничайте с ним.

— Да, да, — согласилась Романовская. — Я примирю их. Я постараюсь это сделать. И конечно... Конечно... Надо быть с ним осторожней.

— Ну вот! — весело воскликнул Панов. — Только и всего! А вы, кажется, обещали угостить нас? — наклонился он к ней и потер ладонью о ладонь.

Она подняла на него глаза. Посмотрела. Грустно улыбнулась, кивнула и решительно вскочила.

— А, будь по-вашему! — воскликнула она. — Слышите, и Глаша за вас! — Она подняла палец кверху. Прислушалась. Кто-то тихо стучал в дверь.

Глава 7

Лешка лежал на койке прямо поверх одеяла и тупо смотрел в потолок, заклеенный обоечной бумагой, густо засиженной мухами. Голова его была перевязана мокрым полотенцем. Его мутило. Раза четыре он уже вскакивал и присаживался у таза. Вывернуло, кажется, уже всего наизнанку, а тошнота все не проходила. И выпил-то всего две малюсенькие рюмочки этого клопного настоя, который называют коньяком. В тумане плыли пьяные фигуры. Липкая, неприятная, оголенная по плечи рука Глашки, ее влажный рот...

— Фу, — морщился Лешка от омерзения. О чем он говорил? Кажется, того самого Сологуба пробовал читать. Глашка визжала и сжимала под столом его колени. Романовская, почему-то картавя чуть-чуть, кричала: «Бгаво! Бгаво!»

Потом, кажется, граммофон завели. Топтались вокруг стола, будто кони на току.

Никакой дьявол тут не следил, кто какой рукой ел да как... Сама Романовская, раскрасневшаяся, падала у стола на стул, будто тумба, и ковыряла ножом в закусках.

— Мон шер! Что это такое? — прошелестел губами Лешка. — Черт его знает. Мон шер и мон шер...

И не догадывался Лешка в тот трудный вечер, что это «мон шер» соединится в одно слово и станет его прозвищем. Об этом уже напомнил через час Панов. Он позвонил Лешке.

— Как настроение, Моншер? — спросил он смеясь. — А в общем, должен тебе сказать, что начальство довольно тобой. Хорошо ты там разыграл эту встречу с Катькой. Молодец.

Лешка почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Он осторожно повернул голову и увидел стоявшего у лестницы Авсенева. Громко, как рапорт, прокричал в трубку:

— Слушаюсь, товарищ начальник! Нет, никаких происшествий! Все в порядке!

— Ясно! — отозвался Панов, положил трубку и дал отбой.

— Кто? — прошептал Авсенев.

— Начальник милиции. Каждый день требует доклады, — зевая, сказал Лешка.

— Ничего не замечаешь? Не усилили надзор?

— Обыкновенно... Всегда так: «Не видно ли подозрительных людей около магазина? Не следят ли за тобой».

Авсенев озабоченно вздохнул. Алексей успокоил его.

— Жулья бояться.

— Пошли, — кивнул в сторону комнатухи Авсенев. Там Лешка рассказал о посещении Романовской. Как она обрадовалась вести, которую принес ей.

— Это хорошо, — потер ладонь о ладонь Авсенев. — Ну а дело когда?

— О деле она мне ничего не говорила. А какое дело?

— Дело? — помялся Авсенев. — Какое там... просьба небось какая-нибудь.

Авсенев что-то еще пробормотал, Лешка так и не понял его. Видно, не хотел или не мог говорить всего, что затевает там эта Романовская. Однако, будто спохватившись, добавил:

— Там тебе причитается за услуги, это она говорила. Можешь триста рублей взять себе. Есть еще деньги?

— Да, может, триста наберется.

— Это твои. — И, заметив растерянность на лице Алексея, подмигнул дружески: — Вроде презентует. У нее так: за услуги платит.

Кровь бросилась Лешке в голову. Он с ненавистью посмотрел на Авсенева: «Ах, как бы я тебе врезал в поганую твою рожу, сука! — Стиснув зубы, отвернулся. — Презентует!» Его состояние Авсенев по-своему понял. Он похлопал его по плечу.

— Она, видать, не жадная на деньги. В следующий раз отвалит побольше.

— И ты... И тебе презентует? Наверное, подороже? Авсенев поморщился.

— Не будем об этом говорить, Сокол. Не расстраивайся, — и, кивнув, с кислой улыбкой вышел.

— Идеальный, сволочь, — прошептал Алексей, провожая его взглядом. — Презентует. Ха! Ничего, пригодятся государству. Позвонить Боброву.

Но пока он мудрил над завтраком, Виктор Петрович позвонил сам.

А минут через двадцать Алексей уже сидел в его кабинете. Тут же были Панов и начальник особого отдела Сосновский.

— Ты, Алексей, первым делом, как только вернешься к себе, напиши заявление заведующему магазином Яковлеву. Причем постарайся при Авсеневе подать его, — начал «оперативку» Бобров.

— О чем заявление-то? — не понял Алексей.

— Об отпуске. На два дня. Сочини там про рабфак, что ли. Поступать, мол, решил.

— Правда? Открывают рабфак? — обрадовался Алексей.

— Правда. Только у тебя пока другой будет рабфак. Пойдешь на операцию с Пановым.

— Ну что ж... и это неплохо. — Он бросил взгляд на сияющего Панова. Тот подмигнул ему. — Небось «гости» приезжают?

— Гости, — кивнул Бобров. — Твоя задача неотрывно следить за Романовской. За каждым ее движением.

— Ясно, Виктор Петрович.

— Романовская может и не знать в лицо своих «гостей». Мы предполагаем, что их будет сопровождать хорошо знакомый ей человек, — сказал Сосновский. Бобров пристально посмотрел на Алексея.

— Понял свою задачу? — спросил он.

— Понял. Установить сопровождающего. Запомнить его внешность.

— Договорились, — хлопнул ладонью об стол Бобров. — Ну, а по службе тебя заменит милиционер.

— А если Яковлев вдруг, — начал было Алексей, но его перебил, поднимаясь со стула, Панов.

— Пошли. Яковлеву все уже известно, дорогой мой Сокол. Ты доволен?

— Спрашиваешь! — фыркнул Алексей. Уже в коридоре спросил про незваных гостей.

— Пиротехники. Подошло время делать бомбы. Вот

так, друг Алеша. Птички, видать, стреляные. Не из пугливых. Ухо нам держать надо остро. Но ты не тушуйся, нас будут подстраховывать до самой квартиры. А каждый шаг их станет контролироваться потом. Уже утверждены люди. Подписан приказ.

Алексей, запыхавшись, заскочил в контору магазина.

— Товарищ Яковлев, — выпалил он с порога. — Читали в газете?

Авсенов, сидевший за бухгалтерскими книгами, вдруг испуганно отшатнулся.

— Что? Что там? — пробормотал он. Но Алексей, будто не замечая его, шагнул к столу заведующего и развернул перед ним газету.

— Вот, вот... Слушайте. «Приглашение в рабфак». Открывается набор слушателей.

Яковлев пожевал губами, не дрогнув в лице, спокойно отвел рукой газету.

— Ну и что?

— Хочу оформляться. Дайте отпуск дня на два... А? Пока учебники. Документы... То да се...

Яковлев с минуту молча глядел, не мигая, на Алексея. «Ну откажет!» — мелькнуло в голове парня.

А тот спокойно вышел из-за стола, подошел к телефону, висевшему в простенке между окон, и вызвал начальника охраны. Рассказал о создавшемся положении.

— Не буду ж я еще и на ночь оставаться... Да, да. Хорошо!

И тут же Алексею:

— Пиши заявление.

* * *

Было морозно. Несмотря на ранний час, базар гудел разноголосицей. Скрипели на морозе сани подъезжавших из деревень. Таинственно ухали колокола церквей.

Идет парень. Из фабричных, похоже. Вышитая рубаха видна из-под мехового ворота. Беспечный вид. Светлый, лихо вздернутый чуб, сдвинут к затылку лаковый козырек картуза.

Всем праздник и ему тоже. Вот он подойдет к этому углу, у которого расселась с кулем жареных семечек расторопная бабенка из пригородных, и купит себе стакан, а то и два. Стакан-то ишь какой — маломерка.

— А ну, что за семья? — нагнулся Лешка над кулем.

— А что ж... Попробуй, хлопец, попробуй, — оживлен-

но заговорила баба. — Смотри, язык не проглоти... Вкуснячие. Правда?

— Чего там... Протухли, вот и поджариваете небось, — покуражился Лешка, но тут же покровительственно: — Ладно... Какие уж есть. — И оттопырил брючный карман. — Сыпь два.

— Ох уж и привередливая публика городская. Не приведи бог, — затараторила беззлобно тетка. — Свеженький подсолнух-то. В амбаре всю зиму. Когда ж ему протухнуть? Ой, хлопец. Ой, хлопец. Такой гарный, а говоришь пустяки!

Лешка смущенно хмыкнул и пошел своей дорогой. Он шел к трем тополям. Завтра предстояла операция, в которой он будет уже не свидетелем, а прямым участником.

Из донесения Панова

«...Гости доставлены на место. Деталь при встрече: Сокол обратил внимание на человека, который вышел с ними из вагона. Он прохаживался по перрону, совсем не обращая внимания на приезжих, но проявил интерес к Романовской. Сокол заметил, что и она не спускала с него глаз. «Уж очень напряженно было ее лицо», — уверяет Сокол. Я ждал от пассажира какой-то реакции. Он не мог не видеть ее настороженности. Закурил и, бросая спичку под ноги, кивнул на гостей и прошел мимо. Романовская бросилась к приезжим и разыграла сцену гостеприимной хозяйки. Была возбуждена и весела, будто получила «добро» от высшего своего начальства. Зрительный портрет загадочного пассажира Сокол довольно четко рисует так: плотный крепкий старик лет под шестьдесят. Плоский нос (утиный). Живой острый взгляд из-под лохматых густых бровей. Борода клином. Усы спадают вниз по-украински. Серое клетчатое пальто. Шляпа фетровая коричневая. Брюки темные навыпуск. Прошел с небольшим чемоданчиком в вокзал. Очевидно, будет ждать поезда на Харьков. Оставил Сокола, сказав Ром., что так надо. Пусть проследит — нет ли за нами «хвоста».

Акция по ликвидации притонов, воровских шаек прошла успешно. Был взят и Юдин. Романовская всполошилась. И было чего опасаться: на Шурку она делала большую ставку. Как вскоре выяснилось, он должен был бросить бомбу в областном комитете партии, убить первого секретаря Варейкиса.

«Устоит Юдин или расколется? — мучили сомнения. — Может быть, скрыться, пока не поздно?»

Успокоил Панов. Он так комически изобразил поведение Шурки, что Ганна почти успокоилась.

— Упряжкин у меня есть из знакомых. Милиционер, как раз того округа, где Шурка живет. Взяли его в ту шумную ночь. Кирпичи с баржи переправлял какому-то спекулянту. И ведь надо же — в ту самую ночь!

Так представил ей дело Панов.

Не ждала еще беды Романовская.

Двое пиротехников, работавших в подвальном помещении жестянщика Гущина, были под неусыпным контролем чекистов. Это были те самые «гости», которых встречали на вокзале Панов и Сокол. Каждый шаг самой Романовской контролировался. И вот наступил день, когда все должно было решиться. Работникам угрозыска удалось разоблачить посланца эсеровской банды, орудовавшего в лесах Тамбова, который шел на связь с анархистами Воронежа.

На оперативное совещание были приглашены участники опергруппы, которую возглавил Бобров.

— Докладывайте, Виктор Петрович, — качнул Алексей головой в сторону Боброва.

— После акции, проведенной в городе милицией, террористическая группа Романовской насторожилась вроде. Несколько дней ее «гости» не покидали квартиры, но потом, решив, что главной целью угрозыска действительно были воровские «малины», их ликвидация, успокоились, активизировались. По сообщениям надежных людей, работа в мастерской Гущина не прекращается теперь сутками, форсируют дело. Первым и главным объектом считаю мастерскую.

Бобров зачитал список оперативников, которые должны будут участвовать в захвате мастерской и ее обитателей. Арест Романовской взял на себя начальник особого отдела. Твой пирог, — кивнул ему Алексеев, соглашаясь.

— Можно бы подключить к ним и Сокола, — не совсем уверенно добавил Бобров, вскинув глаза на Алексеева.

— Соколу предстоит не менее серьезная операция по опознанию в Харькове того самого пассажира, о котором докладывал Панов, — сказал Алексеев. — Пусть готовится к ней.

Бобров в знак согласия кивнул головой и осмотрел внимательным взглядом свою боевую дружину, в которую входили смелые, испытанные чекисты.

Тревожная ночь опустилась над городом. Часа в два по-

сле полуночи морозную тишь раскололи несколько одиночных выстрелов в районе базара, потом вдруг раздался небольшой взрыв, и снова наступила тишина. А через час в кабинете Боброва вспыхнули огни. Двое мужчин плюхнулись на диван и, запрокинув головы, устало вытянув ноги, сидели некоторое время без движения, наслаждаясь тишиной и покоем.

— Как уж ты так его продырявил? — укоризненно качнул головой Бобров.

— По ногам, думал, врежу, а он присел в ту секунду. Ну и вот...

Панов резко качнулся вперед, вскочил на ноги.

— А вы? Вон у вас руки, слава богу, что вы-то своего кокнули? Могли бы и удержать...

Оба посмотрели друг на друга и расхохотались.

— Одним словом, растащили подарочек Романовской. Снова на бобах осталась, — притворно вздохнул Бобров и развел руками. — Пошли отмываться... — Он сбросил закопченный полушубок и стал засучивать рукава. — Как, слушай, глаза не опалило.

— Могло. Рвануло крепко. Как думаете, тот Винявский будет жить?

— Нам ему еще спасибо говорить надо. На себя принял пулю этого гада, террориста.

— Да, ведь он стрелял в эти бомбы, чтобы поднять все на воздух.

— А ты говоришь, зачем я его продырявил.

Неожиданно появился Алексеев. Он выслушал доклад Боброва. Строго отчитал обоих за риск.

— Как люди?

— Двое раненых. Легко. Отправили в госпиталь.

В этот миг часы гулко пробили четыре.

— Все. Отдыхайте.

Алексеев подal им свою сухую руку и приказал:

— Сейчас же по домам, товарищи!

...Ничего об этом Лешка не знал. Он в это время упивался тишиной и ласковым уютom чистенькой квартирки тети Капы. Горячий чай с молоком, мягкие шаньги, добродушное ворчание хозяйки и внимание Маши заставили его забыть обо всем на свете.

* * *

Утро выдалось теплое. «Буранчик, что ли, будет? — подумал Алексей, шагая по городу к месту своей работы.

Приду, доложу и к Наташе смотаюсь. Правда, звала ведь не раз. Диспуты... Это ведь, наверно, шибко интересно, диспуты-то».

Не знал Лешка, что еще со вчерашнего вечера судьба его круто повернулась по другой дорожке.

У своей каморки неожиданно столкнулся с Авсеновым.

— Ну вот... Слава богу, а я думал и тебя... того... схватили, — проговорил он, испуганно озираясь.

— А что случилось?

— Аресты! Неужели ничего не знаешь? — прошептал он у самого Лешкиного уха. Тот пожал плечами. Изобразил на лице страх.

— Аресты? Небось про порох узнали, а?

— И порох, и все прочее. Это гибель. Надо предпринимать что-то.

— А как сама?

— Не знаю. Горит земля. Я, между прочим, ничего про планы ее не знаю.

— А я что, знаю?

— Ну как-никак порох перекупал. Юдин небось все выложил.

— А вы? — сердито стрельнул глазами Лешка. — Вы, значит, чистенький?

— Ну, в какой-то мере... конечно. Но я категорически... Да, да! Она ведь знает, она мне черт знает что предлагала, но я — нет, хватит! Плохо дело, Сокол. Плохо. Ты ведь и под фамилией другой живешь.

— А что им известно?

— Да может, и ничего. А все же...

— А Панов?

— Пока ничего не слышно. Тот хорош гусь. Вовсю помогал Романовской.

— Между прочим, деньги на порох я от вас получал.

— Ну, знаешь, это ведь еще доказать надо, — проговорил Авсенов, и глаза его блеснули безумием, лицо помрачнело. «Этот может и с дороги убрать», — мелькнуло в голове Алексея. И вдруг — звонок.

— Кажется, телефон, — испуганно метнул глаза на Лешку бухгалтер.

— Проверка, как всегда, — спокойно сказал Лешка и вышел из каморки. За ним на цыпочках — Авсенов. Он остановился у двери, замер.

— Да! — крикнул намеренно бодро и громко в телефонную трубку Алексей. — Я. Как? Все в порядке, товарищ начальник. — Лешка весело подмигнул Авсенову и по-

весил на рычажок аппарата трубку. — Как обычно, — сказал он и пригласил Авсенева выпить чайку.

— Хорошо, — согласился тот. — Я вот принесу сахарку. Одну минутку.

— Да у меня есть! Не ходите!

«Как бы не улизнул, черт, — мелькнуло в голове. — А вдруг слышал, о чем говорил Бобров?»

— Не ходите! У меня и заварка есть... Любите ведь цейлонский! Я знаю! Я мигом!

— Ну хорошо. Поднимаю руки! Только уж давайте с заварочкой я сам поколдую!

— Пожалуйста! — приветливо засмеялся Лешка и засуетился. — За свежей водой сбегая! Я быстро! Разожгите пока печурку!

Лешка схватил чайник и выбежал с ним в ограду к колодцу. Так-так, — билось сердце. «Как там сказал Бобров? Ага. Придет сотрудник ББ* с документами. Провести его в контору к Авсеневу. Он его арестует... Помоги, в случае чего. Началось, Леша... Началось! Обрезаем щупальца...»

— Обрезаем щупальца, — прошептал Лешка. — Это хорошо. Теперь, видно, все ясно.

Авсенева он застал у «буржуйки». Весело трещали щепки. Лешка открыл холодные еще выюшки и поставил чайник.

— Ну вот. Это быстро. Но я успею сбегать за кренделями свежими Тут же рядом булочная, — проговорил Лешка, метнув вопросительный взгляд на Авсенева.

— Давайте... Мне все равно, — махнул пухлой белой рукой Авсенев. — Скребет что-то здесь. — Он ткнул себя в грудь. — Предчувствие какое-то скверное. Знаешь что, Алексей, — оживился вдруг он и стал шарить по карманам, — вот трешка, — протянул он деньги. — Возьми для меня четвертушку. Гадкое настроение.

— Ну хорошо, — мотнул головой Сокол. — А вы тут за чаем присмотрите. Вон заварка, — указал он на железную коробочку, стоявшую в шкафчике для посуды.

Лешку несло будто на крыльях. Дорогой он осторожно нащупал в заднем кармане брюк браунинг. «В случае чего... В случае чего... Понятно, товарищ Бобров. Понятно, — неслась в голове мысль. — Только он вареный сегодня. Предчувствие! Хм. Пожалуй, оно у тебя верное, Авсенев... А стоит ли эту самую четвертинку брать?» Лешка насторожился от этой мысли и решил, что не стоит...

* ББ — отдел борьбы с бандитизмом.

Он набрал кренделей, вздернул их на шпагат. «Скажу, что монополька закрыта. Поди, не успеет проверить?»

Вернувшись, он еще с порога крикнул:

— Не повезло вам... Закрыта монополька! — И вернул трешку.

— Ну и бог с ней, — вздохнул Авсенов. — Обойдемся чаем... Едва Лешка налил гостю густо-бордовой заварки, как увидел в окно незнакомого человека.

— Кто-то по двору ходит, — сказал он и торопливо вышел, не закрывая за собой дверь. — Вам кого? — спросил он громко, пятясь к каморке.

— Как пройти в конторку? — спросил неизвестный, высокий, чернявый парень с красивыми, веселыми глазами.

— Можно здесь... по лестнице, — указал Лешка. — А вам кого?

Они стояли в проеме двери.

— А вы кто? — в свою очередь спросил посетитель улыбаясь.

— Я ночной внутренний сторож...

— Очень приятно. Мне нужно видеть бухгалтера Авсенева.

В каморке раздался звон разбитой посуды. Лешка и гость резко обернулись. Авсенов стоял побледневший и широко раскрытыми глазами смотрел на пол, где валялись осколки разбитого стакана.

— Это Авсенов, — сказал Лешка и расстегнул задний карман.

Гость решительно перешагнул порог и незаметным движением руки выхватил из внутреннего кармана пиджака какую-то бумажку.

— Я из ГПУ. Ваше точное имя, отчество?

— Авсенов Сергей Петрович, — пролепетал тот белыми, как пергамент, губами. — Простите, но я не понимаю... Я...

— Вы арестованы, Авсенов. Оружие есть?

— Боже мой! Какое там оружие... Это недоразумение! — умоляюще посмотрел Авсенов на Алексея.

— Товарищ ночной сторож, общите его!

— Ясно! А ну, гражданин Авсенов, выворачивайте карманы...

Он быстро обыскал его.

— Следуйте вперед. Там разберемся! — сердито приказал ему сотрудник ГПУ.

В коридоре шепнул:

— Часа через два будьте у Боброва!

Алексей кивнул головой и тут же испуганно:

— За что ж вы его, а? Человек вроде смиренный.

— Знаем мы этих смиренных, — с угрозой проговорил тот и крикнул Авсенеvu: — Не семените, гражданин! Успеште. Пойдемте вместе. Вот так. Будто два товарища на прогулке, поняли?

— Ура! Ура! — вполголоса, закрывая рот ладошкой, прокричал Сокол и, сбежав с крыльца, схватил пригоршню снега, скатал его в руке и запустил в забор. — Значит, накрыли? — И тут же обескураженно подумал: «А ты? И все это без тебя?»

— Тыфу, черт, как это получилось? — с досадой прошептал он. — Маша... тетя Капа... А тут в это время.

Он подбежал к колодцу, сбросил с себя косоворотку и, наклонив деревянную бадью, обшитую обручами, с побелевшими разлохматившимися краями, стал плескаться студеной водой до пояса. От него повалил пар. Схватив двумя пальцами рубаху, он побежал, фыркая и отдуваясь, к себе.

На крылечке неожиданно столкнулся с Яковлевым. Заведующий магазином, как всегда подтянутый, с невозмутимым, будто навечно окаменевшим лицом, качнул своей маленькой рыбьей головкой:

— Вы с ума сошли, Сокол! Чахотку хотите схватить! Авсенева не видели?

— Счас... счас... товарищ Яковлев, — засмеялся Лешка и, заскочив к себе, выбежал с полотенцем, — Авсенев? — запаленно переспросил он. — Авсенева, товарищ Яковлев, тю-тю.

— Что значит «тю-тю»? — сердито проговорил Яковлев.

— А это значит, — все еще обтираясь полотенцем, спокойно проговорил Алексей, — что бухгалтер ваш сыграл в ящик. То есть не совсем... Но вроде того.

Он весело посмотрел на сбитого с толку заведующего и, подойдя к нему на цыпочках, не в силах скрыть радости, отдельно и торжественно произнес:

— Он арестован.

— Уже? — спокойно произнес Яковлев и, повернувшись, пошел на лестницу.

— Вот так, — произнес серьезно Лешка, посмотрел ему вслед и стал одеваться.

А новое испытание уже ждало его. Вот он сейчас оденется и пойдет к товарищу Боброву. Пойдет к товарищу Боброву и скажет напрямую:

— Хватит прятать меня по этим постылым каморкам. Хочу настоящего дела.

...Виктор Петрович Бобров был почему-то хмур и чем-то недоволен. Кивнув Лешке, он качнул головой к дивану: — Посиди, Алексей. Я вот тут одно срочное дело закончу.

Лешка прошел к дивану, который стоял у зашторенных окон, и сел на него.

— Ну как? — спросил Бобров, продолжая что-то там писать.

— Пришел вот. Вызывали?

— Аг-м... Да, да, Леша... Ты посиди.

Как хотелось видеть Лешке не строгое, хмурое лицо Боброва, а сияющее, радостное... Ведь обезвредили таких вражин!

И вдруг холодком — сомнение: «А что если ускользнула та... Самая главная?.. Вдруг... Вишь, как строчит! Может, провалились, и Бобров пишет оправдательную докладную? Не может быть!»

— Виктор Петрович! — осторожно позвал он. — Что, это самое... Всех взяли?

— Под корень.

— Уф! — выдохнул Лешка. — А я-то уже забоялся. Может, думаю, провал...

— Хм, — дернулась щека Боброва.

— Меня почему-то не взяли на операцию.

— Что? — оторвался от писанины Бобров и как-то издалека посмотрел на Лешку. — А... а... почему? — Только в этот миг дошел, видно, до него смысл сказанных Лешкой слов. — Не взяли, значит, была на то причина. — Он быстро поднялся, взял бумаги и, торопливо одернув на себе гимнастерку, пошел к двери. — Я сейчас... Отнесу вот в оперативную часть.

Лешка недовольно вздохнул.

Вернулся Бобров скоро. Он усадил его рядом с собой. Сцепив пальцы и положив руки на стол, посмотрел на него.

— Тут, брат, на тебя поступила жалоба, — произнес он, странно шурясь.

— Жалоба? — вскочил Алексей. — Какая?

— Садись, садись... Сейчас разберемся. — Бобров выдвинул ящичек стола, покопался в нем и вытащил оттуда пачку папирос. «Сухумские 500», — прочитал механически Лешка на квадратной коробке и с недоумением посмотрел на Боброва. Тот спокойно закурил затянулся раза два и продолжал: — Жалуется на тебя комсомольская ячейка. Диспуты не посещаешь. На собраниях не бываешь.

— Я бы всегда... Но ведь время-то у меня трудно выкроить. С вечера до утра дежуришь. Немного отдохнешь — тут по заданию надо действовать...

— Ладно. Знаю. Теперь ты у нас в штате. И, пожалуй, мы тут сами виноваты, что оторвался ты от общественной жизни. Встанешь на учет в нашей организации. Понял?

— Понял, Виктор Петрович! Понял! По вашему делу!

— Да... Не мешало бы тебе поучиться, Алексей. Парень ты ловкий, смекалистый, но в органах и многое другое надо знать.

— Я хоть сейчас.

— Знаю. К сожалению, придется нам с тобой еще потрудиться, Алексей, по другой линии.

— Ну что ж... я не против. — Алексей опустил глаза. — Только бы не сторожем.

— Это мы тебе устроим. Обещаю. А в магазин больше не вернешься, — твердо сказал Бобров. — Пошли к начальству.

...Николай Николаевич вышел из-за стола и вдруг, обращаясь к Алексею, спросил:

— Скажите, Сокол, а вы рыбачить умеете?

— Рыбачить? — удивился Алексей. — Да кто же из деревенских мальчишек не умеет? Пропадал на речке... раньше-то. Но сейчас какая рыбалка? На Дону — лед. На озерах не растаяло...

— Э-э, ты из лунок попытай... Это — спорт! Я в Вятке, помню, пристрастился. Ссылали туда. Наловчился таскать окуньков. Так вот, у меня мысль, — он посмотрел, добродушно щуря глаза, на Боброва, — порыбачить, товарищи. А?

— Время-то у нас... — начал было Сосновский, но тот отмахнулся от него.

— Не спим, не едим... Это хотел сказать?

— Так оно действительно получается, — подал голос Бобров.

— Вот и прекрасно. Вот и прекрасно, — подхватил Алексеев. — Приказываю всем троим. — Он вытащил из верхнего кармана френча часы и задержал на мгновение на них свой взгляд. — Так, так, через 40 минут... — Он поднял глаза. — Через сорок минут переодетые ко мне. Ясно, товарищи?

— Ясно. Только я и удить-то не умею, Николай Николаевич, — сознался Сосновский. — Вырос на камнях, считай...

— Не велико искусство. Научишься, — махнул рукой Алексеев. — К нам приглядывайся с Соколом почаще, и дело пойдет...

— А я ведь тоже ни в жизнь из лунки не рыбачил; — сознался Алексей.

— С тобой проще. Ты парень шустрый. Освоишь эту немудрую технику, — бодро пообещал Алексеев.

Тут выяснилось, что никто не имеет удочек. А Виктор Петрович был не в духе. По всему было видно, что ему не очень-то по душе эта затея. Он молчал, хмурился, старался не смотреть на товарищей. Алексеев с хитрецей поглядывал на него, улыбался.

— Удочки за мной и шофером. Так что ваше дело, товарищи, приодеться потеплее.

...На рыбалке Алексей и получил это ответственное задание.

Глава 8

...Поезд в Харьков отходил в семнадцать ноль-ноль. Молодой парень в демисезонном коричневом пальто, в теплой фетровой шляпе и в мягких желтых «джинсах» на низком каблуке вышел на проспект Революции (раньше это была Большая Дворянская) и, увидев свободного извозчика на сером в яблоках коне, помахал ему баульчиком. Тот критическим взглядом окинул его и натянул вожжи.

Молодой человек поднял воротник пальто и решительно вскочил в мягкую пролетку.

— На вокзал. И поторапливайтесь — к харьковскому.

Справный конь с места рванул крупной рысью.

— Эй-эй! — зорко поглядывая вперед, рыкнул басисто бородач на озиравшихся прохожих, торопливо перебегающих улицу. — Мотри у меня. Оглоблю проглотишь! — грозил он, сдерживая горячего коня. У вокзала с шиком развернулся.

Алексей расплатился и заторопился к кассе. Не заметил небольшую компанию рабочих парней, стоявших поодаль и наблюдавших за ним. Когда Сокол проходил мимо, один из них отделился, шагнул навстречу.

— Леха, ты? — воскликнул он.

Сокол обеспокоенно взгляделся в парня и узнал Саньку Орлова. Того самого Саньку, с которым вели когда-то первое молодежное собрание в депо.

Как он вырос, подобрался! Всея комсомолней в депо заворачивает.

Обрадовался встрече Алексей, готов был броситься к парню, но сдержался:

— Саня... ты?

— Ну я! А ты вроде и не Леха, а? — настороженно спросил тот. — Уж не зять ли купчика какого?

— Да что ты, — виновато усмехнулся Алексей, готовый сорвать с себя проклятую шляпу и растоптать ее тут же. — В командировку вот направили... Служу тут в одном учреждении.

— Ладно. Не морочь голову, — презрительно сплюнул Санька и повернулся к товарищам.

— Ну что, Саня? Встретил друга? — раздался из толпы язвительный хохоток.

— Встретил, хлопцы... Когда-то был наш брат, рабочий... А теперь не иначе зятек какого-нибудь нэпмана... Видали, как расфуфырился!

— При шляпе!

— И при часах небось...

— Сука... продажная...

Алексей втянул голову в плечи и торопливо прошел в вокзал. Щеки его от обиды щипало. Он разыскал дежурного по вокзалу и показал ему командировочное удостоверение от заготконторы потребсоюза. Тот указал небольшую отдельную очередь командировочных. Тут же встретил Сорокина. Сделали вид, что незнакомы.

...Даже в вагоне, уютном, плацкартном, долго еще Алексей не мог прийти в себя от нанесенной ребятами обиды.

Он разыскал свое место — оно оказалось у окна, — подсел к столику и, повесив несносную шляпу на крючок, устался в окошко. «Если б знали парни... — тянулась мучительная мысль. — «Зятек нэпмана». Ничего себе гусь!» — грустно усмехнулся он.

Откуда-то издали наплыло озабоченно-сосредоточенное лицо Боброва. Стальной с окалиной шов на щеке.

— Не скрываю от тебя — риск огромен, — прорезались в памяти его слова. — Ведь мы не знаем никаких условных паролей. По портрету, который ты дал, этот пассажир не кто иной, как Дямин, а вернее — сподвижник Романовской Розанов. Это коварный и сильный враг. Нужно убедиться в связи анархистов со школой немецких летчиков, а точнее — с комендантом, который выдает себя за инженеромостростроителя. Есть все основания предполагать, что запалы и взрыватели идут от этого коменданта через Розанова. Надо разыграть возмущение от действий этих взры-

вателей. Не срабатывают якобы они. Ты, Алексей, один из террористов, который сумел бросить бомбу в секретаря губкома, и она не взорвалась...

— Поверит ли? — усомнился Алексей.

— Если это Розанов, он не должен не взволноваться. Люди ведь собой рискуют. Тебе удалось скрыться, а что может быть с другими?

Да, задание не из легких у Сокола. Правда, его будут подстраховывать Сорокин, харьковские чекисты. Но ведь может и такое: зайдешь к этому Дямину-Розанову и не выйдешь от него.

Алексей вздохнул. Раскрыл баульчик, достал из него бутерброд с колбасой и с удовольствием принялся за еду.

И все же несколько беспокоила встреча с этим таинственным пассажиром. А что если у него с теми террористами, которые обезврежены в Воронеже, был условный сигнал после провала? Как же в таком случае сложится его встреча? Он в уме разыграл эту сцену.

— Черт его знает, что там будет! — прошептал Лешка. — Ты, как ягненок беспомощный перед ним предстанешь.

Ну, брат Алеха, думай, думай...

Странную черточку стал замечать в своем характере Алексей: чем страшнее было дело и сложнее ситуация, тем больший азарт, он ощущал, тем острее работала мысль, и весь он как бы оцетинивался против опасности.

«Ладно, — сказал он сам себе, дожевывая бутерброд. — Там видно будет. Пойду напролом, если увижу, что он тот самый».

Итак, тупик, водогрейка... Что ж, может, и сразимся, а? Он вытащил из баульчика браунинг и переложил его в задний карман брюк. Нащупал под левой мышкой наган.

Вагон остановился против водогрейки. К ней шумной толпой, гремя котелками и чайниками, устремились пассажиры. Краешком глаза Алексей заметил Сорокина. В сером дорожном дождевике, натянутом на теплую вязаную кофту, в какой-то немыслимой шапчонке, он поспешил за этой толпой, размахивая большой эмалированной кружкой. «Он будет рядом, под рукой», — отметилась где-то в мозгу Алексея.

В большом, почти во всю стену окне водогрейки перед глазами его мелькнул силуэт мужчины. Он подошел к кранам и открыл вентиль. Алексей прошел медленно вперед. Затем вернулся. Встретился глазами с Сорокиным. Тот ед-

ва заметно кивнул ему и показал взглядом за небольшой скверик. Алексей увидел несколько человек, прохаживающихся рядом с водогрейкой. Понял: негласное оцепление. Значит, надо действовать.

Дул свежий ветер. Алексей поднял воротник, зябко передернул плечами и, делая вид, что потерял что-то, стал рыться в карманах. Вот он распахнул пальто и незаметно переложил в него оружие.

...У водогрейки еще толпились любители кипяточка, когда он без стука вошел в сенцы, быстро оглядел их и, рванув дверь на себя, вошел в тесную комнатку, откуда вела вторая филленчатая, в водогрейку. В ту же минуту раздался глухой металлический стук, и на пороге появился хозяин. Среднего роста, плотный, обросший рыжеватой щетиной. Он испуганно отшатнулся, но тут же справился с собой.

— Вам... кого? — проговорил глухим недовольным голосом.

Алексей узнал его. Да, это был тот самый дядька... Алексей оглядел комнатку и, не обращая внимания на хозяина, швырнул свой баульчик на койку.

— Вас, господин хороший... Я пришел продырявить вашу башку... Да, да, да! — закричал Алексей и выхватил браунинг.

— Ради бога... В чем дело? Вы пьян или безумный? Я позову людей!

А в окно стучали пассажиры.

— Кипятку!

— Давай кипяточку!

В одном из пассажиров Алексей признал Сорокина. Он тоже стучал ладонью по оконному переплету и кричал:

— Безобразие! Жаловаться будем!

Алексей махнул рукой.

— Залей ты им глотки!.. — И тише, расслабившись: — Привет вам от Ганны...

Хозяин подозрительно сощурился. На скулах его широкого лица забугрились желваки. Он, казалось, готов был броситься на Алексея.

— Ну какого черта! — закричал Алексей. — Нам есть о чем поговорить. Я не тороплюсь.

Хозяин молча скрылся. «Он, он, он!» — пело сердце Алексея. Остальное его не страшило. Ребята рядом. Теперь клонет ли на второе. Ты смелый, Алексей, Алеха. Теперь от твоего нахальства многое будет зависеть в общей операции.

Раздались два удара привокзального колокола. Народ отхлынул к вагонам. Алексей присел к столу на табурет и мрачно смотрел на стену. В правой ладони он держал браунинг. Не дать опомниться. Не дать окончательно собратъся хозяину. Идти напролом, в наступление.

Стукнула легкая дверца. Алексей поднял глаза. В двух шагах от него, широко раздувая ноздри, стоял разъяренный человек.

— Ну-с... Что это за провокация? — с угрозой проговорил он. — Кто вы? Откуда? О какой Ганне речь?

Алексей прибростил в руке браунинг.

— Садись, хозяин. Плевать я хотел на твою храбрость. — И вдруг вскочил: — Это ты, собака, под пули нас подставляешь, а? Кто тебе это право дал, а? Я спрашиваю тебя?

— Тише, тише... В чем дело, говорите толком! — покопился на дверь хозяин.

— Какие запалы к взрывателям подсунул, а?

— Да вы что, Христос с вами? Я и запалов-то не видел в жизни!..

— Ага! Ты ничего не знаешь? А я, бросая бомбу в самого секретаря губкома, знаю, что она, как конячий котях, шлепнется и не разорвется? А кто те запалы нам доставил? Разве не твои парни?

Лицо хозяина стало пергаментным. Задергалась левая щека, на которой была заметна темная под щетиной полоса:

— Бросьте нести ахинею! И убирайтесь отсюда. Вы или нахал, или... или...

— Не врите! — одернул его Алексей. — Вы что, не видели меня на перроне в Воронеже, когда приехали туда с пиротехниками, а я стоял рядом с Ганной Александровной? Потом вы со своим этим чертовым немцем переправили бракованные взрыватели...

Хозяин схватил со стены полотенце и стал обтирать им вспотевшее лицо. Потом в изнеможении опустился на стул.

— Ради бога! Ради бога, что случилось? Что с нею? Почему полная расконспирация? И тише, тише!

Алексей встал.

— Давно бы так. К черту вашу рабскую конспирацию! Надо действовать, а вы... конспирация. Мы решили...

— Кто — мы?

— Боевое ядро организации.

— И что же вы решили?

— Чтоб вы немедленно исправили свою оплошность.

Иначе, это я вас заверяю, мы расхлопаем и шефа и вас...

— Ну хватит угроз! — рявкнул вдруг хозяин. Он услышал неосторожные шаги за дверью. — С меня довольно бреда какого-то шизофреника. Убирайтесь вон! — Он вскочил и топнул ногой. — Во-он!

Алексей схватил баул и, держа наготове оружие, шагнул к двери...

— Ну хорошо, — проговорил он с угрозой. — Вы хотите встретиться со своими подручными, которых подводите под виселицу? Пожалуйста! — Он пнул ногой дверь, та широко раскрылась, хлопнув о стену. В комнату с наганам в руках быстро вошли трое в штатском.

— Он, — коротко бросил Алексей и вышел. Это были сотрудники Харьковского ГПУ.

Перед выходом на перрон встретил Сорокина. Тот пожал ему руку, поздравил со смелой операцией.

— За вокзалом тебя встретит Галя, — сказал он. — С этой минуты попадешь в ее распоряжение. Часов в одиннадцать встретимся.

— Ясно, — кивнул головой Алексей. — А Галя — это...

— Наш товарищ.

На небольшой площади за вокзалом тускло горели фонари. Подъезжали и отъезжали, грохоча по булыжнику кованными колесами пролеток, легковые извозчики.

Алексей огляделся. Не заметил, как подошла к нему девушка в берете и легком пальто.

— Здравствуйте, — сказала она и подала ему руку. — Галя. С приездом вас. Товарищ Сокол, да?

— Так точно. А вы Галя?

— Верно. — И торопливо, вполголоса: — Берите меня под руку и пошли. Вон у того сквера нас ждут, — и, улыбаясь, добавила: — Уполномоченный заготконторы потребительской кооперации...

— Показать командировочное удостоверение?

— В гостинице. Когда будут прописывать.

— Так мы в гостиницу?

Галя молча кивнула ему.

— Наш извозчик стоит первым.

...Харьков Алексею показался хмурым и неудобным. Откуда-то несло гарью и дымом. Улица, по которой они ехали, была мощенной булыжником, и их здорово трясло.

— Приехали. Вот и гостиница. — Она кивнула влево на приземистое здание из серого камня с широким подъездом. Он был хорошо освещен. Яркими огнями сверкала вывеска.

— Гостиница «Деловой двор», — прочитал вслух Алексей. — Так мы сюда?

— Да. Так приказано. Тут вам подготовили отдельный номер.

Галя отпустила извозчика.

— Вас встретит Иван Иванович, — сказала Галя. — Пойдемте. Я провожу.

— Но я... я хочу в отдел, — воспротивился Алексей.

— Нельзя, — твердо сказала Галя. — Мне приказано передать вам, чтобы вы никуда не выходили.

Алексей недовольно пробурчал что-то, но подчинился. «Что это они вздумали так охранять меня? — подумал он. — Может, так надо? Сорокин расскажет».

Они прошли в просторный вестибюль. Несколько обитателей гостиницы в полосатых пижамах сидели в креслах и вели меж собой неторопливые беседы. «То ли весь Кавказ переселился сюда?» — отметил про себя Лешка, заметив, что большинство из них черны, горбоносы и говорили между собой на каком-то гортанном языке.

Но вот с дальнего кресла поднялся приземистый широкоплечий дядька с квадратными смоляными бровями и плотными усиками. Он радушно развел руками и пошел им навстречу.

— Наконец-то! — хриловатым баском произнес он, бросив быстрый, пытливый взгляд на Галю.

— Добрались. Поезд-то, Иван Иванович, на целых полчаса опоздал!

— Фу ты, оказия какая! Ну ничего. — Он пожал руку Алексею. — Все готово, Петр Степанович! — Он говорил громко и искренне. — И номер добыли... Не волнуйтесь! Ну зачем тут благодарности! Свои люди, как говорят, сочтемся! — он рассмеялся.

Алексей растерянно топтался на месте. Его смущали пристальные взгляды пассажиров. — «Принимают меня за начальство», — мелькнула мысль. А начальством он никогда не был, не знал, как вести себя. Он кивнул в сторону администратора.

— Паспорт? Удостоверение?

— Давайте командировку. Я сейчас мигом все улажу.

...Номер был роскошным. Мягкий диван, кресло, пружинная кровать, во всю стену — овальное зеркало, шкаф и даже телефон на тумбочке.

— Вот это да! — ахнул Алексей, поглядывая, куда бы ему поставить не первой свежести дорожный баульчик.

Иван Иванович хохотнул, по-хозяйски уселся в кресло и задымил.

— Располагайся как дома, чего стоишь! — воскликнул он и, заметив в двери Галю, поманил ее пальцем. Та вошла.

— Спасибо, Галя, — сказал он. — Ты свое дело сделала.

— Можно домой?

— Да. Конечно.

— До встречи! — улыбнулась она Алексею и подала ему руку. Ладонь ее была горячей, жесткой.

— До свидания, Галя!

Иван Иванович весело рассмеялся и хлопнул его по плечу:

— Начнем с ресторана.

...Они выбрали столик под огромным широколистным фикусом. Зал был большой. Впереди сверкали разноцветными огнями целые гирлянды электролампочек, возвышались подмости. Там, прилизанные, в черных сюртуках, готовились к выступлению оркестранты. Столики наполовину пустовали.

Иван Иванович взял меню, быстро пробежал глазами. Спросил, есть ли любимое кушанье у Лешки.

— А мне все равно... Посытнее да побольше.

— Курица пойдет?

— Дорога небось, черт?

— Сходно.

— Давай. Порции-то хоть нормальные?

— Нормальные для нормального человека, — усмехнулся Иван Иванович, — а вон для таких, — он указал глазами на ближайшего от них посетителя с жирной в гармошку шеей, — этому индейки с потрохами мало будет.

— Чаю бы можно с ситным, — вставил Алексей.

— А пиво?

— Не хочу.

— Идет. Ты чай с булочкой, я пару кружек пива, — утвердил меню Иван Иванович и позвал пальцем официанта.

Выуживая ложечкой квадратные соленые сухарики с блюда, Иван Иванович с нескрываемым удовольствием похрустывал ими, запивая пенным пивом.

— Ну как, отлегло? — подмигивает он Алексею.

— Отлегло.

— Признал он тебя, этот волк?

— Не признал. Провокатором обозвал. Шизофреником.

Иван Иванович язвительно усмехнулся.

— А что ему оставалось? Да, — вдруг спохватился он. — Ты не с Сорокиным приехал?

— С ним.

— Понятно. У нас ведь он много лет работал. Потом к вам перебросили. Чекист большой руки и сметки. Везет тебе, молодому. У него будет чему поучиться.

— В одиннадцать обещал зайти.

— Если успеет, — сказал Иван Иванович и мельком взглянул на массивные в буковой коробке настенные часы. — Без десяти десять. Я тоже хочу этой встречи. Номер его рядом с твоим.

— Можно бы и в одном, — заметил Алексей.

— Не положено, — улыбнулся Иван Иванович, допивая вторую кружку пива.

Курица была жирная и необычайно вкусная. Правда, этот соус, кажется, портил немного вкус и вообще раздражал Лешку. Пальцы вывозил в нем, губы и даже подбородок. И за каким чертом придумали какие-то соусы... Хорошо, что салфеток целая фабричная труба торчала из вазочки. «А, впрочем, еда настоящая буржуйская, — подумалось Лешке и тут же шутливо отметилось: — хоть и буржуйская, а пролетарию привыкнуть к ней можно. Это совсем нетрудно, оказывается».

Не успел он со своим партнером рассчитаться за ужин, как в зал с группой незнакомых Лешке товарищей неожиданно вошел Сорокин. На нем красивый, плотно сидящий на плечах серый коверкотовый костюм, белоснежная сорочка и галстук-бабочка.

«Оперативно, — отметил про себя Алексей, обратив внимание на его экипировку. — Когда и где успел?» Однако другое смутило и насторожило Алексея: лицо Сорокина. Оно было бледным и суровым, хотя чувствовалось, что он прилагает немалые усилия, чтобы казаться беспечным и веселым.

Заметив еще издали Алексея и Ивана Ивановича, он поднял руку, что-то сказал сопровождающим его товарищам и быстро прошел к их столу.

Садясь на свободный стул, он кивнул Ивану Ивановичу, бросил взгляд на Алексея, спросил, указывая глазами на пустые тарелки:

— Уже, похоже, расправились с ужином?

— Как видишь... Ну, а у вас? Можно с победой поздравить? — спросил Иван Иванович.

Лицо Сорокина стало мрачным.

— Перехитрил, гад. Ушел, — зло произнес он.

Алексея бросило на спинку стула. Обдало с головы до ног терпким жаром.

— Как ушел? — не веря еще, прошептал он.

— Отравился. И прямо на глазах. Во время обыска открывал для проверки ящики стола. Схватил обыкновенный с виду пиленный кусочек сахара, покрутил в пальцах и бросил в рот. Хрустнул зубами и тут же повалился на пол.

— Цианистый калий, — заключил Иван Иванович. И поинтересовался, что дал обыск.

— Есть много интересного. И главное, пожалуй, блокнотик. Такой миниатюрный, замызганный на вид, а все записи, даже сокращенные, зашифрованы. А вот фамилия немецкого коменданта четко прочитывается.

— Что же теперь? — упавшим голосом проговорил Алексей.

— А ничего, Леша. Поедем домой. Миссию мы свою выполнили. Правда, концовку бы лучше иметь другую. Но разве сам факт самоубийства не говорит о многом? Приедем домой, напишешь рапорт о том, как этот Дямин-Тямин реагировал на все твои действия. Да, под обоями найден старый паспорт на имя Розанова. В нем списочек десятка на полтора фамилий.

— Это уже кое-что, — сказал, повеселев, Иван Иванович. — Заказать пива?

— Нет, лучше стопочку коньяка. Чертовски устал, — отозвался Сорокин и взял из его рук меню.

* * *

Было прохладно. Пасмурно. Но Алексею день казался солнечным, ясным.

Он летел к трем тополям как на крыльях. Дорогой заскочил в лавчонку, купил калачей, кулек сахару, коробку монпансье — для Маши.

В переулке припекало и было грязно. Алексей вымазал свои штiblеты и брюки. У калитки нарвал старых стеблей лебеды и стал чиститься, нетерпеливо поглядывая на приветливые чистые окна домика с голубыми ставенками. «Неужели никого нет? — мелькнуло опасение. — Маша бы давно выскочила...»

Но вот брякнул запор от наружной двери, и на крыльечке действительно показалась Маша. Она была чем-то

очень расстроена и, не стесняясь слез, тут же заплакала, уткнувшись лицом в цветастый фартучек.

— Ты что? — оробел Алексей, проходя во двор.

— Беда у нас, Леша... Беда!

Алексей почувствовал неприятный холодок в груди.

— Тетя... Капа? — выдавил он с трудом, не зная, что и подумать.

— Не-е, — качнула головой Маша.

— Что же? Да говори ты! Чего реветь!

— Гранька...

— Гранька? — воскликнул Алексей и бросился к ней. — Что стряслось?

— Раненый... тяжело раненный... во второй больнице лежит...

— Да кто же его? Когда?

— Вчера привезли... Я побегла — не впускают... Операцию будут делать. — Она снова заплакала.

Сотни мыслей пронеслись в голове Алексея.

— Как же ты узнала? Тетя Капа?

— Не... Дядька тут один... привез его. Сам спас. В лесу ведь он был снова, а не в Москве.

«Вот оно что! На задании. Видно, очень секретное, если даже от меня пришлось скрыть».

— Куда хоть ранен?

— Рука будто как плеть у него... и в бок полоснули ножом.

Алексей, как мог, стал успокаивать девушку. А сам решил немедленно вернуться к Боброву и узнать всю правду. «Неужели не скажет?»

— Подожди хоть тетю Капу, — вытирая слезы, успокоилась Маша. — Чаю согрею.

— Я ведь так и думал, — улыбнулся Алексей, передавая ей подарки. — Думал, гульнем...

— Что-то тетя Капа принесет нам. Какие известия, — вздохнула Маша, заходя в домик. — Она ведь там...

— Ты ставь самовар, а я...

— Нет, нет, дождись, — запротестовала она. — Тогда и решим, как и что.

Нечего было делать Алексею — согласился. «Пожалуй, действительно не пустят к нему, если еще эту самую операцию готовят».

— А он в той больнице, где я лежал?

— Не-е, Леша... Тут-то бы проще... Тут тетя Капа хозяйничает. Во второй Советской он...

— Это где же?

— Далеко... на Достоевском, кажется. И что это за такое, Леша, а? — щепая сухое полено на лучинки, пожаловалась Маша.

— А что?

— Да вот как же: поехал, а куда? Зачем? Сказать нельзя...

— Бывает, Маша... Работа такая, — уклонился от ответа Алексей. Ему не терпелось узнать подробности Гранькиной «операции».

Но приходилось терпеливо ждать. Пришедшая вскоре тетя Капа почти ничего нового не сообщила, хотя и внесла некоторое успокоение, рассказав, как ей удалось после операции переговорить со знакомой хирургической сестрой.

— Говорит, что все будет хорошо. Будем надеяться...

Глава 9

Полномочный представительства Харьковского ГПУ в шифровке для Воронежа охарактеризовал действия Сокола в высшей степени решительными и смелыми. «Алексей Сокол, — писал он, — нашел единственный, пожалуй, ключ к разоблачению матерого анархиста из террористической контрреволюционной организации. Выдав себя за оскорбленного безответственностью в таком деле «снабженцев и шефов», поставляющих бездействующие взрыватели, Сокол вынудил Розанова (он же Дямин, он же Тямин) невольно поверить ему. Может быть, только на какой-то миг раскрыться перед ним, но этого мгновения оказалось достаточно Соколу, чтобы понять преступника. Тонкую, опасную психологическую разведку провел молодой чекист Алексей Сокол. Мы считаем, что он достоин поощрения. Со своей стороны от лица службы прошу передать ему нашу благодарность».

Дальше он сообщал о том, что по списку, найденному у Розанова при обыске, произведено уже несколько арестов. Но многие разыскиваются, в частности, бывший штаб-ротмистр Болгов, поручик царской армии Иванцов, петлюровец Онищенко, шкуровец Свирчевский.

Изучив рапорты Сорокина и Сокола, а также шифровку из Харькова, Алексеев вызвал к себе Боброва.

— Каков, а? Так развил операцию... Я очень рад за него. У него, по-моему, большое будущее. — Алексеев придвинул ему рапорт Сокола.

— Если не нарвется на такого же решительного и смелого врага, — сказал Бобров, быстро читая рапорт.

— И это говоришь ты? — усмехнулся Алексеев. — Так я тебе и поверил.

— Инструктировал-то не я.

— Но разве я мог все предвидеть?

— Естественно, — согласно кивнул головой Бобров. — Да, он смел, решителен. Знаете что: отдайте его в мой отдел, а?

— Угробишь.

— Ну да! Буду воспитывать.

— Знаю я тебя, воспитателя. На первую же операцию за собой потащишь.

— На чем же учить-то?

— Хорошо. О дальнейшей его судьбе позднее, Виктор Петрович. Пишу приказ. Объявляю ему благодарность за блестящее выполнение задания. Премиирую его недельным отпуском. Пойдет?

— Еще бы.

— Решили. Приказ зачитать ему лично при всех своих сотрудниках.

— Ясно.

— А теперь о самом важном... — Алексеев вытащил из стола пачку «Сафо». Закурил. — Докладывай, Виктор Петрович. Как идет локализация кулацких банд?

— Этот маневр удастся. Они и сами не думают объединяться. Им так удобнее — жалить со всех сторон Советскую власть. За минувшие три дня убито восемнадцать советских активистов и четыре милиционера. Замечено появление новых формирований.

— Кто такие? — быстро спросил Алексеев и придвинул к себе блокнот.

— Болгов.

— Не о нем ли упоминают харьковчане?

— Ничего удивительного. Казачий офицер.

— Еще?

— Уразов появился. Пока не знаем, кто такой. Выясняем.

— Итого?

— Восемь банд. И помельче есть. Просто бандиты, просто конокрады. Просто выстрелы из-за угла по коммунистам даже сельского масштаба, не говоря об уполномоченных райкомов, которые ходят по раскаленным углям.

— Между тем, как говорят факты, сами и разжигают некоторые из них эти самые угли, — вставил Алексеев.

— Нельзя такими методами работать с крестьянами, — недовольно заключил Бобров. — Разве это агитация за

— Далеко... на Достоевском, кажется. И что это за такое, Леша, а? — щепая сухое полено на лучинки, пожаловалась Маша.

— А что?

— Да вот как же: поехал, а куда? Зачем? Сказать нельзя...

— Бывает, Маша... Работа такая, — уклонился от ответа Алексей. Ему не терпелось узнать подробности Гранькиной «операции».

Но приходилось терпеливо ждать. Пришедшая вскоре тетя Капа почти ничего нового не сообщила, хотя и внесла некоторое успокоение, рассказав, как ей удалось после операции переговорить со знакомой хирургической сестрой.

— Говорит, что все будет хорошо. Будем надеяться...

Глава 9

Полномочный представительства Харьковского ГПУ в шифровке для Воронежа охарактеризовал действия Сокола в высшей степени решительными и смелыми. «Алексей Сокол, — писал он, — нашел единственный, пожалуй, ключ к разоблачению матерого анархиста из террористической контрреволюционной организации. Выдав себя за оскорбленного безответственностью в таком деле «снабженцев и шефов», поставляющих бездействующие взрыватели, Сокол вынудил Розанова (он же Дямин, он же Тямин) невольно поверить ему. Может быть, только на какой-то миг раскрыться перед ним, но этого мгновения оказалось достаточно Соколу, чтобы понять преступника. Тонкую, опасную психологическую разведку провел молодой чекист Алексей Сокол. Мы считаем, что он достоин поощрения. Со своей стороны от лица службы прошу передать ему нашу благодарность».

Дальше он сообщал о том, что по списку, найденному у Розанова при обыске, произведено уже несколько арестов. Но многие разыскиваются, в частности, бывший штаб-ротмистр Болгов, поручик царской армии Иванцов, петлюровец Онищенко, шкуровец Свирчевский.

Изучив рапорты Сорокина и Сокола, а также шифровку из Харькова, Алексеев вызвал к себе Боброва.

— Каков, а? Так развил операцию... Я очень рад за него. У него, по-моему, большое будущее. — Алексеев придвинул ему рапорт Сокола.

— Если не нарвется на такого же решительного и смелого врага, — сказал Бобров, быстро читая рапорт.

— И это говоришь ты? — усмехнулся Алексеев. — Так я тебе и поверил.

— Инструктировал-то не я.

— Но разве я мог все предвидеть?

— Естественно, — согласно кивнул головой Бобров. — Да, он смел, решителен. Знаете что: отдайте его в мой отдел, а?

— Угровишь.

— Ну да! Буду воспитывать.

— Знаю я тебя, воспитателя. На первую же операцию за собой потащишь.

— На чем же учить-то?

— Хорошо. О дальнейшей его судьбе позднее, Виктор Петрович. Пишу приказ. Объявляю ему благодарность за блестящее выполнение задания. Примирую его недельным отпуском. Пойдет?

— Еще бы.

— Решили. Приказ зачитать ему лично при всех своих сотрудниках.

— Ясно.

— А теперь о самом важном... — Алексеев вытащил из стола пачку «Сафо». Закурил. — Докладывай, Виктор Петрович. Как идет локализация кулацких банд?

— Этот маневр удастся. Они и сами не думают объединяться. Им так удобнее — жалить со всех сторон Советскую власть. За минувшие три дня убито восемнадцать советских активистов и четыре милиционера. Замечено появление новых формирований.

— Кто такие? — быстро спросил Алексеев и придвинул к себе блокнот.

— Болгов.

— Не о нем ли упоминают харьковчане?

— Ничего удивительного. Казачий офицер.

— Еще?

— Уразов появился. Пока не знаем, кто такой. Выясняем.

— Итого?

— Восемь банд. И помельче есть. Просто бандиты, просто конокрады. Просто выстрелы из-за угла по коммунистам даже сельского масштаба, не говоря об уполномоченных райкомов, которые ходят по раскаленным углям.

— Между тем, как говорят факты, сами и разжигают некоторые из них эти самые угли, — вставил Алексеев.

— Нельзя такими методами работать с крестьянами, — недовольно заключил Бобров. — Разве это агитация за

коллективное хозяйство, когда берут крестьянина за шкуру со всеми потрохами и волокут на общий двор? Это агитация против Советской власти. Вы б, Николай Николаевич, ставили там в губпарткоме поострее как-то вопрос обо всем этом.

— Что ж, по-твоему члены бюро в молчанку играют? — свел недовольно брови Алексеев.

— Я б кое-кого за лихой патриотизм из местного начальства привлек к ответственности, — буркнул сердито Бобров.

— Ах, Виктор Петрович, — покачал головой Алексеев. — Ты думаешь этими мерами повысится их политическое сознание? Низок уровень общей образованности, а политическое направление чутьем ими угадывается. И в общем-то это неплохо. Народ преданный, но... перегибы налицо. В губпарткоме встревожены обстановкой. Объявлена партийная мобилизация. В районах действуют против банд вместе с милицейскими формированиями добровольцы из крестьян. Надо активизировать работу и нам. У тебя, Виктор Петрович, будут предложения?

— Будут, Николай Николаевич. Проклевывается план операции.

— Хорошо. Продумайте все в деталях...

Бобров у себя в отделе как раз уже не первый день ломал голову над этими самыми деталями, от которых часто выигрывала или проваливалась задуманная операция.

В эти дни и бессонные ночи он думал о заброске своего человека в банду Болгова. Варианты складывались один за другим, но ни один из них не удовлетворял его. Было известно, что Болгов лично отбирал головорезов. Тут были и бывшие каратели-контрразведчики, и сбежавшие с этапа раскулаченные из близлежащих сел и хуторов. Каждое новое лицо вызывало в банде подозрение. Болгов даже свою контрразведку завел.

Действовал он умно и хитро. Всюду у него были свои люди. Банда казалась неуловимой и действовала совсем недалеко от города.

* * *

Лешка почти не уходил от Боброва. Тот возмущался, что Алексей не использует «шанс» на отдых.

— Ну поезжай ты в деревню, на рыбалку, что ли! — увещевал он парня.

— Пока не увижу Граньку — никуда не поеду, — твердил тот прямо.

Наконец на четвертые сутки его вынужденного безделья Бобров добился разрешения от врачей на посещение больного.

— Пойдет на поправку твой Гранька, — сообщил он, любуясь в душе настойчивостью молодого человека. — Валий... пропустят...

Алексей рванулся к двери.

— Постой! — остановил его Бобров. — Человек с тобой пойдет. Спаситель его.

Он позвонил куда-то и бросил в трубку:

— Там у вас Карпухин... Как? Да, да, Петр Гурьянович. Пусть ко мне поднимется.

Виктор Петрович уже нашел кандидатуру того контрразведчика, который пойдет в банду Болгова. Но он выжидал чего-то, взвешивая шансы и за и против. Он знал: не хватало опять-таки главного — железной легенды. Почти все придуманные им зависели от удачи. А разве в таком случае можно бросать человека, не веря в благоприятный исход операции?

Каким-то шестым чувством он угадывал контуры близкого верного хода, но пока не находил его. А он вроде бы совсем где-то рядом, этот ход, и, как всегда, наверное, очень прост, но самый верный и надежный.

Вчера привезли со станции из Панинского района двух парней, сбывавших на базаре несколько пар хомутов из выделанных кож. А за неделю до этого в одном из сел района неизвестной бандой был начисто ограблен магазин сельпо.

— Почему неизвестной? — просматривая материалы предварительного следствия, удивился Бобров. — Там же оперирует банда Болгова! Разве еще есть какая?

— Связи с Болговым категорически отрицают, — доложил следователь.

— Хорошо. Займусь ими, — твердо решил Бобров.

На третьей встрече один из парней — Прохор Фетисов, высокий здоровяк, наиболее остро переживавший свой арест, — сознался, что их послали сбыть товар болговские.

Он-то и дал мысль о настоящей легенде.

В кабинете Боброва появился мужчина лет сорока с небольшим, в колушке, кубанке, при бороде, по-военному откозырял Боброву.

— Вот это и есть Петр Гурьянович, — представил вошедшего Бобров. — Знакомьтесь, Петр Гурьянович. Это наш сотрудник Алексей Сокол.

Тот посмотрел на Лешку своими блестящими глянцеви-
тыми глазами, улыбнулся в усы и протянул руку.

— Значит, будем знакомы, — сказал он. — Про вас
мне Евграф много рассказывал.

— Так вы вместе?

— Вместе... чудом... Ну, наверно, поехали? — обернул-
ся он к Боброву.

Петр Карпухин понравился Соколу. Был он открытым,
веселым.

— А я вашу фамилию вроде слышал раньше, — сказал
Алексей, когда Карпухин поймал на улице извозчика, пер-
вым вскочил в пролетку и сильной рукой усадил с собой
Лешку.

Карпухин блеснул глазами:

— А ну, вспоминай!

Сокол наморщил лоб.

— Вспоминаю, вспоминаю и... ничего не вырисовы-
вается.

— Помогу. В Ветловке был с отрядом?

— В Ветловке? — Сокол быстро взглянул на своего
соседа. — Вспомнил! — хлопнул он по своей коленке. —
Елена... Анфиса... Неужели?

— Он самый... Большая история с дурнем.

— С каким? — не понял Алексей.

— Ну вот с этим самым Петром Гурьянычем, который
сидит рядом с тобой. Георгиевского кавалера, видишь ли,
обидела Советская власть.

— Расскажите! — загорелся Алексей. — И как с Грань-
кой встретились, в какой операции участвовали. Ладно?

— Теперь это уже не секрет, — согласился Петр. —
В свободное время можно будет... Подъезжаем.

Извозчик остановил коня у больших каменных ворот.
Где-то в глубине большого двора за голыми сучьями топо-
лей белело длинное двухэтажное здание.

— Больница, — сказал Петр и первый торопливо со-
скочил на землю. Алексей поспешил за ним, чувствуя, как
гулко стучит сердце.

В длинном светлом коридоре навстречу им вышла вы-
сокая худощавая женщина в очках и белоснежном халате.

— Вот что, товарищи, — сказала она строго. — Три
минуты и не больше. Ничего, что могло бы расстроить
больного, не говорите. Наденьте халаты.

Они вошли в небольшую палату. Стояла всего одна кой-
ка, на которой лежал человек, закутанный в белое. Черне-
ли одни глаза, глубоко запавшие, но веселые: Гранька!

— Ты что, Гранька, с ума спятил, а? — набросился на него Алексей, припадая на колено у койки друга. — Здорово! Зачем подставлял себя под бандитские пули?

Гранька поморгал ему одобрительно. «Давай, давай, Лешка, крой как следует», — говорили его глаза.

Алексей передал приветы от тети Капы и Маши.

— Маша слезу пустила... Вот поправишься — приедет. Жених собачий. Не стоило б и ходить-то к тебе.

Гранька смеялся глазами. Потом посмотрел на Петра Карпухина, и в глазах промелькнула озабоченность. И Петр понял.

— Теперь поеду к своей Анфисе. Завтра же поеду. А ты тут поправляйся, — сказал Карпухин. — Не сумлевайся. Поеду. Обрадую их...

Гранька одобрительно кивнул ему.

Дежурный врач подал знак: пора уходить.

— Я получил отпуск. Уже собрался в деревню махнуть и вдруг узнаю о тебе... Ну ты держись, держись! — выпалил торопливо Алексей.

— Товарищи! — раздался укоризненный голос врача.

Алексей с Петром на цыпочках стали пятиться к дверям, махая приветственно руками.

Из рассказа Петра Карпухина

Деда помню: говорят, в молодости с конокрадами путался. Мать забыл, а вот бабка — та во всем доме комендантом была. И все любила что-нибудь строить. То закуток для поросят, то курятник. А как нечего было — заставляла мужиков баню перетаскивать в другой угол огорода... На моей мальчишеской памяти раза три сенцы переделывать приказывала. А баня — так та во всех углах огорода побывала и снова вернулась на старое место.

Дед коней любил. Меня на них лет с пяти ездить учил. Сильный был дед. И как-то по-сильному и умер-то. Приказал в середине недели баню истопить, а сам пошел под навес, где у него плотницкий струмент був, и давай тесать доски... Бачимо: домовыну робит. Гроб, значит. Бабка в голос. Мы тоже с сестренкой ревмя заревели. А он помылся в бане, пришел домой, лег на свою деревянную койку и стал со всеми прощаться.

Так и помер.

Не забыл я старого. Всю жизнь помню. А отец вроде бы и не жил. Тихий да богомольный был. Будто тень в саду, так и он в семье.

Ну, парень я, говорят, боевой был. Перед самой войной оженился. Гарно вроде бы зажили. Ленка подрастать стала. Сестрица моя. В город ушла.

Попал я на фронте в разведку. Злой как черт ходил. Двух ахвицеров вытащил с тылу. Один раз с другом целый взвод отбили у германца. Потом снова штабс-капитана от смерти спас. Вот и дали мне полный Георгиевский бант медалей и крестов. Ну, а когда заварушка началась, попал даже в солдатский комитет дивизии. Мы этих керенских агитаторов в прорубях крестили. Осточертело все. Сниматься стали с позиций.

Тут меня напоследок и зацепило осколком. Полбока, почитай, вырвало. Провалился до самого аж мая мисяца одна тыща девятьсот восемнадцатого в городе Вятке. Скучные, комариные места. Извелся, почитай. Не чаял, как до дому добраться... Ну, добрался кое-как, где поездом, где на подводе, а где на своих двоих. Отдышался так недельки две. Огляделся. И в толк не возьму: вроде бы и совдеп есть, а власти две... Эта вторая-то власть, пожалуй, даже покрепче была. Под железными крышами ховалась.

Весна началась. Мать честная, а в закромах-то пуд-два не больше жита. Иду в совдеп. Нацепил все георгии. Там меня на смех.

— Герой! Чего ты их нацепил? За царя-батюшку живот клал, ну и ступай к нему! Он те краюху ситного отломит за героismo твоё.

Ржут, будто жеребцы. А меня — в трясучку.

— Я царя того и в глаза не бачил! Россию от германца отбивал, — кричу им. — Чего регочете! Мабудь, тут как крысы по норам прятались, а теперь на фронтовиков зубы скалите?

С того дня и загулял я. Хожу, як та сатана, злой от одного подворья к другому и стучу кулаком по столам:

— За что проливали кровь-то? За что?

Тут меня и встретил как-то Пронька Латкин. Два брата их... Микола есть еще. А родни полдеревни. Отец хутор мае. Справные мужички были. Одних парных бричек имели небось штук по пять-шесть.

Встретил, значит, меня. В бричку завалил пьяного и к себе.

— Мы героев не забываем. Сам хлебнул под Карпатами. Бери семян. Сколько тебе? Тридцать пудов хватит?

— Считаю, — говорю, — на три десятины.

— Хватит.

— Чем, спрашиваю, отдавать-то?

— С урожая отдашь. А я не обеднею.

У меня даже похмелье выскочило от радости.

Ну посеяли мы с бабой. И уже перед самым петровым днем, когда стали сенокосы делить, опять того Проньку встретил. В этот раз на хутор к отцу увез. Пьем медовуху, а он все про совдепчиков разговор повертывает. Тут, надо сказать, вскоре после пасхи сошелся я как-то вечером у поскотины с председателем совдепа.

— Ты, — говорит, — не обижайся на моих помощников... На смех, слышал я, подняли тебя. Сам-то я в отсуствии был.

— Хороши, — говорю, — у тебя помощнички, а еще небось коммунисты.

— Беспартийные они... А сила за ними тут в селе большая.

— Знаю, какая сила: хоть и бедняцкого слоя, а корыта кулацкие лижут.

Вздыхнул тут председатель.

— Не от земли, — говорит, — я, фабричный. Вот и крутят меня... А ты зря отходишь. Человек ты боевой, авторитетный, мог бы и помочь.

Ну, озадачил он меня таким манером. Пожалел я его в душе. Рабочий человек, партией направлен в деревню. Трудно ему. Надо бы помочь.

И вот у Прошки слышу:

— Этому фабричному совсем тут у нас не климат. Разве Гавря Лапшин не пролетарий? Всю жизнь чертомелит в батраках, а в люди не выбьется. Еще хорошо, что батя мой помогает ему, а то б совсем труба... Избрали ведь его в помощь тому большаку. Так бесплатно кому охота трепаться в ночь-полночь.

— Это конечно, — соглашаюсь с Пронькой, а сам подумываю: «Куда он клонит?»

— Сенокос вот делить... Может такое **напрясть тот** совдепчик, что и не расхлебает...

Понял тебя, Проня, понял. А сердце тук-тук. Сенокос ведь! А ну согра достанется?

— Чего хочешь, — говорю, — Прокопий?

— Своих надо людей иметь там... Ну чем ты не хозяин? Герой войны. Полный кавалер.

— Тут, — говорю, — не моя воля, Прокопий. Как народ. За него и кровь проливал.

— Вот то-то и оно. Ты проливал, а кто в городе отсиживался. Отсиделся и к власти пришел.

Обкрутил собака. И так сделал, что в той сенокосной

дележке я совсем и не участвовал. И достались мне пу-стошь да голимый кучугур. А Проньке и всей его родне лучшие наделы отошли. Хожу по деревне сам не свой и крою власть во все лопатки.

Надумал в город съездить. Управу найти. Тут попик ко мне.

— Ты, Петрушка, соколик мой, у Латкиных свой человек. По их просьбе зайди по этому адресочку. Там события, соколик мой, назревают огромные... Этот человек в оружии помощь окажет. Скажет что и когда.

Так вот с каким-то архиереем встретился на квартире богатого человека, у которого наша Ленка жила. Помощи я не добился от начальства. Говорят, у вас свой волсовет существует. Туда и обращайся...

Вот, брат, в какую кашу влип я со своей слепой яростью и гордыней. А когда в лесах появились бандюги, они совдепчика того прямо из бани вытащили и порубали. Вот когда просветлели у меня мозги.

* * *

Почти весь день пробыли вместе Алексей и Петр Карпухин, бродя по городу. Проголодались, зашли в столовую.

— И как же вы с Гранькой-то встретились? — уплетая за обе щеки пшеничную кашу, с нетерпением ждал продолжения рассказа Алексей.

— Просто это бывает. В ГПУ меня спросили: согласен ли я делом загладить свои ошибки, может, даже кровью? Я понял: надо в чем-то помочь. Вот тут мы и познакомились с твоим дружкой. Обо мне он уже знал многое. Даже Анфисе моей божественные книги читал.

— Я слышал от Граньки, — кивнул Лешка, давая понять, что история с бандой Матроса ему известна.

— Мне устроили «побег» вместе с Евграфом, — продолжал Петр. — Дали команду в район, где находилась банда Скобелева, что сбежал опасный «преступник». Пока нас «разыскивали», мы отсиживались у оперуполномоченного ГПУ на квартире. Потом ночью скрылись, «укравав» пару лошадей из конюшни райисполкома. Председатель и конюх были предупреждены.

Скобелев вскоре узнал о нас. Мы изловили на одном хуторе его связного и пристрелили. Записку прикололи: «Так будет с каждым из гепеушников, кто поднимет руку на Ваньку Бобра и его друзей».

— Это вы Бобром устроились? — улыбнулся Сокол.

— Бобром.

— Взяли Скобелева?

— С трудом. Месяца три водил за нос. Потом согласился на свидание. Пришлось связаться с военной группой. Когда те их потрепали до болятки, а мы в свою очередь тоже шлепнули человека три: «Не бери там, где берет Бобр», он пошел к нам, в один из глухих хуторков. Там встретились. Скрутил я его... А вот Евграфу досталось. Служба...

— Что будешь делать, Петр Гурьянович, в селе?

— Коммуну помогу сбивать. Единолично не с руки жить. Много вредных червей в сердце заводит единоличная жизнь.

Сказал он это серьезно и распрощался.

— Ну, а если снова позовут... наши?

— Всегда готов! — козырнул он и добавил улыбаясь: — Так ведь, кажется, юные пионеры отвечают?

Глава 10

Когда Алексей проходил мимо здания горкома комсомола, вдруг захотел увидеть Наташу Ишутину. «Скажу, что еду в деревню. Может, наказ какой будет».

У кабинета Наташи толпилась молодежь. О чем-то спорили, тыча пальцами в газету. Разноголосое неслось:

— А если скажут, покажи, где у коровы молоко?

— И покажу! — отзывался задорный голос.

— На языке!

— Во сказанул! А в общем-то мудро!

— Я этой мудростью и стану крыть.

— Они, бородачи-то, так и разинут рты! Откуда, скажут, такой оракул взялся?

— Не оракул, а оратор!

Смеются. Небось собрались в деревню ехать агитбригадой.

Наташа, как всегда, дает энергичные указания, урезонивает, читает наставления.

— А, Алеша! Привет, ты кстати! — воскликнула она, увидев входившего Алексея, но тут же, кажется, и забыла о нем. Что-то стала подписывать, подбадривать, наказывать:

— Вы молодежи толкуйте. Молодежи! Со стариками партийные ячейки ведут работу. Надо говорить смело о новой светлой жизни. Но чтобы сделать этот смелый шаг

к социализму, надо снять темную повязку с глаз — ликвидировать неграмотность!

— А что такое тяжи? — неуверенно спросила белокурая девушка и густо покраснела.

— Тяжи? А зачем тебе? — недоуменно подняла тугую бровь Наташа.

— Я слышала. Ходили на базаре дядьки и все жаловались, что не могут найти тяжей.

— Ну и пускай жалуются на здоровье! Тебе-то что?

— А вдруг это имеет какое-то отношение к нашей работе?

Наташа смущенно закусила губу и, встретившись с насмешливыми глазами Алексея, обрадованно воскликнула:

— Выручай, Леша! Ты, наверно, в курсе. Я что-то не припомню!

Все, кто был в кабинете Наташи, пытливо и выжидательно уставились на него. Алексей объяснил.

— Ну вот видите, — вздохнула с облегчением Наташа. — Все это просто... А теперь пошли в губпартком. Ты, Леша, тоже с нами.

— Я вообще-то... Понимаешь... — начал было Алексей и запнулся: стоит ли говорить в такой горячий момент об отпуске? Да и непонятно, что это такое — отпуск.

— Ты конечно, поедешь, да? — думая о чем-то своем, спросила Наташа; закрывая дверь на внутренний замок и, как всегда, тут же заторопилась куда-то! — Я сейчас! Ты подожди меня. Ребята! — крикнула она выходящим из коридора парням и девочкам. — Идите в партком! Я доложу секретарю. Я мигом!

К Алеше подошла белокурая в теплом свитере девушка.

— Спасибо вам... Честное слово... Я, кажется, насмешила, — виновато улыбнулась она.

— Да что там... Обыкновенно... Вы ж городская?

— Моя мама учительницей в гимназии была... Сейчас на рабфаке преподает русский язык и литературу. Я почти не была в деревне. Но я играю на скрипке... И вот... — пожала она плечиками.

— А что тут у вас происходит?

— Вы не знаете? Едем в какую-то деревню... Бригадой... Там будем ликпункт организовывать, культармейцев. Оборудуем читальню. Организуем библиотеку. Мы собрали в нашем центральном районе более тысячи книг. Выступим перед населением с концертами.

— Вот как! Да это здорово! — обрадованно воскликнул Алексей. — А в какую деревню?

— Я забыла... Вон Наташа... Она знает!

Наташа поморщила лобик и, видно, отгоняя деловые мысли, которых у нее, как понял Алексей, всегда была полная голова, ответила как по бумажке.

— Станция Трехсветская, деревня Краси́но... Эта деревня в девяти километрах от железной дороги на запад.

Лешку даже качнуло от радости.

— Да ведь тут рядом хутор Болтиновский. Полверсты, не больше! Это ж моя деревня... Родом я оттуда! — воскликнул он.

— Тебе везет, Леша, — подтолкнула его локтем Наташа. — Да, может, у тебя желания нет, так ты выкладывай, не стесняйся.

— Нет, почему же, я поеду, — торопливо проговорил Алексей. — Только какой же я учитель, — развел он руками, виновато улыбнулся.

— И никто из нас не был учителем, — сказала Наташа. — Но надо. Понимаешь: надо! Будем ликвидировать неграмотность. Мобилизуем всех малограмотных. Штаб культармейцев сколотим. Проснется деревня! Разбудим!

Большой зал губпарткома гудел, словно улей. Молодые парни и девушки заполнили до отказа все помещение. У сцены сидели прямо на полу, поджав под себя ноги. Наташа с Алексеем протиснулись вперед и зашли за кулисы. Тут Алексей сначала столкнулся с Русины́м, секретарем комсомольской ячейки управления. Тот пригрозил ему пальцем.

— Хотел вздуть тебя, браток, да узнал, что именинник. Ладно, в следующий раз не увернешься.

— За что?

— Во! Он еще спрашивает! А тир? Мы ж договорились: персонально за него отвечать!

— Правда, договорились, а меня на операцию...

— Ладно, прощаю. Комиссар вон какой приказ накатал. И благодарность, и отпуск. Счастливчик!

Цыган и цыган. Черный. Смоляные кудри. Зубы как у молодого жеребчика. Не поймешь: смеется или сердится.

— Слушай... Неужели ты бездельничать будешь столько дней? А? Вот и крутись в тире.

— А как же с этим делом? — Лешка кивнул в зал.

— Поедешь? Правильно! — хлопнул по спине Алексея беспокойный секретарь.

За стол президиума вышли из боковой двери Наташа,

за ней Степан Иванович Чугуев, еще человек пять, которых Алексей не знал. И Русин пристроился к ним.

Общее собрание представителей городских комсомольских организаций открыла Наташа. Она взмахнула обеими руками и запела:

Смело, товарищи, в ногу...

Зал подхватил боевую песню, выплеснул ее наружу. С карнизов высокого здания и соседних через улицу домов вспорхнули стаи голубей.

В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе, —

гремела, звала песня, приятно вздымая сердце.

Ребята пели вдохновенно... Лица их были серьезные, сосредоточенны. Песня клятвой жила в их глазах. Вот белокурая девушка в белом свитере. Она стояла в проходе вместе с другими, глядя прямо перед собой, и пела. Незаметная, скромная... Такие, кажется, никогда в жизни не сокрут, не обманут... Приятно было с ней Алексею. И пробыли-то вместе минут десять в горькоме, да пока шли сюда. Что-то взволновало его. Опалило непонятной радостью. И вот эта радость до сих пор пьяняще обносит голову. «Кто она? Как хоть ее звать-то?» — выстукивает сердце.

После выступления Степана Ивановича Чугуева ребята стали делиться на бригады.

Уже темнело, когда Сокол забежал в управление. Тут работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Почти во всех окнах трехэтажного приземистого здания горел огонь. Алексей отыскал на втором этаже окна Боброва. «Ну, теперь, наверно, он совсем перестанет отдыхать, — подумал Сокол. — Не одна прядка седых волос появится».

Дежурный, узнав Алексея, поторопил его.

— У Сосновского собираются... Поторопись, Сокол, — бросил он озабоченно, оглядывая парня.

— Бобров там?

— Пока у себя.

— К нему забегу. Ведь я в отпуске.

— Счастливчик.

И чего это они все, будто сговорились: счастливчик, счастливчик... Подумаешь — отпуск! И тут понял: работают все на износ. И Наташа, и Миرونчик, и Чугуев... А уж тут, в управлении, и говорить не приходится.

— А вот не нужен мне этот отпуск! — проговорил он вслух, подходя к кабинету Боброва. — Не изработался!

Перед глазами мелькнула дощечка, строгие буквы: «Нач. КРО». Не заметил, как открыл дверь и последние слова, оказалось, произнес на пороге. И тут только сообразил, что не постучался. Остановился в двери, стоит. Бобров вскинул брови на него, устало бросил:

— Ну чего стоишь? Раз уж такой смелый стал, что врываешься в любое время суток, давай надоедай, мешай...

— Я не хотел, Виктор Петрович, просто так получилось. Отказываюсь я от отпуска. — Он прошел к окну, сел на стул.

— Здорово! Как же ты можешь нарушить приказ начальника? Что бывает за нарушение приказа командира в армии?

— Всяко. Может и трибунал, — опешил Алексей.

— Ну вот. А ты у нас теперь в штате. Это значит, что уже имеешь право носить отличие и полное обмундирование. Кстати, сходишь завтра к начхозу и закажешь все по себе. Ну, что еще?

— Хотел ехать в деревню с комсомольскими бригадами. А потом дядя Степа посоветовал согласовать. И вообще... раздумал я... Время не то.

Бобров прошелся по кабинету. И, приняв решение, требовательно сказал:

— Вот что... Сколько, Алексей, у тебя классов и коридоров было?

— У меня-то? Классов, пожалуй, поменьше, а коридоров побольше, — усмехнулся Алексей, опуская голову и теребя газету. — Четыре с горем пополам...

— Ну это еще терпимо. Можешь найти репетитора, чтобы он тебя на рабфак подготовил?

Алексей растерянно посмотрел на своего начальника. Пожал плечами.

— А тыходи в горком комсомола... Мы посмотрим тоже, вроде шефства. Может, закрепят за тобой грамотного человека. Он поможет поступить на вечерний курс. Днем будешь помогать следователям, вечером учиться. Так посоветовало начальство. Не согнет тебя от такой нагрузки?

— Да что вы, Виктор Петрович! — обрадовался Сокол. — Хоть в пять рабфаков зараз!

— Ну, ну, приткий какой... А ты знаешь, что такое суффиксы? — Бобров хитро блеснул глазами, повеселел вроде.

— Не знаю, — сознался Алексей.

— То-то и оно... Как дойдешь до них да поплаваешь, будто в днепровских плавнях, тогда поймешь, что такое

грамота... Они у меня в печенке второй год сидят, эти суффиксы. — Он сел за стол. Закурил. Мирно сознался: — Грызу их ночами, когда время позволяет...

— Ну и я буду, Виктор Петрович! Небось не вырвутся эти суффиксы. Поймаю.

— Давай, давай. Вот в эти свободные дни нажми. Понял?

— Понял! — бодро вскочил Алексей и, козырнув, вышел из кабинета.

В этот же вечер Алексей по пути забежал к Ишутиным. Мironыч ковырялся со старым валенком, «присобачивая», как он выразился, кожаные заплатки на задники. Узнав Алексеев голос, Наташа позвала его из горницы:

— Заходи... У меня завал писанины. Может, поможешь? А завтра к 12-00 на вокзал и по сёлам.

Алексей рассказал о цели своего прихода.

— Приказ, Наташа... Сама знаешь.

— Да что ты, оправдываешься, что ли? Приказ — значит приказ. Так, стало быть, надо... А жаль. Правда, Лешка, жаль. Вместе бы... И весело, и вообще. Знаешь! — Она тряхнула стриженным горшочком и на минуту задумалась. — А учиться — это хорошо. Я б сама могла помочь тебе, но занята по горло. Хотя стоп! Есть девочка! У нее как раз мать приболела, учительница с рабфака. Да ты видел ее, — продолжала Наташа. — Белокурая такая. Ксения Пархоменко. — И значительно: — У нее дядя знаменитым командиром был на Украине, Махно громил... Александр Пархоменко. Отец ее учитель, кажется, социал-демократом был. Одним словом, наш человек. В революции участвовал.

— А... Она разве не едет с вами? — Алексей придержал дыхание: «Может, еще не та...»

— Она собралась ехать, но вот я подумала сейчас: с кем же она мать оставляет? Она у нас, знаешь, такая: надо так надо. И хоть трава не расти. Хорошая.

Алексей небрежно спросил:

— А эта девушка учится или уже работает?

— Девятилетку кончила. Думала в Москву ехать, в консерваторию, но сорвалось. Трудновато с финансами. Сейчас работает в канцелярии губпарткома. Ну садись, садись вот на стул — чего стоишь? Хватит небось расти-то. Бери ручку и пиши.

— А без нее нельзя?

— Нельзя, браток, нельзя. Списки бригад губком комсомола требует к утру и информацию о собрании надо.

Резкая, грубоватая манера Наташи пугала Алексея. Он робел перед ней, терялся, слушался. Большая сила была в ней. Вспомнил, как о любви говорила на одном из диспутов. «Совсем непонятная стала. Может, такой и должна быть настоящая советская девушка? И все же... Вот Ксения...» Алексей бросил испуганный взгляд на Наташу: не слыхала его мыслей?

Та уткнулась в тетрадку и быстро писала информацию.

Заглянул было Мироныч, но она, увидев его в зеркале, бесцеремонно сказала:

— Батя, не мешай. Потом, потом... Завал!

Тот крикнул, недовольно отступил за порог, с трудом прикрыл за собой половинки дверей.

— А где твой друг? Не видно что-то... И у нас не бывает, — не отрываясь от писанины, спросила Наташа.

Алексей подумал: «Сказать? Раскричится. Ругаться начнёт, почему не сообщил раньше... Лучше совру». И соврал, сказав, что Гранька на операции.

— Смелая у вас работа, — заметила Наташа. — Счастливые вы парни! Если б не избрали в горком — туда пошла бы. Честное слово!

Муторная это работа — канцелярия. Кое-как к полуночи свалили ее все-таки. Наташа встала, потянулась, потрянула головой и крикнула на кухню:

— Батя! Ты спишь?

— С тобой уснешь — жди, — раздался недовольный голос Мироныча. — Закончили?

— Иди сюда! Скоро ведь тебе на паровоз.

— Прямо так — разбежался... — Дверь, однако, тут же распахнулась. — Ну?

— Садись. — Она ногой придвинула ему стул.

— Ну сел, а дальше?

— Споем в честь завершения работы!

— Тыфу. Шалопут ты, Наталья, да и только! — рассердился вроде старик, но в голосе не было ни раздражения, ни злости.

— Споем, батя, споем! — кинулась к нему Наташа и обняла за плечи. — Ты у меня добренький и самый, самый кристальный большевик!

— Завела... Да ведь полночь. Соседей перепугаем, скажут пьянствуют...

— А наплевать. Пусть думают. Какую? Любимую мамину...

Мироныч подмигнул Алексею. А тот не знал, что и подумать... Что это ей взбрело в голову?

Обняв отца, чуть покачиваясь, она неожиданно красивым низким голосом запела:

Черные брови, карие очи
Темны, як нички, ясны, як дены!
Ой очи, очи, очи дивочи,
Де ж вы навчились зводити людей?

Мироныч, слегка прищурясь, уставился куда-то в угол горнички, подтянул густым, очень приятным басом:

Ой очи, очи, очи дивочи...

И пошла песня, дивная, сказочная птица, гулять от сердца к сердцу. И что за чудо, эти песни! Задушевные, искрящиеся большим чувством и какой-то колдовскою ласкою, они идут от сердца одного поколения к сердцу другого, не теряя своей дивной задушевной вязи, своей пленительной ласки...

Алексей растроганно слушал этот полуночный дуэт, и куда ушла усталость, как ветром, сдуло заботы... И главное, Наташа удивила: из непонятной и, казалось, почти недоступной она стала обычной, простой, как эта задушевная песня.

Ушла песня куда-то, будто оборвав свои звучные струны, растаяла где-то в небытии, и в наступившей тишине вновь проступили и углы чистой горенки, и девичья койка, заправленная простым солдатским одеялом, и вышитые рушники у портрета Ленина, и потемневшее стекло семилинейной лампы.

— Хорошо, — вырвалось у Алексея.

— Обычно, — сказала буднично Наташа, и снова озабоченность отразилась на ее хорошеньком лице с черным пятнышком — родинкой на правой щеке.

— Ну что, батя, пора снаряжать тебя на работу?

— Пора, кажись, пора, — согласился тот и пошел на кухню.

Алексей тоже встал, засобиравшись уходить.

— А ты куда? Ну отец на паровоз, а ты? Вон ложись на батину кровать...

— Чего ты, Алеха, будешь тревожить Капу в глубокую ночь? — сказал Мироныч. — Вон видишь, какая у меня перина от матери осталась? Ложись и отдыхай. Наталья матрац купила. Не признает перин.

— Да что вы, — растерянно пробормотал Алексей, не зная, как это все понять. Он даже вспотел, прятал глаза, застегивал и расстегивал свое пальто.

Наташа засмеялась.

— Нет, ты посмотри на этого парня, батя! Посмотри! Как девица красная застеснялся. — И вдруг строго и официально, как всегда: — Без глупостей, Алеша. Ложись и спи. А может, чаю вскипятим?

Алексей отказался.

Мироныч оделся по-дорожному, взял свой железный ящик — неперменный спутник всех железнодорожных машинистов и наказал дочери, чтоб ключ не забыла положить в условленное место.

— Ладно, батя... Счастливо! Приедешь из рейса — не скучай тут без меня.

— Да уж ладно, — добродушно усмехнулся тот. — Как-нибудь, поди, перебыюсь. Вон Алексей станет заглядывать...

Тот пообещал заходить.

Проводив старика, Наташа унесла лампу в горенку, наказав:

— Спи!

«Она со мной, как с мальчишкой, — думал Алексей, забравшись под одеяло. — И все же интересная эта Наташа. С отцом, будто с товарищем по общежитию. Он у нее простой, без всяких предубеждений. Она сама новые традиции-заводит, — думал Алексей, нервно вздрагивая при первом же шорохе в горничке. — Какая б девица оставила парня ночевать? Вот пойду утром отсюда, а что соседи скажут? Осрамить могут ее, а ей как с гуся вода. Она стоит выше всех этих пересудов. И отец ведь... Этот старый большевик... Он считает нормальными ее решения. Может, привык и прощает ей все, считая чудачеством единственной дочери? А может, так и должно быть в сознательной семье? Нет, ни на одну девчонку не похожа Наташа. С ней, наверно, легко будет тому, за кого она пойдет замуж!»

Неожиданно всплыл образ Ксении. Теплом пахнуло на Алексея, нежностью. «Вот она, наверно, совсем-совсем не такая... Надо ли ей быть другою, вот, например, как Наташа? Она, наверно, тогда не походила б на себя... Ей бы пришлось играть роль. Даже хорошо заученная, она б не подошла ей».

Чем больше думал Алексей о Ксении, тем недоступней она становилась. «Очень она светлая какая-то, может, как та музыка, в которую она влюблена и без которой не может. И вся она будто светится в улыбке, в разговоре, а в глазах светлая, светлая росинка... Утренняя росинка с алого цветка».

Много забот свалилось сразу в эти дни на Алексея. С утра он шел в тир, помогал организовывать стрельбы личного состава управления, посещал кружок.

— Таким должен быть настоящий чекист, — любил говорить Бобров, сам отлично стрелявший и хорошо знавший приемы джигу-джигу.

К четырем часам Алексей шел к Граньке и «питал» его какой-нибудь новостью. Гранька стал заметно поправляться, хотя ходить ему еще не разрешали. У него бывал Бобров и сам Алексеев.

— Становись на ноги, — сказал он как-то, — а потом кати на курорт в Сочи. Там есть наш спецсанаторий. Подремонтируешься капитально.

Но больше всех (и это Алексей быстро понял) Гранька ждал Машу, которая бывала у него почти каждый вечер. Маша стала какой-то таинственной, молчаливой в эти дни.

К вечеру Алексей готовился с особенной тщательностью. Придирчиво осматривал костюм, чистил до блеска ботинки и подолгу рассматривал свое лицо в зеркале. Лицо обычное, рядовое, с острым носом, глазами серыми, холодноватыми, на подбородке и на верхней губе — светлая золотистая поросьля.

Маша тихонько посмеивалась.

— Ты б, Алеша, показал нам хоть разок свою учительку, а?

Алексей конфузливо отворачивался от зеркала.

— А чем ты угостишь?

— Фу! Да она что же, каких таких кровей-то у тебя? — смеялась Маша.

— Особых, особых, Машенька. Она интеллигент, — шутливо отвечал Алексей, а сам совсем не в шутку всегда тревожился за встречи со своей учительницей. Задания ее он получал робко, но быстро запоминал все орфограммы, которыми она беспощадно нагружала его. Старательно работал над упражнениями.

Это заметила и Ксения. Похвалила.

— Мама, у Алеши феноменальная память... Особенно зрительная, — похвасталась она как-то.

— Надо развивать все виды памяти, дети, — посоветовала Евдокия Петровна.

Ксения унаследовала от матери ровный, спокойный характер и глаза, такие чистые, с добрым блеском.

В доме Пархоменко была богатая библиотека. Ксения настойчиво добивалась от Алексея, чтоб он читал классику.

— Мы не должны пренебрегать Тургеневым, — говорила она, — только потому, что он был дворянином.

Все это было не совсем понятно для Алеши с точки зрения классовой борьбы, но он верил Ксении и запоем читал эту самую классику.

А куда все-таки ближе и как-то доступнее были вот хотя бы «Неделя», «Комиссары» Либединского. Или «Правонарушители» Сейфуллиной. Эти книжки и Ксении нравились.

— Когда-нибудь появятся книги и про Чапаева, Пархоменко и про Щорса, — мечтательно говорила она. — А ведь это, можно сказать, герои нашего уже с вами времени, Алеша!

Хорошо, интересно было с Ксенией. А она все волновалась за его знания и часто задавала то диктант, то сочинения. С диктантами Алексей справлялся, чаще, правда, на «уд.», реже на «хор.», а «оч. хор.» — это была заветная, но недосыгаемая пока мечта.

Иногда Ксения играла на скрипке, а Евдокия Петровна подсаживалась к физгармонии. Обе преображались. Лица их становились неузнаваемыми. И в эти минуты Алексей испытывал страх за них. Они такие хрупкие, как вон та хрустальная ваза, что стоит у них на буфете. Как не сломали их бури, которые пронеслись на земле?

Глава 12

Перед отправкой Сокола в банду Болгова на оперативном совещании у Алексеева была разработана его легенда.

— Значит, ты, Алексей, с сего дня нерасколовшийся Васька Каин, — сказал председатель и, устало улыбнувшись, добавил: — С чем и поздравляю тебя. — Он подал руку Алеше, тот, смущаясь пожал ее.

— А похож я хоть на того... Каина? — спросил он.

— Роста одного, — сказал Бобров. — Лицо худощавое, остроносое. Мокрушник такой же мускулистый, как ты, только у того хронический насморк был, в карцерах, видно, схватил за время отсидки. Так что придется тебе почаще швыркать носом.

— Это не страшно. Где он?

— По решению особой комиссии приказал долго жить.

— В бозе почил, — присовокупил Сосновский, копаясь в каких-то бумагах.

Его слова не понял Алексей. Спросил, исключена ли опасность встречи с его друзьями или с теми, кто знал его в лицо.

— Все предусмотрено. В камере будет местный вор-карманник Яшка Щербатый и двое из банды Болгова, задержанные при сбыте награбленного имущества.

— Коммерсантов Болгова доставили к нам, — пояснил Бобров, — со станции Анна Панинского района. Твоя главная задача — войти к ним в доверие. Продумай, как будешь вести себя в камере. Со следственным делом карманника Мизгиря познакомлю. Есть предположение, что он не только карманник. Вот почему он и проходит не по милиции.

— Присмотрюсь, — загорелся Сокол.

— Итак, — подытожил Алексеев, — первая твоя задача — завоевать доверие посланников Болгова. Ясно? Это обычные хуторские парни, сбитые с панталыку Болговым. На легкую наживу потянуло.

— Ясно.

— Пути дальнейшего вашего следования сходятся. Все вы и бандиты Болгова в одно прекрасное время этапируетесь в Панинский район для очных ставок. Дорогой вы бежите... С вами будут двое сопровождающих. Сделать надо так, чтоб никто из них не пострадал. Панов немедленно выезжает туда и живет там сапожником. Связь через него. Он же и дополнительный инструктаж даст.

Алексея в тот день не пустили домой. Его попросту переодели в поношенное матросское обмундирование, отвели во внутреннюю тюрьму. Вечером пришел к нему Панов.

— Вот что, Леша... Пришел подрисовать тебя, — сказал он.

— То есть как это? — не понял Сокол.

— Одна, видишь ли, деталька есть, оказывается. Пони-маешь?

Алексей отрицательно качнул головой.

— Не понимаю.

— У того Канна во всю грудь — орел с женщиной в когтях... Татуировка. — Панов, сочувственно вздохнув, достал из кармана какую-то коробочку, раскрыл ее и вытащил две иглы и небольшой пузырек с тушью.

— Знаешь, — резко обернулся Алексей — я, наверное, не смогу... Мне противно. Ну как это я при народе... вдруг в бане, на речке... Нет, нет! Черт с ней, рисковать буду без этой наколки! Ведь на всю жизнь, ты только подумай, Паша! А потом... потом, я все же комсомолец...

— Ты, братец мой, очень щепетилен... Правда, не очень приятная штука, но зато против тебя меньше улик будет у этих уголовников, — сказал Панов. — Между прочим, я тебе слабую концентрацию туши подготовил. Но понимаешь — надо это, надо!

Алексей, нервно покусывая губы, прошелся по камере.

— Ладно. Черт с ним. Орел так орел, — махнул рукой и стал раздеваться.

Часа полтора провозились они с этой хищной птицей. Потом Панов отошел на шаг, полюбовался своим произведением.

— Как живой! И она, его жертва, будто только сейчас с пляжа! — похохатывал он.

Но Алексею было не до шуток.

— А теперь по делу, Алеша. Ты едешь к Болгову. Это сильный по натуре человек. Хитрый и жестокий. Отец его раньше имел под Курском хутор. Держал ямщицкий двор. В гражданскую его стукнули наши — хлеб прятал, а потом в городе через подставных лиц спекулировал им. Болгов, младший у Маркова служил. Офицер, каратель. Ты, Леша, идешь как неопознанный бандит-мокрушник Васька Каин. Так? Из двух болговцев приглядишься к Шванову. Он мне кажется наиболее опасным. В Панино у него квартира. Есть подозрение, что хозяин этой квартиры держит связь с Болговым. Банда рассеяна по десять-пятнадцать в каждом селе, делает ее неуловимой. Да и связи у бандитов в каждом селе. Крестьяне боятся выдавать их. Подождут или убьют. Занимаются в основном грабежом. Есть два случая нападения на пассажирские поезда. Вчера обстреляли поезд на перегоне. Кажется, есть жертвы.

— Моя главная задача?

— Предупреждать органы о планируемых налетах. Ну и, если ловко придется...

— Понял. Только как я с тобой буду держать связь?

— Сложно это, — признался Панов. — Эту связь придется тебе самому налаживать. В каждом селе, конечно, есть надежные люди. И коммунисты, и комсомольцы. Только тут недолго провалиться. Любой твой поступок, каждая встреча могут дойти до Болгова. Есть надежные места: часовенки. Они у каждого села. Кирпич сломанный или камень у крылечка — это уже примета для наших людей. Под ними — берестянка или разорванная пачка из-под папирос. На ней короткая запись отвлеченная. Например: «Ну что за прелесть наши ярмарки: чего только нет на них!» Это значит — налет на ярмарку. Запись химическим

карандашом. Наши люди ежедневно будут посещать эти часовни. Уразумел?

— Уразумел.

— Теперь бери карандаш и пиши алфавит вот на этой бумажке.

— Зачем?

— Пиши: а, б, в, г...

Пожимая плечами, Алеша стал записывать алфавит русской азбуки.

— Теперь запоминай...

Павел взял карандаш и стал им стучать по столу.

— Слушай, Леха: «а» — один удар, интервал, второй удар, «б» — один удар и два быстрых через короткий интервал. Слушай. Тук, тук-тук. — Два последних удара почти сливаются. — Это «б». А вот как «в» — слушай. — И снова: тук-тук, тук, тук.

— Чего ты мне голову морочишь? — возмутился Алексей, потирая грудь, которая горела у него от наколки.

— Надо, Леха, надо, — спокойно, но твердо сказал Павел. — Ты же бандюга, отсидевший в общей сложности уже лет 12.

— Да ну?

— Вот тебе и ну. Канн, конечно, знает эту тюремную азбуку. Кстати, дня через три мы постучим в вашу камеру и сообщим, что у вас сидит неопознанный Васька Канн. Привет ему от Карзубова. А Карзубова весь блатной мир знает в Воронеже.

Эту первую свою «арестантскую» ночь провел Алексей беспокойно. В груди будто действительно торчали когти пернатого хищника. И таскал он его по поднебесью, то плавно паря, то стремительно падая вниз, и тогда Алеша хватал его за крылья и, тяжело дыша, скидывался на койке и просыпался.

Утром пришел тюремный фельдшер. Он обследовал «работу» Панова, усмехнулся в свои усики и смазал чем-то грудь.

— Припух немного. Беспокоит?

— Всю ночь не давал уснуть, — буркнул Алексей.

— Хищник, — хохотнул медик, пожав плечами. На ходу бросил: — К вечеру успокоится. Мы ему подрезали когти.

Потом снова приходил Павел. Они по очереди выступывали всю азбуку. До самого отбоя Алексей тренировался сам. Кажется, получалось. На следующий день Панов забрался в соседнюю камеру и постучал Алексею. Сначала

ла тот растерялся. Пропустил несколько знаков, ничего не понял. Взял карандаш и чиркнул им по стене: «Стой». И выстукал: «Повтори снова». Тут-тук-тук.

«Орел, жив?»

«Пошел к черту». Тут-тук, тук... тук...

«Привет!»

«Привет!»

Еще через двое суток Алексей принимал эту «азбуку декабристов» на слух.

Наконец на восьмые сутки ночью его отвезли в городскую тюрьму... Первое, что ощутил, — это запах: кисловатый, прелый...

Сдали строго. Сам начальник тюрьмы с тремя конвоирами свел в полутемный нижний коридор. Что-то тихо передал коридорному. Тот метнул любопытный взгляд на Алексея и с угрозой проговорил:

— У меня не забалуешь... У нас средств много для бешеных. Успокойся! А ну, подыми руки! — приказал он Алексею.

Тот повиновался.

Коридорный тщательно обшарил его.

— Проходи.

У камеры под номером тридцать остановил его. Открыл дверь, крикнул:

— Староста, принимай пополнение! — и бесцеремонно толкнул Алексея через порожек.

В камере было душно. Пахло парашей. Алексей поморщился, с независимым видом бросил бушлат на нары и оглядел обитателей камеры.

Вот с нар слез плюгавый парень лет двадцати двух. Он зевнул и, потирая одутловатое лицо ладонью, произнес тоном добродушного гостеприимного хозяина:

— Гостю завсегда рады.

Алексей смерил его презрительно-уставшим взглядом с головы до пят, криво ухмыльнулся:

— Гостю передний угол.

— А это мы еще посмотрим, — подхватил староста и бросил быстрый взгляд на своих двух соседей.

— Видали его, братцы? Передний! Хо-хо! А может, задний? — кивнул он на парашу. Узкие глазки его, близко поставленные к переносице, косили. — Подарочки есть? Что-то я, братцы мои, и сидорка у морячка не вижу, а?

— Подарочек? — переспросил Алексей. — Подарочек есть, как же! Держи! — И быстрым движением ударил старосту в челюсть. Тот, пискнув, улетел далеко в угол.

Два его соседа соскочили с нар, Алексей поднял руку и спокойно предупредил их: — Без музыки... Думаю, что представление на сегодня окончено. Я хочу спать. — Он залез на нары, сел и стал снимать сапоги. Это были добрые сапоги. Яловые, на спиртовой подошве. Он старался не глядеть на старосту, но сердце его учащенно билось. Голову сверлила мысль: «А ну если все кинутся?»

Староста поднялся, отплевываясь, грязно ругаясь, подскочил к нарам:

— Ты... сука, на кого руку... а? — взвизгнул он, стискивая кулаки.

— Отойди, дура! — оттолкнул его ногой Алексей.

Он снял сапоги, швырнул их под нары и, положив под голову бушлат, лег. Нутром почувствовал Алексей, что эти двое из банды озадачены и не полезут в перепалку. Староста сыпал, матерясь, угрозы. Он хорохорился, как петух.

— Ты постучи дежурному, — посоветовал ему Алексей, судорожно зевая. — Там тебя пожалеют, приголубят и что-нибудь в сидорок сунут...

Потирая пухлую щеку, староста сплюнул:

— Слыхали вы, братцы, этого психа? Он еще и честью моею торгует, а?

Выступил чернявый. Правая бровь его вздыбилась. Ноздри вздрагивали.

— Ты что бросаешься на людей?

— Адвокат? — усмехнулся Алексей, приподнявшись на локте.

— А хотя бы! — распаляясь, сверкнул нагловатыми глазами тот.

Алексей рывком приподнялся, неожиданно закричал:

— Адвокат должен знать, кого он защищает! А этот... Кто? — повел он рукой в сторону старосты. — Спроси воров... они его адрес ищут... Может, эта встреча состоится здесь? Вот тогда ты попробуй защитить его...

Староста ошалело глядел на Алексея. Казалось, его вот-вот хватит удар. «Значит, я в точку попал? Ворюги народ подлый и продажный. Этот рыжик наверняка не безгрешен перед своей «малиной», — подумал Алексей, видя растерянность старосты.

Чернявый в упор смотрел на него, ожидая, видно, опровержений. Но их не последовало, и тогда он, отвернувшись, полез на нары. За ним последовал и его спутник, молчаливый, угрюмый деревенский парень.

— Вот так-то, Мизгирь, — сказал Алексей. — Это тебе задаток просили передать с воли. Не обижайся.

Староста вздрогнул и, вдруг обмякнув, со страхом поднял глаза на Алексея. Мизгирь была его давнишняя кличка, и напоминание о прошлом не сулило ему ничего хорошего. Это знал Алексей из материалов следствия, о которых говорил ему Бобров.

Мизгирь, попавшийся на мелкой краже, и не предполагал, что вскоре он предстанет перед органами следствия и как активный участник банды Лобова.

— Ты кто? — хрипло спросил Мизгирь, идя на примирение.

— Человек.

— Вижу. Откуда знаешь про Мизгиря?

— Сорока на хвосте принесла.

— А ты не из этих... а? — он кивнул головой на дверь и выразительно поглядел в сторону чернявого с напарником.

— Во, разглядел-таки! Я старший следователь по особо важным делам. Дошло в твою коробку?

— Ладно, — скривился Мизгирь и сплюнул к параше. — Табак хоть есть?

— Дружу с медициной, — вздохнул Алексей. — А она, как известно, против этой отравы.

— Ну и хрен с ней, — мрачно процедил сквозь редкие зубы Мизгирь. — Нам с ней не целоваться, с медициной твоей. Бережешь здоровьице? — осклабился он презрительно.

— А как же... Думаю еще деток вырастить и на путь истинный их наставить, — отозвался весело Алексей.

— Ишь ты, — дернулся в гримасе Мизгирь и больше не приставал к Алексею.

А тот сделал вид, что засыпает. «Озадачил? Поскреби в мозгу, гад. Поскреби... Ты видишь, я тебя ни чуток не боюсь. Могу и всхрапнуть, и ты не полезешь. Потому что ты трус и побоишься нового дела... А тот чернявый горяч и смел — это видно. На него тоже подействовал мой «концерт» со старостой. Интересно, о чем они шепчутся со своим напарником?.. А вообще-то хорошо, что не ввязались... Могли бы трое-то и под нары загнать. Важно было обломать сразу рога этому блатному. Пусть теперь подумает, откуда мне известно его прошлое. Наверно, перебирает в уме прошлые свои встречи. Подумай, подумай. А мне, пожалуй, действительно вздремнуть не мешает...»

Алексей вздыхает и переворачивается на другой бок.

Мизгирь был явно удручен. Оплеуха озадачила рецидивиста. Он был ошарашен вестью о том, что кое кому извест-

но о самом страшном его злодеянии. Между тем в отделе по борьбе с бандитизмом не было веских улик. Просто там догадывались о его участии в банде. «Ничего. Подумай. Помечи икру, староста... А я тебе ничего не скажу больше».

Мысль Алексея перекинулась на деревенских парней. «Тот белобровый курносый увалень, кажется, переживает больше, чем чернявый...»

Потом всплыли слова Панова:

«Оба они задержаны на станции Анна. Сбивали награбленное барахло. Категорически отрицают свое участие в банде Болгова. Более откровенным и раскаявшимся кажется Фетисов. Девку его сосватал за себя один комсомолец. Вот и взбеленился. Под пьяную лавочку спутался с бандюгами. Кровавых дел за ним не было. Одумался. Теперь переживает. А Шванов и раньше с городскими ворами дело имел. Несколько коней увел и замыкал куда-то. А когда напали на его след, махнул в банду...»

«Кто же из них Фетисов, а кто Шванов? — думал Алексей. — Шванов, похоже, этот, чернявый. А из того, курного, так деревня и прет. Сильный, видать, парень, но трусоват. Обстановочка не в его пользу. Придавила парня».

В камере на потолке, опутанная проволокой, тусклая электрическая лампочка. Щелкнул «волчок».

— Староста! — послышался голос дежурного.

Мизгирь торопливо подошел к двери.

— Возьми бычок, — и протянул ему недокурную папиросу.

— Спасибо, гражданин дежурный, — обрадовался Мизгирь и, схватив на лету «бычок», жадно затянулся им.

— И спать, спать! — сурово произнес дежурный, закрывая «волчок».

На локте приподнялся чернявый. Мизгирь бросил на него быстрый взгляд, подмигнул.

— Иди затянись.

Тот сорвался с нар.

В камере поплыл кисловатый запах махорки.

«А табачку бы можно прихватить им, — подумал Алексей. — Чернявый заядлый, видать, курильщик».

...Трое суток уже в камере Алексей. Больше молчит. Заметил: курносый всякий раз вскакивает и бледнеет, когда открывается камера. Зато молниеносно поедает баланду. Алексей прикинулся расстроенным и раза два уже отказывался от еды.

— Бери, — отдавал он свой паек курносому. — Как тебя кликали на воле-то?

— Проща...

— Ешь. Наводи тело, Проща.

На пятые сутки дежурный по корпусу вошел в камеру с листком бумаги. Закрыв за собой дверь, вполголоса прочитал:

— Степанов! Он же Горбатов, он же Спирин, он же Юдаков... — и презрительно усмехнулся. — Есть такой?

— Есть, — отозвался Алексей.

— К следователю!

Алексей стал неторопливо одеваться.

— Быстрее, быстрее! — поторапливал дежурный.

— А ты не кричи. А то вот пожалуйсь следователю, что грубишь. Куда мне торопиться? Добро бы на свадьбу, как сказал один знаменитый пахан из Древней Греции.

— Давай. Давай...

...Пока Алексей отдыхал в одной из комнат Боброва и уплетал за обе щеки гуляш, Панов постучал в его камеру из соседней, откуда отправили заключенных в баню.

Он выстукал: «Где Васька Каин?.. Где Васька Каин?» Староста ответил: «Такого нет».

«У вас третьи сутки неопознанный Васька Каин... Передай ему: его продала сука Валька Красуля...» Чирк, чирк по стене: все.

Мизгирь широко открытыми глазами посмотрел на притихших деревенских парней, присвистнул и соскочил с нар.

— Вот это птичка! Приветик!

— Что там? — не вытерпел чернявый.

— Каин... Понял? Деревня! — сквозь зубы цыкнул слюной Мизгирь, презрительно морщась. — Король одесских мокрушников. Ха! Да он твоего «батьку» обведет и выведет! Ха! Каин! Да это же на всю Россию!..

— Ух ты, — удивился белобрысый, и в его огромных телячьих глазах вспыхнул огонек.

— Ну вы! — посуровел Мизгирь. — Ни гугу. Ясно?

— Ясно, — с готовностью кивнул чернявый. — А ты б сказал все же... О нем-то... А?

— А слышал, по какой канве шагает Степанов... Горбатов... Он же Юдаков. Ха! Закрутил он мозги. Васька Каин... Человек. Большой человек... А как он меня, а? — Мизгирь умильно хихикнул. — Да боже ж мой, если б знать!..

Но как бы ни преклонялся он перед заслугами **Каина** в бандитском мире, воровская, продажная душонка его уязвлена была расправой с ним, и он решил отомстить Каину.

В голове быстро созрел план: не говорить ничего Каину, а осторожно попроситься к следователю и продать его.

Мизгирь, бормоча что-то под нос, усмехаясь, ходил по камере и радостно потирал ладони. «Неопознанный... Ха! Ты еще узнаешь про Мизгирия... А уж как опознают — не выпустят... Вышка будет, Каин... Вышка!»

...Поздно ночью вернулся в камеру Алексей. Он казался разбитым, уставшим. Бросив Мизгирию, соскользнувшему с нар, осьмушку табака, молча залез на свое место, лег и вскоре захрапел...

Глава 13

Дни тянулись медленно. Алексей обратил внимание на резкую перемену в обращении к себе со стороны Мизгирия и деревенских бандитов. Давно заметил, как тот белый увалень глубоко переживал свое заключение. Тихонько подсмеивался над ним:

— Как там тебя навеличивают? Федот, кажется?

— Не-е... Прощка... Я же сказывал. Прощка Фетисов...

— Тьфу, черт, и правда. Старею, что ли? — Алексей засмеялся. — Ты, парень, на кровавого бандита не похож.

— А я и не кровавый... Я ни одной души не загубил! Вот ей-богу. — Он истово перекрестился.

— Не загубил — не попал бы...

— Из-за девки...

— Не поделили?

— Не поделили, — тяжело вздохнул Прощка. — За активиста вышла... Тут «батька» нагрянул со своими парнями. Я спяну-то и увязался за ними. Они меня тряпки сбуть послали на станцию в Анну... Вон с ним. — Он кивнул головой в сторону чернявого.

— А ты поплачь... Может, полегчает, — зло стрельнул глазами тот. — Расквасилась, баба!

Прощка покраснел, буркнул про себя:

— Связался с кем... Гады! Им то что... кулачье проклятое... А вот тут... припухай...

— И увязался ты за куркулями? — поддразнивал Алексей.

— Шкура барабанная, — с ненавистью выдавил чернявый. — Дерьмо! Бил таких и бить буду!

— Отгулял свое, — спокойно бросил Прощка. — На Соловки пойдешь или к стенке поставят.

— Вместе пойдем... Там тебя запрягут в тачку...

— Ну и пусть. Не испужал. Привычный я. А вот тебя

согнет она... тачка-то... Гы-ы! — Прощка доверчиво посмотрел на Алексея. — Правда ведь?

Алексей глаз в глаз чернявому, хитро подмигивая:
— Что ты скажешь, красавчик?

Тот сверкнул шалым глазом, пропел:

Мы работы не боимся,
на работу не пойдём...
Черти пусть горбятся на ней...

Это уже явно налетное, тюремное. Чернявый старался подражать таким, как Мизгирь. Часто употреблял блатные словечки, значение которых едва ли понимал. Одно сочилось из его нутра натуральное, не наигранное: ненависть к советским порядкам, тоска по прежней вольготной жизни сына состоятельного хуторянина.

Прощке претило его показное ухарство. Он еще не верил, что простой деревенский парень может стать жуликом, отпетым уркаганом без роду, без племени.

Алексей понимал Прощку и в душе сочувствовал его страданиям. Но ему нужен был Шванов. Надо сблизиться с ним. Алексей делал вид, будто не замечал его в камере. Как-то далеко за полночь он тихо слез с нар и, сделав вид, будто чем-то озабочен, стал ходить по камере.

Он видел, что чернявый не спит и наблюдает за ним. Алексей продолжал старательно вышагивать из угла в угол.

Где-то за окном, забранным решеткой, гудела выюга. Тускло светила лампочка. От деревянной парашки несло псиной. Было прохладно.

Неожиданно поднялся Шванов.

— Гуляет? — кивнул он на окно. — Сейчас милое дело в крытом овине да с горилкой... Эх!

— Успеешь... Нагуляешься... Какие твои годы! — весело подмигнул ему Алексей.

Они присели на нижних нарах.

Хлопнув его дружески по коленке, Алексей озабоченно проговорил:

— Завидую тебе. Дело пустяшное. Открутишься и снова на волю.

— А у тебя?

Алексей махнул рукой. Вздыхнул. Промолчал.

— Я знаю, — тихо прошептал чернявый. — Ты... Каин... Да?

Алексей резко вскинул голову, схватил парня за грудки, притянул к себе и жестко, сквозь зубы:

— Ты, пикнешь... Утоплю в параше! — Потом оттолкнул легонько от себя, приглушенно как-то рассмеялся. — Чокнулись в тюрьге на этом Каине. Путаешь, парень.

— Нет, правда? — Чернявый во все глаза смотрел на Алексея восхищенно, преданно.

— Заткнись... Услышат.

— Да они ж знают. И староста, и тот, халява деревенская...

— Говори, — приказал Алексей.

— Когда тебя не было, из соседней камеры постучали... Староста слушал... Кружку подставил к стене и слушал.

— Ну?

— Васька Каин, говорят, у вас... Неопознанный.

— Тсс...

Чернявый испуганно посмотрел на «волчок» и продолжал шепотом:

— Скажите, говорит, ему, что его продала Красуля.

— Сука! — вырвалось у Алексея. Он вскочил. Но тут же хохотнул и сел обратно. — Да ты знаешь, кто такой Васька Каин?

— Слыхал...

— Слыхал! А я с ним не одну хазу завалил. С десяток нэпмачей по миру пустил... Он правой рукой Мишки Япончика был в Одессе... Ах, Одесса-мама!.. — И вздохнул: — Нету больше Васьки Каина... Шлепнули, гады. Нету и не будет. Культурный был человек. Джентльмен. А на пулю шел, как к марухе на свидание. Это о нем Максим Горький сказал: «Человек с большой буквы». Да-а... — И, словно спохватившись: — Как хоть нарекла тебя мама? Живем в одной горнице второй месяц, и не знаю... Ты мне нравишься, парень. Есть в тебе такая нашенская закваска.

Чернявый смутился. Глаза его вспыхнули.

— Колькой зовут. Шванов я по родителю. А родитель... Родитель-то... — Он захлебнулся от волнения, тяжело задышал, ноздри его задрожали. — Четыре орловских жебца... на выезд. Только один Буран чего стоил.

— Жеребец?

— Мгм. Начальник милиции ездит теперь.

— А отец?

— Известно... Сосланный...

— Как же ты?

— А я с поезда ушел... Слушай! — оживился вдруг Колька. — Люблю таких парней, которым сам черт не брат... Можно мне назваться... Ну будто Колька Мститель... а?

— Что будешь делать? Воровать?

«Мститель» поморщился.

— Не лежит душа. Мне бы головы набок этим активистам или мильтонам сворачивать. Жечь, крушить намертво всю эту сволочь!.. Потому как обиду незалечимую имею здесь. — Он стукнул себя кулаком в грудь. — Лежу вот. Закрою глаза, а передо мной наш хутор у речки. Солнце. Цветы кругом. А тут Буран еще жеребенком был... Ластится ко мне. И как подумаю, что он в упряжке начальника милиции теперь — хоть на стену, ей-богу!

— Ничего. Потерпи. Может, удастся вырваться. Свидишься с тем начальником. Потолкуешь по-своему.

— Ого! Еще как потолкую! — Колька свел тугие черные брови, на скулах забугрились желваки. — Разрисую так, что родная мать не признает.

«Этот разрисует... Сволочь отпаяет... Интересно, поверил или нет, что я не Каин?»

Неожиданно спросил:

— Так, говоришь, выдала Красуля?

Чернявый недоуменно расширил глаза, кивнул головой.

«Пусть думает, что хоть и слушал его, не признал за собой Каина, а вот вдруг нечаянно проговорился. Пусть. Так лучше».

— Она... Так сообщили, — обрадованно кивнул Колька, преданно заглядывая в глаза Лешке.

Алексей сделал равнодушное лицо. Зевнул и как можно спокойнее бросил, поднимаясь:

— Не по адресу... А впрочем, черт с ними. Давай спать...

Колька охотно согласился. Ложась, Алексей поймал на себе торжествующий взгляд «мстителя». «Нет, поверил. Этой Красулей выдал себя... Ну и отлично. Надо солидней держаться. За спиной такая слава бродит, а ты бы перед ним зеленым выложился!.. Усомниться мог. А так покрепче узелок будет. Отрицай и незаметно проговаривайся».

...Прошло еще дней десять. Дважды за это время Мизгиря вызывали к следователю, и всякий раз возвращался он в камеру беззаботным. Иногда приносил махорку. Угощал всех. Похоже, дело его шло так, как надо было — по мелочам. К Алексею лип, угодничал, юлил перед ним, цыкал сердито на «деревню», когда те затевали очередную свару между собой.

А «деревня» явно раскололась. Прошка тяжело переносил камеру. Страдал в открытую о воле, вслух клял себя за свою необдуманную горячность, толкнувшую очертя голову на преступление. В округлых плечах его, крутой груди

чувствовалась большая физическая сила. Своего напарника, красивого, тонкого Кольку, мог согнуть в дугу. Но тот был горяч, смел, и Прошка побаивался его.

«Молодец, Прошка, — приглядывался к деревенскому парню Алексей. — А какой брезгливости полно его отношение к Мизгирю... Да и ко мне, пожалуй, не лучше. Только козырь мой повыше, чем у Мизгиря. Побавляется. А из него будет еще человек. Это точно... Мизгирь уже капнул на меня и доволен. Не догадывается, мразь, что над ним уже виснет черная туча страшных неопровержимых улик».

Как-то, придя с очередного «допроса», Алексей сделал вид, что ужасно расстроен. Он ходил по камере, не замечая соседей своих, пил воду, а потом залез на нары, упал ничком на жесткую подушку и замер.

Мизгирь за видимой озабоченностью едва скрывал свое торжество.

Вот и сейчас Алексей расслышал его булькающий шепот:

— Накрыли, гады... не иначе... Ишь, переживает... А у него дел — не расхлебать одной жизнью...

Утром Алексей отказался от баланды.

— Подавитесь вы ею сами! — крикнул он запальчиво дежурному по коридору.

— Но, но! — грозно отозвался тот. — В кандей захотел? Живо доложу!

— Докладывай, шкура! Плевать я на вас всех хотел, подонки!

Вскоре появился дежурный по корпусу. Тыча пальцем в сторону Алексея, коридорный докладывал:

— Вон он, товарищ дежурный... Кричит, оскорбляет... Баланду чуть не в лицо плеснул.

— Ты чего разбушевался? — шагнул в камеру дежурный.

— А пошли вы к...

— Выходи! — приказал дежурный, потрясая огромной связкой ключей. — Погреешься в карцере на ветерке, отойдешь.

...Когда свернули за угол коридора, хлопнул Алексея по плечу, мирно спросил:

— К Боброву?

— Ага.

— А у нас в городе... такое дело... — Дежурный замаялся, тряхнул ключами.

У Алексея упало сердце.

— Что случилось?

— А вон посмотри в окно. — Он отдернул тяжелую темную штору, и Алексей увидел заснеженную площадь, а на ней народ.

— Комсомолку тут... секретаршу... Может, знаешь — Наташу...

— Что-о?

— Убили бандюки в поезде... Понимаешь, возвращалась с ребятами из деревни...

Алексей больше не слушал его. Он бросился по коридору вперед.

— Стой! Погоды! Задержат ведь тебя там! Слышь, что ли! — тяжело, с придышкой кричал дежурный, с трудом поспевая за Алексеем.

Алексей остановился, припал спиной к холодной стене. «Да, да... Но ты-то знаешь, какая она, эта Наташа! Неужели?!» — зажмурился, скрипнул зубами Алексей.

— Погоди, позвоню товарищу Боброву! — дежурный торопливо протопал мимо и скрылся в комнате.

Алексей подбежал к окну и вдавился лицом в закуржавшее стекло.

— Наташа... Как же это, а? Как же ты? — выстукивало в горячих висках. — Нет, мне надо обязательно увидеть тебя, Наташа... Я не могу. Я хочу спросить тебя... Как же ты, а?

Тугой комок перехватил горло. Алексей плакал, не замечая слез. Взгляд его упал на форточку. Он вскочил на подоконник и рванул ее на себя.

«Я за любовь, но не за мещанскую... А вы вот, молодой человек, волосы отрастили, а перхоть — будто извести со стены сыплется...»

Это там, на диспуте... Где-то здесь же Ксения...

А еще раньше, в депо: «Нам распущенных в комсомоле не надо. Мы — смена большевиков. Мы новая, здоровая поросль, рожденная революцией...»

Ах, Наташа. Спросить бы тебя. Что вышло? Почему — ты?

Кто-то теребит за ноги. Дежурный задрал голову.

— Слазь... Слазь, Алексей... К телефону Виктор Петрович кличет. Прихлопни... Прихлопни форточку-то, а то нагорит мне.

В телефоне совсем чужой, незнакомый голос — строгий, металлический. А может, это медь оркестра ударяет в голову?

— Я думал к вам, Виктор Петрович...

— Думал и раздумал? — жестко, холодно.

— Все перепуталось... Наташа вот...

— Что Наташа? Что! И ты?.. А ну марш на место! Ты где находишься, Сокол? Где, я тебя спрашиваю? На боевом задании?!

— Так точно!

— Какого ж ты... дьявола, а? — И что-то уже хрустнуло, надломилось в тоне Боброва, он хочет выпрямить прежний тон и не может. Тяжело дышит, сипло, с присвистом. И совсем уже мягко, расслабленно: — Ну чего тебе?.. А впрочем, я сам видеть тебя хотел.

В кабинете чуть вздрагивают стекла. Гремит совсем рядом где-то тяжело, надрывно оркестр. Они стоят вдвоем и смотрят молча на бесконечный поток траурной процессии.

Потом Бобров нервно ходит из угла в угол. Похрустывает ковер под каблуками его сапог.

Шуршит ладонь по небритым скулам. Под конец одно за другим с его губ падают два слова — обветренных, жестких:

— Не уберегли.

— Как это все... Виктор Петрович?

— Да как! Ехали в поезде. На самом повороте к станции — гора из шпал на рельсах. А из перелеска, стреляя из обрезов по вагонам, скачет банда. Наташа подняла ребыт. Забаррикадировали двери. Сами стенкой уперлись. У нее был браунинг. Двух сняла. — Бобров устало опустил-ся на стул. — И в висок... навывает...

— Где это... случилось?

— У станции Анна... Банда Болгова.

— Мироныч, — вырвалось неволью у Алексея. — Как он теперь, старик?

— В одну ночь стал как лунь.

Бобров взял со стола газетку, развернул ее и подал Алексею.

— Почитай стихи... Твой друг пишет. От сердца оторвал.

— Гранька?

Над стихом жирной линейкой отбито: «Евграф Калинин».

Ниже: «Здравствуй, Наташа!» А через две колонки черным шрифтом: «Памяти Наташи Ишутиной».

Стонут ветры в вышине,
Серый ворон кричит.
В хрусткой, жесткой тишине
Ночь бандита прячет.

Что ему твои глаза,
Сердце, пламень речи?
Молча падает лоза
Под удар картечью.
Зорьки девичьи, что сполох,
Стынут середь пашен.
Сизой струйкой тает порох
У лица Наташи...
Побелели.

 Мерзнут губы...
Тише! Тише!

 Слушай!
Отчего так плачут трубы,
Слезы у подружек?
Нет, не слезы!
Клятву дайте!
Клятву боевую!
Мы споем, Наташа?
Встаньте!
Пусть враги лютуют...
Лютовать недолго станут.
В этом мы порукой.
Образ твой навечно с нами,
Девушка, подруга.

— Почему «Здравствуй, Наташа!»? — прошептал Алексей.

— Поэту видней... А вообще — верно. Пойми суть!

— Понимаю. Наташа должна быть в строю... всегда с нами...

— Наверное, так.

— Виктор Петрович, я не смогу видеть эти рожи в камере... Этого красавчика чернявого прибил бы парашей! Он настоящий вражина. За Наташу вырву ему горло!

— Ну, ну... Успокойся... Не делай глупостей, — поднял руку Бобров.

— Да как же!.. — крикнул Алексей, махнул рукой и отвернулся к окну.

Горло его перехватывали спазмы.

— Вот что, Алеша, — мирно произнес Бобров. — Я тебя понимаю. Мы, чекисты, — тоже люди. И все у нас прочее — как у всех. И селезенка, и почки... Но сердцем мы обязаны повелевать сами. Понимаешь? Обязаны! — И вдруг совсем будничным, деловым тоном: — Поедете вместе на станцию Анна... У всех у вас одна версия: вы не опознаны. Там — очная ставка со свидетелями и пострадавшими. На этой станции кем-то убит сотрудник милиции. Мы подозреваем тебя.

— Меня?! Ну да... Понятно.

— Во время этапирования вы все трое сбегаете... Будь

осторожен. Конвоиров мы предупредили, но чтоб ни одной жертвы. Кстати, винтовки будут не заряжены.

— Ясно.

— Подготовь к побегу обоих — Фетисова и Шванова.

— Все ясно, Виктор Петрович... Но этот Прошка...

— Какой Прошка?

— Фетисов.

— Что там?

— Он не бандит.

— Кто же он?

— Фетисов мог не говорить всего на следствии, но он случайный человек в банде.

— Посмотрим. У тебя есть что-нибудь существенное?

— Существенное? — на миг растерялся Алексей. — Нет, ничего существенного... Но он не бандит. Это точно! Бобров усмехнулся. Закурил свои «Сухумские».

— Ты тоже поэт!

— Нет, Виктор Петрович. Этот человек действительно запутался. Он безвредный сейчас, честное слово!

— Хорошо. Посмотрим.

А за окном по-прежнему тяжело всхлипывала флейта, ухали басы. Молодой город молчаливо вливался в процессию, запрудил всю площадь, все прилегавшие к ней улицы и проулки.

«Может, и Гранька с ними?» — толкнулась мысль. Он спросил об этом Боброва. Тот отрицательно качнул головой.

— От койки до койки пока его дорога. Очень слаб.

Провожая, Бобров сообщил о Мизгире:

— Признал тебя за Каина. Сам заявление сделал.

— Я ожидал этого. Значит, предал? — улыбнулся Алексей.

— Будешь знать наперед, с кем дружбу водить...

— А что о нем нового?

— Амба. Полная картотека. И у белогвардейцев верой-правдой служил, и в бандах побывал. Мелкая кража — инсценировка. Почуял крах. За ним по пятам и ростовские товарищи шли, и из Курска подбирались. В общем, как говорят охотники, огортапили, обложили бандюгу.

— Одним гадом на белом свете меньше будет, — с ненавистью произнес Алексей.

Возвращался Алексей в камеру на третьи сутки. До этого в комнате отдыха они встретились еще раз с Пановым. Тот рассказал, как хоронил город Наташу.

— Отца знаешь ее? Мируныча? — спросил Алексей.

— Знаю. Чугуев Степан Иванович не отпускал его от себя. Окаменел старик...

— Если б ты знал ее, — выдавил со стоном Алексей. — У нее и с отцом, как с товарищем, отношения были. Все просто, все ясно... Такая Наташа...

— Мы на войне, Алеша, — посерьезнев, сказал Панов.

— Боюсь я теперь за себя. Могу стукнуть этого в камере.

— Не шали. Я отправляюсь в Анну завтра. Буду сапожничать там на рынке в райцентре Панино. «Скорый ремонт» открываю.

— Слышал.

— При первой же возможности держись моей связи.

— Понял.

— Если от тебя человек будет, запомни пароль: «А не согласитесь ли вы пошить мне хромовые сапоги?» Отзыв: «Только из материала заказчика».

— Запомнил.

— Ну, а теперь до побачения, как говорят запорожцы. Они обнялись.

Мизгиря Алексей не застал в камере.

— Сегодня ночью вызвали с вещами, — рассказал Шванов, настороженно всматриваясь в лицо Алексея. — Распрощался весело, даже пайку свою Прощке отдал. Лагерная, говорит, с довеском будет. В суд, что ли, его?

— Может, и в суд, — устало произнес Алексей, забываясь на нары. — Дело-то, кажется, у него плевое...

Шванов обеспокоенно хлопотал:

— Не сердись, браток, заболтался. А ты ведь жрать небось — как та пороса, которая от матки отбилась. Там ведь, в карцере, триста граммов!

Он достал из своего мешочка пайку ржаного хлеба.

— На, сэкономили мы тут с Прощкой... Ешь. Ешь.

— Правда, ешь, — поднялся на локте Прощка. И, расширив телячьи свои глаза, с затаенным страхом: — А что, это правда, что в том самом карцере, черт бы его батька, холодное поддувало устроено? А может, брешут?

— Брешут, — отозвался, вздыхая, Алексей. Взял пайку. — А за это спасибо.

— Ну я же говорю! — воскликнул Шванов, бросив насмешливый взгляд на Прощку. — Какая им выгода чахоточных плодить!

— Тут этот Мизгирь рассказывал, как ему довелось и в трубе какой-то стоять, — продолжал, успокоившись, Прощка. — Стоишь, говорит, на решетке, а из нее ветро-

дуй холодный так и шпарит. А труба такая: туда шаг и сюда шаг, а потолка совсем нету.

Шванов выжидательно посмотрел на Алексея. С губ его вот-вот готово было сорваться презрительное «Тоже скажет!», но вместо этого:

— А ты что, нашкодишь против власти и христово яничко просишь к празднику?

Шванов смутился. Прощка же победно посмотрел на него.

— Значит, есть. А что? И верно! И пусть!

Алексей подлил масла в огонь:

— Власть-то она, может, и действительно народная... Да народ-то разве дурак? Он завоевывает, крови своей не жалеет за новую жизнь, а ты рушишь все... Покою не даешь ему. Да нас таких...

— Ну и черт с ним! — вспыхнул Шванов, и бешеные искры заметались в его глазах. — Я тоже хотел жизни настоящей, а мне не дали ее... Пусть хоть труба, хоть петля — все равно пойду! Мне теперь без останова идти.

Прошло еще несколько суток. Вдруг стало известно, что всех троих заключенных отправляют на станцию Анна на следствие и очные ставки.

Ночью Шванов признался:

— Тебе того милиционера зря мажут, Каин. Я шлепнул его, приму на себя.

Алексей усмехнулся.

— Не знаю, о каком ты милиционере калякаешь, и это очень мило с твоей стороны, но тот, что я шлепнул, — он мой...

— Так, значит...

— В том и дело. Не в ту хазу попал. Он руку под подушку, его и... Давнишнее дело раскопали.

— Слушай! — загорелся Шванов. — А что если дорогой попытаться...

— Тсс... Прощке — молчок.

— Верно. Продаст, шкура. Скурвился он, по-моему. Значит...

— Я давно хотел предложить тебе.

— Все. Зарубил, — твердо бросил Шванов.

— Лучше это сделать в поезде, — предложил Алексей. — Смотря сколько конвоиров будет... Думаю, не больше двух.

— Из тюремного вагона не уйти, — усомнился Шванов.

— На таком расстоянии отдельных вагонов не цепляют. Это твердо.

— А если пехом, да впереди и сзади — конные?

— Далековато пехом-то. Да и небезопасно. Места-то ваши. Так ведь?

— Наши! — загорелся Шванов. — Могли бы и отбить. Вот бы здорово!

«Во вражина! — подивился его ненависти ко всему советскому Алексей. — Этот пойдет... Лютый волк... лютый. А все же побаивается».

— Ладно, — примиряюще сказал Алексей. — Дай-ка воды!

Шванов подал ему глиняный бокал. Рука его вздрагивала. Алексей глотнул воды и, отдавая бокал, весело подмигнул:

— Что, скребет?

— А-а, мне все едино! — отмахнулся Шванов.

— Нет-нет, видно, заскребли кошки, — засмеялся Алексей. — А ведь липу сказал я тогда про это поддувало и прочие казни.

— Я ж знал, не может такого! — повеселел Шванов. — Это ж не ранешние палачи.

«Подлая тварь. Знает. Надеется на хорошее к себе отношение, — проплыла мысль. — А с ним нелегко будет. Как-то, интересно, поведет себя Прошка? Они, кажется, так и не примирились. Может, не тревожить его? Как бы не помешал... Не сорвал операцию».

Поздней ночью в камеру вошел молодой коридорный надзиратель. За дверью стояло еще три таких же молодых человека.

Шванов приподнялся и сел на нарах.

— Ты из банды Болгова? — тихо спросил коридорный.

Алексей приоткрыл глаза, узнал одного из комсомольцев охраны. «Что ему надо?» — подумал он.

А тот уже командовал.

— Выходи!

— С вещами? — насторожился Шванов.

— Так выходи!..

За ними закрылась дверь.

Алексей рванулся к ней. Прижался ухом. Сначала он слышал тяжелые вздохи. Так обычно человек колет дрова — с придыхом, потом приглушенные грубые голоса: «Ты болговец, гад?» — «Да?» — «Хотя бы...» — «Ах ты, сволочь!»

«Что они задумали, идиоты!» — возмутился Алексей и забарабанил кулаком в дверь. Звякнула щеколда, и в камеру, будто куль муки, полетел прямо с порога Шванов.

— Ты еще получишь свое за Наташу, бандюга!

«Дураки, какие ж дураки! — схватился за голову Алексей. — Так ведь и срок заработать недолго. Тьфу, идноты... Вот потребует прокурора, скажет, угрожали расправой и — крышка. Перед законом ведь все равны».

Шванов тяжело сел на полу. Отплевывался молча. О чем-то думал. В глазах напряжение. Неожиданно спросил:

— Какая такая Наташа! Кто она есть?

Алексей пожал плечами. Потом, будто спохватившись:

— Ну уж, наверно, не из притона. Активистка, может. — Безразличный тон с трудом давался Алексею. Где-то на сердце билось злое, мстительное.

— Ну, за ребят своих и пострадать не страшно, — задыхливо пробормотал Шванов, — пытаюсь улыбнуться. — Может, стукнули ту активистку? Одной сукой меньше. Ничего! Дождемся и мы своего праздника! Дождемся!..

— Но ты-то здесь при чем? — подал голос Прошка.

— За дело, — огрызнулся Шванов. — Я — болговец. Не тебя же стащили с нар, куль вонючий.

— Я б на месте этих парней не выдержал — дал бы тебе припарочку, — презрительно усмехнулся Прошка. — Век бы не забыл. До девчонок добрались, герои! Тьфу!

— Ну-ну, — зло метнул глазами Шванов. — Видно, заслужила. Не крутись под рукой!..

Алексей смочил в воде платок и подал его Шванову.

— Прикладывай ко лбу, полегчает. Струхнул ведь? — насмешливо бросил он и подмигнул Прошке. Тот откровенно рассмеялся. Шванов швырнул платок к порогу, сбывшись, молча полез на нары.

* * *

Наташа... Перед глазами Лешки — столярный цех депо. Посредине — на кирпичном пьедестале — огромная железная печка. Ребят собралось со всех цехов — не протолкнешься. Сидели на скамьях. Некоторые забрались на подоконники. Сидят бьют пятками о стену. Семечки лузгают. Лешка протиснулся вперед. Присел на одно колено. Прямо перед ним — стол, накрытый красной материей. За ним — стриженная в кружок, в комсомольской юнгштурмовке девушка.

— Ишутина Наташа, — сказал сосед справа. — Дочка машиниста Ишутина. Из горкома она, комсомольского.

— Откуда знаешь? — усомнился Лешка.

Мальчишка тряхнул чубом. Небрежно бросил:

— Говорю — значит знаю...

И вдруг заинтересованно:

— А тебе Чугуев — сродственник?

— Почему ты так решил?

— Да так. Он ведь вас с корешем в депо приволок откуда-то, да?

— Ну и что?

— Да ништо. Хороший он. Добрый. Меня тоже он... Всем он нам, выходит, большая родня.

— А ты кто?

— Санька Орлов. Слесарем буду. — И добавил небрежно: — Я уже тут штатный.

Саньке на вид лет двенадцать. Маленький, щуплый. А в глазах — мужское достоинство и степенство. Рядом с Санькой — толстогубый с презрительной усмешкой в глазах пухлощекий парень. Он сплевывал шелуху прямо под ноги, поглядывая независимо вокруг.

С Наташей примостился на край скамьи высокий худой парень в студенческой куртке и очках. Он что-то шепнул Наташе. Та улыбнулась. Поднявшись, оглядела собравшихся и, подняв руку, звонко сказала:

— А ну, порядочек, парни! Тихо! Прекратите шелкать семечки. На собрание пришли, а не на вечерку. Вон ты, тебя не касается? — обратилась она к губастому.

Санька бесцеремонно ткнул его локтем.

— Ты, губан! А ну, закрой рот! — прошипел он.

— Полегше, — огрызнулся тот.

— Я вот тебе как двину по соплям... Расплевался тут, — взъерошился Санька.

«Смел, чертенок. А в чем только душа держится», — подумал Лешка с уважением.

— Тише! Разрешите первое молодежное собрание считать открытым!

Студент ударил в ладоши. Все захлопали.

Потом избрали президиум. Все как у взрослых. Как положено.

Это всем понравилось. Каждый почувствовал себя причастным к какому-то большому и серьезному делу. И уже никак не думал Лешка да и сосед Санька Орлов, что им придется вести ответственное собрание.

Когда они не совсем уверенно прошли к столу, Наташа серьезно сказала:

— Ну вот, товарищи, вам доверено вести собрание. Кто-то из вас должен писать протокол.

— Я не смогу, — категорически и твердо сказал Санька.

— Почему? Это ж просто, — сказал студент.

— Для вас, может, и просто, а для меня — мука, — решительно тряхнул чубом Санька, хмурясь, будто всю свою жизнь безуспешно пытался вести эти протоколы. И пояснил: — Почерк никудышный. Сам еле разбираюсь в своей писанине.

— А ты, Сань, печатными шпарь, — выкрикнул кто-то озорно из зала. Смех, будто стая воробьев, взметнулся к потолку.

— Чего зубы скалите? Правда. Пишу вроде по-русски, а перечитывать стану — так черт те что получается. На каком языке и не поймешь.

Наташа положила руку на плечо Лешке, прошептала:

— Садись. Вот тебе тетрадка. Пиши...

Студент горячо говорил о роли молодежи в строительстве новой жизни. О значении Российского Коммунистического Союза Молодежи. После его выступления Наташа тут же открыла запись в комсомол. Желающих стать комсомольцами горячо обсуждали.

Наташа строго экзаменовала.

— Кем работаешь? Есть в родне нэпманы, белые офицеры, дворяне, священнослужители?

Ребята охотно потянулись в комсомол.

Какая-то новая живительная струя будто подстегнула жизнь заводской молодежи. Отвоевали классный вагон. Отремонтировали его. На открытие молодежного клуба снова приходила вездесущая Наташа. Хор организовала. Пели все вместе.

И радостно и горько теперь вспоминать об этом.

...Заложив руки за голову, лежит Лешка на тюремных нарах и смотрит на грязную лампочку. А память уже другое подсовывает. И не видит он ни этой опутанной тенетами лампочки, ни обшарпанных стен, ни тяжелых вздохов Прошки, постанывавшего от трудных, не приносивших облегчения, снов. Сидел Лешка в чистенькой комнатке Ксении, а она, чуть покачиваясь из стороны в сторону, стояла перед ним и, полуприкрыв длинными своими ресницами глаза, играла какую-то пьесу то бурную, ликующую и гордую, то тихую, мирно журчащую под ее бледными пальцами, как лесной ручей. Смычок то взлетает кверху, то падает вниз, и ткутся, тянутся за ним, будто шелковая паутинка, звуки то гневные, бурные и тогда кажется, вот-вот расколется небо и грянет гром, а то затрепещет, завьется крылышками, будто раненая птица на волне. Превратится в

светлый тонюсенький лучик-паутинку и замрет, растает, оставаясь еще долго-долго на сердце волнующим отблеском, каким-то чудесным всплеском зари. «Она ведь и сама-то, как та утренняя зорька», — шепчет Лешка и, тяжело вздохнув, видит вдруг себя в кабинете Степана Чугуева.

— Ты что будто чумной, а? — облапил он парня. — Смурый какой-то. Что стряслось-то?

— Я, дядя Степа, — свеличал его по-прежнему Лешка, — вроде б проститься пришел.

— Вот еще надумал! — воскликнул тот. — Как это проститься?

— То есть не совсем так выразился... Иду на дело. Так вот, захотелось повидать.

— Ну это другой сказ. Вроде благословения от старшего получить. За это не порицаю. Спасибо, Леша, за доверие. Так новое задание? Слышал я о твоих делах. Молодец. Только учти — не всегда лихо берут сложные барьеры. Этак мы и лбы скоро порасшибаем себе. Пора и нам мудрости да хитрости набираться и в делах мирных, и в делах горячих, где порохом припахивает. Так что будь осторожен и не торопись в риск. Погибнуть ведь дважды два, а вот как после-то? Ведь все равно кому-то доделывать наши дела придется, так уж лучше мы сами. Вот и решай свою задачку так, чтобы ты жив остался, а враг — повержен.

«Что-то стал осторожным шибко дядя Степа», — усмехнулся про себя Лешка, слушая его. А Чугуев заметил. Вот ведь какой приметливый! Улыбнулся. Погладил усы.

— Сомневаешься?

— Да нет, почему же... все верно.

Степан Иванович погрозил пальцем.

— У-у, хитрован! Говори, за чем пришел. С просьбой какой?

И уж не хотел говорить Лешка, что привело его к Чугуеву, да вырвалось как-то само собою.

— Тут семья есть. Нуждаются. Хорошие люди, — сказал и испуганно вскинул брови.

— Кто такие?

— Пархоменковы. Ксения, так она у вас... в канцелярии где-то.

— Знаю, знаю... Игрунья? На рояле, кажется.

— На скрипке, а мать ее на рояле может, — подхватил Лешка. — У них невозможная холодина в доме. А она больна. Мать-то. А Ксения... где ж ей дров раздобыть? Она

такая... такая... Да чего там! — махнул Лешка рукой. — Ей и полена не расколоть...

Степан внимательно посмотрел на парня. «И что я наделал, — спохватился Лешка. — У Чугуева в губпарткоме столько дел... ведь он тут и спит и днюет, а ты с дровами».

— Да ладно, дядя Степа... Это к слову. Разве до этого вам тут... Я уж пойду.

— Стой, стой! Ты что, нас бездушными чиновниками считаешь, а? А ну, говори!

— Да что вы! Просто... Нет же, действительно, у вас времени такими делами заниматься.

— У-у, бесенок... погоди, погоди, а ты-то тут при чем, а? Уж не зазноба ли завелась, а?

Лешка вспыхнул.

— Да что вы, дядя Степа... Просто она меня готовит на рабфак. Хожу, занимаюсь. А писать действительно у них — хоть рукавицы надевай.

— Как ее?

— Ксения, — вырвалось у Лешки.

Глава 14

Февраль весь буранный. В один из выюжных дней всех троих вызвали на этап. Поздней ночью их посадили на грузовую машину и привезли на вокзал. Сопровождали трое. Двое из них с карабинами, третий — старший конвоя — с наганом на длинном шнурке, по-кавалерийски. Невысокий, кривоногий, он щегольски прохаживался около дивана, на котором сидели заключенные, и отрывисто покрикивал:

— Граждане, которые особенно любопытные, в сторону, марш-марш! Вот вы, дамочка с муфточкой... Влюбились, что ли?

— Я? — ткнула себя в грудь испуганно дамочка. — Фи!

— Вот вам и фи! Отойдите на положенную дистанцию. Вот так. Вот так... Арестанты мои хоть и разбойники, а все же народ стеснительный.

В немногочисленной публике раздались испуганные возгласы. Какая-то старушка перекрестилась.

— Гражданин начальник... — тихо попросил Алексей.

— Что тебе?

— Можно по... надобности?

Тот строго посмотрел на конвоиров.

— Глядеть тут в оба! — приказал он. И Алексею: —

Пошли... Да смотри не дури у меня! — Он многозначительно похлопал по кобуре.

— Да что вы, гражданин начальник, учены!

— То-то...

У привокзальной уборной остановились.

— Погодь тут... Проверю!

Через минуту раздался его голос:

— Проходи!

И встал у двери. Приглушенно сказал:

— Ты вот что, Сокол, смотри там, не переборщи...

Понял?

— Понял. За кого ты меня принимаешь?

— Да ведь второпях далеко ли до беды?

— Значит, у самой Анны... Перед семафором. Так? — уточнил Алексей.

— Да.

— Я тебя обезоруживаю в туалете. Снимешь полушубок. В кармане наган. Документы на имя Свиридова Семёна Викторовича, уполномоченного ГПУ. Так?

— Все так. Я вот за того побаняюсь... толстомордого. Силен, черт!

— Будьте осторожны.

...Вагон болтало на стыках, встряхивало, покачивало из стороны в сторону фонарь «летучая мышь», который был закреплен под потолком посреди вагона. Пассажиры, испуганно поглядывая на грозную охрану у первого купе, жались где-то в полумраке других отсеков. Алексей со Швановым сидели на нижней полке. Прошка, покачиваясь, дремал на верхней. Там же, напротив него, спал освобожденный от дежурства один из конвоиров. У входа в отсек — часовой.

Командир, хрустя новой портупеей, прохаживался по коридору.

— У семафора... там подъем, — шепнул Алексей Шванову. — Я беру старшего... Попрошусь по надобности, а ты — этого...

Шванов кивнул головой. Понял.

Все шло как надо. И вдруг этот Прошка чуть не испортил весь спектакль.

Когда Алексей зашел из тамбура в полушубке командира охраны, а Шванов в одно мгновение выхватил незаряженную винтовку у второго конвоира, он сорвался, будто лавина, с верхней полки и придавил Шванова.

— Граждане! Бандиты разбегаются!

Алексей выхватил наган и ударил его со всего размаха рукояткой. Проща мешком сунулся на пол.

— Ни с места! — скомандовал Алексей растерявшемуся командиру.

Тот, икая, задрал руки кверху и сел.

— Ну, быстро! — крикнул Шванову и бросился к двери.

В тамбуре обе двери оказались закрытыми. Пришлось идти в следующий вагон и выбираться на лесенку через сцепку.

Повиснув на поручне вагона, Алексей посмотрел вперед. Ледяной ветер полоснул по лицу, выдавив тут же слезу. Впереди за иглистой студеной дымкой еле угадывалась розовая полоска огней. Слева, разламываясь в сугробах, высокая выемка. На гребне ее — лес.

Шванов присел на нижней ступеньке, тяжело дыша и отплевываясь.

— Здорово, а? — донесся до Алексея его торжествующий голос.

— Прыгай! — приказал Алексей.

Шванов весело крикнул что-то и метнулся в сторону. Вздрыгнул на одно мгновение снежный вихрь перед глазами, и тут же Алексей сжался в комок, напряжился и тоже прыгнул вперед.

Перевернулся раза три и влетел в сугроб. Твердый наст даже звякнул под ним, рассыпался на мелкие кусочки и больно вцепился острыми осколками в лицо.

Когда Алексей поднялся, отряхиваясь и щупая ушибленные места, прошумел, мелькнув красным фонарем, последний вагон. Он услышал, как постанывали рельсы, будто по ним пульсировала живая кровь. Ощупал наган. На месте.

На линию из кювета выскочил Шванов. Он хохотнул, прошелся иноходью по шпалам, замахал руками.

— Живы-здоровы, гражданин начальник охраны? Вот бы вслед пулнуть, а? — И он погрозил в сторону удалявшегося поезда.

Алексей, не остерегаясь, подошел к нему вплотную.

— Ну, дорогой, — вдруг сказал Шванов и схватил его за воротник полушубка. — Поносил и — хватит... Спасибо за освобождение...

Алексей извернулся и ударил его наотмашь по лицу. Шванов отлетел в сторону, взвыл, вскочил тут же и, махая какой-то железякой, бросился на Алексея.

Алексей выхватил наган. Шванов, задыхаясь, хрипел, пересыпая слова отчаянной руганью:

— Ты что же, гад, думаешь, я не догадался, кто ты был на самом деле, подлюка... К атаману Болгову потянуло? И Прошку сукой сделал?

Алексей понял, что успех всей задуманной операции решается здесь, на этих рельсах. Может, в этом месте приняла свой смертный час Наташа Ишутина. Может здесь, стреляя по вагонам, где находились мирные люди, мчалась, оскалась в диком реве, банда сволочей!

Он сжал зубы и, почти не целясь, выстрелил. Что-то звякнуло о рельсу. Железнодорожный костыль! Надо же ведь такое! Где успел взять? Шванов еще что-то хрипел, извиваясь на снегу, потом вытянулся, затих.

Это был лютый враг. Алексей готов был разрядить в него всю обойму. С минуту постоял около него, тяжело дыша.

Итак, легенда Васьки Каина сорвалась. Но могло бы и хуже быть. Хвати терпения у Шванова, пробрался бы Алексей с ним к Болгову, а там... Где же ошибся? Не очень ли сказочным оказался побег из вагона с разоружением начальника, с ротозеем конвоиром?

А может, уже тогда, на вокзале, что-то подозрительным показалось этому отпетому бандюге?

А Прощка? У того все естественно. Тот от души. Его и Шванов не мог бы обвинить. Человек честно, не кривя душой, порывал с бандой, с преступниками.

— Мизгирь! — неожиданно пришла мысль. — Этот мог... Эта телеграмма через стену... Это утверждение, что в нашей камере неопознанный Васька Каин, само по себе подозрительно. А для такого опытного рецидивиста, как Мизгирь, оно стало откровением. Да, не очень-то умно все это получилось, Леха...

Он вздохнул и зашагал по шпалам к станции.

...На рассвете в каморку дежурного по станции зашел молодой человек. На нем были легкий, романовской овчины, полушубок, шапка-ушанка и теплые валеные сапоги.

— Километрах в семи-восьми отсюда в сторону Ворожея обнаружен труп неизвестного, — сказал он и сунул дежурному бумажку. Тот испуганно пробежал ее глазами и, видно, ничего не поняв, спросил:

— Кто вы?

— Разве там ничего не сказано? — улыбнулся устало посетитель.

— Ах да... Простите...

Дежурный поднял на уровень глаз фонарь и снова углубился в чтение.

Наконец уразумев, кто перед ним, он вдруг страшно переполошился.

— Чем могу...

— Позвоните в милицию.

— Но мы, к сожалению, не связаны с нею телефоном.

— Пошлите человека.

Дежурный, высокий, очень худой, скуластый человек, задумался на минуту.

— Хорошо. Разбуду кассира. Он тут рядом... Одну минутку...

Видно, задремал Алексей, потому что совершенно не слышал, как шумно ввалились в кабинет дежурного три рослых парня в шинелях с карабинами за плечами.

— Позвольте документик, — вежливо, но настойчиво потребовал один из них, похоже, старший по команде.

Алексей показал документ.

— Вы на лошадях? — спросил он.

— В кошке.

— Пусть меня доставят в отдел. А вы организуйте доставку трупа. Тут недалеко. Лучше бы на дрезине.

— Ручная свободна, — предложил дежурный.

— Отлично, — похлопал рука об руку старший. — Иванцов! Отвези товарища!

— Есть!

С этого кабинетика уполномоченного Панинского районного отдела ОГПУ и началась новая легенда Алексея. Кабинетик был небольшой с низким потолком и давно не белеными стенами. Половину площади его занимали приземистый тяжелый стол с точеными ножками и низкий диван. На стенке у окна висел телефон «Эриксон и К°». Солидный телефон.

Уполномоченный был человеком еще молодым и, видно, с большим удовольствием носил армейскую форму с новыми хрустящими ремнями и желтой кобурой.

На левой половине груди, на красном банте, любовно и старательно сделанном под ромашку, — боевой орден Красного Знамени. Ему, как отметил про себя Алексей, доставляло немалое удовольствие встать со стула, привычно одернуть гимнастерку и как бы невзначай, мельком, взглянуть в небольшое трюмо, которое стояло тут же у телефона, пятерней ловко поправить русые мягкие волосы. Лицо его было примечательно тем, что выражало безграничное уважение к посетителю и полное доверие.

— Я все знаю, товарищ Сокол, — вставая навстречу,

сказал он и отстранил документ, который готов был предъявить ему Алексей. — Мне звонил Виктор Петрович... А не пойти ли вам на смелый шаг?

— С этим документом?

— Да.

— Я тоже об этом подумывал. Но это сложнее, чем задумывалось.

— Ничего страшного. — Он вышел из-за стола, одернул перед трюмо гимнастерку. — Мы вас будем разоблачать как волка в овечьей шкуре.

— Догадываюсь... Напишите всюду, что сбежал опасный рецидивист с документами уполномоченного ОГПУ?

— Верно. Кстати, моя фамилия Игнатов, в недавнем прошлом командир кавалерийского эскадрона Первой Конной.

Алексей подал руку.

— Я так почему-то и подумал, — сказал он, кивая на боевой орден.

— Да, это было в Замостье, в боях с белополяками, — вздохнув почему-то, произнес буднично Игнатов и, обняв Алексея за плечи, усадил его на диван. — Итак, вы напали на охрану, обезоружили ее. При побеге из поезда был убит Шванов.

— И обо всем этом вы разрисуете в своих листовках?

— Да.

— Как же мне пробраться тогда к Болгову? Меня схватят ваши активисты в первом же селе.

— У вас будет хороший проводник...

— Кто же?

— Фетисов.

— Проща? — удивился Алексей.

— Он. Не побойтесь?

— Вы его распропагандировали?

— Его доставили к нам распропагандированным, — улыбался Игнатов. — Когда мне сообщили о трупке на рельсах, я понял, что это ваша работа. Что произошло?

Алексей рассказал.

Игнатов внимательно выслушал Алексея и задумчиво проговорил:

— Фетисов очухался. Это факт. Тогда у меня и мелькнула мысль продолжать вашу операцию в новом варианте. Я позвонил Виктору Петровичу, еще не зная всех подробностей. Но о поведении Фетисова в поезде доложил по рассказу охраны. Бобров доверяет вашему мнению о Фетисове.

— Где он сейчас? — спросил Алексей.
— Тут. В Панино. У тетки. Мы его отпустили.
— Я согласен. Вызывайте его.
— Парень он, кажется, с норовом, — сказал уполномоченный райотделом.

— В каком смысле? — насторожился Сокол.

— Садите, говорит, меня, я заслужил наказание от рабоче-крестьянской власти. Пока не искуплю свою вину, не примирюсь с собой. Вот такой он...

— Я знаю его. Верю.

— Ну что ж, удачи вам, Сокол. Нам пока не удалось скрутить Болгова. Предатели где-то есть. Да и какие силенки у нас? Только появимся в селе — банде уже известно. Сейчас же по балкам, хуторкам попрячутся.

Игнатов вышел из-за стола. В это время раздался осторожный стук в дверь.

— Зайдите! — крикнул он и, покосившись глазами в сторону зеркала, машинально одернул гимнастерку.

Вошел дежурный милиционер.

— Там снова этот немой... Калякает что-то на пальцах, мычит — не пойму, — доложил он.

— Во холера! Вчера все вертелся тут, — недовольно пробурчал Игнатов.

— А когда труп доставили со станции Анна, так этот немтырь, говорят, бросился к нему... Порвал одежонку на нем. Бить мертвого пытался.

— Этого еще не хватало! — сердито прикрикнул начальник.

— Никто не ожидал, — переминаясь виновато с ноги на ногу, сказал дежурный. — Тут одна тетка признала будто его. Из Ветловки, говорит, он. Бандиты его отца порешили. Вот он и злой как черт на всех бандюгов.

— Скажи командиру взвода Евлампьеву, чтоб разыскал ту тетку. Допросить! Вообще появление этого глухонемого подозрительно. — Игнатов выжидательно посмотрел на Сокола. Тот пожал плечами.

— Задержать! — приказал Игнатов.

— Слушаюсь!

— Он, выходит, не здешний, этот глухонемой, — сказал Алексей. — Из Ветловки вроде. А оттуда ли? А не агент ли это от Болгова?

— Вот и мне подозрительно его внезапное появление здесь. Ну да выясним. Будете смотреть своего... крестника? — улыбаясь, спросил Игнатов.

— Насмотрелся. Спасибо.

— Ну, как хотите... А я посмотрю. Обязан.

На пороге задержался, открыв половинку дверей.

— Фетисова прикажу вызвать...

Но вызывать его не пришлось. Он вскоре заявился сам.

— Гражданин начальник! — еще с порога, распахивая дверь, крикнул Прошка.

С дивана ему навстречу поднялся, широко улыбаясь, Васька Каин.

Фетисов, пораженный, отступил.

— Ты?

— Я... Я, Прохор. Не бойся. Садись! — дружески предложил Алексей. — А мы только что о тебе вели разговор с уполномоченным райотдела.

Прошка недоверчиво смотрел на Алексея, ничего не понимая.

— Садись, садись, говорю... Потолкуем, — подтолкнул гостя к дивану Алексей, усадил его и обнял левой рукой.

— Я работаю в ГПУ... И все, что произошло, так нужно было. Понял?

Прошка, все еще тяжело и прерывисто дыша, торопливо кивнул ему.

— Чего ты так запыхался? Не стесняйся. Сейчас начальник придет.

— Это правда, что Кольку стукнул кто-то?

— Правда. Я его стукнул.

— Ты?

— Да. Не было другого выхода. Он с этим Мизгирем разгадал меня... Пришлось стукнуть.

— Слава богу! Это такой зверюга! Не дай бог! — обрадовался Прошка, и лицо его из окаменевшего вдруг светилось неподдельной радостью и добродушием.

— Вот так, — продолжал Алексей. — А ты поступил правильно. Я ведь еще там, в камере, понял твое состояние.

— Понял, а не сказал ничего.

— Нельзя было.

— Понятно, какая там надежда на нас, — вздохнул Прошка. — Но ведь там, в вагоне, я бы тебя зашибить мог насмерть. Шибко я тогда разозлился. А вот зацепил меня ты. — Прошка снял шапку и, морщась от боли, пощупал свою голову. Они рассмеялись.

— Ты что, к начальнику? — мирно спросил Алексей.

Прошка сразу заволновался, даже встать попытался.

— Да седи, седи, — успокоил его Сокол. — Что-то важное?

— Захожу на базар и вижу Федьку Сметанкина. Отту-

да он, с банды... Курослепом его звали. Он, видишь ли, как темь настает, плохо видит. Куриная такая болезнь есть, говорят. Вот и прозвали.

— Ну, ну, — поторопил его Алексей. — Узнал он тебя?

— Я вижу: он с каким-то дядькой на пальцах чего-то маячит и мыкает по-телячьи, будто немой. На меня глянул и — в сторону. Я за ним, он — от меня. Затерялся.

«Обстановочка», — мелькнула тревожная мысль у Алексея.

— Пойдем! — решительно сказал он.

— Куда?

— Разыщем Игнатова. Надо немедленно арестовать этого Курослепа. Ведь он не иначе подослан Болговым.

— Это точно. Это точно... — согласился с ним Прошка. — Разузнал о Кольке. Так и есть.

— Видел тебя — значит наводит справки, почему ты разгуливаешь на свободе, а Колька убит, — продолжил его мысль Алексей, выходя из помещения.

Выслушав рассказ Прохора и быстро оценив обстановку, Игнатов дал команду перекрыть все выходы из села. Отрядил наряды по улицам, на вокзал станции Анна.

— Вам не стоит показываться в селе, — посоветовал он Алексею. — У меня есть отдельный кабинет. Устройтесь там. Потолкуете.

...За обедом Алексей рассказал Прохору о своей новой легенде, в которой ему отводится ответственная, рискованная роль. Тот выслушал спокойно и не удивился предложению.

— Должен я снова пройти через эту банду. Должен. Потому как виноват перед народом. — И тут же поинтересовался: — Народу скажете, на что я решился, чтобы помочь вам?

— Скажем. Обязательно скажем, — твердо пообещал Алексей.

— Вот и ладно... Только бы этого сатану поймать. Курослепа. Испортит дело, — присовокупил он так же спокойно.

— Небось поймают.

Алексей достал документ на имя уполномоченного.

— С этим документом я и пойду в банду... Местные органы устроят шум. Понял?

— Вроде бы... — широко заулыбался Фетисов. — Ловите бандита с документом уполномоченного.

— Верно. А как Болгов? Поверит или усомнится?

— Со мной придешь, не будет сомневаться, — уверенно сказал Прохор. — Только вот... Черт его знает, как там этот самый Сапун встретет.

— Кто такой? — насторожился Алексей.

— Да его помощничек. Душегубец большой. Все молча делает. Сопит — делает дело. Распотрошить какого активиста, пристрелить — раз ему плюнуть. Самогону может четверть вылакать и не спянеет, только больше сопеть станет да по-волчьи глазами зыркать.

От такого портрета Сапуна у Алексея где-то под лопатками похолодело.

— Он любит говорить всего несколько слов, — продолжал Прошка: — «Я не враг Советской власти. Я заступник ее. Как я на нее руку подыму, ежели она мне вольницу дала? Грабь и бей дурней...»

— Это как же понять его?

— А так, — хмыкнул насмешливо Прошка. — Доверчивых стало больше. Друг в друга верить стали. Не то что в царско-режимные времена, когда зевак сама судьба клевала и в хвост и в гриву.

— Так и объяснил Сапун?

— Так. А оно, подумаешь, и на правду схоже. Оттаял народ. Теплей сосед к соседу стал. На честное слово верить во всем стали. Ну а простота не всегда до добра доводит.

— Откуда этот Сапун?

— А шут его знает. Не нашенских мест. Только атаман его пригрел. Своей правой рукой считает.

— Доверяет во всем?

— Доверяет. Но, однако, не во всем, — усомнился вдруг Прошка, подумав. — Налет как-то был на промартель. Полушубки там шили, сапоги. Хрому две скатки нашили. Сапун обнаружил в кладовой. Забрал себе. Потом атаман узнал. Лаялись весь вечер. Чуть не пострелялись. За самогонкой на хуторе у одной вдовы помирились. Разделили пополам...

— Ты мне скажи вот о чем, — попросил Сокол. — Неужели эти бандиты думают, что с ними не справится Советская власть? Что их дальше терпеть будут?

— Пьют, грабят. О завтрашнем дне никто не думает, — после небольшого раздумья сказал Прошка. — Я это понял через неделю. Гады, все гады... Только сам атаман часто похвастается: на нас, говорит, мировой капитал смотрит. Не даст в беду. Это вы помните, братцы мои. Пошумим злее, и всякие там артели отменят.

— Ишь ты, куда замахивается. Между прочим, на этом

сыграть можно. — Алексей задумался. Загорелись глаза. — Рискованная нам предстоит работа.

— Не сомневайся... Все сделаю. Только-все вот думаю о Федьке Курослепе. Не поймают его — может он нам хлопот натворить.

— Ты прав. Откуда он?

— Из Березовки вроде. А родственники и в других деревнях есть. Я думаю, в крайнем случае его в Кленовых хуторках подстеречь. Но слышал, которые будто и не принимают его. Открещиваются от такого сродственника.

...До полуночи поступали неутешительные вести. Тайный «немой» исчез, будто в воду канул. Игнатов не покидал отдела.

Уже на рассвете задремавшего Алексея поднял какой-то шум в коридоре. Он выглянул за дверь. По коридору мелкими шажками семенила пожилая женщина. Тяжело дыша, она выкрикивала:

— Корова у меня стельная... Выхожу в ночь раз по пять. У соседей с вечера тот «немой» улегся спать после бани. Сродная сестра ему вроде моя соседка. Она-то и говорила мне, что пострадал он от бандитов каких-то... — Женщина с милиционером зашла к Игнатову и продолжала прямо с порога: — Вышла я к корове, слышу — скрипнуло у соседки и мужчина говорит: «Ты, Аксинья, береги добро-то... Смотри, не дознались бы... А пока прощевай...» Присмотрелась я и ахнула: батюшки светы, да это «немой» тот заговорил!

— Стой! Стой, стой, — прервал ее ошарашенный Игнатов. — Говорите толком: что, когда, где... Кто вы?

— Да тот самый «немой», товарищ уполномоченный, — неожиданно вмешался нетерпеливо милиционер.

Игнатов все понял. Он тут же поднял по тревоге дежурный наряд, сам возглавил облаву по селу. «Немой» был задержан. Во время обыска на его квартире в сусеках с просом было обнаружено несколько штук различной мануфактуры, пуда два сахару, десятка три полушалков, связка брусков и с пяток новых кос.

— А это к чему бандиту? — осматривая награбленное, спросил Игнатов, показывая на косы.

Федька, вращая белесыми зрачками глаз, в которых вспыхивала то бессильная ярость, то презрительная усмешка, выдавил:

— А ты гляди, начальник, какая сталь-то... Не советская небось... Таких кос теперь днем с огнем не сыщешь.

— Понятно, — протянул Игнатов и весело вскинул бро-

ви на задержанного: — Небось и у самого душа побаливала по хорошему проколу... а?

Федька промолчал.

— Ну, что молчишь?

— Хватит, начальник... Чего измываешься? — вскричал хрипло Федька и тут же испуганно отшатнулся от стола. — Веди в каталагу... Один теперь ответ!

— Успеешь, насидишься, — спокойноотреагировал Игнатов. — Ишь ты, нервный какой. Садись пока вот на стул. Отвечать будешь. А впрочем, отведите его в КПЗ, — решил он неожиданно. — Из-за каждого гада ночи не спать — много чести. Пусть в одиночке покумекает, пошевелит мозгами. А мы отдохнем за это время. — Он вышел из-за стола и по привычке, остановившись на минуту у трюмо, провел пятерней по голове. Поправил гимнастерку. — Предупреждаю, — строго сказал он, подходя к бандиту, — только чистосердечным раскаянием можешь смягчить суровый революционный приговор. Это вот ты запомни!

Когда отвели Федьку, вошел Алексей.

— Пойдемте, Сокол отдыхать. Заставим жену вареников с вишней завернуть. В баньку сходим.

Хорошим парнем оказался Игнатов. Сам ловко лепил вареники, сам затопил баньку. И сынишка его Семка, белокурый, вихрастый мальчишка лет шести, во всем помогал отцу, не отходил от него ни на шаг. Особой мальчишеской гордостью была у Семки красноармейская звездочка, вшитая на пушистом козырьке меховой шапки.

— Буденовец, — ласково говорил отец, подбрасывая сына к потолку.

Семка сердито кричал:

— Буденовцев, што ли, кидают, а? Я тебе, што ли, маленький, да?

После бани Игнатова совсем разморило. Сказалась бессонная ночь. Он прошел в чисто прибранную горенку и плюхнулся на кровать.

— А что? Ложитесь, — подхватила его жена, миловидная худощавая женщина лет двадцати пяти. — Я вам на диване постелила. Ложитесь!

Алексей отказался.

— Пройдусь по селу... Зайду к Фетисову. Надо посмотреть, как он там у своей тетки.

— Показывал квартиру? — спросил, не открывая глаз, Игнатов.

— Показывал.

— Ну смотри, браток, смотри...

Алексей разыскал у базара сапожный ларек и встретился с Пановым.

Тот не удивился его приходу. Видно, поджидал.

— Заходи в боковушку, — сказал он, кивая головой в сторону. — Погреешься. Там у меня железная печурка приспособлена.

Закрыв свое заведение, вскоре в боковушку пришел и хозяин.

Павел обо всем уже знал.

— Чертовски неудачно, брат, получилось, — посожалел он. — Молодец, что быстро раскусил того красавчика. Где ошибка?

— Я думаю, в твоей камерной «телеграмме». Понимаешь? «У вас сидит неопознанный...»

— Да, да. Возможно. Похоже, этот Мизгирь знал Каина лично.

— Выходит, так... Ну ничего. Теперь, кажется, идем на зверя.

— Как Фетисов? Я тут проверил кое-что. Нет за ним ни кровавых дел, ни грабежей. Сбыть награбленное послали его. Испытывали. Не доверяли.

— Я в него верю, Павел. Думаю, не подведет.

— Будем надеяться. Как он принял предложение?

— По-моему, с радостью. Чувствую, рвется на дело парень. Духом воспрянул.

— Вот что, — подумав, предложил Павел. — Эти часовенки, Алеша, помнишь, я тебе говорил?.. Это для романа о сыщиках. Найдите живых верных людей. Они теперь есть в каждой деревне. Особенно первые комсомольцы. Ты знаешь, тут в Кленовых выселках секретарь ячейки комсомольской с парнями две удачные засады устроили на бандитов... Смелые, черти!..

— Ну и как?

— Подсказали им, что лучше за связями пусть следят... Куда с дробовиками против пулемета?

— У Болгова пулемет?

— В том-то и дело. И не один, а два. Ручной и станковый. Есть предположение, что это не просто банда. Веревочка тянется в панскую Польшу и Румынию. Еще один предатель выискался. «Зеленую» армию разворачивает.

Алексей присвистнул.

— Кто же?

— Тут одна сволочь. Командиром был у нас в Белоруссии. Но об этом потом. Твоя задача — войти в доверие, постараться сообщить о ближайших планах атамана. Всю

банду Болгов не поведет туда. Да и кого вести-то? У него много обманутых деревенских парней. Есть и настоящие, бывшие белогвардейцы, например. Рецидивисты есть. Смотри. Будь осторожен.

Они помолчали. На улице мела хрустящая морозная метелица, а здесь, у железной с красными боками печурки, было тепло и уютно.

— Пароль не забыл?

— Нет, конечно.

— Смотри, браток, кого посылать станешь...

— Не беспокойся. У меня на верных ребят нух собачий. Наверно, сегодня в ночь и отправимся. Погодка-то самая бандитская!

Они посмеялись. Распровавшись, Алексей пошел к домику Игнатова. «Сегодня «немой» должен сказать точный адрес банды... Может, действительно пойти в ночь?» — думал Алексей.

На улицах большого села почти никого не было видно. Редкие прохожие, пряча лица от пронизывающего ветра, спешили скорее укрыться по своим подворьям.

«А как же в степи? — с тревогой подумал Алексей. — Где ее найти, дорогу-то, да если еще ночью? Будешь блукать, как волк». Своими сомнениями он поделился с Прохором.

— Насчет дороги ты не беспокойся, товарищ Сокол, — сказал Прохор, с видимым удовольствием произнося «товарищ» и настороженно при этом поглядев на Алексея. Тот понял его состояние и кивком головы поощрил его. — Тут я с завязанными глазами на сто верст хоть вдоль, хоть поперек пройду. Каждая падь, каждый бугор знакомы с детства. В ночь и будем пробираться. Незаметней.

Прохор рассказал о последней новости — о встрече родной своей тетке с Курослепом, неожиданно нагрянувшим к ней.

— Напужалась до смерти, — рассказывала тетка. — Я ж его знаю, непутевого. Всю жизнь легкий хлеб подрабатывает. Где уворует, где обманет. У бандитов, говорят, свой человек. Как увидела его, так и затряслась вся. Что ему надо, думаю, окаянному? А он зыркнул глазищами по хате и спрашивает: «Померещилось мне, что ли? Будто Прошку видел седни на базаре?» Ах, леший, думаю, значит не совсем опознал. Не дам я тебе Прошку! Поблазнило, говорю, тебе, что ли? Откуда Прошке-то быть? Небось сам знаешь, где он находится. Не был, говорю, тут Прошка, а придет, так и провожу рогаком по загорбке, чтоб не

тревожил, не нагонял страхи. И без того хватит горюшка... Усмехнулся он так. Пошарил еще глазами по углам и к двери. Поверил, нет ли, только напоследок сказал: «Хай-то не поднимай. А меня не видела. Поняла?» С тем и ушел.

— Недалеко ушел, — улыбнулся Прошка и многозначительно посмотрел на Алексея. — Охота на волков идет, говорю ей. Зацапали и его. Немым притворился. И Устинью прихватили заодно.

Тетка ахнула, торопливо перекрестилась. Ей, конечно, хотелось узнать подробности, но Прошка отмолчался, и они стали прощаться.

Светилась тетка от радости. Не такой ее Проша, не такой... И — слава богу!

...Уже замелькали желтоватые огоньки в завьюженных окнах домов, когда они пришли в отдел к Игнатову.

— Бродишь, товарищ Сокол? — весело встретил его районный уполномоченный. — Так и не отдыхал?

— Шел к тебе, да завернул к Фетисову... Засиделся у него. Как с этим Курослепом?

— Выкладывает помаленьку. Вот вам точный адресок дислокации банды: Гнилые выселки. Место действительно гнилое. Вокруг топи, даже зимой не замерзают. Взять нам его в лоб — трудно. Людей положим, а он может ускользнуть по зарослям. Еще новость: налет позавчера был на Ветловку. Там почти всем селом в ТОЗ записались. Бандиты проучить, видно, хотели активистов. А их встретили в штыки. По непроверенным данным, убит заместитель Болгова...

— Здорово!

— Вот именно. Там в Ветловке мужик боевой нашелся, председатель ТОЗа. Сумел дать отпор. А теперь вот на-ка почитай! — Игнатов сунул в руки Алексею листовку, отпечатанную типографским способом.

Алексей стал читать. Это было уведомление на поимку сбежавших с поезда бандитов.

«Известный рецидивист по кличке Каин, — читал Алексей, — обезоружил начальника конвоя, сумел переодеться в его полущубок, завладеть документами и выскочить с поезда. За ним ушли от конвоя бандиты из шайки Болгова — Фетисов и Шванов. Последний при перестрелке был убит. Граждане! Будьте бдительны. Немедленно сообщите в органы власти при опознании вышепоименованного врага трудового народа. Приметы Каина: выше среднего роста, худощавый, нос прямой, тонкий, на подбородке небольшая

бородавка. Особые приметы: на груди наколка — орел, несущий в когтях женщину. Лет — 24».

— Ну как? — улыбнулся Игнатов, не отрываясь от бумаг.

— Ничего. Хорошее предупреждение, — сказал, смеясь, Алексей. — Только вдруг этого Каина кто-нибудь знает в банде?

— Маловероятно. Он же не здешних краев. А впрочем... Черт его знает. Огромный риск.

— Можем влипнуть, — усомнился Алексей. — А если исправить, а? Не Каин, а, скажем, известный рецидивист Жиган...

— Ну, хорошо. Вы сегодня проскочите до села Копысово. Дам я вам верховых коней. В Копысово сдадите их в сельсовет. Председатели ближайших Советов будут знать всю правду.

— Не опасно?

— Люди надежные. Большевики с гражданской. Листовка нужна для банды. А у Болгова есть людишки в каждом хуторе. В тот же день листовка будет в его руках. Вам советую отсидеться, когда коней сдадите, в какой-нибудь риге день-два. А там — действовать.

— Все ясно. Только вот у товарища Фетисова нет оружия.

— Получит под расписку.

Глава 15

Деревню проскочили на галопе. За околицей вылетели на лысую сопочку, свернули в глубокую балку, поросшую кустарником. Вскрапывая, разгоряченные кони стали проваливаться в снег, пошли шагом. Прощка весело насвистывал что-то, помахивая концом повода, подшевеливал, потопрапливая коня. Алексей с беспокойством оглядывался по сторонам и не видел даже признаков дороги. «По целине, что ли, едем? — думал он. — Кажется, никакого следа».

С верхней кромки оврага завивала белые кольца поземка. Ехали без остановки уже часа два.

Впереди что-то зачернело. «Лес, — догадался Алексей, изрядно упревший. — Там потише будет». Огибая одно дерево за другим, Прощка уверенно направлял коня. «Ну, черт глазастый, — подивился Алексей, в душе любуясь своим проводником. — Где он видит дорогу? Хоть бы тропочка!»

Неожиданно выехали на широкую поляну к огорожен-

ному стогу. «Значит, деревня недалеко», — мелькнула мысль.

— Тпрр! — долетело от Прошки. — Передохнем. Чижовка за лесом будет.

Они перекинули поводья на колья ограды и слезли с коней. Ноги в сапогах оковенели. Больно было идти.

— Костерок бы, — вздохнул Прошка. — Да некогда. Еще верст небось тридцать скакать. Я и то уж напрямки выгадываю.

— Заметил. Ни дороги, ни тропы. Умаем коней.

— Ничего. Они привышные. В милиции их гоняют на пропалу.

Завидное было настроенне у Прошки. Он, казалось, не замечал ни бурана, ни этого противного снега, который залеплял лицо, пробирался за воротник, ухитрялся залететь за пазуху.

Вот и сейчас Прошка перемахнул через изгородь, уселся спиной к стогу и замурлыкал какую-то песню.

— Валяй сюда, товарищ Сокол! — позвал он.

Но Алексею нужно было согреть оковеневшие ноги. Он стал бегать вокруг стога.

— Неужели не замерз? — крикнул он на бегу. Прошка в ответ рассмеялся.

— Да ты знаешь, товарищ Сокол... Или как там тебя... Жиган! Я б мог сейчас, наверно, босым бежать! Ей-богу! Места-то родные. Думал, и не увижу больше. А вишь, как оно получилось-то! Еще повоюем... Еще поработаем! А ты знаешь, что я надумал? — Он выждал, когда остановился Алексей. — Мы в Копысово не поедем...

— А как же с конями?

— Сдадим в надежные руки. Хочу судьбу испытать. — Прошка загадочно усмехнулся. — Как оно получится...

Он ушел в себя. Каким-то мыслям своим улыбался, хмыкал, что-то бормотал под нос, прикидывая в уме.

— Куда же?

— В Кленовые выселки завернем. Тут напрямик по Тряской балке — рукой подать.

— Смотри. Тебе виднее. Делай как лучше.

Прошка вздохнул.

— Да уж не знаю, лучше ли, хуже ли будет. Думаю: так надо.

«Что он задумал? — соображал не без тревоги Алексей. — Как бы не выкинул какой номер».

Они отправились снова в путь через лес, прямо вброд по целине, по глубоким балкам. Кони уже упрели. От них

валил пар, когда совсем где-то рядом Алексей услышал петушиную побудку. Как он ни вглядывался, нигде никаких строений не видно было. «Хутор, видно, где-то в низинке», — подумал Алексей, пошевелил упревшего коня, чтобы не отстать от Прошки. Еще долго ехали молча по редколесью, наконец кони почувствовали под ногами твердый утоптаный наст и пошли веселее.

Уже почти рассвело, когда они спустились с горы и въехали на улицу завьюженной деревни. Из конца в конец, будто волны вешней воды, перекатывалось от подворья к подворью петушиное разноголосье.

Буран заметно стихал. Подмораживало. У березовой низкорослой рощицы Прохор уверенно свернул к пятистенному домику. Нагнулся с седла, открыл ворота и въехал во двор, махнув рукой Алексею, чтобы следовал за ним.

Едва они сошли с коней, как из-под навеса выскочил человек с железными вилами в руках. Он был в нагольном полушубке, валенках и без шапки. Волнистые волосы, запыленные снегом, спадали низко, по самые брови.

Похоже, молодой хозяин задавал корм скотине, когда в ограду въехали непрошенные гости.

— Стой! — крикнул дрогнувшим голосом он и, взяв вилы наизготовку, пошел на Прошку.

Мгновение, и вилы летят в гостя. Прошка пригнулся, страшное оружие со свистом вливается рогами в ближний столб навеса. Упругим кошачьим прыжком решительный парень отскакивает в сторону и пытается снять с городьбы жердь.

— Ошалел дурень, — пробормотал, не теряя присутствия духа, Прошка и, выдернув вилы, бросил их на крышу пригона. — Ну чего ты осатанел-то? Знакомься вот, уполномоченный ГПУ. — И, совершенно не обращая внимания на растерявшегося хозяина, взял обоих коней и повел под крышу, крикнув Алексею: — Ты, товарищ Сокол, иди в хату. Хозяин вишь какой супостат, с вилами на гостей бросился.

— Какой же ты гость? — провожая недовольным взглядом Прошку, зло проговорил хозяин. — Бандит ведь ты, а не гость. — И недоверчиво оглядел Алексея: — А вас, товарищ, попрошу документ.

— Уполномоченный ГПУ по борьбе с бандитизмом Семен Свиридов, — доставая липовый документ, сказал Алексей.

— Свиридов? — настороженно вскинул брови хозяин

и впился острыми глазами в бумажку. — А почему ж он вас... Соколом называет?

Кровь бросилась Алексею в голову. Он кинул взгляд на растерявшегося Прошку, небрежно сплюнул:

— Так положено у нас. Вслух не называть действительных фамилий. Птичью кличку придумал для меня. Но я вижу, товарищ Фетисов вполне доверяет вам...

— А отчего ж ему не доверять... Сам, говорят, недавно тут за бандюками охоту учинил, — отозвался Прошка, обметая рукавицами сапоги.

— Так это вы?

Хозяин нахмурился. Вернул документ.

— Костя Дубравин он, — подсказал Прошка. — Старые мы дружки. А теперь зазнался. Как же — секретарь комсомола тут. Даже до хаты не зовет.

— Входите, — хмуро бросил Костя. — Только в други не набивайся, — сказал он Прошке. — У меня с нечистыми один разговор...

— Пуля? — подсказал добродушно Прошка.

— Верно. Или тюрьма, — согласился Костя. — Не пойму, какая у вас дружба с бандюками, товарищ уполномоченный?

— Это он на меня телегу катит, товарищ Свиридов...

— На кого ж? — загорелся Костя. — Иль ты не в болговской шайке?

— Не будем кричать во дворе, товарищ Дубравин, — сказал Алексей. — Он давно не болговец.

Костя с недоумением смотрел то на Прошку, то на этого непонятного уполномоченного Свиридова-Сокола и не знал, как это все понять.

— Вот так-то, — назидательно сказал Прошка. — А ты с вилами. Не остерегись я — что было б? Смертельное убийство, да? А кто отвечать стал бы? То-то, Костя... Ведь ж ты нас в хату, а то с боем возьмем!

Поняв наконец, что ему ничего не угрожает, молодой хозяин открыл двери в сенцы и пригласил в дом.

— Проходите, — сказал он, стряхивая с головы снег.

Прошка махнул рукой.

— Идите... Я счас! — И направился под навес, где оставил коней. — Разнуздаю лошадок-то... Совсем из ума...

Когда Прошка вошел в хату, молодая хозяйка бросала дрова в печку. Статная, круглолицая, она выпрямилась на стук двери и ахнула.

— Здравствуй, Настасья Петровна! Не ждала?.. Изви-

няй, пожалуйста. Захотелось вот узнать, как живете — поживаете...

Хозяйка вспыхнула. Красивые глаза ее сверкнули: радостью и гневом.

— Ну, мы, конечно, делом, страшно обрадованы тем, что вы не забыли нас, — сиздевкой выпалила она. — Небось счеты сводить заехал? Так мы не из пугливых.

— Да брось ты, Настасья, — тяжело вздохнул Прошка. — Какие-то счеты... Не до вас нам... Вот отогреемся и — ходу. Чайком угостишь — спасибо скажем.

Хозяин сидел в переднем углу, в том месте, где возвышалась в углу пустая божница. Он был смущен открыто враждебным отношением жены к ранним гостям, да и сам он, по правде говоря, был не в своей тарелке. Подозрения явно угнетали его, и он не знал, о чем говорить с гостями.

Кто он этот Свиридов-Сокол? Иль действительно из ГПУ, иль подложным документом козыряет... А этот Прошка? Выходит, он и не бандит вовсе?

Все это легко прочел Алексей на Костином лице.

— Вот что: ссориться нам ни к чему, — сказал мирно Алексей, переобуваясь. — Все, что надо, вы узнаете о нас позднее. А пока попрошу вас накормить лошадей и сдать их в сельский Совет. Сегодня вечером или завтра утром их возьмут. И еще... Если вам известно, уточните местопребывание Болгова.

— Кто ж вам это уточнит? — усмехнулся скептически хозяин. — Ты, Настя, не знаешь часом, где сейчас его благородие кровавый штабс-капитан обитает?

— Как же? Мне он только вчера докладывал... — иронически отозвалась Настя. — Сижу, говорит я, Настасья Петровна, на Гнилых выселках, лакаю самогон, жру сало, на мирных селян нападаю...

— Во дает, а? — расхохотался Прошка. — Значит, порядок, товарищ Свиридов. Видно, топать нам придется в гости к господину штабс-капитану. Может, он поласковой примет...

Поднялся и Алексей.

— Погрелись. Спасибо. Нужда будет — не откажи, хозяин. Время у вас тут трудное, опасное. О нас еще услышите...

Присмирившие хозяева молча проводили ранних гостей. Долго еще в утренней морозной дымке маячил у своих ворот Костя, а потом было видно, как он решительно зашагал к центру деревни.

— В Совет подался, — сказал Прохор и свернул в густой ольшаник. — Теперь надо быстрее уходить.

Через десяток минут запыхавшийся, обтирая лицо ладонью, он покачал головой, усмехнулся...

— И что это тебя понесло к нему? Наскочил бы на вилы... — недовольно проговорил Алексей.

— Судьбу спытал, Лексей... Ведь эта Настя — она самая и есть та дивчина.

— Вот черт, и не сказал, а?

— Да что там говорить, — вздохнул Прошка.

— Строгая девица...

— Куда строже... Небось так за бандита и считает.

— Не мог ты ей сказать хоть намеком.

— Как же я мог? Рассекретить?

— Это конечно, — после короткого раздумья произнес Алексей. — Пошли, пошли... — поторапливал он. — Как бы погоня не увязалась.

— Не увяжется, — уверенно сказал Прошка. Не таковский тут председатель, чтобы за бандюками шастать...

— Как это не таковский? — удивился Алексей. — Игнатов говорил: всюду тут старые большевики, с гражданской войны.

— Был. Это точно. Кравченко такой. Строгий старик. Да ведь его чахотка, другая ли какая болезнь свалила. Может, умер уже. А вместо его Дударенко поставлен. У этого два дальних родича в банде. От жены его. Может, Игнатов и не знает об этом.

— Да ты что? — вскрикнул будто от хлыста Алексей и схватил за плечо своего беззаботного спутника. — Ты что молчал об этом Дударенко?

— А что о нем кричать? — удивился тревоге Алексея Прошка. — У меня никто про него не спрашивал.

Алексей выхватил наган и, бледнея, поднял его на уровень лица Прошки.

— Ты что меня под пули бандюков ведешь, провокатор? Почему не в Копысово поехали? Руки! Руки на затылок!

Прошка, растерянно хлопая огромными глазами, испуганно отступил назад и поднял руки.

— Я ж Настю хотел увидеть... Ты шо?.. Ты шо?.. — пробормотал он, облизывая сухие толстые губы. — Ты ж видел... А председатель... Кто же знал...

Алексей с сердцем плюнул под ноги и опустил оружие.

— Ты подумай только, что натворил! Приедут из отдела, раздадут листовки: ищите таких-то, а сами на ухо то-

му же председателю скажут, чтоб не принимал никаких мер, что это наши, свои хлопцы... Понимаешь, в чем дело? А этот председатель твой немедленно даст знать Болгову, что за птицы мы с тобой!

Прошка сел на подвернувшийся пень и виновато опустил голову.

— Стой! — встрепенулся вдруг он. — Да убери ты ради бога свою пушку...

— Ну? — нетерпеливо подстегнул его Алексей, пряча оружие.

— Надумал.

— Говори!

— Мы зараз вернемся и заарестуем того председателя до приезда милиции.

— Да какое ж на это у нас право?

— Есть право! Того «немого» забыл, что ли?

— При чем тут... этот, — растерянно развел руками Алексей.

— При том... Он ему чуть не племянником приходится, его бабе, — с раздражением воскликнул Прошка и вскочил. — Ты копни в его сундуках, там небось чужого добра попрятано! Вот так!

Алексей задумался. Если все это правда, то почему ж он как представитель органов не имеет права на задержание и временное изолирование этого председателя? Тем более, что обстановка складывается не в их пользу.

— Натворил ты, Прошка, со своим свиданием, — с досадой произнес Алексей, не зная еще, на что решиться.

— Так вот... Кто думал-то, — произнес тот со вздохом.

Стояло раннее утро. Буран свернулся где-то под сугробами в балках. Бабы затопили печи. Столбы дыма устремились к розоватому морозному небу. Скрипели ворота. По узким тропам тянулся к прорубям скот. Не торопясь, мужики начинали новый день.

— Вон гляди! — показал рукой Прошка на большой дом у церкви. — Флажок над крыльцом...

— Вижу. Там Совет?

— Да. А вон человек... Потоптался у крыльца и пошел напрямки через огороды к речке...

— Ну?

— Так это Костя. Прямо по снегу к председателю хате направился. Сейчас позовет председателя к себе домой и покажет ему коней.

— Ну что ж... Молодец. Так и надо. Ты вот скажи: здесь телефон есть?

— Нету. В Копысово есть.

Копысово, оказывается, совсем рядом, верст восемь, не больше.

— Мы же обошли его под бором, — пояснил Прошка.

— Все ясно. Будем действовать, — решил Алексей. — Слушай задачу...

...В сеннике было тепло. Пахло лугом. Алексей уже стал дремать, как вдруг услышал резкий женский голос.

— Да он что, непутевый, скотина до сих пор не поена, по сельсоветам шляется!

Брякнуло ведро. Ласковый голос хозяйки позвал:

— Красуля, Красулечка!

Корова тихо промывчала.

— Заморил вас хозяин-то... Попей теплого поила... Попей.

Настя... Молодая строгая хозяйка. Как бы чего не приметила. Хорошо ли там укрылся Прошка? Не выдал бы себя раньше времени.

Вот ударили тугие струи молока о подойник. Вжик-вжик.

— Да стой ты, милая!..

И снова: вжик-вжик-вжик...

Долго доила Настя корову. Молочные струи все глуше и глуше. «Ведерница, что ли, у нее Красуля? — устав от напряжения, подумал Алексей. — Ну, кажется, закончила дойку». Встала и ушла, а через некоторое время раздался снова ее голос:

— Вот они, явились... Ты что же думаешь, Костя? Скот непоеный стоит, а он по гостям ходит... — И уже другим, почтительным тоном: — Здравствуйте, Игнат Потапыч!.. Да как же не ругать-то...

В ответ с хрипотцой донеслось:

— Ты его не трожь. Дело политическое... А ну, кажи богатство, Константин... Где те коняки бандюковские?

Алексей скинул с себя сено, соскочил с сенника. Прошка, отряхиваясь, уже стоял у дверей. В руке его наган. Он подмигнул Алексею и, приподнимая дверь коровника, чтоб не скрипнула, широко распахнул ее.

Костя в это время входил с гостем под навес, где, похрустывая сеном, стояли нерасседланные кони. Повернувшись спиной к коровнику и ничего не подозревая, плюгавый мужичонка, с козлиной бородой, в лохматой желтой шапке из собачьих лап, похлопал по-хозяйски по седлу, оценил:

— Кавалерийские... Знатные седелки. — И вдруг как ужаленный вскочил: — Ты шо, а? Шо?

— Ни с места! Руки вверх! — крикнул Алексей, — И Прошке: — Обыскать! Веди его в хату... Да смотри, отвечаешь мне за него головой.

— Ясно!

— Ты останься! — сказал Алексей Косте. Тот выжидательно смотрел на него. — Срочное тебе задание.

Костя недоверчиво прищурился, Алексей вспыхнул.

— Хватит тебе играть в бдителя! — резко бросил он и спрятал оружие. — Как секретарю комсомольской организации доверяю тебе срочное и очень важное дело.

— Интересно... Какое? — И снова эта ехидная улыбочка на губах. Не доверяет, черт!.. Алексея взбесило, но он сдержался.

— Знаешь что? Ты брось. За бандюгу стоишь этого, да?

— Какого? — посерьезнел Костя.

— Такого. Все узнаешь в свое время. А сейчас напони коней, бери любого из них и скачи в Копысово. Понял? Да чтоб аллюр три креста!

— Потом? — уже заинтересованнее и доверчивее спросил Костя.

— Срочно позвонишь уполномоченному ОГПУ Игнатову. Скажешь: пусть немедленно забирает опергруппу и скачет сюда... Понял?

— Это правда... Значит, вы... — обрадованно проговорил Костя. — А председатель как же?

— Потом! Тебе задание ясно?

— Ясно, товарищ уполномоченный! — вытянулся повоенному Костя и бросился к коням. Когда он выезжал со двора, Алексей движением руки остановил его.

— Скажешь еще Игнатову: Сокол ждет в Кленовых выселках до вечера. Пусть поторопится.

— Есть! — отозвался Костя и погнал коней к реке.

Алексей дождался его во дворе. Они вошли вместе в дом. Костю не узнать. Он был весел, энергичен, быстр в движениях и как-то приподнято решителен.

— Корми людей, Настя, — приказал он входя. — Все ладно, Настя, все в порядке!

Потом отозвал ее в горенку, сказал что-то, быстро собрался и вышел.

Настю будто подменили. Она захлопотала у печки. Алексей снял полушубок. Повесил его. Поправил на ремне кобуру с наганом, передвинул за спину. Настя нет-нет да

бросала осторожно изучающие взгляды на парней, и Алексей понимал ее.

Дударенко вскочил с голбца, где сидел с Прошкой, тот усадил его обратно легким движением руки.

— Вы что ж, не знаю, как вас и назвать-то, вы что ж это охальничать с властью задумали, а? Куда отослал Костю? Кто вы такие?

— Кто мы такие — узнаешь. А куда послал Костю — это он, Костя, знает, — бросил небрежно Алексей. — Не волнуйтесь.

— Как же это — не волнуйтесь? — затряс бородой Дударенко. — Хорошее дело — не волнуйтесь. У меня служба. Ко мне люди придут. Пойдемте в Совет, коли что... Напали, извиняюсь, как разбойники, и задержали. По какому такому праву? Может, вы оттуда? — многозначительно кивнул в сторону Дударенко.

— Может, и оттуда, — безразлично произнес Алексей. Старик воспрял духом. Радостно вздохнув, он стал усиленно мигать Алексею, показывая на дверь, ведущую в горенку.

— Пошли, обскажу...

Понял Алексей: не хочет, чтобы хозяйка знала. Он выразительно посмотрел на Прошку.

— Того узнаешь?

Дударенко всмотрелся в лицо Прошки.

— И правда, оттуда... Ты же Матрены, вдовы из Гремячьего, сын?

— Угадал.

— Фетисов?

— Он самый.

— Ну вот, — хихикнул Дударенко, совсем воспрявший духом. И стал маячить на горенку.

— Хорошо. Проходите. Я, думаю, хозяйшка не будет возражать. Мы в горенке посекретничаем.

Хозяйка неопределенно передернула плечами: мол, черт с вами. Командуйте в чужом доме. Привыкать вам, что ли!

Появились они через несколько минут. Дударенко сияющий, довольный. Он победно взглянул на Прошку и, тебя бородку, сказал:

— Вот так-то... Все и выяснилось. — Уже не садясь к своему сторожу, обратился к Алексею: — Я, значит, пойду? Дела, дела. — И он стал напяливать на голову рыжую лохматую шапку.

— Да, да. Все выяснили, — сказал Алексей. — Все расписал как на ладони.

Прошка привстал с голбца.

— Я же говорил: бандитский сподручный. И племянник жены в банде.

Сокол кивнул утвердительно.

— Он в нас посланцев Болгова признал. Вот и выложился как на духу...

Во время этого разговора Дударенко попятился к двери. В страхе расширив глаза, он смотрел на молодых людей, голова его затряслась. Он пытался что-то сказать и не мог повернуть заостривший язык.

— Веди его, Фетисов, в баню. Сам в предбаннике побудь. Я сменю тебя. Да смотри! — поднял предостерегающе руку Алексей.

— Понятно! — с готовностью вскочил Прошка.

— А ну! — грозно скомандовал он. — Пошли, дядя! Руки назад!

Дударенко сник. В глазах его метался ужас. Он судорожно глотал слюну, голова его тряслась. Вдруг он упал на колени:

— Товарищи! Не губите! Не повинен я... Страх попутал! Страх! — залепетал он, хватая Лешку за ноги.

— Фу, черт! — воскликнул Алексей. — Да веди ты его за ради бога!

Прошка схватил Дударенко за шиворот, встряхнул, поставил на ноги и толкнул в дверь.

— Давай, давай. Раскиселился! Топаи теперь на свое законное место.

А Настя долго еще не могла успокоиться и все кивала головой, все восклицала:

— Подумать только, а? И на Костю небось наговорил, а? Вот так придут бандюки и выдаст с головой, а?

— Теперь не выдаст, — произнес Алексей весело. — Теперь его дело ждать в кутузке друзей своих!

Настя поставила жаровню с картошкой на стол:

— Угощайтесь... Сейчас молочка принесу. Как вас величают-то? Небось еще и не женаты... а? — она виновато улыбнулась, вытирая фартучком глаза.

Алексей задохнулся от вкусного запаха. Едва сдержал себя, чтобы не броситься лютым тигром на шипящую жаровню. Назвал себя и, не выказывая своего нетерпения, подсел степенно к столу.

После застолья Алексея потянуло на сон.

— Да вы прилягте вон на кровать... Прилягте... Разморило вас, — предложила хозяйка.

— Ничего. Как-нибудь. Надо еще Прохора сменить. Он ведь тоже голоден как волк.

— Проща-то дюжей, может, вас... Я снесу ему. Он там поснедает. Теперь Проща может неделю не спать.

— Почему вы так думаете?

— А потому... Я все поняла... Оступился он, а когда человек снова находит правильную дорогу, он вдвойне сильнее... Я вот ему еще наговорю сто чертей... Ишь ты — обиделся! Ну обижайся на девку, а при чем тут наша власть?

— Уж ты не расстраивай его, Настасья Петровна. Он говорил мне...

— Ишь бессовестный. Проняло, значит? Не-ет, я ему дремоту разгоню. Пусть окончательно поумнеет.

— Ты скажи, Настасья Петровна, что о нас утром подумала?

— Плохо подумала. Вот что...

— А Костя?

— Костя с другим прицелом человек, — потеплев в голосе, сказала Настя. — Политический он весь, общественный. — Она понизила голос: — Готовится в комвуз поступать. Как, говорит, примут в партию — попрошусь в тот комвуз. Такой он у меня, Костя...

— А что, за этим Дударенко он ничего так и не примечал?

— Подозрения были. Костя не раз хватался за голову, все спрашивал себя: «Кто он? Кулацкий прихвостень или просто дурень?»

— Да как же он в председатели попал?

— Да так и попал, где-то там вроде в буденновской армии служил... Ранение получил от беляков... Скажите на милость, заслуга какая! Только где это его Гапка каждый раз по воскресеньям новые полушалки да кофточки берет? Из каких это богатств? Теперь вот все и прояснилось.

— Приедет Игнатов, разберется, — сказал Алексей и, откинувшись к стене, задремал.

Игнатов прискакал с оперативной группой в потемках.

— Ну, братцы, большое дело вы сделали, — сказал Игнатов. — Немой-то «раскололся»... Указал на связь с Дударенко. Спасибо!

Игнатов тут же дал команду своему помощнику явиться в дом Дударенко и от имени хозяина поселиться там.

— Дударенко, скажешь, как активиста и бывшего буденновца мобилизовали на борьбу с бандами. Разведай

там у хозяйки, как и что... Присмотрись к барахлишку. Двое вас будет в этой засаде. Может, набредут на явку. Тут же в горенке провел совещание с комсомольцами. (Их всего пять человек с Костей было.) Выдал им листовки.

— Разбросать во всех хуторах и ближних деревнях. И ни слова ни полслова никому. Ясно?

Ребята поклялись, что будут хранить тайну.

— Ну, до встречи! Удачи вам! — попрощался он с Алексеем и Прохором, крепко пожал руку Косте. — Спасибо тебе, Костя! Так держать!

— Есть так держать! — весело отозвался Костя и пошел провожать его.

Игнатов, прихватив Дударенко, уехал в ночь, посоветовав Алексею с Прошкой «пожировать» у молодого хозяина сутки-двое, пока листовки не дойдут по адресу.

Перед уходом в лес Алексей договорился с Костей о связи.

— Значит, запомни... — уже который раз напоминал он ему пароль с Пановым.

— Да я ж сразу запомнил. Не беспокойтесь. Память у меня на такое дело острая, — говорил Костя, гордый в душе настоящим боевым поручением.

В свою очередь он советовал приглядеться к Оксане Мельченко, что живет со старухой матерью в Бобровском хуторке.

— Смелая и решительная девушка. А вот мать-старуха пропащая, — рассказывал Костя. — Запилась самогонкой. Оксана всем хозяйством и управляет. Правда, от большого когда-то хозяйства одна корова да лошаденка остались. Отец ее на германской погиб. Один брат где-то не то в Орле, не то в Белгороде, фабричный человек. А середний в белой армии погиб. Этот, говорят, зверюга был. Чин какой-то имел у Маркова. Не то вахмистра, не то подхорунжего. Болговцы старуху не трогают. Самогон им варит. Кое-что и ей, видно, перепадает. С ней какой разговор... А вот на Оксану положиться можно. Ненавидит она их. Не раз палкой отбивалась от нахальников.

— Хорошо, — согласился Алексей. — Надо иметь в виду эту Оксану. Ты видел ее? — обратился он к Прохору.

— Не раз, — как-то нехотя отозвался тот. — Время-то у меня было такое, что не приглядывался к девкам. — Он как-то болезненно ухмыльнулся. — А так вроде ладная... И собой хороша.

В тот вечер, как уйти ребятам, приехало из Панино районное начальство. Костю вызвали в сельский Совет. Так и не дождались его Алексей с Прошкой. Уже много дней спустя узнали, что назначили его председателем Совета. Порадовались за Костю. Еще стало известно, что в доме Дударенко задержали через несколько дней еще одного болговца.

Запомнилась встреча с Оксаной. Поздним вечером они с Прошкой, уставшие и порядочно продрогшие, добрались до мельничихинского двора. Алексей оглядел местность. Рядом за двором — большое поле. Потом, покуда хватал глаз, чернел мелкий кустарник, сквозь который даже ночью при лунном свете блестели зеркальца воды — топь. За ней — черной стеной бор.

— Там! — махнул рукой в направлении бора Прошка, стуча в ставню дома.

— Что там? — не понял Алексей.

— Черновские хуторки или Гнилые выселки называют их... Там Болгов.

Двор был обнесен плетнем. Вдруг из-под навеса выскочила целая свора собак.

Прошка выстрелил в воздух. И тут дверь, скрипнув, открылась и на крыльцо вышла, кутаясь в теплую шаль, высокая стройная дивчина.

— Что вам надо? — спросила она, подозрительно оглядывая пришельцев, тут же прикрикнула на собак: — Дозор, на место!

Дозор — огромный лохматый пес — недовольно опустил голову, тявкнул раза два и повел свою собачью орду обратно.

— Мы из ГПУ, — сказал Алексей. — Пускай, Оксана, на ночевку.

Как показалось Алексею, лицо девушки преобразилось:

— А не врете?

— Не врем. Нам Костя о тебе рассказывал. Вот и не таимся...

— Заходите, — проговорила она уже с теплинкой в голосе и, открыв дверь, посторонилась.

— Вам привет от Кости Дубравина из Кленовых выселок.

— Ну як там? Чулы, спиктакли якись-то ставят хлопцы та дивчата. Та вы заходьте, заходьте! Сичас каганец запалю!

— Посторонние есть?

— Никого нема.

Она проскользнула в дом и мигом разожгла на шестке лучины. Потом достала плошку, подожгла фитиль. Слабый неверный свет выхватил из полумрака большой стол под божничкой, широкую лавку возле стены, деревянную кровать с горой подушек и половички, слева — створчатую дверь в горницу.

— Ну, насчет спектаклей — не знаю... А так ничего, весело живут... Липпункт организовали. Грамоте обучают народ. Клуб хотят открыть в кулацком доме.

Оксана всплеснула руками. Села за стол, пригорюнилась.

— Не тужи, Оксана. Придет время, и вы в село пойдёте. Что за жизнь на хуторах? — сказал участливо Алексей.

— Подашься тут, — сердито отозвалась девушка. — Она вон тут хочет кости оставить... Мать-то. — Оксана указала глазами на дверь. — А вокруг смута... — И тут же спохватилась: — Раздевайтесь... Давайте портянки, я их в печке посушу. И чаю согрею...

Не спалось. Мучили сомнения. Ну а если таким, как эта честная девушка, не доверять, тогда кому же? Костя знает ее. А вдруг?

Оксана вернулась со двора с охапкой дров и растопила железную печку.

— Не спите? Сейчас я вас чаем согрею...

Алексей поднялся на локте.

— Оксана, — позвал он. — Иди на минутку. Мне надо тебе сказать важное.

Оксана поставила у кровати табуретку, села.

— Говорите.

— Матери, кто мы, — ни слова. Пусть за бандюков считает. Ты листовки не находила на усадьбе?

— Находила... Вон на божничке. Пять штук.

— Нам Костя тебя советовал взять в свои помощники.

— Туда?

— Нет. Ты будешь здесь. Когда нужно что передать Косте — срочно передашь. Мы тебе верим.

Оксана улыбнулась и подала руку. Алексей задержал ее в своей.

— А если разоблачат тебя?

— Пусть, — решительно сказала Оксана. Лицо ее вытянулось, стало строгим.

— Они такое не прощают.

— Знаю.

— Спасибо, Оксана, — сказал Алексей. — Будем бдительны.

И все же... А вдруг не сумеет? Вдруг в трудный момент дрогнет? Старуха не вышла на шум. Неужели так крепко спит? А может, следит? Прощка держался все время в тени. Чтоб не признала его Оксана? Возможны лишние объяснения. Они могут вызвать подозрение и недоверие Оксаны. В полуосвещенной комнате ходят по стенам длинные уродливые тени. Скрипит половица.

— Да он совсем молоденький... Ах, господи, — слышит Алексей приглушенный голос.

Он осторожно переворачивается на бок и видит у печи высокую худую старуху в ночном чепце. Она из ковша пьет воду.

Где-то с печи раздается буйный храп Прохора. Пахнет самогонным перегаром. Потом старуха осторожно будит дочь, которая спала на голбце.

— Оксана, Оксана...

— Ну что тебе?

— Ты корову-то не забыла подоить?

— О господи!

— И свинью накормила?

— А то нет? Да идите вы ради бога... Напьются и полуношничают! — Она тянет на себя одеяло.

— Ох-хо, — вздыхает старуха. — А что за хлопцы? Из лесу?

— Оттуда.

— За самогонкой небось иль по другим надобностям?

— По другим, по другим, — шепчет торопливо Оксана. — На задание ходили... Идите спать!

Старуха крестится и уходит снова к шестку, около которого на лавке стояли ведра с водой.

За окном в белой морозной дымке неторопливо плывет ночь. Старуха возвращается к голбцу.

— Оксана, слышь, — раздается ее свистящий полусшепот.

— Ну что? — откидывает одеяло Оксана.

— Я пойду туда, в подвал. Может, понадобится к утру... А у меня всего полчетверти осталось... Так я пошла, а ты бы в горенку перебралась. Чего тут-то?

— Я озябла. А там холодно.

— Тулуп. Бери тулуп и иди. Какой подарок-то от Ивана Даниловича... Вечный...

— Ладно... Ладно...

«Кто такой Иван Данилович? — соображает Алексей,

проводя старуху взглядом. — Может, Болгов? Да, да, это он... Где-то снял с человека и подарил старухе за самогон. Она теперь в долгу себя чувствует. Где-нибудь подалее от этих мест добыл. Вообще эта банда в месте расположения никого не трогала. Не хотела вызывать против себя гнев народный и получается так: я тебя не трогаю — ты меня не знаешь... А налет на Ветловку? Может, по тому, что там первыми в районе артельное хозяйство стали сколачивать? Это возможно. Ну а теперь — коса на камень... Там Болгов потерял своего любимого помощника. Не простит этого Болгов. Надо бы подкрепить сельский актив. Ветловка... Там же Лена. Интересно, как встретили Петра Карпухина. А может, Елены уж и нет в селе. Она хотела в город вернуться. Трудно, правда, в городе с работой. Хотя сейчас уже проще.

Долго еще разные мысли кружили голову. А потом подумал Алексей о завтрашнем дне так: пусть будет как задумано. Найти бы только этого Болгова, чтобы не блуждать по хуторкам. Небось Оксана знает, скажет.

Оксана действительно знала.

— Идите смело к Христины в Гнилые выселки. Он там. Правда, ночует то у одних, то у других, а к ней заходит...

— Жена?

— Какой там, — презрительно сказала Оксана. — Так разодета! А на руках обеих кольца с камнями.

— Что они тут делали?

— Сказывали, гостя встречали на разъезде.

— И гость этот был тоже здесь?

— Был. Седой такой. Сердитый. Не пил. Все вареники жрал и хвалил, хвалил. Мамке руку целовал и говорил: «Боже мой, столько лет уже, как не ел я из русской кухни!.. Что за прелесть хрен или редька с квасом! Ах, вам не понять, господи, не понять!»

— Он сейчас у Болгова?

— Не знаю.

— Ладно. Спасибо, Оксана!

— А знаете, вам лучше все же напиться бы... ну хоть немного.

— Как это?

— Да просто пьяными. Мамка свежий самогон высидела.

Прошка встал. Его тут же признала старуха, которая уже была под хмельком.

— Она правду говорит, — посоветовал Прохор. — Это будет как-то в масть той братии...

Старуха набросилась на Прошку, расспрашивала, где он был, что не заходил к ним.

— В командировке, — отшутился Прохор.

«Чем же старухе подсластить?» — соображал Алексей и решил отдать ей полушубок в обмен на какой-нибудь кожушок. Полушубок новый. Оксана может носить его.

Старуха была рада. А Оксана обиделась.

— Нет, ты бери, бери, — настоял Алексей. — Полушубок что надо. На мне глаза будет колоть бандюкам. Могут и конфисковать, а? — Он посмотрел на Прохора.

— Свободно! Понравится той же Христинье...

— Вот видишь? Пусть будет у тебя, Оксана.

Он обрядился в залатанный кожушок. Старуха принесла солдатскую баклажку самогона.

— Перегон. Самому Ивану Даниловичу в собственные руки передай, — наказала она. — Оксана, принеси им на дорогу шмат сала да хлеба буханку.

Они выпили «для храбрости». Оксана проводила их до согры, которая огибала с двух сторон бор. Ей, казалось, не было ни конца ни края. Стояло теплое мартовское утро. Уже полысели кочки.

— Вот по ним и прыгайте, — сказала Оксана, — они пока твердые.

— Скоро развезет и не пройдешь, — обронил в раздумье Алексей.

— Да, — кивнула Оксана.

— А если мне нужна будет связь?

— Если я потребуюсь, поставь на том берегу у этой тропы палку... Будто хотел перейти и не смог, вернулся.

— Хорошо. А дальше?

— Я пройду ночью вкружную и заберу ту палку.

— У меня есть огрызок химического карандаша... Но ты ведь читать не можешь!

Оксана смутилась. Вспыхнула.

— Две зимы ходила в школу. Поди, разберу что к чему.

Алексей обрадовался и пожал ей на прощание руку.

Прохор уже прыгал где-то впереди с кочки на кочку. Алексей догнал его на другом берегу. Они остановились на твердой земле и помахали Оксане.

Начался густой бор. По едва заметной тропе они углубились в него. «Значит, со стороны Панинского района и думать нечего брать их», — сообразил Алексей.

— А как с противоположной стороны? — спросил он у Прошки.

— Лес и лес. Много верст, — сказал Прошка. — Их выкуривать либо какой хитростью, либо изнутри взорвать. Вот ты это и сделай, Леха, со своим напарником. Вам доверили. — Из рассказов Прохора Алексей знал, что с Боговым в охране неотлучно находятся десятка два головорезов.

— Эти за него в огонь и в воду, — говорит Прохор. Впереди показалась елань. За ней — городьба.

— Поскотина, — сказал Прошка. Лицо его стало напряженным. — Ворота. А около них должен быть караул. Алексей толкнул его в бок и запел:

— Эх, во поле березонька...

Прошка подхватил.

В воротах показался лохматый пес. Он хрипло залаял. За ним откуда-то сбоку вышел человек с обрезом в руках. Он был обросшим, в домотканом коричневом зипуне.

Алексей с Прошкой шли в обнимку, заметно пошатываясь.

— Во, видал ты его, куркуля! — вскрикнул Алексей. — С пушкой встречает!

Мужик прокашлялся в кулак и поднял обрез.

— Стой! Не подходи на двадцать сажень!

— На сколько? — спросил Алексей.

— На двадцать...

— А где мы сажень-то возьмем, а? Дурья твоя голова!

— Не подходи, говорю, а то буду предупредительный выстрел давать!

— Ну давай, а мы послушаем. Правда, Прошка? Пушай пуляет предупредительный, а мы вот сядем на пенечек да чем бог послал... Они свернули влево и уселись на колодину. Алексей вытащил из-за пазухи баклажку с первачом. Поднял, взболтал.

— Эх, святая водичка, выручалочка!.. Давай сала, Прошка, нехай себе пуляет!

— Кто такие? — раздалось от ворот.

— Убогие страннички, дорожные доброты, святые отцы, ловкие до ночной охоты, — ответил Алексей. — Давай сала, хлеб... Гульнем напоследок, — кричал Алексей. И часовому: — Эй ты, дядя! Чего предупредительный-то не даешь? Люблю посидеть под звуки канонады! — И приложился к баклажке, не раскупоривая ее. — Ух, злая, шельма!

Караульный потоптался на месте у ворот, огляделся и двинулся к непрошеным гостям. Он уже подходил, когда Прошка вдруг вскочил и бросился к нему:

— Ефим! Землячок!

Тот взгляделся и расслабился:

— Прошка! Так это вы... Это про вас?

— Что такое? — посерьезнел Алексей.

— Да тут писанина всякая...

— А-а, про то мы наслышаны, земляк, — пробасил Прохор, — в Зыряновке, в твоей родной деревне, чуть богу душу не отдали!

— Что так? — замер на мгновение Ефим, испуганно вскинув бровями. — И чего это вас в Зыряновку занесло?

— Небось занесет. — сплюнул зло Прошка.

— Оно конечно, — озабоченно поскреб бородку Ефим, косясь на баклажку.

— Глотнешь? — заметил его взгляд Прошка.

— Не могу, — решительно покачал головой Ефим. — Ранешное бы время... Живот не принимает. Потому и оставлен при штабе, с комендантским взводом.

— Ну, как хочешь. Тебе виднее. Начальство дома?

— У себя. Ты б про Зыряновку рассказал, что там и как...

— А чего там? Шумят. Всей деревней в колхоз вошли. Скот весь возвратили. Тягл только общим стал да плуги, бороны у которых были.

Прошка встал. Одернул на себе колушок и сердито буркнул:

— Ты свою Маланью про то пытай... Ее бригадиром бабской садоводческой бригады назначили... Она-то нас кочергой и встретила. Да кое-как успокоили.

— Так это его баба? — сделал удивленное лицо Сокол. («Молодец, Прошка, молодец!») — Ей бы атаманом быть.

Ефим блеснул глазами. Но тут же недоверчиво хмыкнул:

— Ну и брехун ты, Прошка.

— Да ты что? Вот провалиться мне на этом месте! Тебя во всю громила. Потом плакала. Про декрет правительственный сказала.

— Какой такой декрет?

— А-а, — махнул рукой Прошка. — Прощение, если добровольно с оружием к властям явишься.

— Заманивают, — хихикнул неискренне Ефим.

— Приходят которые, — безразличным тоном сказал

Проща, — за которыми крови нет. А тебе — куда? Ведь ты душегуб, а?

— Ну, уж брякнул тоже — душегуб. Нету за мной душегубства. За справедливость встал. Ведь совсем было разорили! Даже курей всех под одну крышу... Душегуб! Сказал же!

— Ладно. Хватит лясы точить. Веди нас к атаману, Ефим.

— Выходи вперед! — взял наизготовку обрез караульный. У ворот поскотины — «Максим». — А я б мог в вас засмолить из пулемета, — сказал Ефим.

— Не пугай. Давно пуганы, — огрызнулся Алексей.

— Да-к я к примеру это. Пулемет — штука умышленная. Ленту в него запустят, а он ее жреть, будто семечки щелкает, и тут же гильзы, как шелуху, сплевывает на сторону.

Пошли по узкой улочке. Пять домишек насчитал Алексей. Один большой, крестовый, под железной крышей. У крестового дома — человек. «Там, похоже, и штаб. На дорогу вышел. Наблюдает», — отметил про себя Алексей.

— Хорошее оружие, пулемет. Надежное, говорят, — сказал он вслух. — Еще есть?

— Есть. Только тот на костылях.

— Как это?

— Ручной прозывается, а этот станковый. Тот у самого штаба. Вон, где Семка Гуляев стоит.

...У штаба стоял парень в папахе, казачьей куртке. Грудь обвили две ленты с патронами.

— Кто такие? — взяв наизготовку обрез, крикнул он повелительно.

— К атаману мы, — отозвался Алексей.

— Не велено. Его благородие заняты. Отходь в сторонку.

— Тю! Ты куда меня приволок? Это какие такие благородия завелись, а? — набросился на Прощку Алексей и подмигнул ему незаметно.

— Да-к... атаман же, — растерянно пробормотал Прохор.

— Какой же то атаман, когда «благородие»? Это я, Васька Жиган, урожденный гражданин одесской Молдаванки, где великий Япончик имел свою родненькую хату и золотое детство, должен идти под благородие? Да ты ще, в уме? Они тут, могить, за монархию борются, и чтоб я... Да ни в жисть!

На крыльцо дома вышла полная женщина в меховой

кацавейке, за ней двое мужчин. Алексей сделал вид, что не заметил их, и продолжал шуметь. Часовой растерянно смотрел на него.

— Чего рот разинул?.. Да я вас... — Он выхватил баклажку и замахнулся ею. — Ложись! Бомба!

Часовой ткнулся в снег. Закрыв лицо папашой и выстрелил. На крыльце раздался визг, хлопнула дверь. Алексей с Прошкой прошмыгнули в ворота. Тут он расхохотался, хватаясь за живот. С шумом отворилась дверь и из нее вывалились несколько бандитов. Среди них широкоскулый, обрюзгший, невысокого роста человек в офицерском френче.

— Что за бедлам? Кто такие? — взвизгнул он, размахивая наганом.

Алексей, держа в руках баклажку, сквозь смех стал рассказывать. Он смекнул, что перед ним Болгов.

— Я, атаман, сознаюсь: французского генерала в Одессе освободил от лишнего обмундирования вот таким же манером. Только тогда не баклажка в руке была, а коробка, круглая такая, из-под монпансье. Поднял руку, а она блесит при фонаре... На самой Дерибасовской! Мусье, говорю, сопротивление — акт бесполезный. Эта бомбочка имеет удивительную способность разносить в клочья тех, кто имеет неосторожность находиться рядом и в окружности! Так вот, тихо, будто дипломаты, мы и разошлись как в море корабли...

— Брось трепаться! — оборвал его Болгов. — Кто такой?

Алексей сделал обиженное лицо. Ткнул в бок Прошку.

— Растолкуй их атаманскому благородию, с какой миссией я попал сюда по воле судьбы.

— Это Жиган... Мы вместе с ним бежали с поезда...

— Гепеушники! — вдруг хохотнул Болгов, хотя лицо его не дрогнуло. Оно было как прежде, каменным, неприступным. — Есаул Гачев... твои, разберись!

— Тю!.. — презрительно сплюнул Алексей и, подняв баклажку, произнес безразличным тоном: — Это вам от старухи. Тут, за болотом живет. Ловите! Она мне ни к чему.

Алексей бросил баклажку. Ее перехватил в воздухе долговязый в офицерских галифе с казачьими лампасами Гачев. Алексей выхватил маузер и приброесил его в руке.

— Такой же, ваше атаманское благородие, как и у вас. Начальника охраны пришлось кокнути. — Алексей отско-

чил в сторону. — И вы понимаете, конечно, бьет он безотказно, и между прочим, наповал...

— Ладно, — махнул рукой атаман, заполучив баклажку. Он сунул оружие в деревянную кобуру и махнул рукой. — Заходите. Разберемся. — Болгов взгляделся в Прошку. — Фетисов? Любопытно.

— Я! — отозвался живо Прошка. — Прибыл вот.

— Ну что ж, Фетисов, доложить придется. Проходите!

— Уважаю интеллигентных людей, — отозвался Алексей.

Но едва он перешагнул порог, входя в просторную полутемную комнату, как с двух сторон на него навалились бандиты и скрутили руки.

— Провокация! — воскликнул Алексей. — Ну что ж, это так похоже на вас!

— Что-о! Повтори! — с угрозой произнес Болгов, и левая бровь его, вздыбленная старой раной, затрепетала.

— И повторю! — бесстрашно сказал Алексей. — И повторю: у нас на провокацию не способны...

— У кого это у вас?

— Ха! Будто и не догадываетесь! У нас: мокрушников, домушников, даже карманников, не говоря о... Во всем уголовном мире честное слово — закон.

Атаман брезгливо поморщился.

— Кажется, я тебе никакого слова не давал, это во-первых. Во-вторых, у меня ничего нет общего с уголовниками.

— Положено же так в благородном семействе!

Атаман махнул рукой Гачеву:

— Попытай-ка их в контрразведке. Может, по другому заговорят. Ведите!

Глава 16

Посадили их в баню. Внутри сплошная копоть и сесть негде. Дыра вместо окошка заткнута снаружи тряпкой. Деревянное корыто, каменка. Развязывать не стали. Сунули, подперли дверь колом и словно забыли.

Только на другой день заглянул к ним долговязый бандит и, ни слова не говоря, начал избивать их плетью.

— Ты что же, гад, делаешь, а? — кричал Алексей, увертываясь от ударов. — За что честных людей избиваешь?

— А за то, чтоб знали, что у атамана Болгова верные люди в контрразведке служат.

— Дерьмо ты, а не контрразведчик! — шумел Алексей. — Я же тебя, гада, исполосую финкой, дай только бог освободиться. Нет, смотри, Прохор, за что он, падаль проклятая, мордует нас, а?

Гачев был пьян. От него разило тошнотворным запахом самогона.

Он махал направо и налево плетью и с выдохом, будто колот дрова, хрипел:

— Это мои замечочки, мои... Вы их запомните... вы, вашблагородие, верите им, а я все же меточки свои поставлю. Вот так. Да посмотрю еще денька два!

— Да за что уродуете, а? — морщась от боли, извивался Прошка. — Столько пережили страхов и еще тут... За что лютуешь над своими людьми?

— А чтоб знали — из контрразведки так не уходят.

Выбившись из сил, Гачев сплюнул и, тяжело дыша, вышел, не забыв припереть дверь колом. Кому-то приказал:

— Смотри, головой отвечаешь! Понял?

— Да толи впервой? — отозвался глухо Ефим. — Прошку-то за что же?

— Не твое дело! Упустишь — шкуру спущу! — пригрозил Гачев и, бормоча ругательства, удалился.

...Ночью слышно было, как охрана Болгова спешно оседлала коней и умчалась куда-то.

— Куда это они?

— Известно, — пробурчал Прохор. — Налет...

— Как думаешь, Болгов с ними?

— Может, и дома отсиживается. У Христины. За него все больше налетами руководил Сапун. Теперь, может, этот зверюга Гачев.

— А пулемет... Как ты думаешь... оставляют?

— Тот, станковый, всегда волокут за собой, а этот — на охране штаба. А что?

Алексей промолчал. Смелая, отчаянная мысль пришла ему в голову.

— Ты бы посмотрел, Прохор, на мой узел. Нельзя ли зубами... Может, приловчишься?..

— А ну повернись, — приказал тот, — встань на колени, неудобно. Вот так. Попробую...

Он долго рвал зубами тугой узел. Тонкая бечевка все срывалась, не удавалось ее ухватить. Наконец Прохор расслабил узел и вытянул конец бечевки.

— Крути руками-то, крути...

Алексей стал дергать кистями рук. Он скрипел зубами

от боли, казалось — кожа слезала с рук. И вдруг боль отошла.

— Готово! — прошептал Прохор. — Упрел как черт!

Алексей вскочил, размял руки. Потом освободил от веревки Прохора.

— Теперь душить буду извергов! Глотки рвать! — прошипел тот.

— Погоди рвать. Надо нам решиться на что-то. Тсс! Идут. Если этот... Гачев... Действуй, как я!

— Ясно!

Кто-то потоптался у двери. Кол, чиркнув по ней, упал на землю, и дверь тихо открылась. Кто-то несмело протиснулся в нее. Зашептал:

— Землячок! Иде ты?

— Я здесь, Ефим! — обрадовался Прохор.

— Ты про Маланью не сбрежал, а? Скажи по-божески, правду? — торопливым просящим голосом проговорил тот.

— Фу ты, господи! — возмущенно отозвался Прошка.

— Ревела, говоришь? — допытывался Ефим.

— Ревела.

— А декрет в самом деле?

— Самолично не читал. Маланья сказывала про него.

— Что же сам? Пошел бы и повинился. Крови на тебе нет.

— Нет, так будет, — с яростью прошипел Прошка. — Мне без Насти не жить. Ее благоверному Косте — кровь спущу.

Ефим тяжело вздохнул.

— Куда парни уехали? — спросил Алексей.

— О том они только знают. Но, слышно, изловить хотели того председателя, который стукнул Сапуна.

— Кто остался?

— Сам остался.

Алексей выглянул за дверь. Темно. Легкий морозец сковал капли. На крыше сарая поблескивал ледок.

«Значит, в Ветловку подались. Вот и не упредили», — думал Алексей.

— Слушай, Ефим. А где вся охрана живет? — спросил Алексей.

— Известно... в казарме. Вон там за сараем домишко. Там нары поделаны. Живут кучей, только командиры поврозь. Гачев и сам атаман...

— Тесновато же вам там.

— Известно, — вздохнул Ефим. — Оно б ничего, да клопы... Ужась! Будто воробьи.

— Ты и сегодня в карауле?

— Известно. Люди на дело ушли, мы с Семкой на карауле. У него грыжа вылезла, а у меня рези в животе какой день уж не проходят. Вот вас в казарму отправят — баньку закатим мировую.

— А отправят? — подал голос Прохор.

— Известно. Карантин это прозывается. Карантин Гачева, — он усмехнулся. — Кара лютая. Тебя, Пронька, еще пытать будет: не проданся ли, дескать, чекистам.

Уже перед рассветом раздался топот копыт. Оживленный говор. Фыркание коней. А еще через некоторое время где-то рядом — звуки балалайки и пьяные песни.

— С удачей, видно, сволочи, — проговорил Алексей, чутко прислушиваясь к звукам.

Вдруг совсем рядом — хруст льдинок, шаги. Дверь бани рывком отлетела к стене.

— Эй вы! — раздался голос. — Ловите нового пассажира.

Человека с силой толкнули в спину, он ударился головой о притолоку и упал у каменки.

— Ефим! — скомандовал тот же голос. — Становись тут! И смотри у меня!

— Да что ж... Становлюсь, — покорно проговорил Ефим.

— То-то же!

«Помыкают им, как дураком, — подумал Алексей. — А что он тут будет — это может пригодиться».

Дверь захлопнулась. Нашупав в темноте новичка, Алексей тихо спросил:

— Кто вы? Откуда?

Тот приподнялся, сел, тихо простонав, выругался.

— А бис его знает, кто я теперь, — насмешливо проговорил он. — Был, помнится, человек, а теперь, может, уже смердячий труп.

Голос его показался знакомым. И вдруг Алексея пронзила догадка:

— Вы... не Карпухин? — спросил он.

— Может, и Карпухин, — отмахнулся тот.

— Вы, Петр Гурьянович... Я узнал вас! — обрадованно прошептал Алексей.

— Алеша? Не может такого быть! — воскликнул Карпухин.

— Тише... Как это вы, а?

— А вы? Господи, вот судьба!

Они помолчали.

— Понимаю, — сказал тихо Карпухин. — Нам нужно попытаться уйти. Бандюки еле на ногах держатся. Штабс-капитан уже морды бил кой-кому.

— Вы его знаете?

— Узнали друг друга. Когда привели, он стал внимательно приглядываться ко мне. Я тоже увидел знакомое лицо. Вспомнил: мой командир батареи... Вместе три года на германской вшей кормили. Я его спас от пленения. Георгия первого получил. Вот он подходит ко мне. «Карпухин?» — говорит. «Так точно, — отвечаю, — ваше благородие!» — «Полный Георгиевский кавалер, — хлопнул он себя по лбу ладошкой. — Ну, здравствуй!.. Это что ж, недоразумение?» — «Никакого, — отвечаю, — недоразумения нет. Схватили вот ваши людишки и приволокли. Говорят, на казнь. А за что — не ведаю!» — «Как же ты, Петр Карпухин, мог в моих ребят стрелять?» — «А, — скажу, — воны не мечены, ваше благородие. Бандюки и все... А в таких стрелять треба». — «А ты, герой отчизны, за коммунистов?» — «За жизнь, — говорю, — ваше благородие!» Он заходил так по хате. Ходит, лопочет про себя что-то. Потом спрашивает: «Будешь у меня так же верой-правдой служить? За Родину бороться?» — «За яку таку Родину?» — спрашиваю. — За ту, шо була: с барами та с помещиками?» — «За демократическую республику, за веру христианску», — отвечает. «Такую, — говорю, — не знаю... У меня вже Родина есть... За ее и стою!» — «Ну подумай, каже, Петр Карпухин... Подумай. А потом скажешь». И приказал отвести. Тут же наказал: «Чтоб волос с его головы не упал!» Во как! Матери твоей черт!

После тягостного раздумья стали обсуждать различные варианты своего освобождения. Наиболее реальный, хоть и очень рискованный, предложил Алексей.

— Что ты скажешь о Ефиме, Прохор?

— Если удачно начать да припугнуть его — поддержит, думаю. У него сейчас в голове... знаешь сам...

Прохор подошел к двери. Забарабанил в нее.

— Там кто? — испуганный голос караульного. — Вы... **Не стучать! Я на часах!** — Он подбадривал себя голосом.

— То я, землячок... я... Прохор!

— А-а... Ну шо?

— Да открой ты за ради бога! Невмоготу стало. До ветру бы пустил, а?

Ефим в нерешительности потоптался, бормоча что-то

про себя, потом решил. Отвалил в сторону кол. Показалась в проеме его лохматая папах.

— Ну проходи, да быстро!

— Я мигом!

Прошка, выходя, задернул Ефима в баню.

— Ты шо?.. — пискнул жалобно Ефим, тут же обезоруженный и придавленный Алексеем.

— Если жить хочешь, Ефим, слушай сюда, — сдавленным голосом проговорил Алексей, зажав ему рот ладонью.

— Ммм, — промычал Ефим, усердно кивая.

— Ты должен помочь нам обезглавить банду. Советская власть простит тебе твои грехи. Где банда?

— В уметах на Светлом Ключике — с готовностью прохрипел Ефим.

— Далеко отсюда?

— Напрямик верст пять. Я знаю, — ответил за земляка своего незадачливого Прошка.

— В казарме вашей — шум. Пьют. Можешь оседлать коня и сгонять в Копысово? — Ефим сел и ошалело посмотрел на Сокола, потом перевел взгляд на Прошку. Он, видно, стал, догадываться, что за хлопцы были перед ним. Страх и надежда отразились на его лице.

— С-смогу, — едва слышно проговорил он.

— Смотри! — поднес к его лицу огромный кулак Прошка. — Подведешь, струсишь — первая пуля тебе будет.

— Ты понял? — допытывался Сокол.

— Что делать в Копысово?

— На телефон. Дозвониться до уполномоченного ОГПУ Игнатова. Доложить: «Звоню по поручению Сокола. Он с товарищем Фетисовым гостит у Болгова. С ним Карпухин. Постарается ликвидировать штаб. Пусть с оперотрядом атакует уметы на Светлом Ключике». Все. Повтори!

Пока собирался с мыслями трусоватый Ефим, послышались не совсем твердые шаги. Хруст порушенного ледка. Фетисов с Петром Карпухиным схоронились по приказу Алексея за углом бани, прикрыв дверь и приставив к ней кол. Вскоре, сытно икая и пошатываясь, подошел Гачев. Он отшвырнул ногой кол. Заметив вышедшего из-за угла караульного, выругался:

— Чего ховаешься? — и, открыв дверь, властно прикрикнул: — Эй, Карпухин! Который тут? Выходи до его благородия! Где ты?

Подошедший сзади Прошка с силой ударил «начальника контрразведки» обрезом. Тот качнулся и без стопа вытянулся у порога.

Алексей обыскал его. Снял оружие, осмотрел его и присвистнул:

— Парабеллум! Это я понимаю — вооружен! — Но раздумывать было некогда. Он сунул за пазуху пистолет и подтолкнул локтем Карпухина:

— Петр Гурьяныч, ты по росту подходишь... Снимай с него барахло. Быстро! Быстро! Прохор, тащи веревку из бани! А ты, Ефим, тоже... Чего глаза пялишь? Помоги скрутить покрепче эту сволочь... Да заткните ему рот портянкой!..

Карпухин, сбросив свой кожушок, стянул с Гачева формистый, отделанный мехом впереди и сзади, шубный пиджак, снял бурки, натянул на голову кубанку.

— Хоть на свадьбу, — притопнул он.

Алексей быстро оглядел его.

— Хорош. Значит, план у меня такой, товарищи... — начал он и подозвал к себе поближе Ефима. — Ты понял, кто мы и в чем твое спасение?

— Вроде бы... да все не приду в себя, — сознался тот.

— А ты быстрее приходи, — посоветовал Алексей. — Хорошо скрутили, товарищ Фетисов?

— Не вырваться. Пятерым развязывать придется.

— Все! Действуем! Значит, ты, Петр Гурьяныч, за Гачева. С тобой впереди — Ефим. Как уберем часового у штаба, ты, Ефим, — за конем и в Копысово. Ясно? Вот так.

Чуть покачиваясь на узкой тропе, Карпухин шел впереди маленького отряда. Часовой еще издали признал в нем Гачева, не присматриваясь. Когда группа подошла к крыльцу, он спокойно отвернулся и сделал шаг к пулемету. Прощка в прыжке достиг его, рванул за шею назад, что-то хрустнуло в его руках. Часовой без крика упал навзничь. Его тут же затолкали под крыльцо.

Карпухин проверил пулемет и нацелил его на дверь.

— Все в порядке, — шепнул он Алексею и пошел к поскотине.

Алексей проверил обрез. Полная обойма.

Из дому слышалась музыка. Играл граммофон.

Вдруг у ворот поскотины раздался крик и тут же глухой выстрел.

Дверь дома — настезь. На крыльце, едва держась на ногах, появился атаман. Френч его был расстегнут. На груди — белая сорочка.

— Кто стрелял? Часовой — ко мне! Где Гачев? Почему стрельба!

Алексей бросился ему в ноги. Грузное тело атамана с

грохотом полетело по ступеням. Подскочил Прохор и стукнул его прикладом по голове.

Дверь в комнату была открытой.

— Ваня! — раздался оттуда испуганный женский голос. — Ой, господи! Неужели разбился!

Она выскочила в сени. Тут в грудь ей уперлись два обреза.

— Ни с места! Молчать! — скомандовал Алексей. — А ну, назад!

Перепуганная насмерть Христинья отступила в комнату. Алексей подтолкнул ее к дивану. Та замерла.

Уткнувшись в стол, спал один из помощников атамана.

— Вяжи! — приказал Алексей Фетисову, — а я приволоку Болгова.

Пока Прошка связывал обезумевшего от страха «штабиста», Алексей с подросевшим Карпухиным приволокли атамана. Лицо штабс-капитана посинело.

— Кажется, того, — проговорил Карпухин. — Ах, ваше благородие, пропала твоя демократия...

— Как «Максим?» — спросил Алексей.

— Пулемет в исправности... Пришлось стрелять в часового. Заподозрил что-то.

— На казарму?

— На казарму, братья! Там вроде утихомирились. И света нет. Предлагаю: из двух пулеметов — в окна и в двери... Я думаю так, а?

— Хорошо. Ты, Прохор, оставайся тут, — наказал Алексей. — Проверь все. Жив атаман?

— Не пойму, чи жив, чи помер! — виновато развел руками Прохор. — Вон жилка на виске бьется еще...

— **Ладно.** Пошли, Петр Гурьяныч! Да, а Ефим?

— Ускакал.

— **Как думаешь,** туда куда надо, а?

— Думаю, куда надо...

Минут через двадцать все было кончено. Бандитская казарма пылала в огне...

Запрягли сани. В них прикрыли тулупом связанного помощника атамана. Сам атаман не выдержал: не приходя в сознание, отдал богу душу.

Среди документов, захваченных у Болгова, был обнаружен список «личного состава» банды. Прочитав его, **Игнатъв привскочил от радости** и обнял Алексея. И еще один документ заинтересовал обоих. Это была расписка в получении десяти **парабеллумов, скрепленная подписями атамана и некоего «интенданта Р. Лееба».**

грохотом полетело по ступеням. Подскочил Прохор и стукнул его прикладом по голове.

Дверь в комнату была открытой.

— Ваня! — раздался оттуда испуганный женский голос. — Ой, господи! Неужели разбился!

Она выскочила в сени. Тут в грудь ей уперлись два обреза.

— Ни с места! Молчать! — скомандовал Алексей. — А ну, назад!

Перепуганная насмерть Христинья отступила в комнату. Алексей подтолкнул ее к дивану. Та замерла.

Уткнувшись в стол, спал один из помощников атамана.

— Вяжи! — приказал Алексей Фетисову, — а я приволоку Болгова.

Пока Прошка связывал обезумевшего от страха «штатбиста», Алексей с подоспевшим Карпухиным приволокли атамана. Лицо штабс-капитана посинело.

— Кажется, того, — проговорил Карпухин. — Ах, ваше благородие, пропала твоя демократия...

— Как «Максим?» — спросил Алексей.

— Пулемет в исправности... Пришлось стрелять в часового. Заподозрил что-то.

— На казарму?

— На казарму, братья! Там вроде утихомирились. И света нет. Предлагаю: из двух пулеметов — в окна и в двери... Я думаю так, а?

— Хорошо. Ты, Прохор, оставайся тут, — наказал Алексей. — Проверь все. Жив атаман?

— Не пойму, чи жив, чи помер! — виновато развел руками Прохор. — Вон жилка на виске бьется еще...

— Ладно. Пошли, Петр Гурьяныч! Да, а Ефим?

— Ускакал.

— Как думаешь, туда куда надо, а?

— Думаю, куда надо...

Минут через двадцать все было кончено. Бандитская казарма пылала в огне...

Запрягли сани. В них прикрыли тулупом связанного помощника атамана. Сам атаман не выдержал: не приходя в сознание, отдал богу душу.

Среди документов, захваченных у Болгова, был обнаружен список «личного состава» банды. Прочитав его, Игнатъв привскочил от радости и обнял Алексея. И еще один документ заинтересовал обоих. Это была расписка в получении десяти парабеллумов, скрепленная подписями атамана и некоего «интенданта Р. Лееба».

— Это вези Виктору Петровичу. Он найдет концы, — посоветовал Игнатов. — Похоже, с Жербиловской летной школы, что под Борисоглебском.

Из докладной Игнатова

...«Решение тов. Сокола было смелым и единственно правильным. Имея при себе двух пленных болговцев — Гачева, закоренелого белобандита-карателя и «начштаба» Власова, — он отправил распропагандированного крестьянина из комендантского взвода охраны Ефима Пермитинова в Копысово, чтобы последний сообщил мне о захвате штаба Болгова. Сам же в это время с двумя пулеметами проследовал к хутору Светлые Ключи и в решительную минуту боя помог нашему оперотряду полностью ликвидировать банду. Убито из бандитов 12 человек, сдалось — 46 человек. Из бойцов отряда ранено 2 человека. Большую помощь Соколу оказали Прохор Фетисов и захваченный бандитами во время налета на Ветловку Петр Гурьянович Карпухин.

Уполн. райотдела ОГПУ Игнатов».

...В Воронеж возвращались вместе с Пановым. До станции проводил их Прошка.

— Поеду к Карпухину, в его артель. Новую жизнь добывать буду, — сказал Прохор.

— Будешь у него, передай привет Елене. Чудесный она человек. Ты присмотришься к ней, Прохор, — подмигнул весело Алексей. — Не пожалеешь!

Ударил в сердце пристанционный колокол.

— Ну, Алеша, прощайся с этими местами, — сказал Павел.

— Что так? — удивился Алексей. — А я, может, еще и на свадьбе Прохора погуляю.

— Едва ли... Есть приказ...

— Какой?

— Самого Менжинского. Бобров говорил... За тебя он, брат, пережил в эти дни. Ежедневно вызывал к телефону Игнатова.

— Что там за приказ такой?

— Вызывают тебя в Москву... А там, видно, другое назначение получишь.

Это известие омрачило настроение Алексея: уезжать, когда еще столько здесь дел?

— А могу я отказаться, Паша?

Тот пожал плечами.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Вот и подкатили, Алексей, к твоему порогу новые стежки-дорожки, тебе снова придется проститься с любимым городом, с дорогими сердцу местами. Панов был прав, в том ты убедился в тот же вечер, когда Николай Николаевич Алексеев сам принял тебя и познакомил с шифровкой, полученной от Менжинского.

— Приказано нам вместе прибыть на коллегия, — сказал Алексеев и критическим взглядом осмотрел твоё одеяние. Потом лукаво подмигнул Боброву. — В таком виде негоже нашему герою представлять перед высшим начальством, Виктор Петрович, не так ли?

Бобров согласно кивнул головой, но тут же отвел глаза, не сумев скрыть своего огорчения.

— Понимаю тебя, Виктор Петрович, — посерьезнев, проговорил Алексеев. — Он ведь из твоих рук пошел в большое дело. Обрел крылья. Я понимаю... Но ему надо расти, а наша задача — помочь в этом. Мы ведь большевики и жить должны перспективой. Так что до встречи вечером, на вокзале, товарищ Сокол!

И вот вы одни в кабинете Боброва. Он стал оформлять документы на тебя, Алексей, а ты сидел в сторонке и сердцем был с ним, с твоим крестным отцом, который склонился над бумагами за столом мрачный, неразговорчивый. Его ведь тоже понимать надо. Правда? У него, кажется, не было ни сына, ни дочери. Строг был, а всегда почему-то казался тебе родным отцом. Как же не понять его в эту минуту.

Когда прощались, он только и сказал, сердито потянувшись носом:

— Ты там... не очень хвастайся. Учись.

— Да что вы, Виктор Петрович! — взмолился ты. Конечно же, и в уме такого не было.

— Ну вот... Давай. Действуй, Не знаю, что там тебе предстоит еще, куда тебя новые дороги позовут, но... кажется, позовут. Только ты не забывай и старые.

И по-мужски обнял тебя, в последний раз.

Ну зачем же так, Виктор Петрович?.. А впрочем, ему уже и тогда виднее было. Он, может, и в тот прощальный час видел уже Лешкину дорогу. Потому и не разрешил себе расслабиться, не позволил это и тебе, Алексей. Был с виду суров, но предельно искренен. Ты выйдешь от него, и тогда он станет самым собой — человеком доброго большого сердца. Он подойдет к окну, чуточку раздвинет шторы и долго, затаив дыхание, будет смотреть тебе вслед и, может, прошепчет растроганно и от души: «В добрый путь, сынок. Будь смелым, но мудрым в своих решениях». Старый чекист, он не мог быть бесчувственным, черствым сухарем. И ты сердцем понимал его, Леша. Ну оглянись! Еще раз... Вот так. Кажется, дрогнула занавеска на окне заветного кабинета. Может, это тебе и показалось. А вот тут уж не избежать тебе встряски от дяди Степы. И как же рад ты был этой неожиданной встрече!

Чугуев, застегивая на ходу пальто, выскочил из подъезда и зашагал торопливо к машине. Тут и увидел тебя. Еще издали погрозил кулачищем своим, а потом без стеснения схватил тебя в охапку.

— Ко мне шел? Спасибо! Все о тебе знаю, все! Молодец! Честное слово, завидую! Так и держать, Леша!.. Значит, в Москву? Алексеев сказывал. Вместе к Менжинскому едете. Ну, братец, ты и заслужил ведь. Заслужил!

— Да уж как там... Обыкновенно, — растерялся ты.

— Ишь, девка красная. А в самое логово вражье?..

— Не один ведь...

— Молодец. Ценишь товарищей... Ну, а с Гранькой-то виделся? Так беги, беги к Капе. Путевку дали ему на курорт. Как бы вы вместе не угодили, в один поезд.

— Вот здорово было бы! — обрадовался ты несказанно и спросил, не мог не спросить про старика Ишутина, потому что о Наташе в тот миг подумал. Изменился вмиг Степан Чугуев. Потемнел в лице.

— Плох. Плох. Домой, говорят, раз в неделю ходит. С паровоза не слазит. Решил я его к себе забрать. Мне ведь квартиру в городе определили. Хоромы — не квартира. Куда мне! Комнату ему отведу. Глаз с него не спущу. Справедливейший старикан. Можно сказать, совесть наша деповская.

И, оторвавшись вдруг от трудной мысли, Степан Иванович неожиданно тряхнул тебя за плечи и заглянул в лицо:

— У Пархоменко-то был? Заглядывал? Сходи, сходи. Хорошую ты о себе память оставляешь у них. Да может, еще и вернешься, а?

— Так и ты, дядя Степа, думаешь, что меня могут...

— Горячих мест много еще, Алеша. И не всюду чекисты успевают... В смелых да умелых нужда большая у нашей Революции. Понял?

И вот — быстрый взгляд на часы и последний взмах руки.

— До свидания, Леша!

...На приеме у Менжинского собрались самые видные чекисты того времени, и, конечно же, немножко страшно-вато было тебе. Правда ведь? Но страх тут же исчез, как только к тебе обратился совсем как к равному Вячеслав Рудольфович и попросил тебя рассказать о последней операции. Почему-то вдруг в голову тебе сразу пришел Прошка. Его судьба нескладная. А потом — батрак поповский и другие.

— Самый отпетый бандит — трус по натуре своей, потому что он один на один со всем обществом, — заключил ты. — Перед ним выше его будь, и твоя возьмет, ты победишь!

Это понравилось Вячеславу Рудольфовичу.

Так ты и не заметил, как приблизился твой звездный час. Менжинский зачитал указ о награждении тебя именным оружием, а на другой день тебя с группой других чекистов повезли в Кремль, где Михаил Иванович Калинин лично приколот на твою гимнастерку боевой орден Красного Знамени — первую твою высокую награду. И мне понятно твое душевное состояние в тот вечер. Ты побежал на главпочтамт и отправил в Воронеж сразу три телеграммы: Виктору Петровичу, тете Капе и Пархоменко. Ты был уверен в скорой встрече с ними. И не знал, что тебе уже выправляли литературу на проезд к месту нового назначения. На новый незримый фронт, на передовую уже звала тебя твоя чекистская судьба. Теперь уже на всю жизнь звала.

Офицером-разведчиком встретишь ты Дальний Восток и ту самую Улунгу, вокруг которой в дремучей тайге еще бродили белобандитские ватажки. Они терроризировали мирное население принимали посланников из-за рубежа от изгнанного атамана Семенова, от жаждущего реванша японских самураев.

И вот пожелтевшие листки из твоих записных книжек передо мной. Я с волнением вчитываюсь в них. Отрывочные короткие записи. А за ними — жизнь. Суровая, полная боевых эпизодов. И всюду — на острие клинка, между жизнью и смертью. Победит — жизнь!

Я читаю торопливые записи и думаю: есть ли еще у кого такая завидная судьба, как у тебя, Алексей Иванович! Есть, конечно. Но нет среди этих судеб похожих на твою, единственную, неповторимую — судьбу чекиста, образ которого мы видим сегодня, несмотря на то, что проплыла она на незримом фронте борьбы за наше сегодня, за будущее.

Апельсины к елке

РАССКАЗ

1

Весь этот предновогодний день Кулагина изводила какая-то тревожная тоска. Боль покрывала сердце, напрягла нервы, отражаясь дрожью в руках. Он почти не замечал работы. В ритме автомата двигались сами собой руки. Не разгибаясь, он действовал быстро и точно. Искрился, мелко дрожа, аппарат газосварки. Не заметил, как сварил последнюю петлю в железной двери гаража, и только тогда, вздыбив на лоб защитный козырек, вытер рукавом пиджака лоб, присел на чурку. Мрачное настроение не покидало его. И он понял причину. Понял с самого утра, но боялся признаться в том, как ненавидел себя, как презирал свое окружение и эту шабашку. Чувство вины перед всеми корбило его самолюбие, оскорбляло человеческое достоинство. «Сегодня или никогда», — решил он.

Его кто-то обнял со спины, похлопал по плечу.

— Вот это класс, я понимаю, — раздался удивленный голос. — Целый час стоял и наблюдал за тобой. Мастер ты золотые руки, Павел Степаныч.

Это — хозяин гаража.

Кулагин презрительно ухмыльнулся. Сплюнул под ноги. Молча передернул плечами.

— Пошли, пошли, Павел Степаныч...

— Куда? — не понял тот.

— Как куда? Конец — делу венец, как в старину говорили. Перекусим. Полбанки есть с угощением. Хозяйка постаралась. Бригада твоя уже — там. Спасибо вам... Спасибо, ребята. А тебе особенно, Павел Степаныч. Расчет полный произведем. Тебе на четвертную больше дам. Сто пятьдесят.

— А им?

— Ну, считай: четыре сотни на троих.

— Хорошо. Давай расчет. А за стол — уволь. Я तोплюсь.

— Как знаешь, — обронил хозяин и достал бумажник. Толстыми короткими пальцами, покрытыми в суставах черной шерстью, отсчитал полтора ста рублей.

Кулагин кивнул ему, сложил свой инструмент в залосненный рюкзак и вышел за ворота усадьбы.

Город в предпраздничной сутолоке. Все спешили куда-то, походя поздравляли друг друга праздничными приветствиями: «Салют!» «Привет!» «С наступающим!» Расходились. Сходились. Громко, беспечно смеялись.

Кулагин ожесточенно мял свое сердце. А люди шли, шли, толпились у магазинов, ларьков, открытых прилавков. На него никто не обращал внимания. «Сегодня или никогда!» — шептал он беззвучно. У празднично убранной елки, на городской площади, ему неожиданно пришла счастливая мысль: «Это твой год, Кулагин. Смотри же, не утопи его!» Она, эта мысль, укрепила его решение. Он почувствовал радостное успокоение: «Смотри, как счастливы в этот вечер люди! А думаешь, у них мало забот? Да в каждом доме счастье и огорчения, удачи и промахи, но когда их видят и осознают — приходят новые решения. А с ними и новые усилия. Вспомни, с чего это ты сорвался? Обидели лучшего механика совхоза. Хлопнул дверью и с семьей не посчитался. Ушел. Значит, можешь позволять себе недо-зволённые вольности и тебе должно все с рук сходить, да-же попойки, которые стал учинять с механизаторами без какого-либо на то повода... Так, что ли? Ах, Кулагин, Ку-лагин. А последний номер свой помнишь? Чуть не запалил лучшего выездного жеребца, на котором сам управляющий только по праздникам выезжал на час-полтора. А тебя куда черт понес пьяного? В Осиновку аж махнул, к другу по

учебе в СПТУ. Тридцать туда — столько же обратно за одну осеннюю ночь.

Ну, вот теперь и рассчитывайся. Почти год «по шабашке» ходишь. А там, в родной Сосновке, жена Клаша, дочка Аннушка. Нынче в первый класс пошла. А каких друзей тут завёл, как на подбор: алкаш к алкашу. «Гвардия». Шарят по углам, по скверам бутылки собирают... Грызутся, как собаки бездомные, по пустякам».

Стиснув до боли в скулах зубы, Кулагин торопливо шагал по улице, истязая себя воспоминаниями.

«Ничего, ничего. Ты больше, больше кусайся! Пусть все тело в синяках будет. Пусть душа ходуном ходит от стыда, от позора. Ведь ни одного дня ты не прожил тут, чтобы не бередить сердце тем светлым и чистым, а главное честным, чем еще совсем недавно был богат и в чести.

Ты уходи, уходи, Кулагин. Ничего еще не пропало. Все наладится. Все будет по-прежнему, — вывернулась откуда-то строгая мысль. — Этот год твой, Кулагин».

Он замер, прислушиваясь.

«Правда?»

«Правда... Верь мне. Ты же давно решился, Кулагин. И ты должен поступить так. Что было, то было. Люди поймут это».

«А Клаша?»

«Она в первую голову».

«А дочка Аннушка?»

«Рада будет. Она каждый день на дорогу смотрит. Иди вот к продуктовому. Там апельсины продают. Возьми своей Аннушке».

Кулагин посмотрел на продуктовый магазин. Оттуда шел народ с пакетами. Кулагин метнулся к очереди. Сердце его радостно затрепетало. Он посмотрел вдоль проспекта. Там вдали ярко светились огни универсама. «Вот бы Клаше купить что-нибудь. Деньги есть у тебя. Ты знаешь, ты возьми ей богатый полушалок или платье доброе и шагай, шагай в свою Сосновку. Времени еще хватит».

«А что? Два часа ходу — и до Нового года дома будешь!» Он посмотрел на окружавшие город округлые горные перевалы. На них уже спускались сумерки.

— Иду. — вслух сказал Кулагин и чуть не бегом бросился к универсаму. «А ведь до окраины города можно и на автобусе махнуть», — подгоняла, торопила нетерпеливая мысль.

— Это мой год! — сказал твердо Кулагин, пряча бумажный сверток новой покупки в рюкзак. «А что, Кулагин,

нарядный платок! Продавщица сама в него завернулась и покрутилась перед тобой. Здорово! Правда, Клаша пополней будет продавщицы. Но все равно — пойдет ей. А главное, такого платка ни у кого в деревне не было. Небось рада будет Клаша, а?»

— Такие платки не валяются на дороге, — сказал себе Кулагин и торопливо зашагал к временному своему жилищу, которое он с удовольствием покинет сегодня. К нему вернулось ощущение легкости и волнующей радости.

Так к человеку в трудную минуту его жизни приходит на выручку светлое чувство любви к чистоте и правде. Оно и делает его сильным.

...Запыхавшись от быстрой ходьбы, Кулагин останавливается возле избушки, наружная к улице стена которой была подперта двумя слегами. Толкнув ногой калитку, спешит к высокому крылечку. В это время дощатая дверь сеней со скрипом распаивается настежь, и на крыльцо вываливается невысокий, лет тридцати мужчина, в распахнутой куртке. Вслед ему летит скрипучий, злой голос старухи:

— Обрадовал сынок... Тьфу, чтоб тебе...

— Новогодние поздравления мамаша, — насмешливо произносит он. Широкоскулый, курносый, с маленькими глазками вприщур, он хлопает Кулагина по плечу. — Загулял, что ли, Степаныч? А я ждал тебя...

— Да? — опускает глаза Кулагин и снимает с плеч рюкзак. Не хотелось бы ему встречаться с этим охламоном, освободившимся в очередной раз из тюрьмы.

— Зашел вот в магазин. Подарки взял...

— Ну, молоток! И горючка есть? — радуется тот.

— Без горючки... — говорит Кулагин. — Все. Завязал. Дочке вот апельсинов три кила взял. К елке. Жене — платок. Так-то, Макся.

— Ну, брат, тоже, — поморщился тот. — Да ты не оправдывайся! Осталось же в заначке?

«И то... Что это я перед ним отчитываюсь?» — возмущенно кольнула мысль.

— Сколько тебе? — глухо спросил он.

— На полбанки всего делов-то, Павел Степаныч. Отдам! За мной не пропадет.

— Ладно, — говорит Кулагин и сует ему пятерку. — Ухожу... — роняет он и смотрит за город в широкий распадок.

— Куда?

— Домой. В Сосновку.

Макся свистит.

— Очумел, что ли, Павел Степаныч? Новый год и при деньгах...

— Э-э, какие там деньги! — машет рукой Кулагин. — Решено.

— Ну ты даешь! В ночь да в лес... Брр! Небось в твою Сосновку и дороги нет еще.

— А я речкой Омutowкой пойду. Ближе. А лед на ней схватило наглухо. До Нового года притопая. Что тут — два часа... Пусть три.

— Омutowка разве от вас бежит?

— Почти мимо окон моих.

— Во, здорово! Ну, давай, топай, Павел Степаныч... Значит, речкой, прямо? — переспросил он почему-то и внимательно посмотрел на Кулагина.

— Наполовину ближе. Дорогой на перевал надо идти. Эвон какую даль кружить! А тут — прямо.

— Ну, ни пуха, как говорят... А жаль! Гульнули бы... А?

— Все. Кончилась моя гулянка! — сказал Кулагин и пошел в избу. Макся, хохотнув, сбежал с крыльца.

* * *

Старуха одобрила решение Кулагина. Он дал ей один апельсин. Она вздохнула, понюхала его и положила на полку. Потопталась по скрипучим половицам расшатанного пола и стала укладывать его немногочисленные вещи. Положила на стол две рубахи, висевшие на бельевой веревке. Разыскала брюки.

— Что еще? — стала шарить подслеповатыми глазами по избе хозяйка.

— А ничего мне не надо. Тряпки отдайте Максиму, — сказал Кулагин, натягивая плащ.

— Выдумал! — фыркнула сердито старуха. — Макся пропьет все за один присест.

Она засунула вещи в рюкзак.

— Давай и фрукты сюда, — потребовала она. Кулагин подал ей пакет с апельсинами.

— Максю-то встретил? — спросила старуха.

— Встретил.

— Небось опять выручил? — Последнее слово подчеркнула насмешливо, раздраженно.

— Выручил.

— Сколько?

— Что — сколько? — не понял Кулагин.

- Не приставайся! Тебе это не личит. Сколько дал?
- А-а, да так... На четок.
- Не ври. Четки не продают сейчас.
- Ну, на эту самую...
- Понятно... Пятерку?

Кулагин кивнул ей и тут же продел руки в лямки рюкзака. Старуха строгим взглядом окинула его. Села на табурет.

— Сядь, — приказала она. — Положено... И тут же озабоченно: — Чтой-то сердце томит. И куда ты в ночь-то? Лес да горы. А ну как зверь, а?

— Да ну, какой тут зверь. Его и за полста верст отсюда искать надо.

— Ну, с богом. — Она встала. — Верно ты решил. Возвращайся к семье. Дай тебе бог счастья. Иди, иди. А не то мой арестант вернется, не отцепишься от него.

Кулагин распрощался со старухой. Она вышла проводить его.

На крыльце, вздохнув, проговорила горестно:

— О господи! Когда они ее, окаянную, нажрут-то, а? Старуха отдавала предпочтение чифиру.

* * *

За городом Кулагин спустился к Омutowке и быстро зашагал по припорошенному снежком льду. Будто могучие крылья несли его к родным берегам. Одна мысль мучила, не давала покоя: как она, Клаша, встретит. Поверит ли?

Одну за другой подбросила память радужные картинки из недалекого прошлого. Вот ему при всей деревне вручает управляющий фермой самую дорогую премию. От имени дирекции и парткома совхоза. Да, он так и сказал: «А теперь разрешите, товарищи, от имени дирекции и парткома совхоза вручить транзисторный приемник лучшему в нашем хозяйстве механику Павлу Степановичу Кулагину».

«В какой же это было праздник? Да в День урожая... Точно. День был ясный, теплый. Клаша, включив транзистор, несла его в правой руке, наотлет, а из него гремела на всю деревню веселая музыка. Клаша была в голубом легком платье и оттого казалась со стороны воздушной.

А Первое мая помнишь? Так же торжественно из рук того же управляющего Федора Петровича Груздева ты получил путевку на внеочередное приобретение «Урала». Нет, ты вспомни, как вы втроем — Клаша, Аннушка и

ты — ездили на нем в село Россоши к тестю. Где-то за Катунью, под Красным яром, Клаша приготовила обед на костре, а вы с Аннушкой набрали полный котелок клубники...

А потом... Потом какая-то черная полоса.

Правду говорят (а может, где вычитал ты?), что жизнь человека складывается из тех дней, которые забыть невозможно. Остальное — будто неосторожно или преждевременно засвеченная пленка. Что ты можешь сказать, Павел Степаныч, об этих восьми месяцах, которые проводил у пивных бочек с оравой трясущихся алкашей или где-нибудь в темном месте, глотая очередную порцию сивухи? Но все, все... Я же решился!» — запротестовал Кулагин, прогоняя голос упрека. Но тот шпынял его, не сдавался.

«Ведь она обязательно спросит».

«Кто? Клаша?»

«Да».

«О чем же?»

«Как ты мог решиться на разрыв? Ведь столько месяцев — это не два выходных, Кулагин!»

«После того, как Груздев ссадил меня на виду всей деревни с коня и отобрал ключи от ремонтной мастерской... Как было снести такой позор?»

«Обиделся?»

«Озлился».

«Не то слово, Кулагин... Зазнался ты. Испытания славой не выдержал. А она не меньших усилий требует, чтобы человеком остаться. Часто рядом с тобой у бочки с пивом видели высокого молодого еще, но уже испитого, с безразличным взглядом парня. Котиком его все называли. Так вот он первым в Сибири горнолыжником был. А второй алкаш, лохматый, с резкими движениями, по кличке Удав, он был первой перчаткой в округе. Теперь это конченные люди. Их уже ничто не интересует, кроме стопки зелья. Славы своей не могли выдержать. Это вот хорошо, что ты проснулся. Но надолго ли?»

— Навсегда, — вслух произнес Кулагин.

Стало уже совсем темно. Под яркими звездами искрился снег. Ни дороги, ни тропы. Мысли, то тяжелые, сердитые, то вызывавшие надежду, подгоняли Кулагина. Он не заметил, как под их воздействием он все убыстрял и убыстрял свой шаг и остановился только тогда, когда перед ним вдруг встал обнаженный, каменный берег, на которомросло несколько тополей. Корни их прошли даже каменную твердь в расселинах и выходили наружу, повиснув, не

найдя опоры, над самой речкой. Слева от тополей зиял провалом глубокий овраг. Весной по нему в Омутовку бурным потоком стекали вешние воды. С годами они прорыли в реке широкие омуты. Отсюда Омутовка круто сворачивала вправо и неслась к городу. Место у тополей было любимым для мальчишек Сосновки.

Тяжело дыша, вытирая шапкой лоб, Кулагин удивленно и обрадованно воскликнул:

— Вот это марафон! До Сосновки-то тут и полутора километров не будет! Молодец, Кулагин. Даешь ты!

Он выбрал каменную плиту. Сел на нее и закурил. «Сколько же сейчас на твоих золотых, Кулагин?» — Он отвернул было рукав левой руки, но вдруг краска стыда опалила лицо: вспомнил, что в черный час за полцены продал их. Ядовитая суровая мысль, допекавшая его всю дорогу, хмыкнула про себя и протянула весьма недвусмысленно:

«Н-да-а... Так-то вот, Кулагин».

«Ну и черт с ними. Другие будут. Они на пять минут убегали за сутки».

«Ты на мой вопрос так и не ответил».

«На какой еще?»

«Что ты скажешь Клаше-то? Так вот и заявишься? Пришел, мол. Здравьте! Прости ради бога. Чем докажешь, что решился твердо вернуться к прежней жизни?»

«Ресурс, скажу, весь вышел... А потом я не раб, чтобы на участника шабащить».

Он докурил сигарету. Бросил окурки в снег. Вставать не хотелось: от быстрой непривычной ходьбы гудели ноги. Давило что-то на шейные позвонки. Он расслабился, закрыл глаза. Приятная истома охватила его. «Сколько же иду? — мелькнула мысль. — Часа два, не больше. Осталось, совсем ничего. Может, даже лучше тут посидеть с полчасика. Небось в клубе сейчас вся ферма...»

Он обернулся назад и вздрогнул: в метрах полтораста ниже по реке с крутого берега смотрела яркими фарами какая-то заблудшая автомашина. «Сбились с дороги, что ли? — подумал Кулагин. — Дорога-то выше, к подножию... Вот загудел бы с этого яра. Хорошо, что тихо. Хотя, кажется, к бурану дело идет. Ишь, звезды, будто пеленой задержнуло. Да и ветерок вроде бы покрепчал».

Машина пошарила лучами по лесной левой кромке берега, потом скользнула по льду и ослепила. Взревев, подалась назад и скрылась в долине.

— Не иначе шофер под хмельком, — усмехнулся Кулагин и, поднявшись, зашагал по своему маршруту. — В гос-

ты — ездили на нем в село Россоши к тестю. Где-то за Катунью, под Красным яром, Клаша приготовила обед на костре, а вы с Аннушкой набрали полный котелок клубники...

А потом... Потом какая-то черная полоса.

Правду говорят (а может, где вычитал ты?), что жизнь человека складывается из тех дней, которые забыть невозможно. Остальное — будто неосторожно или преждевременно засвеченная пленка. Что ты можешь сказать, Павел Степаныч, об этих восьми месяцах, которые проводил у пивных бочек с оравой трясущихся алкашей или где-нибудь в темном месте, глотая очередную порцию сивухи? Но все, все... Я же решился!» — запротестовал Кулагин, прогоняя голос упрека. Но тот шпынял его, не сдавался.

«Ведь она обязательно спросит».

«Кто? Клаша?»

«Да».

«О чем же?»

«Как ты мог решиться на разрыв? Ведь столько месяцев — это не два выходных, Кулагин!»

«После того, как Груздев ссадил меня на виду всей деревни с коня и отобрал ключи от ремонтной мастерской... Как было снести такой позор?»

«Обиделся?»

«Озлился».

«Не то слово, Кулагин... Зазнался ты. Испытания славой не выдержал. А она не меньших усилий требует, чтобы человеком остаться. Часто рядом с тобой у бочки с пивом видели высокого молодого еще, но уже испитого, с безразличным взглядом парня. Котиком его все называли. Так вот он первым в Сибири горнолыжником был. А второй алкаш, лохматый, с резкими движениями, по кличке Удав, он был первой перчаткой в округе. Теперь это конченые люди. Их уже ничто не интересует, кроме стопки зелья. Славы своей не могли выдержать. Это вот хорошо, что ты проснулся. Но надолго ли?»

— Навсегда, — вслух произнес Кулагин.

Стало уже совсем темно. Под яркими звездами искрился снег. Ни дороги, ни тропы. Мысли, то тяжелые, сердитые, то вызывавшие надежду, подгоняли Кулагина. Он не заметил, как под их воздействием он все убыстрял и убыстрял свой шаг и остановился только тогда, когда перед ним вдруг встал обнаженный, каменный берег, на котором росло несколько тополей. Корни их прошли даже каменную твердь в расселинах и выходили наружу, повиснув, не

найдя опоры, над самой речкой. Слева от тополей зиял провалом глубокий овраг. Весной по нему в Омутовку бурным потоком стекали внешние воды. С годами они прорыли в реке широкие омуты. Отсюда Омутовка круто сворачивала вправо и неслась к городу. Место у тополей было любимым для мальчишек Сосновки.

Тяжело дыша, вытирая шапкой лоб, Кулагин удивленно и обрадованно воскликнул:

— Вот это марафон! До Сосновки-то тут и полутора километров не будет! Молодец, Кулагин. Даешь ты!

Он выбрал каменную плиту. Сел на нее и закурил. «Сколько же сейчас на твоих золотых, Кулагин?» — Он отвернул было рукав левой руки, но вдруг краска стыда опалила лицо: вспомнил, что в черный час за полцены продал их. Ядовитая суровая мысль, допекавшая его всю дорогу, хмыкнула про себя и протянула весьма недвусмысленно:

«Н-да-а... Так-то вот, Кулагин».

«Ну и черт с ними. Другие будут. Они на пять минут убежали за сутки».

«Ты на мой вопрос так и не ответил».

«На какой еще?»

«Что ты скажешь Клаше-то? Так вот и заявишься? Пришел, мол. Здрасьте! Прости ради бога. Чем докажешь, что решился твердо вернуться к прежней жизни?»

«Ресурс, скажу, весь вышел... А потом я не раб, чтобы на частника шабашить».

Он докурил сигарету. Бросил окурочок в снег. Вставать не хотелось: от быстрой непривычной ходьбы гудели ноги. Давило что-то на шейные позвонки. Он расслабился, закрыл глаза. Приятная истома охватила его. «Сколько же иду? — мелькнула мысль. — Часа два, не больше. Осталось, совсем ничего. Может, даже лучше тут посидеть с полчаса. Небось в клубе сейчас вся ферма...»

Он обернулся назад и вздрогнул: в метрах полтораста ниже по реке с крутого берега смотрела яркими фарами какая-то заблудшая автомашина. «Сбились с дороги, что ли? — подумал Кулагин. — Дорога-то выше, к подножию... Вот загудел бы с этого яра. Хорошо, что тихо. Хотя, кажется, к бурану дело идет. Ишь, звезды, будто пеленой задернуло. Да и ветерок вроде бы покрепчал».

Машина пошарила лучами по лесной левой кромке берега, потом скользнула по льду и ослепила. Взревев, подалась назад и скрылась в долине.

— Не иначе шофер под хмельком, — усмехнулся Кулагин и, поднявшись, зашагал по своему маршруту. — В гос-

ти небось съездить отпросился шоферюга, а то и вместе со своим начальником. До тещи. Новый год встречать...

«А ты вот с повинной идешь... Перед всей деревней будешь ответ держать», — вывернулась въедливая мысль.

«Ну и иду, — весело отозвался Кулагин. — Разве это плохо?»

«Да нет, почему же. Как положено. Только будь осторожен».

«А что?» — тревожно вскинул голову Кулагин, оглядываясь.

«Вон они... Снова показались. Теперь уже у самого оврага. Ты бы лучше под берег скрылся».

«А чего мне бояться?»

Машина, осветив перед ним речку, стену леса на левом берегу, остановилась у самой крутой кромки берега у оврага и тут же до него долетел веселый зазывный голос: — Эй-эй! Сто-ой!

Два человека вывалились с двух сторон из машины и на спинах, хохоча, скатились к реке. «Макся! — дрогнуло тревогой сердце. — Что ему еще?» А тот дружески укорял его, поднимаясь и стряхивая с себя снег.

— Вот так упорол! А мы в трех местах подъезжали к речке.

— Чего тебе, Макся?

— Чего, чего... Человеку помочь хотел... Вот парня уломал на казенном бобике прокатить тебя до деревни твоей... А ему ведь тоже праздник наступает. И все же вот удружил. Пошел, так сказать, навстречу.

Шофер и Макся подошли ближе. Кулагин снял рюкзак. В нем холодно звякнуло металлом.

— Никуда я не поеду с вами... Мне тут чего осталось-то? От силы полтора километра.

— Ну, это ты зря, старик. Так мы не уговаривались, — стал увещевать его Макся. Они подошли вплотную.

— Нет, нет... Я пошел... Спасибо, — заторопился Кулагин и устремился было вперед. И тут на него обрушился обвал. Огнем и болью опалило, обожгло голову. Вздрыбился перед ним сосновый бор. С шумом и грохотом взорвались к небу глыбы мерзлой земли, и все это, кромсая тело на части, повалилось на него.

...Тихо и мирно в морозной дымке шел по земле с востока Новый год. Припудрясь снежком, искрясь живыми огнями, встречали его как дорогого гостя молодые и старые ели. Им ведь первым принес он приветы в образе Деда Мороза.

Пили молча. Хрустко скрипели на зубах лук и соленые огурцы. В избе полумрак и густой смрадный запах. С потолка свисала к столу небольшая, обсиженная мухами, лампочка. На русской печи, поминутно вздрагивая и просыпаясь, лежала старуха.

— Не берет. Скажи ты, а? — удивился Макся. Он глазами приказал открыть вторую бутылку, — и ты вроде как огурчик, Леха. С чего бы это?

— Трясет всего, — опустил тот глаза.

— Да ты что? Тепло, а его трясет. — Макся, хитро щурясь, смеется. Потом деловито добавляет: — Пройдет. Небось первый раз шел на такое дело?

— Первый, — тихо прошелестел губами Леха. — И думаю, что последний! — решительно произнес он, срывая с горлышка зубами жестяную пробку. Разлив по стаканам водку, он высказал вдруг сомнение:

— А что если он, ну, тот человек... — Он помолчал, широко открытыми глазами уставясь на Максю.

— Да брось ты! — взял стакан Макся. — Ты же успел еще финкой ковырнуть его?

— Нет. Забыл я ее впопыхах в машине. Монтировкой по голове и, кажется, вскользь. Рука сорвалась...

Максю точно кто ударил: он резко откатнулся назад. Глаза его округлились в бешенстве. Какое-то время он молча глядел на молодого напарника. Потом опрокинул полный стакан водки в рот и, схватив кусок хлеба, вскочил.

— Воду не сливал?

— Нет, — растерянно проговорил Леха. — Кажется, нет...

— Тебе все кажется, — презрительно сплюнул Макся и требовательно махнул рукой: — Запрягай! Живо!

* * *

Светало. В долине слегка буранило. Но снегу мало. Ехать было можно в любом направлении. Вот и овраг. На берегу тополя. Подъехали к ним. С высокого берега Омутовки хорошо просматривалась до следующего поворота вся долина. На месте встречи с Кулагиным темнело оранжевое пятно.

— Ушел, — тяжело дыша, прохрипел Макся. Отчаяние и страх отразились в глазах шофера. Он как замороженный смотрел на пятно. На миг прорезалось в памяти испуганное лицо молодого, но заросшего по самые уши мужчины. Голос его, взволнованный, прерывистый: «Никуда я не поеду

с вами... Мне тут шагать осталось всего ничего. Километра полтора от силы...»

— Пошли! Быстро! — скомандовал Макся, увлекая за собой с крутяка шофера. Отряхнувшись, торопливо обследовали место падения своей жертвы. Кровь... Кровь вокруг. Потом — следы. Сначала четкие, ясные, но чем дальше уходили они, тем все короче, короче становились шаги. От поворота рядом с вмятинами от следа ботинок неширокая борозда потянулась.

— Сидор свой поволок, — догадался Макся и, поймав недоуменный взгляд Лехи, пояснил: — Ну, сумину, что ли. А ты нажми, Леха, — хрипя, поторапливал он сникшего от страха или усталости молодого напарника. — А вот смотри... апельсинка... ха... ха... Развязался сидор-то... Вон вторая. Подбери, Леха. А тут — снова кровь. Лежал, видно... А дальше — полз...

Леха апельсин не взял. Его тряс озноб. В душе он восхищался живучестью и упрямой настойчивостью Кулагина.

А речка виляла из стороны в сторону будто во хмелю.

— Тьфу черт, опять поворот! Не река, а гармошка, — выдыхал ругательства Макся. — Ничего. Не уйдет. Ползет ведь... Ползет, — не то удивляясь мужеству и силе воли Кулагина, не то завидуя этой силе, восклицал поминутно Макся. Мокрые, встрепанные, как хищные волки, бежали они по следу Кулагина.

Вот и последний, кажется, притор. За ним слышался какой-то приглушенный шум. Явственно пиликнула гармонь. (Не спит народ до рассвета!) Потом взвилась девичья песня, и вдруг все разом оборвалось. Раздались отдельные крики, торопливые команды, топот ног.

Выйдя на чистину, преследователи, тяжело дыша, разглядели на реке толпу людей. Раздался женский плач. Он, как ножом, полоснул сердце Лехе. Отступил за камень. Затанл дыхание.

— Ну, Леха, — со злом сплюнул Макся, — запомни: не моя работа. Вот теперь жди. Оглядывайся. Смотри, смотри: понесли... Видишь? Это его. На одеяле, как драгоценность какую несут.

Леха с ненавистью посмотрел на Максю. Вероломство его отрезвило парня окончательно. «Сволочь... Подонок... Заманил и уже отрешивается, — вскипел он мысленно. — Ну, шкура».

Круто повернувшись, он побежал назад. За ним, прерывисто, со свистом дыша, тяжело топал, часто скользя на чистом льду, Макся.

— Слышь, Леха... Да не беги ты... Стой! — хрипел где-то за спиной его голос. — А я, слушай, будь я сукой, и взаправду думал подвезти его до Сосновки. А там гульнуть. В деревне и добрых молочниц навалом. И полная свобода действий. И черт дернул тебя со своей монтировкой...

Парень даже захлебнулся от такой беспардонной лжи. Он резко обернулся и трясущимися губами произнес, заикаясь от нервной трясучки:

— Какой же ты... Какой...

— Да успокойся ты, Леха, — поняв состояние парня, пробормотал Макся. — В нашем деле только фарт выручает. Помалкивай и будет толково...

Они полезли на крутояр. Впереди с трудом шел Макся, хватаясь за сухие стебли какой-то травы и мелкой ивы.

Леха видел вздрагивающую спину своего наставника, и ненависть ослепляла его. «И как ты этому мизгирю доверился! Поймал на пьянке... А теперь он уйдет от ответа. Уйдет. А ты по всей строгости закона... Да, да. Не отвертись...» — И, поддаваясь слепому побуждению ярости, Леха выхватил из-за голенища финку. Но трезвая мысль схватила за руку: «Дурак! Хочешь все же убийцей стать? Уж тогда-то и будет тебе по всей строгости закона! Очнись ты! Есть и другой, более верный, способ избавляться от этой нечисти. Подумай хорошенько. Разве нет? А перед тем человеком повинись. В ноги ему упади. Он поймет. Он такой же рабочий, как и ты. Да, да, Леха. Это самый верный путь... А с этим... Ты сам знаешь, как поступить, не пачкая об него рабочие свои руки».

Они с трудом вылезли на крутояр. Остановились, тяжело дыша. Глядя в темную расщелину, вверх по реке, Леха спросил:

— Как хоть его... Этого-то, — он кивнул подбородком в сторону деревни.

— Что? Кого? — не понял Макся, всхрипывая от одышки.

— Ну, зовут-то, — хмуро и как можно безразличнее бросил шофер, подходя к машине.

— Кулагин вроде. Да. А про имя не дознавался. Кулагин и Кулагин... А что? — он бросил подозрительный взгляд на парня.

— Да просто, — отозвался тот, открывая дверцу машины.

— Оживет. Не трус. Бабу свою увидит и совсем воскреснет. Они живучие, деревенские-то, — он криво ухмыльнулся.

— Столь прополз... Ясно же, не мертвяком был, — увидел просвет Леха и подождав, когда его пассажир плюхнулся на сиденье, нажал на акселератор. Когда мотор ровно и легко завелся, он с воодушевлением и надеждой подумал: «Приеду, найду, повинюсь. Прямо так и скажу: ты, товарищ Кулагин, прости меня... Колдовство какое-то находило на меня. Морока вроде... а ему, этому гаду, не простил я. Нет, не вышел у него злодейский номер. И ведь будто в стороне... а? Ты на человека надеялся, а он нет... Он не причастный вроде... Врешь, гад... Врешь... Это я не на тебя, товарищ Кулагин... Я это об этом вот субчике... — он скосил глаза в сторону Макси. — Ишь ты... чистенький... не виноватый вроде... а деньги, может, я взял? Сиди, сиди, шура...»

На крутояре подувал ветер. Он крепчал. А когда выехали на дорогу, густо зарядили перед глазами тяжелые хлопья снега. Видно, Новый год не был скупым. Он щедрой рукой одаривал жителей земли своим богатством.

Вскоре Максю укачало в тепле. Он откинулся на спинку сиденья и стал клевать носом.

«Ничего, все идет по уму... Все как должно. Ты поступишь, как человек. Как надо, Леха», — билась горячая мысль у парня. Она укрепляла его мужество. Поднимала над страхом и подленькой трусостью, обнажала чувство собственного достоинства и мужской настоящей чести.

Он гнал машину через весь город. У здания милиции притормозил на миг и круто свернул к широкому ярко освещенному подъезду.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗА НЕЗРИМОЙ ЧЕРТОЙ. <i>Роман-хроника</i>	3
Вместо предисловия	5
Часть первая. «Камо грядеши, Лешка?»	98
Часть вторая. На острие незримого фронта	278
Вместо послесловия	282
АПЕЛЬСИНЫ К ЕЛКЕ. <i>Рассказ</i>	

*Александр Михайлович
Демченко*

ЗА НЕЗРИМОЙ ЧЕРТОЙ

Роман-хроника,
рассказ

Редактор Л. Конева
Художник В. Еврасов
Художественный редактор
В. Еранкин
Технический редактор
М. Сафонова
Корректоры
Г. Ульченко, Н. Тырышкина

ИБ № 1644

АГ 00914. Сдано в набор 22. 03. 1984 г.
Подписано к печати 29. 06. 1984 г. Формат
84х108/32. Бумага тип. № 3. Гарнитура ли-
тературная. Печать высокая. Усл. печ. л.
15,54. Усл. кр.-отт. 15,75. Уч.-изд. л. 17,283.
Тираж 30000 экз. Заказ № 519. Цена
1 р. 20 к.

Алтайское книжное издательство Государ-
ственного комитета РСФСР по делам из-
дательств, полиграфии и книжной торгов-
ли — 656015, Барнаул, Ленина, 76.

Производственное объединение «По-
лиграфист» управления издательств, поли-
графии и книжной торговли крайисполко-
ма — 656023, Барнаул, Г. Титова, 3.

1 р. 20 к.

БАРНАУЛ
АЛТАЙСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984